

Мария Пейсахова

Мелисса

Теплым майским днем Мелисса сидела на лавочке в глубине школьного двора и наблюдала за одноклассниками. Они играли в салки: визжали, как безумные, и прыгали между кустов цветущей акации. Мелисса улыбалась и шурилась от ласковых лучей солнца. На душе у нее было хорошо и спокойно. Последний день учебы! Остался всего один прощальный, напутственный урок и – свобода!

- Так нечестно! – услышала она громкий возглас, который резко выделился среди девчечьих голосов.

Мелисса глянула в ту сторону: обладательница властного голоса, Каролина, встала посреди школьного двора и снова закричала:

- Остановите игру! Вы нарушили правила!

- Но мы..., - девочки начали неуверенно оправдываться.

- Я сказала! – Каролина топнула ногой.

Игра тут же закончилась, девочки притихли и застыли в ожидании: что же будет дальше? «Ох, Каролина, Каролина, - подумала Мелисса. - Вот всегда она так умеет испортить настроение». И все ей позволено, потому что она племянница мэра, а значит – непоколебимый авторитет. Для всех: учителей, школьников. Но только не для Мелиссы. Она считала ее привилегированное положение отнюдь не силой, а - слабостью, и относилась к Каролине с видимым равнодушием.

Что и говорить, статус Каролины полностью покрывал ее недостатки. Мало того, что она была отнюдь не красавицей: жидкие волосы неопределенного цвета, размытые черты лица, так еще и умом особо не блистала. Если бы не благосклонность учителей, то она получала бы одни тройки, а то и двойки. И Мелиссе иногда становилось жаль эту дурно воспитанную девочку.

- Эй, Мелисса, - окликнула ее Каролина. - Ты смотрела, как мы играли?

Мелисса лениво потянулась и ответила:

- Ага!

- Ну тогда скажи, кто прав, а кто виноват!

- Нарушений правил точно не было! – честно ответила Мелисса.

Девочки благодарно посмотрели на нее и кинули боязливый взгляд на Каролину.

Та громко вздохнула, нахмурилась и пробубнила себе под нос:

- Ладно, играем дальше.

В ту же секунду все пошло по-прежнему.

Мелисса же снова погрузилась в мечты о грядущем лете. Даже громоздкое здание школы уже не казалось ей таким страшным и зловещим. Она посмотрела на высокие неприступные стены, на башенки с готическими шпилями, на огромные стрельчатые окна и невольно задумалась. И все-таки, что же тут находилось раньше?! Этот вопрос никогда не давал ей покоя. Но, ни учителя, ни родители не могли дать ей ответа.

Жители Файнд-Тауна, к сожалению, ничего не знали об истории своего города. А все потому, что три столетия назад их предки попросту заняли пустующий город, в котором не было ни одной живой души. Зато было множество нетронутых временем построек: городская ратуша, монастырь, маленькие двух- и трехэтажные жилые дома и вот это мрачное здание, которое приспособили под школу.

Прозвенел громкий, настойчивый звонок, Мелисса очнулась от забытья и услышала, как одноклассницы кричат ей:

- Мелисса, пойдем скорее, а то мадам Грегория задаст нам перцу!

Мелисса вскочила и побежала вслед за девочками. В последний день учебы ей совсем не хотелось выслушивать длинную, скучную нотацию от старой сварливой классной дамы.

Мелисса быстро пересекла школьный двор, поднялась по высоким ступенькам, с трудом открыла старую обитую кованым железом дверь и невольно вздрогнула. Каждый раз, когда она переступала порог школы – легкая оторопь охватывала ее. Казалось, что из солнечного, тихого дня, она попадает в холодную, затхлую ночь. Внутри, несмотря на обилие ламп и светильников, всегда было полутемно, сыро и неудобно.

Мелисса стремглав бежала по длинным, сумрачным коридорам, пока, наконец, не остановилась у дверей своего класса. Девочки уже расселись по местам, а мадам Григория стояла у доски, как каменное изваяние. Мелисса глянула на часы: осталась ровно одна минута до начала урока. Она бросилась к своей парте и плюхнулась на стул akurat в тот момент, когда мадам Григория резко открыла глаза и стукнула указкой по столу.

- Начинаем урок! - суровым тоном произнесла она и недовольно зыркнула на Мелиссу.
- Итак, девочки, следующий год будет знаменательным для вас. И вы, наверное, знаете почему? Ведь так?!

Все послушно закивали головами.

- Каролина, скажи нам, почему следующий год будет знаменательным? – в голосе мадам Григории проскользнули ласковые нотки.

Мелисса усмехнулась. Мадам Григория всегда задает Каролине самые простые вопросы. И делается это не только с целью угодить ей, но и для того, чтобы весь класс думал, будто она – лучшая ученица! Да как самой Каролине не противно наблюдать подобное лицемерие?!

Но Каролине такое отношение явно приходилось по вкусу. Она тут же встала, распрямила плечи и с видом героя, озаряющего мрачные глубины неведения, отчеканила то, что все в городе прекрасно знали с младенческих лет:

- В будущем учебном году нам исполнится по 14 лет, а значит, следуя заветам монаха Альтера, на грядущий День Обретения мы должны будем сами написать гимны и исполнить их на празднике!

- Правильно, Каролина! Какая же ты молодец! – попыталась улыбнуться мадам Григория, но вместо улыбки у нее получился звериный оскал.

Каролина села на место, и Мелиссе показалось, что от нее исходит самодовольное свечение.

- Итак, девочки, как правильно заметила Каролина, вам предстоит отметить очень важный в вашей жизни День Обретения. Хотя все Дни Обретения безумно важны, но этот праздник для вас особенный! Потому за лето каждой из вас нужно придумать гимн ко Дню Обретения! Не менее 15 строк, девочки, запомните! Повторяю еще раз! Не менее 15 строк! Все запомнили?

- Да, - хором ответили ученицы.

- И, конечно же, я не могу еще раз не вспомнить ту славную и прекрасную историю, когда монах Альтер подарил нам этот город, - мадам Григория резко повернулась к доске и с чувством благоговейного трепета посмотрела на портрет мужчины, одетого в монашескую рясу. - Да, да, да! Эту историю можно вспоминать сотни, тысячи, миллионы раз! Монах Альтер триста лет назад жил в Олд-Тауне, небольшом, но красивом городе, который находился у самого моря. Монах Альтер отличался прекрасным характером, добротой и удивительной святостью. Но вот, по настоянию своего духовного отца, он отправился странствовать по свету, чтобы найти уединенное место, для возведения нового монастыря. Долго ходил он по лесам и полям, рискуя своей драгоценной жизнью,

но ни на минуту не забывая о миссии, возложенной на его плечи, пока за горной грядой, среди густых лесов не наткнулся на город. Абсолютно пустой город!!! Монах Альтер был вне себя от счастья и поспешил обратно в Олд-Таун. И вот, когда через две недели он подошел к воротам родного города, то оторопел от ужаса. Город лежал в руинах, развалинах, и сотни оборванных, грязных мужчин, женщин и детей бродили туда-сюда, как неприкаянные. Выяснилось, что несколько дней назад прошел сильнейший шторм, который уничтожил весь город. Повсюду царил хаос. Никто не мог навести порядок, ибо градоначальник погиб во время шторма - крыша дома рухнула прямо на него.

Монах Альтер сразу же понял, почему его стопы набрели на пустующий в горах город! То было само провидение! Он собрал всех жителей вместе, поведал им об удивительной находке и позвал за собой. Те с радостью согласились, - в этом они видели свое единственное спасение. Да так оно и было! Монах Альтер вел людей целый месяц, каким трудным и мучительным был тот поход! Многие утомленные дорогой попросту не дошли, и их хоронили прямо в лесу. Когда же, наконец, измученные люди вступили в город, - не было предела их счастью! И с тех самых пор, середина октября, а именно 16-тое число, считается самым важным днем в жизни всех нас - горожан, пылких патриотов Файнд-Тауна и является великим праздником, имя которому - День Обретения.

Мадам Грегория закончила свою вдохновенную речь. На ее глазах выступили слезы благоговения. Она опустила голову и несколько минут хранила почтительное молчание. Класс притих.

- А теперь, - мадам Грегория вышла из забытья и подняла сухие тонкие руки. - А теперь, кто нам расскажет еще раз, как проходит День Обретения в нашем городе? И расскажет с чувством, с толком, с расстановкой!

О Боже мой! – пронеслось в голове у Мелиссы, ну зачем же каждый день говорить и вспоминать об этом?! Она огляделась по сторонам, ей хотелось понять: разделяет ли кто-нибудь из девочек ее мысли или нет? Но девочки, как завороченные, смотрели на мадам Грегорию.

Неужели им самим не смешно? Видимо – нет. Мелисса тяжело вздохнула.

- Я думаю..., - мадам Грегория не совсем натурально изобразила только что сказанное, - я думаю..., об этом нам расскажет Каролина. Так ведь, дорогая? - Она снова попыталась улыбнуться.

Каролина встала, выпрямилась, как палка, и ответила:

- А можно я к доске выйду?

- Конечно можно. Даже нужно! – изображая искреннюю радость, проворковала классная дама.

Каролина улыбнулась, показав классу ряд кривых зубов, и вышла к доске. Девочки замерли, изображая умильный восторг.

- Каждый год, а именно – 16 октября, мы, жители Файнд-Тауна, пылая ярким огнем сердца, отмечаем День Обретения. Мы вспоминаем и прославляем тот день, когда достопочтенный монах Альтер привел нас в этот город. С самого утра, как только всходит солнце, мы облачаемся в белые одежды и выходим из своих домов. Мы идем рука об руку, к городской ратуше, на площадь. Мы идем вместе со своими соседями, чтобы тем самым показать наше единство, и вспомнить те дни далекого прошлого, когда наши изнуренные путешествием предки толпой вошли в город. Мы молчим. Разговаривать запрещено. Ибо все слова будут мертвы и бесполезны. Когда мы входим на площадь, то выстраиваемся четкими рядами и стоим в трепетном ожидании. Мы ждем, когда на помост взойдет наш любимый градоначальник. Наш мэр. Наше светило. И когда он выходит, мы чуть склоняем головы, растворяясь в приветственном восторге. Градоначаль-

ник начинает читать хвалебный гимн, прославляющий День Обретения. А потом он указывает на какого-нибудь горожанина; и тот поет наш древний гимн, прославляющий День Обретения. А если же выбор падает на человека, которому в этот год исполнилось или исполнится 14 лет, то избранный исполняет гимн собственного сочинения.

А дальше начинается важный обряд, связанный с единственным днем, когда мужчины могут сделать предложение девушкам. Молодой человек выходит на эстраду, называет имя своей избранницы, и если она согласна, то поднимается к нему, и толпа чуть наклоняет голову, но как и прежде, безмолвствует. В День Обретения строго запрещено разговаривать. А если девушка не согласна, то она кидает на сцену венки из ромашек, и молодой человек уходит ни с чем.

А в завершении праздника все берутся за руки, образуют огромный круг и начинают медленное кружение. Мэр в это время воздевает руки к небесам и говорит благодарственные слова небу, которое послало людям такую благодать, как пустой город.

Ну а после все расходится по домам и остаются там до начала следующего дня. Ни выходить, ни разговаривать нельзя, чтобы не нарушить благодатную атмосферу торжества. Уф!

Каролина наконец закончила свою речь. На протяжении ее монолога Мелисса несколько раз чуть было не уснула: монотонный, немного гнусавый голос одноклассницы нагонял на нее сон, и глаза слипались сами собой. Зато мадам Грегория и девочки слушали разлаговольствования Каролины очень внимательно.

- Садись, девочка моя. Как всегда – отлично, - заискивающе произнесла классная дама.

Каролина, гордо поглядев на класс, прошествовала на свое место.

- Итак, я надеюсь, что вы ощутили важность момента, - классная дама выделила последние два слова и метнула суровый пристальный взгляд на Мелиссу.

«Мммм...Мадам Грегория, хоть вы и производите впечатление человека раз и навсегда решившего для себя, что все ваши слова – непоколебимая истина, все же интуиция у вас неплохо развита» - подумала Мелисса. И она с трудом подавила зевок: в классе становилось все скучнее и скучнее, - теперь мадам Грегория начала перечислять названия книг, которые нужно прочитать за лето. Мелисса не сдержалась и, все-таки, зевнула - все, о чем говорила классная дама, она уже давным-давно прочла. Девочка глянула в окно и решила поговорить с деревьями. Так часто делала она в минуты мучительной скуки, - воображала, что зеленые листья разговаривают с ней, хлопают в ладоши, улыбаются. Частенько воображение рисовало ей разных сказочных существ, которые прячутся среди листьев, строят рожицы мадам Грегорини и во весь рот улыбаются.

- Но чтение не основное занятие для вас этим летом, правда, Мелисса? – до дремлющего сознания девочки эхом донесся голос учительницы.

Мелисса резко повернулась и удивленно уставилась на нее. Класс тревожно притих.

- Мелисса, опять ты ворон считаешь? - строго проговорила мадам Грегория. - А тебе-то надо быть внимательней к моим словам! Ты же понимаешь, почему?

Мелисса уже взяла себя в руки, но все равно никак не могла понять, чего от нее хочет классная дама.

- Простите, мадам, я не совсем понимаю о чем речь!

Мадам Грегория скорчила презрительно-нисходительную мину, и протянула:

- Ну всем же известно, что у тебя открылся литературный талант! – С тем же успехом она могла произнести: «Всем мы знаем о твоей постыдной неполноценности». - Вон как мадам Этери восхваляла тебя на все лады, - продолжила учительница. - Так что – не подкажи, напиши такой гимн, чтобы мадам Этери не пришлось краснеть за тебя!

Мелисса невольно поморщилась. Когда кто-то из учителей напоминал о ее сомнитель-

ных литературных способностях, ей становилось не по себе. Во-первых, она считала свой талант скромным и ничтожным, а во-вторых, она не очень-то жаловала учительницу по литературе. Мадам Этери была дотошной и неприятной дамой, которая всегда недолюбливала Мелиссу. И девочка старалась вести себя так, чтобы та меньше обращала на нее внимание. Но когда талант Мелиссы был обнаружен на одном из уроков, то она сразу же стала живой мишенью для ехидных комплиментов и замечаний со стороны мадам Этери. Теперь старая учительница постоянно ждала от нее шедевров. Такое усиленное внимание сковывало Мелиссу и не давало возможности выскользнуть из-под ее постоянного надзора.

Девочка сдержала подступающее раздражение и спокойно ответила мадам Грегории: - Да, мадам, я понимаю всю ответственность.

Мадам Грегория бросила на нее недоверчивый взгляд и процедила:

- Ну что ж, посмотрим, Мелисса.

Неожиданно прозвенел звонок, все невольно вздрогнули. Протяжный, громкий звук напоминал призыв, клич, резал уши и беззастенчиво проникал в мозг. Всякий раз, когда звонок врывается в эту сонную атмосферу, Мелиссе мерещилось, что вот-вот произойдет что-нибудь страшное. То ли тысячи неприятелей нападут на город, то ли гром и молнии посыплются с небес.

- Все свободны! - взвывла мадам Грегория, пытаясь перекрыть загалдевших учениц, а девочки, едва дослушав ее, выскочили вон из класса.

Глава 2

Мелисса выпорхнула из класса одной из первых и, сломя голову, побежала по длинному коридору, не замечая ничего вокруг, и вдруг наткнулась на какое-то препятствие. Она подняла глаза и увидела стоящую перед ней мадам Стефанию, директрису.

Мадам Стефания отступила на несколько шагов назад и покачнулась. Удивительно, как она вообще удержалась на ногах. Роста директриса была невысокого, телосложения хрупкого, казалось, подует ветер, и она улетит в далекие дали. Наряд Стефании был под стать ее воздушному облику: бежевая плиссированная юбка, блузка с воланами; аккуратный пучок черных, как смоль, волос венчал голову. Мадам Стефания поправила очки в золотой оправе и, погрозив пальцем, улыбнулась:

- Ну, девочка моя, ну, ты и расшалилась!

Мелисса робко застыла и тихо прошептала:

- Простите...

Мадам Стефания улыбнулась, ее маленькие глаза благожелательно блеснули и почему-то напомнили Мелиссе шоколадное драже.

- Девочка моя, ты заслужишь мое прощение, если сможешь перенести стопку журналов из учительской в архив. Не зря же мы с тобой столкнулись! Я как раз искала того, кто бы мне помог.

Мелисса пришла в волнение: помочь директору да еще и спуститься в архив! Она никогда прежде не была в подвальных помещениях школы! Говорят, там настоящие катакомбы!

- Да, конечно, с удовольствием, - как можно быстрее проговорила Мелисса, опасаясь, что мадам Стефания пойдет искать другого помощника.

- Ну тогда вперед, моя шалунья! - ответила она и подмигнула девочке.

Они направились в учительскую. Мелисса взбудоражилась от столь неожиданного поворота событий. Ей никогда не приходилось иметь дело с мадам Стефанией. Она не

шалила и хорошо училась, и потому ее не вызывали в кабинет директора. От других девочек она слышала, что мадам Стефания ни на кого не кричала и не ругалась. Провинившихся школьников она поила чаем и болтала о чем-то совершенно отвлеченном, проказы подопечных ничуть не волновали ее.

Она плохо запоминала имена детей, и обращалась ко всем одинаково – «девочка моя» или «мой мальчик». Мелиссе же всегда хотелось пообщаться с ней, такой совершенно не похожей на других учителей. Последние же, как мы успели заметить, отличались за-видной строгостью.

Сейчас мадам Стефания напевала себе под нос странную песенку на незнакомом де-вочке языке и играла с ключами, зажатými в ладони.

«Все больше убеждаюсь, что она совсем не похожа на директрису» - восхищению Ме-лиссы не было предела.

И вот они дошли до учительской.

- Подожди меня здесь, девочка моя, - произнесла мадам Стефания и юркнула за дверь.

Мелисса послушно кивнула головой. Скоро она увидит катакомбы! Как давно она меч-тала об этом! Из ее класса там точно никто не бывал. Двум-трем старшим девочкам со-вершенно случайно, удалось спуститься туда, и они рассказывали, что там - настоящие лабиринты, такие, о которых пишут в книгах. А еще ходили слухи, что подземные ходы тянутся далеко на юг и заканчиваются где-то за городом, в лесной чаще! Конечно, это все легенды, рожденные живым воображением школьников. Но между тем, подвальные помещения строго охранялись. И ни один из отважных искателей приключений нико-гда не мог самостоятельно проникнуть туда. Лестница, ведущая вниз, пряталась за мас-сивной дверью, которая запиралась на огромный, тяжелый замок. Взломать его было совершенно невозможно.

Мадам Стефания выглянула в коридор и громко крикнула:

- Зайди, девочка моя!

Мелисса прошла внутрь и неуверенно застыла у двери.

- Ну же, смелее, не стесняйся, бери вон ту стопку, - она указала рукой на стол, на котором лежало несколько твердых журналов.

Мелисса взяла их и сразу же вышла. Мадам Стефания пошла следом за ней.

- Надеюсь тебе не тяжело? - беспечно поинтересовалась она.

- Нет, - соврала Мелисса, хотя руки ее и опускались под весьма ощутимой тяжестью.

Но она побоялась сказать об этом, полагая, что в таком случае мадам Стефания сама возьмет журналы, и помощь ей больше не понадобится. Мелисса решила терпеть до конца. Уж очень ей хотелось попасть в знаменитые таинственные подземелья!

Они снова пошли запутанными коридорами, которые уже опустели: ученики разбе-жались по домам, а учителя сидели в кабинетах и подводили итоги года. В школе стояла тишина. Наконец, они подошли к той части коридора, в которую уже не позволялось заходить ученикам. Мадам Стефания, по-прежнему что-то напевая, достала связку клю-чей и открыла железную решетку.

Они прошли несколько шагов в полутьме - длинные стрельчатые окна коридора были закрыты плотной тканью и остановились около двери, ведущей в подземелья. Мелисса затаила дыхание.

Не говоря ни слова, так словно они заходят в очередной кабинет для занятий, мадам Стефания вставила огромный ключ с причудливой нарезкой в большой амбарный замок и начала поворачивать его. Краем глаза девочка заметила, что поворачивала она его как-то по-особому: все время в разные стороны.

«Здесь, наверное, какой-то секретный механизм!» - решила она. Дверь со скрипом

отворилась, повеяло сыростью и холодом. «Как страшно!» - вздрогнула Мелисса.

Мадам Стефания зажгла керосиновую лампу и сказала:

- Девочка моя, будь осторожна! Смотри внимательно под ноги, здесь много ступенек. И не отставай от меня!

- Угу, - послушно пропихнула она.

Начался путь вниз. Сначала Мелисса буквально оглушила тишина. Ей показалось, что весь мир исчез, и они в мгновение ока очутились во чреве неведомого чудовища. Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось. Их шаги грубо нарушали тишину, и каждый вдох отдавался в ушах. Мелисса боялась упасть. Голова вдруг закружилась. А старые шершавые стены, освещенные тусклым светом, казались, вот-вот начнут сдвигаться, чтобы раздавить их.

Неожиданно ее охватил дикий, безумный страх. Возникло острое желание швырнуть порядком опостылевшие журналы; громко, истошно закричать и убежать прочь. Она с огромным трудом подавила рвущийся наружу вопль. Господи, да зачем она согласилась на это?! Ведь сейчас обязательно что-нибудь случится! Мадам Стефания потеряет ключи! Споткнется, упадет с лестницы, разобьется! Потолок обрушится! Из темноты вылезет огромное чудовище и сожрет их с потрохами. Да оно где-то близко, где-то совсем рядом! Вот оно приближается! Мелисса сдержала подступающий крик, сильно прикусив губу. «Возьми себя в руки! Возьми себя в руки!» - повторяла она, - «Ничего страшного не происходит! Все учителя и мадам Стефания по сто раз тут бывали! И ничего! Как видишь, живы! Успокойся!». Но огромное чудовище, оно же где-то рядом совсем рядом! Совсем!

- Последняя ступенька, - услышала она все тот же беспечный голос мадам Стефании, он прорезал пелену безумных мыслей и отрезвил ее.

Мелисса немного успокоилась. Тревога исчезла. Они стояли в начале длинного коридора с очень низким потолком. Мадам Стефания отошла в темный угол, раздался пуршание. Страх снова парализовал девочку, но лишь на несколько секунд, - неожиданно пространство вокруг них озарилось ярким светом - директриса зажгла большой факел. - Так нам будет лучше виден путь, - беззаботно улыбнулась она.

Они шли по узкому коридору. Мелисса озиралась по сторонам. Неверный свет факела высвечивал старые серые стены, грязный потолок, паутину в углах, и еще - очертания дверей, закрытых на массивные поросшие ржавчиной замки. Было видно, что туда уже много-много лет никто не входил.

- А что за этими дверями? - неожиданно осмелела Мелисса.

- Ничего! - отозвалась мадам Стефания.

- А почему они заперты? - не унималась она

- А зачем им быть открытыми? Тем более у нас нет ключей от них! Они хранятся у мэра!

Вдруг голову Мелиссы пронзила жуткая боль. Ей снова стало не по себе, но на сей раз это были совсем другие ощущения. Чудилось, что где-то в глубине сознания раздаются крики, страшные, истошные вопли и невидимые руки тянутся из недр ее мозга наружу. Она тряхнула головой и чуть не выронила журналы. Наваждение не прошло. Крики усиливались. Она была уверена, что их источник не во вне, а внутри! Такое с ней случалось впервые. Перед глазами замелькали картинки: по пустым улицам Файнд-Тауна медленно движется черный силэт, и слышится смех, ужасный душераздирающий смех.

Мелисса стиснула зубы. Она хотела в ту же секунду рассказать мадам Стефании об этом наваждении, но что-то сдерживало ее.

- Ну вот мы и пришли! - директриса остановилась около одной из дверей и открыла ее ключом из той же связки.

И снова от звука ее голоса Мелисса вернулась в реальность и мысленно отругала себя за слабость. Мадам Стефания мельком глянула на нее:

- Девочка моя, ты побледнела что-то. Тебе нехорошо?

- Нет. Просто тут дышать нечем и холодновато, - в доказательство своих слов Мелисса поежилась.

- Ну ничего, ничего, мы скоро уже будем наверху, - они вошли в небольшую залу. Мадам Стефания вставила факел в подставку и, указывая на стеллажи с журналами, громко произнесла:

- Вот они, все ваши оценки за триста лет!

Мелисса посмотрела на толстые, идеально сохранившиеся красные корешки журналов. Удивительно, почему они не сгнили от сырости, и почему их не сожрали крысы?!

Мадам Стефания словно прочитала ее мысли:

- Они так хорошо сохранились потому, что мы, директора школы, из поколения в поколение следим за архивом и тщательно оберегаем его от тления! - в голосе мадам Стефании проявилось чувство гордости за свою работу.

Как странно, неужели она живет этим? Бестолковыми журналами с оценками, которые, по сути-то никому не нужны. Их же смело можно бросить в огонь! Бедная! Мелиссе стало жаль ее, и она подумала, что скорее всего мадам Стефания страдает от страшного одиночества!

- А теперь, девочка моя, положи их на тот стол, - тон директрисы снова стал прежним.

Ну наконец-то! Мелисса выпустила стопку из рук и облегченно вздохнула. Ладони ее вспотели и сильно дрожали, она спрятала их за спину. Тем временем, Мадам Стефания села за стол, зажгла свечу, и стала вносить номера журналов в огромный гроссбух.

- Да, кстати, девочка моя, как тебя зовут?

- Мелисса!

Мадам Стефания отвлеклась и подняла голову. Ее рассеянный взгляд на несколько секунд приобрел сосредоточенность, она явно пыталась запечатлеть в памяти имя и облик девочки.

- Что ж, отлично, ээээ Милена..., ой прости, Мелисса. У меня с детства так: с трудом запоминаю имена... - директриса тяжело вздохнула.

Наконец она захлопнула гроссбух и подняла глаза на Мелиссу:

- Ну что, девочка моя, как тебе здесь? Нравится?

- Просто чудесно! - соврала Мелисса и вздрогнула. Мадам Стефания, ласково улыбнулась в ответ и встала из-за стола.

- Да, мне тоже тут нравится, - мечтательно протянула она. - Но хорошего понемножку. Пойдем наверх!

Глава 3

Обратная дорога показалась Мелиссе вдвое короче, ей хотелось, как можно скорее выбраться из этого ужасного места. Огромным усилием воли она отогнала от себя те страшные образы, которые снова и снова возникали в ее сознании, возникали так настойчиво и беспощадно: пустынные улицы города, страшный, злой ветер и черный, неясный, пугающий силуэт. Сквозь эти видения прорывались ужасные, холодящие душу крики. Когда они, наконец, поднялись по ступеням и вышли в коридор, Мелисса облегченно вздохнула.

Мадам Стефания, витавшая где-то в своих мыслях, участливо поинтересовалась:

- Что такое, девочка моя, ты утомилась?

- Вовсе нет! - стараясь говорить бодро, ответила Мелиса. - Просто все это так необычно для меня.

- Ну по крайней мере, теперь я знаю, что ты не страдаешь клаустрофобией. Хотя, мне, наверное, надо было спросить тебя об этом чуть раньше, - беспечно продолжила мадам Стефания. - Ах, я такая рассеянная! - она всплеснула руками, - Спасибо тебе, Милена большое! Беги отдыхай и первого сентября будь, как огурчик, - и она легонько подтолкнула ее в спину.

Мелисса хотела было заметить, что зовут ее вовсе не Милена, но поняла, что это бесполезно: директриса все равно забудет! Что за чудачка?! Девочка вежливо попрощалась с ней, ускорила шаг и, миновав переплетение коридоров, выпорхнула на школьный двор. Солнечный свет ударил по глазам. Она зажмурилась не столько от боли, сколько от удовольствия и в изнеможении присела на ступеньки.

Казалось, что она провела в подземельях целую вечность. Чудовищное место! Каким образом к нему можно привыкнуть?! Да еще и спускаться туда каждый день! Мелисса чувствовала себя опустошенной и измученной. Голова гудела, а ноги стали, как ватные. Она никогда не думала, что в ней могут пробудиться такие страхи. Девочка задумалась и вспомнила пустые улицы города и черный силуэт. Картинка так четко встала перед глазами, будто бы ее нарисовали. Мелисса мысленно начала вглядываться в нее и стала различать, что по улицам гуляет ветер и швыряет пожелтевшие листья, а небо - серое-серое, низкое, зловещее, и повсюду раскиданы бумажки, обрывки тканей, газет и изорванных в клочья книг. А одинокий силуэт, он такой нечеткий, размытый! Она старалась разглядеть его, как следует, но у нее ничего не получалось. Неожиданно ей снова стало страшно. Она резко вскочила и пошла прочь, пытаясь отогнать дурные мысли. Нет. Я не буду думать об этом! В конце концов, - каникулы! «Каникулы!» - повторила она вслух и подпрыгнула от радости. Все страхи как рукой сняло. Через два дня она уедет к тете Монике в Бриф-Кост. Там снова встретится со своей лучшей подружкой Сарой. И все будет отлично! Целое лето они будут ходить на море, бродить ночью по старым улицам, словом, ее ждут - очередные приключения.

Мелисса бодро зашагала прочь от школы, с каждой минутой забывая о существовании этого заведения. Свобода! Мелиссе хотелось петь и танцевать! Как хорошо! Да еще она и в подземельях побывала. Теперь у нее возникло желание поведать кому-нибудь из одноклассниц о своем маленьком путешествии и прихвастнуть им. Но она, немного подумав, отбросила эту идею. Придется идти к кому-нибудь в гости, пить чай и умирать со скуки! Мелисса не очень-то любила общаться с одноклассниками вне школы. Они напоминали ей о времени, проведенном на уроках, за их спинами всегда появлялся призрак мадам Грегории с ее нудными и бестолковыми речами.

Девочки же тянулись к Мелиссе и всегда звали в гости. Она иногда принимала приглашения, но старалась избегать подобных мероприятий. Она всегда скучала в чужих гостиных, да и к тому же, обязательным гостем была Каролина, которая вечно приказывала, капризничала, портила всем настроение, словом - вела себя, как изнеженная королева среди своей свиты, а это сильно раздражало Мелиссу.

Честно говоря, больше всего на свете Мелисса любила читать, уютно устроившись за столиком в домашней библиотеке. Она прочитала почти все книги, которые там хранились. А в последнее время девочке нравилось писать самой. Она закрывалась в своей комнате и переносила на бумагу маленькие истории, которые внезапно приходили ей в голову. Родители всячески поддерживали ее в этих робких начинаниях и с большим удовольствием читали ее описания. Сама же она относилась к этому не слишком серьезно, скорее, как к захватывающему развлечению, в которое она уходила с головой. Ей нра-

вилось попадать в выдуманный мир и блуждать в нем некоторое время, а потом с такой же радостью, возвращаться обратно. Так что, как мы видим, общество одноклассниц только отрывало ее от более важных занятий.

Она еще немного постояла, подумала и, наконец, приняла решение: «Пойду-ка домой! Мама меня заждалась, я же обещала сегодня прийти пораньше, чтобы помочь ей приготовить праздничный ужин. Как-никак, а ужин-то в честь окончания учебного года!». Артур и Хильда, родители Мелиссы в этот вечер всегда устраивали ей настоящий праздник. Оба они прекрасно понимали, какое это мучение – каждый день ходить в школу, и, посмеиваясь, говорили: «У них – День Обретения, у нас – День Освобождения».

Надо сказать, что родители девочки заметно отличались от всех остальных жителей города. Артур после того, как окончил школу, поехал учиться в университет Бриф-Коста. Такие длительные отлучки не входили в привычки простых фаундчан, и повсеместно осуждались ими. Кроме того, вернувшись, он привез с собой жену – Хильду. Жена из другого города – это же дикость! Здесь не любили связывать себя семейными узами с чужаками и сочетались браком только со своими, местными.

Ну и в довершение всего, дом семьи Артура, единственный во всем Файнд-Тауне, находился на отшибе. У пустынной дороги, ведущей на юг, прятался он в тени деревьев.

Мелисса сейчас спешила туда, в свой маленький островок уединения. Она быстро миновала безлюдные улицы, прошла сквозь городской сад и вышла из города.

Старая пыльная дорога светилась от лучей яркого приветливого солнца, кустарники у обочины радовали глаз желтыми гирляндами ягод, а с деревьев под дуновением легкого ветра слетали белые, невесомые цветы. Как же хорошо выбраться из этого сонного душного города и оказаться на просторе! Вдалеке расстилось поле, поросшее зеленой травой, за ним темнел густой лес, который тянулся до самого горного перевала. Скоро, очень скоро она будет ехать сквозь него, туда далеко-далеко, к морю!

В таком возвышенном состоянии духа Мелисса подошла к дому. Запах жареного лука ударил в ноздри, она улыбнулась: «Значит, мама уже готовит!». Девочка прошла сквозь цветущий сад и с шумом толкнула входную дверь, дабы возвестить о своем приходе. Ее маневр не остался незамеченным, и Хильда уже через несколько секунд появилась в коридоре.

- Доченька, ну наконец-то! – она вытерла руки о полотенце. - Я уже все приготовила. Осталось только на стол накрыть! Заждались мы с папой тебя! – Хильда с укором покачала головой и слегка нахмурилась: – Ты с девочками задержалась?

- Ну почти, мамуля, - уклончиво ответила Мелисса. Она еще не решила, стоит ли говорить родителям о том, что она была в подземельях?

- Ну ладно, за столом расскажешь, - лицо Хильды озарилось красивой улыбкой. Она тряхнула головой, и ее золотистые, длинные волосы сверкающим потоком заструились по плечам.

Мелисса продолжала стоять, восхищенно глядя на мать. Если я когда-нибудь буду писать повесть, то внешность главной героини будет полностью совпадать с внешностью мамы!

- Что ты, Мели, застыла, как изваяние? - звонко рассмеялась Хильда, - Давай же, бросай ранец в самый дальний угол и пойдем накрывать на стол!

Второй раз повторять не пришлось: с легким сердцем Мелисса швырнула ранец за кресло и принялась помогать матери.

- Какие люди! – за ее спиной раздался веселый голос Артура. - Наконец-то пожаловала! А мы-то, грешным делом подумали, что ты собралась остаться на лето в любимой школе!

- Еще чего! – хмыкнула Мелисса. - Не дождетесь!

Артур плюхнулся в кресло и лениво прищурился, наблюдая за тем, как дочка расставляет тарелки.

- Сегодня Вернанд придет. Тоже будет поздравлять тебя с Днем Освобождения, – бросил он.

- Здорово! – Мелисса чуть было не подпрыгнула от радости. Она обожала Вернанда, старого лесничего, который жил неподалеку, в глубине леса. Они частенько ходили в гости друг к другу и довольно тесно общались.

- Так что праздник у тебя будет самым настоящим, дорогая дочура! - подмигнул ей Артур.

- Не сомневаюсь, папуля, - она повернулась к нему, и, состроив грозную гримасу, спросила: - А что ты расселся, как король? И не помогаешь мне? А?

- Я уже маме с ужином помог, пока ты где-то шастала, - парировал он. - Теперь твоя очередь.

- Ну ладно-ладно, - Мелисса надулась и сделала вид, что затаила глубокую обиду, а через несколько секунд они уже громко смеялись над ее нелепыми ужимками.

- Ну что, Мелисса, выпьем за твой День Освобождения! Еще один год мучений прошел! – поднял бокал Артур, когда они сели за стол. Мелисса громко крикнула: «Ура!». Раздался звон бокалов и радостный смех.

- Что интересного сегодня было? – продолжила прерванную беседу Хильда, раскладывая по тарелкам картофель.

- Да, все как обычно, - неуверенно начала Мелисса. - Мадам Грегория опять прицепилась ко мне с гимном ко Дню Обретения. Мол, ты должна написать его лучше всех и все в том же духе.

- Вот ослица, - перебил ее Артур.

Хильда укоризненно посмотрела на него.

- Ладно, ладно, - он улыбнулся и отмахнулся. – А что я не прав разве? Сколько можно твердить одно и то же про чертов День Обретения?! Будь он неладен!

- Артур, - Хильда показала головой. - Давай, не будем сейчас говорить об этом. Мы, как-никак, ходим на каждый День Обретения! И другого выбора у нас нет! Что толку сейчас вспоминать его и портить себе настроение, – примирительным тоном заключила она.

- Хорошо, дорогая женушка, буду слушать тебя во всем, - и он, хитро прищурившись, покорно склонил голову.

Все втроем рассмеялись.

- А что еще было? Почему ты задержалась? – продолжала Хильда.

Мелисса ответила не сразу, сначала долго ковыряла вилкой в картофелине, делая вид, что никак не может справиться с ней, и, затем, как можно более равнодушно ответила:

- А еще я помогала мадам Стефании отнести журналы в подполье! – она затаила дыхание.

На секунду повисла оглушительная тишина, за которой последовал двойной пронзительный возглас:

- Что?

- Ага, - Мелисса почему-то почувствовала себя виноватой и украдкой глянула на родителей, на их лицах застыло изумление, смешанное со страхом. - Так, ничего особенного, правда. Спустились, отнесли журналы и поднялись вверх. Вот и все.

- Ну и ну, - выдохнул Артур и провел рукой по волосам, а Хильда начала судорожно нарезать хлеб, потом резко встала и прошла по комнате, едва заметно вздрагивая.

- Но зачем ты пошла с ней, Мелисса? – подавленным голосом спросила мать. - Я слышала, что там очень крутые ступени, темно, скользко. Ты же могла не удержаться и по-

катиться вниз! Чего доброго шею бы себе свернула. Да и вообще, в подземельях так страшно! – она поежилась.

- Я полностью поддерживаю маму! - строго добавил Артур и нахмурил брови.

- Да будет вам! – Мелисса старалась казаться веселой. – Учителя туда постоянно ходят и ничего с ними не случается.

- То учителя! – перебил ее Артур, - А ты еще ребенок! Что за дура эта Стефания? – возмущенно воскликнул он.

- Папа, не говори так! - возмутилась девочка и покраснела. - Она не дура! Она добрая, в отличие от других учителей! А я уже не ребенок.

- Хм, не ребенок она, - он тяжело вздохнул и плеснул себе вина в бокал.

- Артур, зачем ты так говоришь про мадам Стефанию? - тихо прошелестела Хильда. - Она действительно хороший человек и просто попросила помощи у Мелиссы.

- А кого-нибудь из старых гримз не могла попросить что ли? – насунился он.

- После драки кулаками не машут! - устало ответила Хильда и села обратно за стол.

Мелисса поморщилась. Зачем только она рассказала им?! Вот и все! Вечер испорчен! Хорошо хоть, она не проболталась про свои видения и страхи! Но мама будто прочитала ее мысли.

- И что, Мелисса, ты совсем-совсем не испугалась? – вкрадчиво спросила она.

- Ничуть, - быстро выпалила девочка и густо покраснела. Мать с отцом недоверчиво переглянулись.

Внезапно раздался настойчивый стук в дверь.

- Вернанд! - во весь голос закричала Мелисса и бросилась открывать. Как он во время! Сейчас можно будет переменить тему разговора.

И, действительно, с приходом Вернанда беседа перетекала в другое русло. Старый лесничий не столь давно ходил пешком в Бриф-Кост. Мелисса накинулась на него с расспросами. Он в ярких красках описал ей все обстоятельства своего путешествия.

Мелисса удивлялась его бодрости, настойчивости и выносливости. В тайне она мечтала, что когда-нибудь Вернанд возьмет ее с собой. И она воочию увидит все то, о чем он рассказывал.

Затем веселые посиделки приняли другой оборот: Хильда села за пианино и начала играть. Все моментально притихли. Казалось, время остановилось и только музыка, рождавшаяся под пальцами женщины, властвовала над миром.

Горели тихим огнем свечи. Окна были открыты нараспашку. В комнату проникал прохладный вечерний воздух, в котором так отчетливо слышался аромат цветущих яблонь. Громко тикали старинные часы, и музыка – печальная и нежная заливала гостиную.

Вернанд достал старенькую флейту и встал около пианино. Он и Хильда, не сговариваясь, стали исполнять веселые, незатейливые мелодии, под звуки которых так и хотелось броситься в пляс. Артур и Мелисса не удержались и принялись танцевать. Их залистый смех еще очень долго не смолкал, бесцеремонно врываясь в ночную тишину сада.

Когда часы пробили полночь, Мелиссу стало клонить ко сну. Да, праздник удался на славу, но пора и честь знать! Попрощавшись с родителями и Вернандом, она поднялась к себе наверх. Остальные же прошли в кабинет отца, где обычно продолжался вечер. Там в маленькой, уютной комнате вели беседы и играли в вист.

Мелисса добралась до своей комнаты, и вдруг вспомнила, что оставила ранец внизу. Надо бы забрать его! В нем она прятала дневник, в который записывала все, что с ней происходило. Ей совсем не хотелось, чтобы его ненароком прочитали Хильда или Артур. Там были описаны их с Сарой прошлогодние приключения! Тот случай, когда

они ночью убежали из дома и плавали на лодке в море. Если родители узнают об этом, то не видать ей Бриф-Коста, как своих ушей! Она тихо сошла вниз. Из приоткрытой двери кабинета пробивалась полоска света, и обрывок разговора долетел до нее. Вздвинуто говорил отец:

- Ты представляешь, и она спускалась туда!

Мелисса поняла, что он обращается к Вернанду. Невольно она стала прислушиваться к разговору, но голоса внезапно притихли. Потом послышались шаги, и кто-то захлопнул дверь. Мелисса удивленно пожала плечами и поплелась к себе наверх.

Глава 4

Около семи вечера, когда солнце понемногу стало заходить за горизонт, мадам Стефания оторвала глаза от плана на следующий учебный год, и сняв очки, закрыла лицо руками. Глаза болели. Она заметила, что с каждым днем ей становится все сложнее читать большие объемы текста. Да, старость, старость, - подумала она, и грустно усмехнулась, а сейчас ей еще предстоит идти в колонный зал на собрание. Она тяжело вздохнула и подавила зевоту.

Общаться со своими подчиненными мадам Стефании было скучно. Зачастую она пропускала мимо ушей все, что они пытались донести до нее. Она лелеяла свое одиночество и не любила, когда ее тревожили понапрасну.

Сразу после того, как заканчивались дела в школе, она уходила домой, в маленький флигель, который располагался в самом конце сада, и запиралась в нем. Там она чувствовала себя в своей тарелке. Когда ее назначили на должность директора, она с радостью продала свой дом в самом центре Файнд-Тауна и поселилась в этом уединенном месте, предназначенном для руководства школы. По какой-то странной иронии судьбы все предшествующие директрисы были одинокими женщинами, и как только вступали в должность, селились в этом флигеле. Может он привлекал их своей двойственностью? В ту часть сада мало кто забредал, но рядом была школа, которая источала энергию множества людей. Получается, что во флигеле можно было попеременно, то наслаждаться одиночеством, то чувствовать свою близость к людям? Как бы там ни было, но мадам Стефания сильно любила свое скромное жилище. И вот сейчас вместо того, чтобы прийти туда, сварить крепкого кофе и сесть на крыльце с книжкой в руке, ей нужно будет слушать нудные отчеты учителей.

Она взглянула на часы и поморщилась – пора! Мадам Стефания встала, пригладила растрепавшиеся волосы, так некстати выбившиеся из пучка, надела очки и вышла из кабинета.

Наверное, они уже все там, - заключила она, прислушиваясь к тишине, царящей в пустых коридорах. Она дошла до колонного зала и услышала голоса.

Точно - там! Мадам Стефания приосанилась и вошла внутрь. В просторном колонном зале стоял гигантский стол, за которым уже сидели учительницы и что-то живо обсуждали.

Как только они увидели мадам Стефанию, то тут же замолчали и встали, громко сказав в один голос:

- Приветствуем Вас, госпожа директор!

Именно так, по традиции, было принято встречать директора на официальных встречах. Мадам Стефания улыбнулась, помахала рукой и радушно ответила:

- Садитесь, садитесь девочки.

Мадам Стефания заняла место во главе стола, положила рядом отчеты, склонила голову

набок и, улыбнувшись, вежливо и мягко произнесла:

- Ну, девочки мои, что вы мне расскажите?

Мадам Грегория едва заметно поморщилась. Она терпеть не могла эту вальяжную манеру беседы, по ее мнению, мадам Стефания не соблюдала строгих, обязательных правил школы, тем самым дурно влияя как на преподавателей, так и на учеников. Потому мадам Грегория, чтобы подчеркнуть важность момента, встала и начала говорить громким строгим голосом:

- Госпожа директор! Разрешите мне начать первой! Я хочу доложить о тех моментах, которые считаю наиболее значимыми!

- Да, да, милочка, прошу Вас, - ласково ответила мадам Стефания, и ей стало жаль мадам Грегорию, которая не понимала, насколько она глупо выглядит со стороны.

- Спасибо, госпожа директор! - глаза ее блеснули гневным огнем, ей не нравилось, когда ее называли милочкой. - Следующий учебный год очень важен для некоторых наших учеников, для тех, кому исполнится 14 лет. Все мы знаем, что именно этот возраст монах Альтер считал переломным в жизни человека. И, прошу заметить, здесь есть двойная важность, ибо грядущий День Обретения будет юбилейным! Триста лет исполнится с тех пор, как достопочтенный монах Альтер привел наших предков в этот город!

- Да, да, да, - упоенные ее речью, захлопали учительницы.

Мадам Грегория продолжила:

- И потому в начале сентября мы должны проследить за тем, чтобы наши дети написали прекрасные искренние гимны, которыми мы могли бы гордиться!

- Да, да, да, - восторженная поддержка не прекращалась.

- И потому прошу обратить ваше внимание на Мелиссу! - с нажимом в голосе сказала мадам Грегория.

- Мелиссу? Ммм, - мадам Стефания сморщила лоб, уцепившись за знакомое имя, Мелисса, Мелисса, повторяла она про себя, а вспомнила! - Это такая симпатичная девочка, худенькая, стройная, с длинными каштановыми волосами, и красивыми зелеными глазами, да?

Мадам Грегория презрительно поджала губы! Как вульгарно изъясняется наш директор! Но, не смея перечить старшей по должности, ответила:

- Да именно она! Вы понимаете, мадам Стефания, что в этом году, кажется, в декабре, ей исполнится 14 лет, - она сделала паузу. - И в ней открылся писательский талант!

Мадам Стефания вскинула брови:

- Конечно я прекрасно понимаю, милочка! Да и мадам Этери, кажется, говорила мне об этом не днях! - мадам Стефания обвела залу глазами: - Да, кстати, а где же она?

- А вот это момент второй важности! Я хотела сообщить вам, что сегодня днем у мадам Этери случился сердечный приступ. Она прикована к кровати! Нам придется искать новую учительницу по литературе.

- О, - мадам Стефания удивленно всплеснула руками. - Какая досада, право же! Ну что ж, милочка, пошлите вместе с ближайшей почтой депешу в префектуру Бриф-Коста! Они пошлют нам новую учительницу. Здесь, у нас таких, к сожалению, больше нет!

- Непременно сделаю это, - зло ответила мадам Грегория, которую с каждой минутой все больше бесило столь беспечное отношение директрисы к важным школьным проблемам. А она-то ожидала, что Стефания сейчас поднимет панику! Но не тут-то было!

- Ну что, милочка, Вы закончили? - скорее утверждала, чем спрашивала мадам Стефания.

- Да, но... - позеленела от злости мадам Грегория.

- Ну вот и отлично, - оборвала ее мадам Стефания. - Кто же хочет быть следующим, де-

вочки?

«Девочки» зашуткали и загалдели, а мадам Стефания прикрыла усталые глаза и мысленно унесла прочь в свой маленький, уютный домик.

- Госпожа директор, - голос мадам Грегории раздался снова, она почти кричала: - Вы что не понимаете?!

Мадам Стефания очнулась от забытья и удивленно поглядела на учительницу.

- Вы что не понимаете! У нее проснулся талант! – вопила, как безумная, мадам Грегория.

- Мы несколько поколений трудимся для того, чтобы подобная зараза не появлялась в наших детях! И вот яд всплывает наружу! В один миг! В одну секунду! Вы понимаете, что это означает? Понимаете?!

Директриса озадаченно моргнула и улыбнулась, потом все-таки не сдержалась и зевнула:

- Вы слишком громко разговариваете, милочка. Наши девочки не глухие. Будьте спокойнее, я вас умоляю!

Глава 5

Мелисса проснулась ближе к полудню. Она чувствовала себя разбитой. Попыталась встать, но не смогла и легла обратно на кровать.

Что же такое?! Вдруг стремительной лавиной нахлынули воспоминания: ей всю ночь снились кошмары! Она медленно шагала по подземелью, держась за стены и холодея от страха. Шла мимо закрытых дверей и боялась, что они откроются. Откуда ни возьмись, появилась Каролина. Лицо ее было перекошено от ненависти и злости, она шипела, как змея. Мелисса стала убегать, а Каролина мчалась за ней, продолжая издавать страшные звуки.

Потом Мелисса оказалась в классе. Шел урок, и она клевала носом. Неожиданно до ее слуха донесся мерзкий голос: «Ну-ка, Мелисса, погляди на меня!». Она подняла голову и истошно закричала: вместо мадам Грегории у доски стояло нечто. Сгусток темной материи, из недр которого вытекала вязкая слизь, а на его с позволения сказать тело, был накинута длинный черный плащ.

Все смешалось, и девочка оказалась в учительской. С портрета, висящего на стене, на нее строго и отрешенно смотрел монах Альтер. Мелиссе стало немного не по себе в пустой учительской, и она решила выйти, и тут, словно из-под земли, выросла Каролина. На сей раз он не шипела, а орала в голос: «Я уничтожу тебя! Уничтожу!». Вместо глаз у нее были красные раскаленные угольки. Мелисса бросилась в другую сторону, прямо к портрету Альтера, прося у него защиты. Монах услышал ее, руки его зашевелились, рот открылся и он произнес мягко: «Иди ко мне, девочка! Ничего не бойся!». На этом сон оборвался.

Снилось что-то еще, но только вот, к счастью, она ничего не помнила. Мелисса растеряно почесала голову. Что за глупости? Почему вдруг Каролина предстала в таком ужасном обличии? Да, Каролина иногда раздражает ее, но не более того! Что за странное черное нечто заняло место мадам Грегорини? Да видимо, вчера ее слишком сильно впечатлил поход в подземелье, вот и отразилось все в таком чудовищном неверном свете.

Мелисса заставила себя подняться и, хотела было, записать сны в дневник, но передумала. Уж слишком они противные, лучше скорее забыть о них и никогда не вспоминать.

Она с некоторым трудом привела себя в порядок и сошла вниз. Хизьда сидела с книгой в гостиной.

- Доброе утро, доченька! Ну наконец-то ты встала! – ласково произнесла она.

- Угу, пробурчала Мелисса и натянуто улыбнулась

- Что-то ты бледная какая-то! – мать бросила на нее тревожный взгляд. - Ты хорошо спала?

- Да! - соврала Мелисса и даже не покраснела. - Просто отлично, - она потянулась, и, чтобы скорей перевести тему, спросила: - А где папа? Сегодня же вроде выходной!

- Папа, - Хильда вздохнула, - Папа пошел к вашей учительнице по литературе, мадам Этери, у нее, как выяснилось, случился сердечный приступ. Папа был очень зол, что его не вызвали к ней вчера!

- О! - удивленно воскликнула Мелисса. - Бедная...

- Да. Мне тоже ее жаль, - Хильда огорченно покачала головой. - Скорее всего, у вас теперь будет новая учительница. Она придет из Бриф-Коста. У нас тут, кроме Этери, знатоков в литературе нет.

- Да, мама, даже не знаю, что тут сказать, - Мелисса озадаченно посмотрела куда-то в сторону. - Честно говоря, мне ее, конечно, жаль. Но с другой стороны, я безумно рада, что она не будет вести у нас уроки! Она ужасно вредная!

- Ох, Мелисса, Мелисса, - в голосе женщины послышалась ирония. - Ты вся в отца. Не можешь без комментариев обойтись. Давай лучше завтракать!

Мелисса кивнула и ничего не ответила. В конце концов, зачем врать и скрывать свои истинные чувства? За столом Мелисса выпила две чашки кофе и поймала себя на мысли, что постоянно возвращается к виденным ею кошмарам. Зловещий образ Каролины не оставлял ее в покое. Тем временем Хильда говорила ей о предстоящей поездке, но девочка совсем не слушала ее и невпопад кивала головой.

- Мелисса, что с тобой? - вдруг спросила мать и посмотрела ей прямо в глаза.

Девочка вздрогнула и отвела взгляд в сторону.

- Да я просто волнуюсь перед поездкой, мамуль, - невнятно ответила она.

- Мелисса, Мелисса, - женщина тяжело вздохнула. - Не обманывай меня! Я же твоя мать и все чувствую. Тебя что-то тревожит. Расскажи мне, и тебе станет легче.

- Ну просто, - она замялась. - Просто мне не дают покоя эти подземелья, - выпалила она и замерла, наблюдая матерью.

- Мелисса, - Хильда взяла ее за руку. - Тебе, конечно, не стоило туда спускаться. Ты девочка впечатлительная, а там все-таки мрачновато. Я бы и сама испугалась. Выбрось все это из головы и больше никогда не ходи туда.

- Естественно не пойду! - вскричала она. - Меня теперь туда калачами не заманишь.

- Ну вот и все, - Хильда улыбнулась, довольная ее ответом. - Завтра ты уже уедешь отсюда и обо всем забудешь. Кстати, пока ты спала, заходил Хэттер и интересовался, заезжать ли за тобой завтра утром?

Мелисса улыбнулась. Почтальон Хэттер вместе с женой Эльзой раз в месяц отправлялся в Бриф-Кост, чтобы отвезти почту в местный почтамт и забрать ожидающие фандчан письма, газеты, книги и журналы. Мелисса всегда пристраивалась к ним в повозку в начале лета, когда ехала к тете Монике, и в конце – когда возвращалась обратно.

- И что ты ему ответила? - поинтересовалась девочка.

- Конечно, я сказала: не надо за ней заезжать, она никуда не поедет, - рассмеялась Хильда.

- Ну мама, - Мелисса надулась, как мышь на крупу. - Не говори таких страшных вещей. Даже в шутку.

- Ладно, ладно, доченька, конечно, я шучу. Да, и кстати, - Хильда встала и подошла к секретеру. - Возьми письмо для Моника, пока я не забыла.

- Хорошо, мама.
- И не забудь напомнить ей, чтобы она прочитала его сразу, а не через месяц или два, - добавила Хильда.
- Да уж, - усмехнулась Мелисса. - От тети всякого можно ожидать.
- Не то слово!
Неожиданно, хлопнула входная дверь, и через несколько секунд в гостиную вошел Артур.
- Уф, - он опустился в кресло. - Ну все не так уж плохо, - ответил он на вопросительный взгляд Хильды, - Жить будет. Я выписал ей лекарства, думаю, недели через две уже встанет на ноги, но в школу ей уже нельзя возвращаться. Я думаю, это к лучшему, она так сварливая баба.
- Ну Артур! - Хильда с укоризной посмотрела на него.
Он весело улыбнулся:
- А что, Мелисса, разве я не прав?
Мелисса кивнула, но промолчала. Скорей бы уехать, чтобы не слышать ничего о школе, учителях и Дне Обретения, и забыть все эти страшные сны.

Глава 6

Мэр Рэвел слонялся туда-сюда по кабинету: то и дело подходил к окну, чуть отодвигал занавеску и вглядывался в опустевшую безлюдную площадь. Он хмурил брови и тихо ворчал. На столе лежали отчеты учителей. Рэвел прочитал только два, помеченные грифом «Важно» и составленные мадам Грегорией и мадам Этери. Отчеты взволновали его.

Он вызвал обеих дам к себе. Но Этери заболела и пришла только мадам Грегория, но и этого было достаточно. После ее визита Рэвел беспокоился куда сильнее. Он тщательно обдумал положение дел и написал для мадам Грегории руководство к действию. Да, она была права, грядущий День Обретения будет самым важным за всю историю города, и нельзя оплошать, нельзя ударить в грязь лицом.

Все будет хорошо, все будет просто отлично! Он взглянул на часы и нахмурился: «Где же эти остолопы? За что они вообще получают жалование?». Остолопами Рэвел именовал свою сестру Франческу и ее мужа Дарена, родителей уже известной нам Каролины. Они оба служили в мэрии. Обязанности, которые они исполняли, были расплывчаты и туманны, зато жалование - вполне ощутимо.

Рэвел сделал глоток уже остывшего кофе и поморщился. Черт возьми, все сегодня идет не так как надо! Послышался стук в дверь. «Ну наконец-то» - решил Рэвел и громко крикнул: «Войдите!». Дверь отворилась и вошла Беатрис, его жена. Мэр разочарованно протянул:

- А это ты!

На лице Беатрис отразилась обида:

- Ты что же, не рад меня видеть, дорогой?

- Рад, рад, вот только проблем много. Жду свою сестрицу и ее благоверного, а они все не идут, - раздраженно ответил он.

Беатрис понимающе посмотрела на него и с нежностью в голосе заметила:

- Милый, а я думала, ты спустишься ужинать! Все уже готово!

- Да ты что не понимаешь?! - неожиданно рявкнул супруг. - Я же сказал - я жду их! Много дел!

Беатрис попятилась и изменившимся от досады голосом ответила:

- Хорошо. Я пойду к себе. Не буду мешать.

Она быстро скрылась за дверью.

- Давай, - бросил в пустоту мэр.

Беатрис спустилась вниз. В ее глазах стояли слезы. Последние несколько лет муж был с ней холоден. Она вышла за него, руководствуясь далеко не сердечной привязанностью, но со временем все изменилось. Нравилась ей его решительность, спокойствие, сосредоточенность, то, как он управляет городом, его красноречие на Дне Обретения и то, как он готовился к этому дню - всегда основательно, всегда тщательно.

И вот после того, когда она, наконец, по достоинству оценила его человеческие качества и полюбила его, он сразу же стал к ней холоден. Ее благородная красота до сих пор вызывала восхищение у жителей города, но только не у Рэвела. За последние 15 лет он не сказал ей ни одного ласкового слова. А она жила только им! Ей было невыносимо обидно от того, что он не посвящает ее в свои дела. Потому что она с удвоенной силой не любила его вульгарную сестру и ее туповатого мужа, ведь именно их он сделал своими доверенными лицами.

Зазвенел колокольчик, и Беатрис застыла в прихожей. «Легки на помине» - с горечью подумала она. Натянув на себя радужную улыбку, она пошла открывать дверь. Раз уж она тут, что толку ждать горничную - проще открыть самой.

На пороге, как она и предполагала, стояли Дарен и Франческа. Они в один голос начали источать любезности, а потом вихрем пронеслись в кабинет мужа.

Беатрис хотела было пойти к себе, но несмотря на нанесенную ей обиду, решила узнать, останутся ли гости на ужин. Женщина прошла наверх и застыла в нерешительности у двери. Они явно обсуждали что-то важное. В их голосах слышалось возбуждение и откровенное волнение, говорили они тихо, и сквозь сумбурный поток слов, она неожиданно уловила разборчивые слова мужа:

- Я думаю, Вы знаете, что надо делать и с чего начинать....Сомнений уже не осталось. Мы должны действовать слажено.

На несколько секунд повисла тишина. Кто-то встал и нервно заходил по комнате.

- Как страшно, - неожиданно громко пропищала Франческа.

- Не бойся, дорогая, где наша не пропадала, - раздался гнусавый голос толстяка Дарена.

- Нам уже надо начинать действовать, чтобы не разочаровать..., - Рэвел резко оборвал начатую фразу и замолчал.

Беатрис затаилась и напрягла слух.

- Братец, дорогой, а можно нам кофе? Мы так спешили к тебе, что не успели выпить ни чашечки! Да еще и эти известия! У меня прямо в горле пересохло, - льстиво залепетала Франческа.

- Да, сейчас, - угрюмо ответил Рэвел, явно недовольный тем, что она прервала столь важный разговор.

Беатрис отругала себя за неосторожность и бесшумно ушла в другое крыло дома. Ее не мучила совесть за то, что она сделала. И сделала явно вопреки воле Рэвела. В женщине проснулся азарт охотника, кажется, ее однообразная жизнь наполняется новым смыслом. Теперь-то она постарается узнать больше о таинственных делах мужа.

Глава 7

Мелисса проснулась на рассвете. Утро выдалось солнечным и теплым. Сквозь открытое окно в комнату проникал ласковый южный ветер. Она прислушалась к себе: душа ее была спокойна и умиротворена, значит, кошмары больше не снились. Девочка вздохнула с облегчением и улыбнулась. Только сейчас она ощутила, что тревога и волнение

растворились и исчезли.

Она быстро оделась и спустилась вниз. Ее дорожный чемодан стоял в прихожей. А родители уже пили чай и как-то странно помалкивали.

- Доброе утро! – в один голос сказали они и несколько натянуто улыбнулись.

- Что у вас за лица? – спросила Мелисса и села рядом.

- Вот те на! Что за лица! – Артур покачал головой. - Вот так дочка! Хороша, ничего не скажешь! Родители тут грустят, что не увидят ее целое лето! А ей - хоть бы хны!

- Ладно тебе, папа, не бубни, - рассмеялась девочка. - Ты такой забавный, когда бубнишь!

- Ну и дети пошли! Ну и дети! – Артур старательно хмурил брови и пытался изобразить недовольство, но у него это плохо получалось: в его глазах скакали бесенята.

Хильда, казалось, совсем не слушала, о чем они говорят. Только внимательно смотрела на дочь, словно изучала ее.

- Мама, ты чего? Не проснулась еще? – Мелисса попыталась втянуть ее в разговор.

Хильда не отвечала и продолжала смотреть на нее.

- Мама, - Мелисса потрясла ее за плечо.

- Ох, - Хильда вздрогнула. - Прости, прости, дочка, я все слышу! Слышу! – улыбнулась она немного вымученно. - Да я, правда, немножко вялая.

Артур бросил на нее тревожный взгляд и одним глотком выпил остывший чай.

- Дочка, - женщина взяла ее за руку. - Ты там в Бриф-Косте будь осторожнее. Далеко с Сарой не убегай и слушайся Монику. Очень тебя прошу!

- Конечно, мам! – убедительно ответила Мелисса, а сама подумала: «Ну да, конечно!».

За окном послышался цокот копыт и скрип колес. Все втроем разом вскочили с места.

- Хэттер! – радостно вскричала Мелисса.

- Ну все дочка, до свиданья! Не шали там! – Артур погрозил ей пальцем и подмигнул незаметно от жены.

Они вышли во двор. После долгих прощаний Мелиссу усадили в крытую повозку. К слову, ее попутчики почтальон Хэттер и его жена Эльза были людьми прямо таки созданными для долгих поездок.

Хеттер, худосочный, благообразный, молчаливый старик, вечно курил длинную серую трубку. В любых ситуациях он был невозмутим и бесстрастен и лишь иногда позволял себе удивляться: лениво пожимал плечами и иронично улыбался. Его жена Эльза – полная ему противоположность - толстая, вечно тараторящая болтушка, простая и отзывчивая. Ее разговоры, на удивление, не утомляли слушателя, да и сама она не требовала к себе особого внимания.

Как только Мелисса залезла в повозку, Эльза, расположившаяся рядом, сразу же затахтела, но через полчаса она выдохлась и погрузилась в сладкий сон. Мелисса же занялась изучением окружающего пейзажа, который успокаивал ее и пробуждал в душе радужные предчувствия. Они ехали по дороге, пролегающей сквозь густой смешанный лес.

Девочка вдыхала сырость утренней земли, впитывала ласковые лучи солнца, то и дело попадающие внутрь повозки, и становилась все счастливей и счастливей. Вот уже ей грезилось, что через несколько лет она уйдет жить в лес, построит себе такую же, как у Вернанда, сторожку будет лазить по деревьям и говорить с птицами и животными.

Так спокойно и без всяких приключений ехали они несколько часов, и Мелисса успела немного подремать, помечтать, поболтать с Эльзой и почитать книгу.

Где-то около семи вечера путники остановились на привал. Место, которое они выбрали, представляло собой большую поляну, окруженную валунами. Мелисса ловко вы-

прыгнула из повозки, помогла спуститься Эльзе и с радостью ощутила твердую землю под ногами. Пока Хэттер, утомленный ездой, дремал, они неспешно готовили стоянку для ночлега.

Когда стемнело, все сели около костра и принялись за ужин. Эльза болтала без умолку, а потом неожиданно замолчала, огляделась вокруг, резко хлопнула себя по лбу и вскрикнула:

- Что я вспомнила! Что я вспомнила!

- Что же? – удивилась Мелисса. Хэттер же пробурчал нечто невразумительное и ехидно крякнул.

- Я вспомнила такое! Такое! Одну историю, которая касается именно этого места! – пробасила ликующим голосом Эльза и рассмеялась.

- О, - оживилась Мелисса. - Как интересно!

- История-то страшная! – улыбка сползла с ее лица, и она грозно нахмурила брови.

- Ну и что! – пожала плечами Мелисса. - Я люблю страшные истории.

- Эй, мать, - подал голос Хэттер. - Не дури девке голову!

- Ой, ты-то что лезешь, старый чурбан!? Молчал всю дорогу – вот и молчи дальше, - напала на него Эльза.

- Ну как знаешь, женушка, - дело твое, - и он задымил своей неизменной трубкой.

Уже совсем стемнело. Из лесу налетели комары. Вся компания стала придвигаться ближе к костру. Мелисса заворожено глядела на языки пламени, слушала тишину и ждала страшной истории.

- Ну так вот, - начала Эльза. - Погоди, доча, только дожую пирог.

- Хорошо, - улыбнулась девочка, и снова уставилась на огонь.

Как же хорошо! Все здесь казалось ей волшебным: запах горящих поленьев, шепоты и шорохи леса, потрескивание сучьев в огне! Какая сладкая безграничная свобода! Свобода от рутины и школьной муштры!

- Ну слушай, - прервала ее размышления Эльза. - Поговаривают, что в этом лесу живут непонятные сущности...

И она затихла, бросив выжидающий взгляд на Мелиссу. Та недоверчиво подняла брови.

«Ну и байки» - усмехнулась она про себя, но вслух сказала:

- Ничего себе, - и изобразила легкий испуг.

- Да, да, да, - вдохновленная ее реакцией продолжила Эльза. - Поговаривают, что здешние существа ужасно злые. Никто не знает, откуда они взялись. Но те, кто видел их, и кому удалось спастись, описывают их так: они такие...Как бы так сказать, - Эльза нахмурилась, пытаясь подобрать слова: - Такие полутемные, обтекаемые, ну вот, например, как размытая водой черная грязь! Они меняют свои размеры: могут быть маленькими, как колесо у этой телеги, а могут быть такими большими, ну как твой дом!

- Хех, - крякнул Хэттер. - Ну старуха, ну что за байки ты травишь?!

- Это не байки, - сердито глянула на него Эльза. - Я лично в детстве много слышала о них. В ту пору они почему-то особенно часто здесь промышляли.

- Да, - протянул Хэттер, откашлялся и продолжил: - И кто тебе рассказывал-то?

- Кто? Кто? Да соседи наши, ныне покойные, их дед и отец разок столкнулись с ними, а потом и другие говорили, - надулась Эльза. - Будешь перебивать вообще ничего рассказывать не стану.

- Ну, пожалуйста, пожалуйста, продолжайте, милая Эльза, - ласково протянула Мелисса, которой ужасно хотелось услышать все от начала до конца и понять сочиняет ли жена почтальона или нет.

Эльза просияла и широко улыбнулась:

- Ну хорошо, доча. Пусть старый хрыч не верит и пытается заткнуть мне рот, а я все же расскажу. И с начала, пожалуй. Я была тогда совсем маленькой, под стол пешком ходила. Дружила наша семья с соседями, забора у нас в ту пору не было, был один общий сад на всех. Соседи те звались Хансами. Было их четверо: мать, отец, дед и мальчуган такой славный. Любили они в лес ходить. Отец и дед на неделю по два-три раза туда уходили, то одним днем, то - с ночью. Бывало, придут все грязные, чумазы, довольные, тащат дичь всякую - куропаток, уток, а то и принесут мешки, набитые разными травами и кореньями. Под вечер огонь разведут и прямо в саду начинают жарить свою добычу. Стол накрывают и, как водится, нас зовут. Им бы в лесу жить, - говаривала моя матушка, но не могли они - уж сильно держал их День Обретения, праздник наш священный. Думали они, что если уйдут в лес жить, то предадут и город, и мэра, и День Обретения. Ну не важно все это. Вот как-то раз летним вечером я сидела на крыльце, и как сейчас помню, - пуговицу пыталась пришить к маминой рубашке. Мама тогда хозяйству меня учила. А мне-то все в радость было, ну как игра какая, что ли. Сижу я себе, тыкаю иголкой в рубашку и слышу: шаги такие шаркающие раздаются, и будто волокут что-то тяжелое прямо к дому нашему. Ну, думаю, отрываться от работы не стану, это, наверное, Хансы дичь крупную поймали и волокут ее по земле. Но все же подняла я взгляд, любопытно мне стало, что за дичь-то такая крупная! Дянула на дорогу и ахнула. Глазам не верю. Смотрю, медленно тащится Ханс-отец и волочит за собой деда, а тот хрипит так, стонет, нечеловеческие звуки издает. А мальчонка, бойкий, смешливый, сзади полуживой плетется и то и дело падает. Бац, и распластался прямо среди дороги, бац - встал и снова пошел. Испугалась я страшно. Внутри дома побежала, шитье бросила. Бегу и кричу: - Матушка, матушка, Хансы мертвецами стали, убил их кто-то.

Матушка выскочила, как ошпаренная во двор, перепугалась: никогда не слышала она, чтобы я так кричала. Я вообще тихоней слыла. Выбежала она в сад да как завопит от ужаса, а я на пороге стою - рот открыла. Она меня в дом обратно запикивает, дверь закрывает. Я сразу побежала в чулан, спряталась там и так допоздна и просидела. А по дому тем временем все бегали, шумели, кричали, взад-вперед ходили. Несколько часов прошло, и тихо стало. Я тогда вышла из своего укрытия и прошла в столовую. Мои семейные сидели за столом, и лица у них такие были бледные, измученные, перепуганные. Помню еще, они так много свечей зажгли, как никогда, и так светло, светло в комнате было. Мать даже что-то съестное на стол поставила, но никто и не притронулся к еде. Завидев меня, она так и всплеснула руками:

- Доченька, совсем про тебя забыла!

Я тогда спросила еще:

- Матушка, а что же стало с соседями нашими?

Мать вздрогнула, задрожала, а отец тогда грубым голосом ответил мне:

- Все в порядке. У деда ихнего приступ случился. Вот они и оторопели. Любят же деда-то!

Я, конечно, не поверила ему и решила дознаться до правды. Утром с первыми лучами солнца вышла на крыльцо и стала мальчонку поджидать, он обычно рано вставал, чтобы поозорничать. Но не вышел он. Ни отец его, ни дед не появлялись на дворе. Только мать его под вечер показалась - бледная, худая, измученная, будто на десять лет постарела. Зашла к нам, к маме в комнату, и слышала я, что рыдания оттуда доносились. На следующий день уже весь город знал, что дед той ночью от удара скончался, а отец болеет глубоко, встать с кровати не может. Ну а мальчонка все не выходил и не выходил, и на похоронах деда его не было. И вот однажды ночью слышу я, как камешки мне кто-то в окно кидает, выглядываю, смотрю - он стоит, мальчонка-то, бледный, худой, весь

дрожит, но в глазах будто прежний задор появился, и он мне шепчет:

- Вылезай! Я тебе такое расскажу!

Ну я не будь душой ловко спустилась по дереву на землю, и мы с ним в огороды пошли. Идем мы, и чувствую я, что изменился он как-то, словно ему не десять лет, а все пятьдесят! Дошли мы до места уединенного, он сел и сразу начал:

- Мне никому рассказывать нельзя. Но тебе скажу! Не могу я молчать, - и тут слезы у него на глазах выступили. Ну дела - думаю! Сейчас еще и заревет!

Но он сдержался и продолжил:

- Мы в тот день с отцом и дедом в лес отправились. Шли себе спокойно, ягоды собирали. На полянке, где валуны большие раскиданы, остановились передохнуть, и слышим в кустах зашипело что-то. Мы испугались, дед сразу ружье навел в ту сторону. Вдруг из кустов, что сзади нас, точно такое же шипение раздается, мы остолбенели! Потом и из соседних кустов раздалось, и так - по кругу. Шипение, такое жуткое, не прекращалось. Все нарастало и нарастало! Смотрю, дед ослабел в один миг и ружье выпустил, а отец застыл, как изваяние. Я, на них глядя, тоже стою, как столб. И тут оно стало появляться! Жижка, черная, обтекаемая, выползает из кустов и шипит, выползает и шипит, окружает нас, то маленькой становится, то большой, как волны на море. Мы стоим и пошевелиться не можем. А оно ползет и шипит, все ползет и шипит. Вдруг раз, щупальце тонкое вцепилось деду прямо в грудь. Он застонал, закричал. Потом смотрю, тьма эта ко мне все ближе и ближе подползает. Я со страху сознание потерял. Очнулся - ни тьмы, ни шипения, отец, согнувшись в три погибели, рыдает, а дед лежит и кричит. Я встать хочу, но никак встаю и падаю тут же. Вот так мы и дошли до дома. Отец ни слова не сказал, как пришел - так в кровать лег сразу и в потолок начал смотреть, не отрываясь. Меня же матушка из дома не выпускала - боялась. Вот я и сбежал, чтоб кому-нибудь рассказать.

И он разревелся, как девица. Я его утешать принялась, а саму дрожь бьет, думаю, сейчас, как из грядки с капустой вылезет чудище и сцапает меня. Ну вот и история вся! - Эльза замолчала. От избытка эмоций она вся раскраснелась и покрылась испариной.

- Хе, - усмехнулся Хэттер. - Ну что скисла-то?

- Да что-то неприятно мне стало! Грустно, люди-то хорошие они были, - вздохнула она.

- А что с ними потом случилось? - поинтересовалась Мелисса, которой немного стало не по себе от услышанного. Темнота полностью окутала лес, а поднявшейся ветер громко шумел в листья, и ей все время слышались какие-то сторонние звуки.

- Ну, отец умер через месяц, а мальчонка через год пропал куда-то. Найти его никто не мог. Мать от горя слепла. Вот такая история.

- Даааа, - протянула Мелисса и поежилась. Наступило молчание, и атмосфера накалилась. Казалось, все усиленно думали: что же с этой семьей произошло на самом деле?

Мелисса огляделась по сторонам: они-то сейчас на похожей полянке сейчас. Нет, только не это! Не мучь себя глупыми страхами! То был единичный случай! Ни с кем же больше подобного не происходило! Но как ни уговаривала она себя, а атмосфера все равно продолжала накаляться. Девочка почувствовала, что все вокруг изменилось буквально за пару минут, - пространство свободной, тихой ночи начало заполняться чем-то чуждым, враждебным и пугающим. Мелисса глянула на Хэттера, в глазах старика она уловила едва заметный испуг, он тревожно смотрел по сторонам, а Эльза - та застыла, как вкопанная, как будто боялась сделать лишнее движение.

Ну нет! Так не бывает! Сколько раз я здесь останавливалась, - и ничего! Сколько раз мы с мамой в лесу были, и тоже - ничего! Вдруг она услышала шипение.

Мелисса вскочила на ноги, Эльза и Хэттер сделали то же самое.

- Что это? – прохрипела Мелисса не своим голосом.

- Ветер, наверное, - с трудом выдавила из себя Эльза.

Старик молчал. Повисла тишина. Никаких звуков. Все втроем облегченно вздохнули.

- Уф, показалось, - с надеждой в голосе весело «пропела» Эльза.

Но снова раздалось шипение, потом - в соседних кустах, и так – по кругу. Шипение усиливалось, разрасталось, наползало. Нет. Не может этого быть! Я сплю! Мне снится сон! Это глупости! Розыгрыш! Сердце девочки бешено стучало, а разум отказывался верить в происходящее.

Но реальность начала трескаться, разбиваться на грани, откуда-то из глубины совсем другого мира хлынуло в их души что-то жаркое, липкое, мерзкое, гнилое. Показалась та самая зыбкая материя, сумрачная и обтекаемая. Мелисса видела нечто неживое, но чувствовала в нем разум, тонкий и коварный, какую-то страшную силу, глубокую и безумную, глубинную и отравляющую. Будто вся мерзость, существующая в этом мире, воплотилась в это! Кольцо продолжало смыкаться, и черная материя разрасталась, поднималась выше и выше, образуя над несчастными купол. Через несколько секунд они уже были отрезаны от леса и полностью находились под покровом полутемной вязкой массы, которая шипела и извивалась волнами, медленно и верно опускалась прямо на их головы.

Мелиссе казалось, что душу пытаются вырвать из тела. Кто-то неведомый отрывает ее саму от жизни и швыряет в мерзкую тину. Она задыхалась, чувствовала безумную, непереносимую боль, хотелось рыдать, в отчаянье биться о землю. Но она не могла пошевелиться и только хватала взглядом звезды, которые блекло сияли сквозь завесу черноты.

Это конец! - подумала Мелисса, и из последних сил попыталась вернуть себя к свету: вспомнила родителей, тетю Монику и Сару. Как жаль, что ей не доведется больше их увидеть!

Неожиданно, за черной стеной вспыхнуло яркое свечение, за несколько секунд оно увеличилось в размерах, из него вылетели тонкие острые лучи и впились в самый центр тлетворного купола.

Шипение прекратилось, чернота заметалась, и Мелисса поняла, что этой мерзости больно: она извивалась, билась из последних сил. Свечение становилось все ярче и ярче, и из его сердцевины уже сплошным нескончаемым потоком полился свет.

Голова девочки закружилась, она стала терять сознание, но перед тем, как окончательно забыться, увидела неясный силуэт человека в сердцевине свечения.

Глава 8

Мелисса проснулась и с трудом подняла веки. Голова нестерпимо болела, а мышцы во всем теле ныли. Она, прищурив глаза, посмотрела на синее небо: белые громоздкие облака застыли в нерешительности, - а плыть ли нам дальше? Слышалось непрерывное пение птиц, лес жил: дышал, говорил, шептал.

Мелисса поднялась и огляделась вокруг. Рядом с кострищем мирно спали Хэттер и Эльза. Без подстилки и без одеял они лежали небрежно и расслабленно. Почему они ничем не накрылись? Мелисса удивилась. Тут до нее дошло, что она сама всю ночь спала на голой земле. Девочка попыталась вспомнить, когда же они уснули? Что было до этого? Эльза рассказывала какие-то забавные истории. Забавные ли? Нет. Отнюдь. Трагические? Возможно. По-моему, страшные! Да, да, именно так – страшные истории, а потом... Черт возьми!

Мелисса резко вскочила на ноги. Ярким воспоминанием пронеслись вчерашние ужасные события. Она задрожала, руки похолодели. Девочка шумно втянула воздух и не почувствовала в нем никакой угрозы: вокруг все было спокойно и тихо. Мелисса схватилась за голову. Что за чудо вчера спасло их всех? А всех ли спасло? Может, Хэттер и Эльза погибли? Страх парализовал ее. Только не это! Она отдала бы все на свете, только чтобы они остались живы. Мелисса прикусила губу и с трудом сдержала слезы. Она осторожно подошла к Эльзе и потрясла ее за плечо.

- Ох, утро что ли уже? - послышался сонный недовольный голос женщины.

Мелисса вздохнула с облегчением. Жива! От переполнявших ее эмоций она не могла вымолвить ни слова.

- Эй, старый осел, просыпайся! - Эльза толкнула Хэттера в бок. Тот пробурчал в ответ нечто неразборчивое и осторожно привстал.

- Что ты ругаешься, старая? Рассвело что ли?

- А ты ослеп? Рассвело, давно уж рассвело.

Мелисса в изнеможении села на землю. Говорить ей по-прежнему не хотелось.

- Ох, доча, - продолжила Эльза. - Что-то не припомню я, как мы уснули-то!

- И я не помню. Как так? - Хэттер недоуменно уставился на них.

Мелисса жадно ловила каждое их слово, и гадала: вспомнят ли они о вчерашнем происшествии? Она искренне надеялась, что ужасная история не сохранится в их памяти. Ей не хотелось говорить об этом вслух и строить догадки. Лучше – забыть. Забыть навсегда.

- А я помню, - как можно более беспечно произнесла Мелисса: - Мы все сидели и сидели, а вы, Эльза, что-то говорили, говорили. Первым уснул Хэттер, а потом и вы. Ну а мне лень было идти в повозку за одеялами, да и глаза от усталости слипались, и я прямо там и легла, где сидела.

- Вот чудеса! - протянула Эльза. - Стареем мы, братец, слышишь? Уже не помним, как засыпаем, так и не заметим, как помирать будем! Давай, поднимайся, пошевеливайся, костер разводи, а я пока завтрак приготавливаю.

Она встала и поковыляла к повозке. Мелисса облегченно вздохнула, кажется, они и не вспомнят уже ничего. Она взяла ковш и пошла к ручью. Надо как следует облиться холодной водой.

Спустившись по мягкой земле в маленькую лощинку, она присела у ручья, и, задумавшись, долго смотрела на свое отражение – оно было таким размытым, бесформенным и искаженным. «Бесформенное, искаженное...» - произнесла она вслух, и вздрогнула. Что это было? Что происходило с ними вчера? Она зачерпнула воду и вылила ее прямо себе на голову. Бррррр.....Девочка задрожала от холода, по телу побежали мурашки, и страх прошел.

Что это было? И как оно тут появилось? И кто спас их? Она была уверена: то сияние исходил именно человек. Человек, обладающий нездешней силой. Мелисса снова уставилась на воду. Что-то отдаленно знакомое она почувствовала вчера в этой черной материи. Но что? Она напрягла память. Это было совсем недавно! Ах да! Подземелья школы! Все то, что она чувствовала тогда, в подземельях, все то отчасти было и в этой слизи. Она прислушалась к себе. Но лишь отчасти. Не полностью. То – подземное - более разумное, осознанное, основательное, а лесное – туповато-беспечное.

Но что за мысли? - одернула себя девочка. Я исследую свои ощущения, свои видения, принимаю их за реальность, тем самым наделяя жизнью всякую нечисть! А как же иначе?! Она усмехнулась. Тех чудовищ, которых она видела вчера, не нужно наделять жизнью, они и без того - живые.

Мелисса еще раз зачерпнула воды и вылила себе на голову. Стало легче. Нет. Она больше не будет думать об этом. Не будет. Скорей бы добраться в Бриф-Кост и забыть обо все на свете. Положительно обо всем на свете. Она вспомнила родителей, и сердце ее сжалось. Если бы они видели, что тут происходило ночью, то пришли бы в ужас. Мелисса чуть было не заплакала, но вдруг услышала зычный окрик Эльзы:

- Доча, Мелисса, ты где? Не потерялась ли? Завтрак готов!

Мелисса тряхнула головой, вытерла набегающие слезы и вернулась обратно. Эльза подала ей кружку с кофе. Мелисса жадно принялась пить, горячая жидкость придала ей сил. Она пила и смотрела на своих попутчиков. Они сегодня молчаливы. Она вглядывалась в их лица, пытаясь найти хотя бы тень сомнения. Но ничего такого – только усталость. Будто подслушав ее мысли Эльза, заговорила:

- Ой, милая моя, что-то я сегодня, как вареная, скажу я тебе. А все от того, что уснули мы, как придется, как псы какие! А сегодня нам в горах ночевать, вот там-то мы не забалуем! Уснем, как следует, а то, еще чего доброго простынем!

«В горах» - эхом отозвалось в сердце Мелиссы. «В горах» - повторила она про себя. Что будет в горах?! А неужели что-то должно случиться? Но в лесу же случилось? Нет, глупости! Глупости! Глупости!

Она представила себе замкнутое пространство перешейка, - там горы, тут горы и скалы, скалы, скалы - все замкнуто, закрыто и некуда бежать. Некуда.

С такими мыслями она забралась в повозку, и забившись в угол, полностью ушла в себя. На ее радость целый день они ехали молча. Эльза все время засыпала, а проснувшись, изредка сетовала на усталость. Мелисса уснуть никак не могла. Она смотрела на лес, на деревья, на всю эту благодать и спрашивала себя: как здесь могло родиться такое?! И как оно тут живет, существует? И кто был тот человек, который в считанные секунды уничтожил зло? Чем ближе они подъезжали к перевалу, тем сильнее тревожилась она и молилась про себя, чтобы ночь прошла спокойно.

Уже ближе к вечеру они въехали на перевал. Где-то поблизости в одной из пещер путники обычно устраивали ночевку. Мелисса взглянула на дорогу, петляющую между гор, и вздрогнула. Вдалеке, по обочине шел человек. А вдруг это не человек вовсе, а какое-нибудь чудовище?! Только бы он не окликнул их! Скорее бы проехать мимо! А между тем, они подъезжали все ближе и ближе, и Мелисса с ужасом увидела, что человек, слышав шум колес, остановился, повернулся и стал пристально смотреть в их сторону. Только не это!

Вот уже Мелисса стала различать детали. То была женщина, одетая в странное мешковатое платье. За спиной у нее висел большой дорожный мешок. Ее черные волосы были сильно взлохмачены, и прическа походила на гнездо довольно крупной птицы.

- Эй, - крикнула им женщина, когда они поравнялись с ней. - Постойте!

- Это еще что за птица такая? – недовольно пробурчала Эльза.

Мелисса промолчала. Странная женщина обратилась к ним. Что же будет? Девочка вгляделась в ее лицо, и, к счастью, оно не оттолкнуло ее. Несмотря на более чем странный облик (на шее у незнакомки висело несколько амулетов, а на запястьях болтались браслеты), черты лица женщины были не лишены приятности, а в глазах светилось что-то загадочное.

Хэттер остановил повозку, а незнакомка, смерив их изучающим взглядом, обратилась почему-то к Эльзе, видимо, посчитав ее главной в этой компании.

- Вы в Бриф-Кост, путники дорогие? – спросила она, ее чуть хрипловатый голос прозвучал громко и властно.

- Да, - холодно ответила Эльза и подозрительно уставилась на женщину.

- Подвезите меня до городских ворот, а?! Я иду уже третьи сутки, все ноги истоптала, - ее тон стал более мягким.

- Хм, - Эльза нахмурилась, - А вы кто будете-то? И откуда взялись?

- Глория меня звать, мать! – женщина усмехнулась. - Я живу в скалах около Бриф-Коста.

- А чем ты Глория занимаешься? – не унималась Эльза.

- Ха! Чем занимаюсь?! Колдунья я! – гордо произнесла она и почему-то подмигнула Мелиссе. Та же от страха вжалась в брезент повозки.

- Колдунья, - недоверчиво протянула Эльза, потом задумалась, и, глянув на дорожный мешок Глории, спросила: - А у тебя есть лекарство какой-нибудь с собой? А то у меня что-то поясницу тянет!

- А то! Есть у меня все! Вот на ночлег остановимся, и я тебя, мать, быстро на ноги поставлю! – уверенно ответила Глория.

- Ладно, давай, залезай, - милостиво разрешила Эльза.

Глория довольно резво запрыгнула в повозку, и они тронулись дальше. Мелисса с интересом смотрела на новую попутчицу, ее страх уже прошел, и она не чувствовала в ней никакой видимой угрозы, хотя та и призналась в своей причастности к колдовству. Эльза, к ее величайшему удивлению, снова уснула и звучно захрапела и даже не стала расспрашивать ни о чем странную незнакомку. Они остались одни, и Глория, поглядев на девочку, спросила:

- Как зовут-то тебя?

- Мелисса, - робко ответила та.

- Мелисса, Мелисса, Мелисса, - пробормотала Глория и нахмурила брови. - А ты случайно не племянница Моники, травницы из Бриф-Коста?

- Да! – радостно воскликнула девочка.

- Вот так встреча! - лицо Глории прояснилось, и она посмотрела на Мелиссу, как на старую знакомую. – А я с твоей тетей дружу! Мы частенько с ней за травами в горы ходим. Правда, давно не виделись уже.

- Как здорово! – Мелисса испытала облегчение. Значит, Глории не стоит опасаться, раз она тетина подруга. - Очень рада познакомиться.

- И я тоже, - улыбнулась она. - Моника часто о тебе говорила. Только вот не припомню подробностей. Чем ты занимаешься-то, Мелисса?

- Я? – девочка смутилась. Какой странный вопрос. – Я в школе учусь.

- Ахахаха, - женщина рассмеялась. - В школе учусь! Да понятно, что ты учишься! Все в твоём возрасте учатся! Что жизнь-то твою составляет, хотела я узнать?! – и она пристально глянула ей прямо в глаза.

Мелиссе стало немного не по себе, казалось, взгляд колдуньи видит ее насквозь. Невольно она вспомнила вчерашнее происшествие в лесу, и весь испытанный ею ужас поднялся со дна души.

Глория нахмурилась, прищурила глаза и протянула:

- Так, так, так, девочка, я вижу отголоски тьмы в твоих глазах.

Мелисса вздрогнула. Ну началось!

- Какой тьмы? – невнятно проблеяла она.

- Не знаю какой! – голос Глории задрожал, она порывисто схватила Мелиссу за руку, - Тьмы из леса, - прошептала она, отпуская ее ладонь, - Давай, выкладывай все, как есть! От меня ничего не укроется. Как только я попала сюда, то сразу ощутила ее присутствие, слабую такую пульсацию. Она исходила от тебя, и вот от нее, - и Глория кивнула в сторону мирно спящей Эльзы.

На Мелиссу нашла оторопь. С какой стати она должна рассказывать о пережитом не-

знакомке, которая, может быть, выдумала историю знакомства с тетей Моникой?

Глория усмехнулась:

- Ты можешь мне довериться, девочка! В любом случае, хуже уже не будет!

Вечерело, сумерки постепенно сгущались, и очертания гор уже начинали тонуть в темных закатных красках. Мелисса явственно ощутила, что за пределами их маленького пространства - совсем другой мир, наполненный опасностями, а здесь появилась иллюзия защищенности. Может, это чувство внушила ей Глория? Мелисса не знала, что и думать! Глубоко вздохнула и с дрожью в голосе под звучное храпение Эльзы, рассказала колдунье все о том, что случилось вчера ночью.

Глория сосредоточенно слушала, скрестив руки на груди, взгляд ее был устремлен в одну точку, иногда она слегка покачивала головой и кривила губы в недоброй усмешке. Когда Мелисса затихла, Глория пробубнила нечто невразумительное, а потом кинула на нее острый пристальный взгляд.

- Так, так, так, девочка, - Глория вытащила из кармана маленькую трубку, и закурила, с наслаждением пуская дым, который легким туманом наполнил повозку. Ее лицо утопало в нем, и острые черты его делались еще острее и строже. - Ты столкнулась нос к носу с весьма зловредными обитателями здешнего леса. Они редко выходят на охоту. Я уже давненько о них ничего не слышала. Странно все это! - Глория сделала задумчивое лицо.

- Эх, - вздохнула разочарованная Мелисса. Она ожидала услышать от колдуньи более исчерпывающий ответ.

- Заметь, - задумчиво продолжала Глория. - Они появились после того, как старуха рассказала вам ту страшную историю. А как ты думаешь, почему она ее вспомнила, а? - женщина грозно блеснула глазами.

- Вы думаете, - уставилась на нее ошарашенная Мелисса. - Вы думаете, она специально сделала это?

- Нет, нет, конечно, нет! - рассмеялась Глория и замахала руками. - Ты меня неправильно поняла. Просто они навели ей эти мысли! Она высказала их вслух, и у них появилась возможность проникнуть в наш мир!

- Но для чего? Зачем? Что им нужно? - голос девочки дрожал и срывался

- Хм...Если бы я знала, что им нужно, то... - она осеклась и задумчиво посмотрела на Мелиссу, - Знаешь, мне кажется, им нужна была ты!

- Я? - она взвизгнула и начала нервно тереть прядь волос, упавшую ей на глаза.

- Да! Именно ты! - утвердительно кивнула Глория. - А знаешь, почему я так думаю? Потому, что вас кто-то спас! Этот кто-то не пришел бы из-за твоих спутников!

- Ох, я уже ничего не понимаю, - Мелисса схватилась за голову. - Чем я так оригинальна-то?!

- А вот это тебе предстоит понять самой! Поэтому-то я и спросила в начале нашего разговора, чем ты занимаешься! - и Глория, погасив трубку, спрятала ее обратно в один из необъятных карманов своего странного наряда.

- Я, я, - Мелисса стала рассуждать вслух. Мысли ее путались. - Чем я таким занимаюсь-то? Книжки люблю читать очень, гулять обожаю, ну и пишу немного.

- Так, так, так, девочка, - лицо Глории просияло. - Вот отсюда развей-ка мысль дальше.

- Вы о том, что я пишу? - Мелисса нахмурилась и сразу вспомнила, какое пристальное внимание этому ничтожному факту уделяли противные учительницы в школе. Как ей надоела эта тема! - Не думаю, что мои, с позволения сказать, опусы, могут иметь к ночному нападению хотя бы какое-то отношение! Я так, немного пописываю, ничего особенного, - и Мелисса надулась, как мышь на крупу.

Глория подняла вверх брови, посмотрела на нее с хитрецей и протянула:
- Да, девочка, тебе еще многое предстоит узнать! На самом-то деле твое дарование может иметь прямую связь с той тьмой из леса. Ты еще не знаешь, как не любит тьма свет, заключенный в творении!
- В творении! – Мелисса чуть было не вскочила на ноги, но вовремя опомнилась. - В каком таком творении?! Все, что я пишу, это глупые ничтожные зарисовки, не имеющие никакого отношения к творению!
- Ох, ох, ну будет тебе кипятишься! Что ты так раздухарилась-то? – сказала Глория примирительным тоном. - Есть у тебя что почитать-то? Дай взглянуть на твои опусы! Я же не читала ничего! Может быть, ты и права, и тогда прекратим наш спор.
Мелиссе стало досадно. Вот пристала-то! Она, нахмурившись, стала рыться в своем рюкзаке, и вытащила оттуда дневник. Пролистала несколько страниц и нашла какую-то запись.
- Вот, - протянула она тетрадь Глории. - Вот, возможно, самое достойное из того, что я накалякала. Как-то раз я пришла из школы, и на меня нашло странное ощущение, не знаю даже, как вам объяснить! Будто бы что-то огромное, светлое и великое хочет вылиться из моей души наружу. И я попросту не могу держать это в себе. Я села писать. Сама не понимала, что пишу, но чувствовала полет, такой прекрасный, свободный и легкий. Так дело обстояло. Потом, на следующий день, перечитала и вообще с трудом поверила, что написанное - моих рук дело.
- Так, так, так, очень интересно, девочка, очень, - глаза Глории вспыхнули странной радостью, и она погрузилась в чтение.

Глава 9

« Я в комнате, стены ее из серых больших камней. Давно ли я здесь? Не знаю. Не знаю. Комната небольшая и узкая. Двери нет. Есть лишь окно с толстым кристально-чистым стеклом. Оно занимает всю стену, а за ним: небо, гряды гор, море и воздух - чистый, прозрачный, свежий.

Я здесь одна. Одна. Одна в неволе. Вид за окном манит меня, растревает мою душу. Я заметила, что ночи здесь нет, всегда – день, я всегда вижу солнце. Но иногда пелена застилает мои глаза, и я погружаюсь во мрак. Я прекрасно знаю, что там за окном – солнце, и я мучаюсь еще более, так как не могу видеть его. Затем неожиданно пелена спадает с моих глаз...

Как жестоко! Отсюда нет выхода. В отчаянье я пыталась открыть окно, царапала деревянную раму, била кулаками по стеклу, но все мои усилия были напрасны. Я падала в изнеможении на пол и глядела, как кровь моя сочится из исцарапанных и отбитых пальцев. Теперь я думаю, если бы окно было открыто, что бы я сделала? Я бы хотела полететь туда, к морю, к горам, к свободе, но у меня нет крыльев, тогда оставалось бы одно: прыгнуть вниз, в бездну, в пропасть. Это тоже было бы великолепно! Встать на подоконник, вдохнуть свежий воздух, почувствовать дыхание моря, силу небес, кинуть торжествующий взгляд на свою тюрьму и со словами: « Я СВОБОДНА! » прыгнуть вниз. Но, увы, увы, увы, это невозможно. Окно закрыто наглухо. И я, истекая слезами, переполняясь отчаянием, смотрю на милые моему взору горы, на серо-синее море, купающееся в безбрежной ласке небо, и мне становится все хуже и хуже.

Надо сказать, что некоторое время назад я заметила странную перемену: линия горизонта там, где море сходится с небом, окрасилась в багряный цвет. Мне кажется, будто наступает вечер. Я потрясена этим. Такого никогда не было. Может, что-нибудь про-

исойдет? Ах, глупые, глупые надежды, оставь их, что может произойти?! Но надежды сильнее меня, и они шепчут: « Верь! Верь! Верь!»

Я подхожу к окну, провожу ладонью по стеклу и еле слышно молю: « Помоги...». Неожиданно перед моим взором появляется Ангел. Я от удивления отшатываюсь от окна и отхожу на несколько шагов назад. Он смотрит на меня, его взгляд проникает в мои глаза и теплым сладким ядом разливается по моей душе. Мне становится трудно дышать, руки мои холодеют. А его лицо кажется мне таким знакомым и близким! Он без слов начинает говорить со мной, я отчетливо слышу его голос в своей душе.

- Воспрянь духом! Близится час свободы! Первозданная мгла, что тянется из глубин твоей темницы, скоро развеется!

- Ангел, милый Ангел! Прошу тебя, помоги мне! Я не могу больше здесь находиться! Освободи меня! Разбей стекло! Открой окно! Я не могу сама его открыть!

Его лицо светлеет, бледное сияние вокруг его головы разгорается ярче, и он отвечает мне:

- Когда у тебя появятся крылья, ты поймешь, что окно всегда было открыто!

- Ангел, милый Ангел, какие крылья?! Как же они смогут появиться?!

- Верь мне, верь! Я жду тебя! Видишь самую высокую гору? Мы встретимся там. В мире еще много иллюзий «закрытых окон», и я научу тебя разбивать их! – при этих словах ликование вторгается в мою душу, наполняя ее предчувствием долгожданной свободы.

Я падаю на колени, слезы благодати скользят по моему лицу.

- А теперь я ухожу.

- Нет. Нет. Нет. Молю тебя не уходи, не оставляй одну в безумии...Я не вынесу...

Он прикладывает палец к губам, глаза его озаряются яркими вспышками небесных молний, и он, медленно разворачиваясь, улетает прочь. Я вижу его удаляющийся силуэт, слышу биенье его крыл...

О, нет! Вновь дикий страх переполняет меня, тьма поглощает мысли, острая скорбь врывается в сердце. За что? За что? Почему ты оставил меня?

Я, пошатываясь, встаю с колен, мне удастся сделать это с трудом, будто на спине моей тяжелая ноша. Наконец, я твердо встаю на ноги поворачиваю голову и вижу темные крылья за своей спиной. Крылья! Теперь я смогу улететь. Смогу.. Но окно закрыто! Я подбегаю к нему, с силой толкаю и оно открывается! Этого не может быть! Значит, оно действительно всегда было открыто! Я выпрыгиваю и лечу, лечу, лечу!!! О, счастье! Свобода! Невыразимая свобода! Я слышу, как крылья мои рассекают воздух, ощущаю их невесомость и легкость. Скорее к морю! К горам!

Пока Глория читала, Мелисса уже начала клевать носом. Размеренный ход повозки убаюкивал ее, и она потихоньку стала погружаться в сон.

- Недурственно, девочка, недурственно, - громкий хрипчатый голос Глории вывел Мелиссу из забытья.

- Вы о чем? – она быстро открыла глаза и не сразу сообразила, что происходит, но когда увидела в руках колдуньи свой дневник, то все поняла, - А вы об этом!

- Как ты небрежно относишься к своему таланту, дорогая, - покачала головой Глория, - Написанное тобой – прекрасный образчик диалога твоей души с иным миром!

- Да? – недоверчиво спросила девочка и отчаянно зевнула.

- Да, да, да! Я думаю, со временем ты поймешь, что несут в себе те образы, которыми ты дала жизнь в этой зарисовке.

- Ммм, - протянула Мелисса.

- Не стоит так пренебрегать творчеством, тем даром, который ниспослан тебе свыше! Твой дар может стать твоим путем, твоим проклятием и благословением, – продолжала

ведцать Глория.

Мелисса удивленно смотрела на нее. Неужели в этих записушках она нашла что-то стоящее внимания? Хотя, быть может, я действительно чего-то не понимаю?

- Это все прекрасно, конечно, - отмахнулась Мелисса. - Но все-таки скажите мне, причем тут вчерашнее нападение на меня и мой, как вы говорите, дар! Что же теперь на меня постоянно будет нападать всякая непонятная нечисть? Знаете, не очень-то мне этого хочется!

- Мелисса, Мелисса, - покачала головой Глория, снова достала маленькую трубку и раскурила ее. - Я не говорю, что твои способности напрямую связаны с пробуждением нечисти. Я хочу сказать, что здесь есть какая-то связь. Вот и все! Конечно, по-хорошему, мне нужно похвастаться с тобой до дома Моника и рассказать ей все, но я не буду портить тебе лето. Да и к тому же у меня есть очень, очень важные дела, которые не требуют отлагательств. Я даже к себе не успею заскочить. Надо будет идти далеко-далеко и неизвестно еще, когда я вернусь.

- Спасибо вам, - выдохнула Мелисса, она уже успела тысячу раз пожалеть о том, что все рассказала Глории. Вдруг она все-таки проболтается тете? И тогда – прощай беспечное лето. И потому она решила немного сгладить общую картину и добавила: - Мне кажется, что ничего плохого со мной же не случится, тем более в Бриф-Косте.

- Вполне возможно, вполне возможно, девочка, только все же будь осторожна! И тогда все будет хорошо! – лицо Глории расплылось в сияющей улыбке.

Наконец, повозка остановилась, и Хэттер громко крикнул:

- Выходим девочки на ночевку!

Мелисса растолкала Эльзу и с большой радостью спрыгнула на землю. Она увидела знаемую тропинку, которая вела вверх по скале к той самой пещере, где они останавливались на ночлег.

Теперь ей совсем не было страшно. Присутствие Глории успокаивало ее. Во время их непродолжительной совместной поездки Мелисса как-то незаметно успела привязаться к ней, и ей показалось, что она знает колдунью чуть ли не всю жизнь. Все четверо забрали вещи из повозки и двинулись вверх по тропе. В пещере никого не было, и они начали готовиться к ужину. Пока Мелисса разводила костер, Глория смешивала какие-то травы и объясняла Эльзе секрет их целебного действия. Последняя громко восклицала и возбужденно охала.

В скором времени путники сели ужинать. И тут Эльза устроила Глории самый настоящий допрос. Ей было интересно все! Где она живет? Кто ее подруги? Где училась магии? И все в том же духе. Глория отвечала с изрядной долей иронии. И кормила любопытную попутчицу разного рода байками. Но, к счастью для Глории, очень скоро всех потянуло ко сну, и, укрывшись плотными одеялами, они погрузились в сладкую дремоту.

Перед тем, как уснуть Мелисса предалась размышлениям. В глубине души родилось осознание, что все вокруг нее меняется, и грани привычного мира с треском ломаются. Она понимала, что мир становится совсем иным. Она хотела, как можно дольше пожить прежней жизнью, такой ясной и понятной, где есть нелюбимая и чужая школа, есть родной и теплый дом с кучей книг и заботливыми родителями. Той жизнью в которой есть беспечность и не надо с тревогой смотреть в будущее. Теперь Мелисса понимала: это лето – небольшая передышка, как будто кто-то дает ей время надышаться вволю...

Глава 10

Ночь прошла без происшествий. Ранним утром вся честная компания продолжила свой путь. Эльза на сей раз хорошенько выспалась и потому трещала всю дорогу без

умолку. А Мелиссе хотелось поговорить с Глорией с глазу на глаз о том сокровенном и странном, что вчера явилось предметом их обсуждений. Она мысленно досадовала на болтливую Эльзу и посылала Глории многозначительный взгляды, но последняя, казалось, не замечала их и только улыбалась Мелиссе в ответ.

Время летело быстро, и вот уже ближе к вечеру девочка почувствовала в воздухе запах моря. Усталость от долгой поездки как рукой сняло. Впереди замаячили городские ворота Бриф-Коста, при виде которых у Мелиссы захватило дух от радости. Ну наконец-то!

- Дружок, останови-ка тут, - крикнула Глория Хэттеру и проворно слезла на землю. - Ну спасибо, что подбросили, - она шутливо поклонилась. - До скорого свидания! Мелисса, будь осторожна! - она кинула глубокий взгляд на девочку, едва заметно кивнула ей и скрылась из виду, свернув на тропинку, ведущую в сторону гор.

- Что это она тебе желает, доча? - удивилась Эльза.

- Ну обычные пожелания, чтобы тетю слушалась и не шалила! Она же ее знакомая, - быстро наплась Мелисса.

- А, - протянула Эльза и, предвкушая ночлег на удобной кровати в одной из гостиниц, что-то нежно запела себе под нос.

Тем временем они миновали городские ворота Бриф-Коста. Мелисса смотрела по сторонам и душа ее ликовала. Как же Бриф-Кост прекрасен! Свободен, светел и чист по сравнению с Файнд-Тауном! В эти минуты родной город казался ей еще более скучным, замкнутым и запертым в самом себе. Они ехали по широкой оживленной улице мимо маленьких лавок, кафе, трактиров, все вокруг сияло и искрилось, жило какой-то своей особой радостной жизнью.

Торговцы сидели на ступеньках лавочек и лениво глядели на потенциальных покупателей. По бульвару неспешно прогуливались люди, о чем-то говорили, спорили, останавливались у дверей ресторанов, раздумывая, в какой бы заглянуть. В пестрой толпе безошибочно можно было отличить чужаков, приехавших отдохнуть на берег моря, матросов, дельцов, заключающих сделки с портовыми компаниями, и коренных жителей. Последние степенно прогуливались по улицам и оглядывали чужестранцев с легким чувством превосходства.

Мелисса с нескрываемым восторгом смотрела на высокие трехэтажные здания, которые были украшены колоннами, портиками и ротондами. Из раскрытых окон бил свет, доносилась оживленная речь, слышался рояль; люди танцевали в гостиных, сидели на лоджиях, потягивая вечерний чай.

Повозка, миновав оживленную часть города, ту, где сосредоточилась основная жизнь, свернула в тихий квартал под названием «Сильвер». Улицы там были широкие, дома стояли достаточно далеко друг от друга, и все говорило о спокойной, размеренной жизни их обитателей. Собственно там и проживала тетя Моника.

Хэттер остановился у трехэтажного дома. В ту же минуту из окна последнего этажа выглянула тетя Моника и громким веселым голосом закричала:

- Радость моя, приехала!

Мелисса улыбнулась. Тетя всегда восхищалась ее своим бойким нравом и особой манерой говорить.

Не прошло и нескольких секунд, как она уже была внизу, и громко крича приветственные слова, сжимала девочку в объятьях.

- Ну, котик мой, ну наконец-то! - тетя Моника открыла дверь квартиры и пропустила Мелиссу вперед. - Ты проходи пока в залу, а я твои вещички закину в комнату. Ну, котик, ну молодчинка!

Мелисса послушно прошла в гостиную, которую Моника упорно именovala «залой» и села в свое любимое кресло напротив камина. Она бросила любопытный взгляд на стол и увидела много тарелок с едой.

Она улыбнулась. Опять тетя наготовила, как для целой оравы!

- Ну, Мелисска, - вихрем влетела она в комнату, и тряхнула головой так сильно, что пряди ее золотистых волос высыпались из тугого высокого хвоста. - Душевно просто! Чудно! Так и хочется тебя зацеловать до смерти, но это потом, потом! А пока, не желаешь ли откусывать?

Мелисса вытянула ноги и разнежилась: как же тут хорошо! Век бы отсюда не уезжать!

- Да, тетя, я с удовольствием, - покорно ответила она.

- Чудно! Давай за стол! – они кивнула головой в ту сторону. - Я такое сотворила, - и она подмигнула ей: - Морских гадиков изжарила с лучком, рис туда забабахала, ну и еще так, по мелочи: салатки всякие, огурчики, помидорчики! Чудненько словом!

Мелисса уселась за стол. Тетя, суетясь и возбужденно болтая, накладывала ей в большую тарелку такое количество еды, что и слон, казалось, не осилит. Девочка смотрела на тетю и умилялась: с каждым годом она все хорошела и хорошела. Ей было уже около сорока, но возраст придавал ей шарма и делал ее живые зеленые глаза еще более глубокими!

Наконец, Моника сама села за стол.

- Душевно! – протянула она, проглотив, порцию жареных морских жителей. - Да, Мели, душевно же?! Ну согласись!

- Ага, - расплываясь в улыбке, ответила девочка. Да, тетя Моника готовила просто неподражаемо.

- А теперь рассказывай! Как там родители пожидают? Как доехала? Да и вообще! Все, все рассказывай! – и Моника порывисто всплеснула руками.

Мелисса окончательно размякла от столь душевного приема и совсем забыла о своих тревогах. Но вопрос «Как доехала?» невольно воскресил в памяти страшное воспоминание о случае в лесу и заставил ее вздрогнуть. Это не скрылось от внимательного взгляда Моника.

- Ты что это, солнце мое? – с тревогой спросила тетя.

Мелисса сразу же приняла беспечный вид:

- Да вы что, тетя? Все в порядке. Просто что-то дрожь пробежала по телу. Знаете, бывает такое.

- А то не знать, знаю! – Моника снова всплеснула руками. Ее речь всегда сопровождалась бурной жестикуляцией. - Ну, давай же, душа моя, рассказывай тогда, не томи!

Мелисса хлебнула горячего крепкого чаю и ответила:

- С мамой и папой все в порядке! Нового у них ничего нет! Да вы и сами, наверное, знаете. Мама же вам часто пишет.

- Писать-то пишет, - тетя поморщилась. - Да, вот письма долго идут, пока там из вашего унылого городишки чего дождешься! И как можно жить в таком месте! Фу! – тетя сделала такую мину, словно увидела нечто непристойное.

- Я с вами согласна, тетя! – кивнула Мелисса.

- Всегда говорила твоему мамульке, чтобы она папашку прихватывала и сюда перебиралась, но нет, нет, - тетя развела руками. - Они там окопались накрепко! Ну да шут с ними! Лучше скажи, как учеба твоя протекает?!

Мелиссу опять передернуло. Она вспомнила мрачное здание школы и унылых одноклассниц.

- Да нормально все! – коротко ответила Мелисса. - Не хочу даже про эту серость

вспоминать.

- А то и правильно! Что же я тебя в тоску вгоняю?! Ну ее школу эту! Ты приехала к своей любимой тете веселиться, а не грустить! Моя ты радость! – Моника подскочила к ней и крепко обняла, потрепав по голове.

- О, тетя! Знаете, с кем я по дороге познакомилась?! – Мелисса решила заинтриговать ее.

- Да не знаю! – выпалила Моника.

Мелисса состроила мрачную мину и низким голосом произнесла:

- С колдуньей Глорией!

Тетя хлопнула в ладоши и прокричала:

- Улет!

- Не то слово, тетя! Она говорит, что вы с ней подружки давние!

- Да, солнце мое, есть такое дело! Вот так история! – протянула тетя.

Мелисса вкратце рассказала о том, как произошло их знакомство.

- С Глорией у нас дружба давняя! Помню я те далекие времена, когда она еще в отшельницы не ушла! Мы с ней тогда вваливались в какую-нибудь ресторацию и давай там до утра куролесить! Все на нас смотрели! А то! Глория цапок своих не снимала и шевелюру в порядок не приводила! Это я фифой была!

- Она так и по городу ходила? – удивленно протянула Мелисса.

- А то!

Вот так Глория! Надо будет рассказать о ней Саре. Да, кстати, уже завтра она увидит ее!

- Ой, тетя, а как там Сара-то?! – спохватилась Мелисса.

- Ой, Сара, твоя, умора вообще! – Моника залилась смехом. - Она такое в школе творит! Родители ее измаялись. Вот недавно она подбила глаз сыну директора школы. Ой, что было-то! Что было! – она перестала смеяться, и вытерев слезы, добавила нарочито строгим голосом: - А ты-то, надеюсь, в школе мальчиков не мутузишь?

Мелисса улынулась:

- Тетя, ты забыла, наверное, но у нас классы раздельные! С мальчиками мы почти не общаемся!

- Ты футы, черт, - Моника покачала головой. - Совсем забываю, в какой глуши ты живешь. Вам бы туда Сару отправить, она бы шухер-то навела в вашем болоте. Кстати, утром она про тебя спрашивала. Хотела сегодня вечером прийти, но родители испугались, что на радостях от встречи с тобой она выкинет фортель какой-нибудь и не пустили ее. Думаю, завтра с утречка, она тут как штык будет.

Мелисса обрадовалась. Какое счастье увидеть любимую подружку спустя столько месяцев! Зимой Сара приезжала к ним, правда, ненадолго, и они с нетерпением ждали лета, чтобы снова отправиться на поиски приключений.

- Как же здорово, тетя! – сказала Мелисса и потянулась.

- А то, котик мой! Чудненько просто! Будем с вами ходить шляпок топить!

«Топить шляпок», - на языке Моника означало следующее: прийти на пляж, где уже с самого утра нежились «отдыхайки» (так Моника называла приезжих дам, желающих погреться на берегу моря) и, когда они в своих соломенных шляпах отплывали от берега, разогнаться и, прыгнув с пирса, обдать их волнами. «И шляпка-то ее так прям и по-никла» - обсуждая содеянное, приговаривала Моника.

Мелисса не слишком любила участвовать в подобном развлечении, но Сара, преуспевающая в этих делах, постоянно подначивала ее.

Долго еще сидели они и все никак не могли наговориться. Около полуночи Мелисса начала отчаянно зевать. Тетя потащила ее в комнату, где уже была готова чистая и мяг-

кая постель. Едва голова девочки коснулась подушки, как она тут же уплыла в объятия Морфея.

Глава 11

- Эй, просыпайся, подружачка! - в сон Мелиссы проник бойкий грубоватый голос, и кто-то с силой потряс ее за плечо.

Мелисса с трудом продрала глаза и увидела Сару, которая сидела на краешке кровати.

- Сара! - радостно закричала Мелисса и кинулась обнимать подругу.

- Ну наконец-то! Отверзла очи свои! - пробурчала Сара и раскрыла объятия. - Давай, вставай уже! Как же я рада тебя видеть! - она небрежно потрепала ее по голове.

Мелисса поднялась и глянула на подругу. Та ничуть не изменилась. Все тот же боевой настрой в глазах, все те же всклокоченные темные волосы и быстрые порывистые движения.

- Смотришь, не изменилась ли я? Неа! Не дожدهшься, - весело сказала Сара, и тряхнула головой.

Мелисса заметила на щеке подруги засохшую грязь и засмеялась:

- Где ты с утра пораньше вымазаться успела?

- А, - Сара махнула рукой. - На чердаклазила, хотела достать нам с тобой рыбы вяленой, но меня мама засекала. Пришлось убежать от нее по наружной лестнице, а она вся грязная!

- Ну ты как всегда! - радостно подытожила Мелисса.

- А то! - Сара кинула на нее пристальный взгляд. - А ты я, смотрю, изменилась что ли? Понять не могу. Что-то ты больно взрослая стала.

Мелисса покачала головой:

- Устала я, Сара, пока доехала. Да и вообще, ты представить себе не можешь, как стремилась я вырваться из Файнд-Тауна! Это ожидание вымотало меня! - покривила душой Мелисса.

Ей пока не хотелось рассказывать Саре о своих приключениях. Она боялась, что тетя, громко стучавшая кастрюлями на кухне, услышит ее.

Сара кинула на подругу недоверчивый взгляд, прикусила губу и протянула:

- Ну ладно, Мелис, поверю тебе. Но смотри у меня, если ты что-то скрываешь, то не одобровать тебе! - она склонилась над ней, чтобы отвесить щелбан.

Мелисса стала отчаянно отмахиваться, и комната наполнилась громким смехом.

- Давай, вставай, - настаивала Сара. - И пойдем уже гулять!

- Да встаю я, встаю, - ответила девочка и запустила в подругу подушкой. - А ты иди отсюда и накрывай мне на стол, пока я буду облачаться в свои одежды!

- Ну ты, зараза, - ловко увернулась Сара от летящей в нее подушки и выбежала из комнаты.

Солнечный свет проникал в уютную комнату через открытое настежь окно, завешенное тонкой тюлевой занавеской. Как хорошо, что здесь все осталось на своих местах! Высокий книжный шкаф, который Мелисса помнила с самого детства; большой, старый, добротный комод, в нем она маленьким ребенком пряталась от тети Моники; небольшой письменный стол у окна, за ним девочка частенько пила чай вечерами; настольные часы, украшенные изображениями маленьких ангелочков. Словом, все здесь дышало любовью и навевало воспоминания.

Мелисса совершила утренний туалет и вышла в гостиную, где за столом уже сидели Моника с Сарой и обсуждали что-то явно очень смешное. Они громко хохотали. А Мо-

ника приговаривала: «Вот елки-палки-моталки!».

- Проснулась? Ну-ка давай за стол скорее! – радостно закричала она, не переставая смеяться, и вскочила со стула.

Мелисса присоединилась к ним. А тетя продолжила:

- Пойдете сегодня шляпок топить, а?

Сара удивленно вскинула брови:

- А вы что с нами не пойдете? Мы же вместе всегда топим?

- Нет, котики, у меня сегодня никак. Тут срочно потребовалось в аптеку зельице одно! Буду химичить целый день! Вот отдохнуть-то не дают спокойно, нелюди! – Моника грустно покачала головой.

Тетя Моника, как и ее сестра Хильда, занималась изготовлением снадобий и лекарств. В квартире для этого дела была оборудована отдельная комната, где она часами проводила время. Мелисса иногда наблюдала за ней, тетя сидела за столом, полностью погруженная в работу, громко бубнила, трясла головой, отчаянно жестикулировала. А когда выходила на перерыв, то выглядела весьма забавно. Волосы были растрепаны и всклокочены, а глаза возбужденно метались в разные стороны. Она частенько надевала очки, которые болтались где-то на кончике носа, и делали ее похожей на добрую фею из старых сказок.

- Жалко, что вы с нами не пойдете, - разочарованно протянула Мелисса, а сама подумала: «Все же это к лучшему. Смогу рассказать Саре о своих злоключениях».

- Так вот я к чему говорю-то, вы без меня топить не ходите! Вместе пойдем, когда я свои дела доделаю. Вот так всегда у меня: то пусто, то густо! – заключила Моника и развела руками.

Девочки покончили с завтраком и, распрощавшись с тетей, вышли на улицу.

- Ну что, куда отправимся, Мелис? – спросила Сара.

- Пойдем-ка, к морю, только не туда, где «отдыхайки» собираются, а на наше место!

- Пойдем! – подхватила Сара.

Девочки двинулись по пустынной залитой солнцем улице. Когда они поравнялись с домом Сары, та предложила Мелиссе ускорить шаг. И не зря! Из-за садовой ограды выглянула мать девочки и прокричала им вслед:

- Мелисса, привет! Не давай этой негоднице шкодить! Вечером она у меня еще получит.

- Фу ты, ну ты, - равнодушно пожала плечами Сара. - Напутала-то как.

Мать Сары считала, что Мелисса благотворно влияет на ее непосlušную дочь! Знала бы она, что Мелисса сама не прочь пошкодить вместе с подругой!

Они свернули в узкий переулок, прошли по заросшему травой пригорку и оказались на пустыре на окраине которого стоял старый полуразвалившийся дом. Здесь девочки любили подолгу сидеть и строить планы. Тут они соорудили шалаш, накрыв тряпок в угол дома, и сделав крышу из старых досок. Миновав развалины, они вышли на холмистую местность. Отсюда открывался вид на дикий берег моря, перерезанный то тут, то там высокими скалами.

Мелисса увидела море, и душа ее взволновалась, а дыхание перехватывало. Подруги медленно прошли по усыпанному галькой берегу, и, не сговариваясь, прямо в одежде бросились в манящую пучину. Мягкие тихие волны накрыли Мелиссу с головой, и ей показалось, что она, наконец, вернулась домой в свою родную стихию, без которой так страдает на суше. Она прыгала и смеялась, брызгала на Сару водой. Та не отставала от нее. Потом они начали «топить» друг друга, и, нахлебавшись соленой воды, уставшие и разгоряченные, выбрались на берег и рухнули на горячую гальку.

В начале июня солнце пекло еще не так сильно. Потому они с удовольствием растяну-

лись на берегу и валялись, глядя на голубое безоблачное небо.

- Да! Вот это жизнь! – радостно протянула Мелисса.

- Ага! – подтвердила Сара. - Хорошо, что ты приехала. Одной тоже душевно, как говорит Моника, но все равно как-то не так.

- Почему одной-то?! – удивилась Мелисса. - Ты же с ребятами вечно гуляешь.

- Да, понимаешь, - Сара повернулась на живот и стала щекотать Мелису травинкой по лицу. - Надоедают они мне за весь учебный год. Да и половина разъезжается, кто куда. Но я думаю, мы с ними, все же пару раз погуляем.

Мелисса вырвала у Сары из рук травинку.

- Ну можно, конечно. Я даже кое-кого из твоих друзей помню.

- Да дураки они все, - резюмировала Сара.

Мелисса прикрыла глаза. Так приятно слушать, как море плещется за спиной, и чувствовать, как постепенно высыхает одежда, и дышать этим чистым просоленным воздухом.

Подобную благодатную идиллию ей не хотелось нарушать рассказами о темной нечисти. Нет! В этот светлый покой не нужно вшивать тревоги и сомнения!

Но Сара, стараясь говорить нарочито беспечным тоном, вдруг произнесла:

- Слушай, Мелис, ты меня не обманешь! Тебя что-то тревожит! Я прямо кожей своей ощущаю какую-то недосказанность и тревогу в тебе. Ну не знаю, как объяснить! Ты, правда, как-то изменилась. Может от того, что ты стала писать истории всякие и скоро станешь такой же сумасшедшей, как тетя Моника? М?

Мелисса отмахнулась:

- Да ну брось ты! При чем тут мои истории?!

- Ты мне парочку высылала. Ты ж знаешь, я читать-то не любитель. Но твои меня захватили прямо, правда, я не все поняла. Но так по ощущениям: то страшно, то светло, будто летишь что ли куда-то. Я вообще не поверила сначала, что это ты писала. Чувствую в них тебя, но будто не ты, будто кто-то через тебя говорит! – и Сара положила Мелиссе на живот большой плоский камень.

- Тебе понравилось? – искренне удивилась девочка. - Но ты ни словом в письме не обмолвилась об этом. Я даже слегка обиделась, если честно, - и Мелисса, собрав горсть мелкой гальки, высыпала их Саре за ворот.

- Ах ты, зараза, - рассмеялась подруга и стала вытаскивать камешки из-под одежды. - Ну да, - продолжила она. - Я тебе ничего не написала об этом, чтобы ты не возгордилась слишком.

- Ох прямо таки возгордилась бы! – гневно сверкнула глазами Мелисса.

- Ну да! Ты же у нас большого о себе мнения! – шутливым тоном ответила Сара, и состроила серьезную мину. - Читаешь вечно всякие книги умные, учишься хорошо.

- Ну тебя, - надулась Мелисса.

- Да, шучу я, глупая, - и она толкнула подругу в плечо.

Мелисса задумалась. А все же надо рассказать Саре, раз она действительно что-то чувствует. Девочка кинула беглый взгляд на подругу: та лежала на боку и смотрела на нее хитрыми глазами, выжидая, когда же, наконец, услышит правду.

- Ладно, ты права. Я расскажу тебе кое-что! – вздохнув, сказала она.

Сара просияла, в глазах ее зажглось торжество, и Мелисса поведала ей свою сумбурную и сбивчивую историю.

- Ты, Мелис, рехнулась по-моему! – отрезала Сара, и ударила ладонью по камням с такой силой, что они разлетелись в стороны. – А все от того, что ты истории начала писать! Вот фантазия-то у тебя и разыгралась! Все ясно, как белый день!

- Спасибо тебе, дорогая подруженька, - с обидой в голосе прошептала Мелисса.

- Ну а что, - пожала плечами Сара. - Сама посуди! Сначала тебе мерещатся какие-то голоса в школьных подвалах, потом ты видишь дурацкие картинки: пустой город, темный силузт, и снова голоса, голоса! Потом после истории, рассказанной этой дурковатой Эльзой, ты в тот же самый миг встречаешь каких-то чудовищ лесных и видишь непонятное свечение. И заметь: ни Эльза, ни ее муженек ничего не помнят! Получается, они-то никаких чудовищ-то и не видели! А твоя колдунья просто не в себе, как и ты! Вот!

Мелисса нахмурилась. Конечно, в словах Сары есть доля истины. А может она действительно сходит с ума?!

- Ну не печалься, - Сара потрепала ее по голове. - Это вылечить можно как-то! Вот сейчас развеешься, забудешь о своих кошмарах, а когда вернешься домой, то все, как рукой снимет. А если снова подобное повторится, то найдешь в книгах своей матери рецепт от безумия. Сваришь себе тихую настой какой-нибудь и будешь незаметно пить его!

Мелисса снова вздохнула и уклончиво ответила:

- Ну не знаю! Не знаю!

Сара продолжительно и задумчиво посмотрела на нее. Мелисса поймала ее взгляд и с напором спросила:

- Ну что еще-то? Говори уже!

- Какая ты проницательная! – смеясь, ответила Сара.

- А ты думала. Ни одной тебе быть вещуньей, - съязвила Мелисса.

- Чего? Кем? – вытаращила глаза Сара.

- Читать больше надо!

- Иди ты! – нахохлилась Сара.

- Ладно уже, хватит! Говори скорей, что там у тебя на уме.

Сара улыбнулась, пробормотала про себя: «Вещунья», и начала:

- Когда ты рассказывала о своих злоключениях, я несколько удивилась, потому что недавно слышала нечто подобное.

- Что?

- Ну да, да! Только не перебивай меня, - строго сказала Сара. - У нас в классе есть мальчик Билли. Помнишь его? Мы в прошлом году вместе ходили рыбу удить. Ты еще сказала, что он слишком много плюется, рутается и пытается показаться взрослее, чем он есть на самом деле. Так вот, история эта связана с ним! Иду я в школу после выходных. Опоздываю страшно. Думаю над тем, что бы такое соврать в свое оправдание. И придумала! Зайду-ка я за аптеку в грязный закоулок и спрячу там свой портфель. Приду в школу, скажу, что на меня напали мальчишки с Фэктори и портфель отобрали. Классная дама, конечно, мне не поверит, начнет кричать, чтобы я, где хотела, там портфель и доставала, и все в том же духе. Я ей поклонюсь, отвечу: «Да, да, моя повелительница!», а сама шмыг, добежу до аптеки, возьму портфель и вернусь обратно. Так еще больше времени выгадаю, а классная дама все равно правды не дознается и во лжи меня уличить не сможет.

- Ну ты даешь! – рассмеялась Мелисса. - Только я все равно не понимаю, причем тут нечистая сила?

- Я же попросила не перебивать меня, - сверкнула глазами Сара.

- Молчу, молчу, - хихикнула Мелисса и добавила: - Болтушка.

Сара сделала вид, что не услышала последнего слова, брошенного в ее адрес, и довольная тем, что Мелисса высоко оценила ее хитрый план, продолжила не без гордости:

- Забегаю я за аптеку, прохожу в закоулок и застываю от удивления. Смотрю, в углу кто-то есть. А там темно так и сумеречно! Ничего не разглядеть. Кому понадобилось здесь прятаться? Интересно мне стало, и я так тихо-тихо подошла и гляжу: Билли стоит, уткнувшись носом в стенку. И что ты думаешь? Ревет! Билли ревет! Билли, когда ему нос разбивали - не ревел; когда его родители на ночь из дома выгоняли - не ревел; когда его по арифметике на летнее обучение оставили - не ревел! И тут такое! Он услышал мои шаги и испуганно обернулся. Увидел меня, вздохнул с облегчением, и обрадовался. А я думаю, что он радуется-то? Другой бы на его месте разозлился: девчонка застучала тебя плачущим! Я стою и не знаю, что делать, что говорить и как к нему подступиться. Короче говоря, в растерянности нахожусь. Тут он заговорил:

- Сара, как хорошо, что это ты!

Я удивилась:

- А ты что кого-то другого ждал?

Он всхлипывает, в глазах ужас появляется, и отвечает:

- Не ждал, нет, нет, но боялся, что придут.

- Кто? – еще больше удивляюсь я.

- Они, - отвечает он.

- Кто они? Родители?

- Нет.

- Классная дама и остальные учителя?

- Нет.

- Мальчишки из Фэктори, которые давно хотят тебя вздуть?

- Нет.

- Торговцы каштанами, у которых ты постоянно воруеть товар?

- Нет! Нет! Нет! – вдруг закричал он и снова расплакался.

- Ну тогда я уже ничего не понимаю!

Плянула на часы. Мы же в одном классе учимся, и выходило, что мы на пол урока уже опоздали. Если до его окончания не прийти в школу, то классная дама сразу к родителям побежит жаловаться, а мне и так недавно влетело за то, что я нос кому-то, уж не помню кому, разбила.

Я его тогда за плечо трогаю и говорю:

- Слушай, Билли, не знаю, что у тебя там случилось, но пошли скорей в школу.

А он так оторопело на меня посмотрел и за рукав схватил:

- Нет, не уходи без меня. Мне надо в себя прийти. Не хочу, чтобы видели, как я реву. Давай, я тебе расскажу, что случилось, может, мне легче станет. А к концу урока пойдем в школу и придумаем что-нибудь.

- Ну давай! – соглашаюсь я, и мы садимся на старое трухлявое вонючее бревно.

Я вздохнула про себя: мама мне всыплет вечером за грязные штаны. Она же их только вчера постирала. Ну да ладно! И без того влетит в школе, так что уж теперь мелочиться!

- Такое случилось, - говорит Билли, и немного успокаивается, вытирая рукавом слезы. – Я с мальчишками из Фэктори вчера ночью пошел в заброшенный дом, который у них там на отшибе стоит.

- Что? – у меня челюсть от удивления отвисла. – Ты с ними? Но они же тебя давно хотят побить за то, что ты гулял по нашему кварталу с девчонкой из их школы! А потом повадилась провожать ее до дома.

- Было такое, - отмахнулся Билли. - Но мы заключили перемирие временное. Догово-

рились, что я к ним раз в неделю беспрепятственно хожу, а их Джеки к нам.

- Ну ты вообще! Они же наши враги! Ты забыл что ли последнюю войну?! – пытаюсь воззвать я к его совести.

- Да какая уже разница, все это к делу не относится! Слушай лучше! – уже твердым голосом, не терпящим возражения, продолжил он: - Сама знаешь, квартал их считается бедным и опасным. Там кабаков куча, всяких питейных заведений, а дома почти все, - развалюхи, но один - отличается от всех - тот, который на отшибе стоит. Ты его точно не видела, ты в Фэктори дальше первой линии и не была.

- Ну да, - поддакиваю я. В другой раз я бы ему за это шею намылила, за такие-то слова. Но не подходящий случай был.

- Жил в этом доме сто лет назад один богатый торговец Стоун Грей. Он в порту доки держал, они хорошие доходы приносили. Он как раз фабрику-то и построил, потому квартал и называется теперь «Фэктори». А раньше считался он приличным местом. Ну слышала ты, наверное. Так вот, дом, в котором жил Грей, настоящий замок! Трехэтажный с двумя флигелями, большой, красивый, украшен колоннами, вокруг него - сад. Жил он там один, холостой был. Поговаривают только, что был он любвеобильным: со служанками своими знался и ходил во всякие дурные заведения. Помимо этого еще и какими-то темными делами занимался, духов вызывал или что-то в этом роде. Говорят, у него целая библиотека была со страшными книгами. На досуге любил он их полистать и на практике применить вычитанное. Расцвет его торгового дела именно черной магии и приписывали. Недаром все его конкуренты умирали один за другим: кто в море утонет, кого зарежут в пьяной драке, а кто - от выпитого вина захлебнется. Однажды, Грей задумал жениться и стал по городу ходить - прицениваться. По гостям разъезжать, где молодые девицы были. И вот втерся он в одну семью, там барышня была красивая и молодая, но бедная. Маман же ее так и норовила дочь замуж выдать и плевать ей было, что жених славой дурной пользуется. Барышня же не хотела связывать свою жизнь с Греем! Спротивлялась сначала, мол, не пойду я за зверя этого, не нравится он мне! А маман: «Ну что ты! Какой же он зверь! Смотри, какой он красивый, умный, богатый! Он разве ж дурное что сделал пока к нам в гости ходил? Все тактичный такой, вежливый, остроумия сыплет, книжки умные цитирует! А мало ли что говорят про него?! Завидуют! А то! Как не позавидовать!», Так говорила алчная мамаша, а девица - ни в какую. Но времена тогда другие были: хочешь - не хочешь, а замуж пойдешь, раз уж родительница приказала. Свадьба, говорят, печальная была. В храме орган зауспокойно звучал, будто не венчают их, а хоронят. Девица грустная была, а жених довольный стоял, весь расфуфыренный и гордый, что такой красавицей владеть будет!

Стали они жить вместе в его доме. И с тех пор девицу никто не видел. Родная мать даже не видела. По городу слухи поползли, что проводит он обряды всякие нехорошие над женой своей. И вот, через три месяца после свадьбы слуги, что в пристройках жили, увидели, как из окна его кабинета вырвалась черная тень и стала увеличиваться в размерах! Потом описала круг над крышей и обратно в окно. И бац! Такой удар послышался, и крики раздались истошные.

Слуги ринулись в дом и, поднявшись на третий этаж в кабинет хозяина, увидели страшную картину: прекрасная молодая жена Грея лежала на полу, вокруг нее был очерчен мелом круг. Они ринулись ей на помощь, но поняли, что она мертва. Глаза ее были открыты, и в них застыл вселенский ужас. Слуги отшатнулись и в глубине кабинета увидели хозяина, он сидел за письменным столом и смотрел, не мигая, в стену. Они стали звать его, но он не откликнулся. Тогда один из них подошел ближе и обомлел: из груди хозяина торчал тонкий клинок, а на столе лежали исписанные заклинаниями листы,

горстки неизвестных им растений и человеческий череп!

Слуги в страхе покинули дом. Хозяина и молодую жену спешно похоронили на заднем дворе усадьбы, где наскоро возвели что-то вроде фамильного склепа, и с тех самых пор в этот дом не ступала нога человека. Его все обходили стороной и считали проклятым.

Я выслушала Билли, он говорил быстро-быстро, как будто пытался перейти скорее к ключевому моменту истории. Но все же я не удержалась и перебила его:

- Прямо таки не ступала нога человека?! Уж кто-нибудь точно нос свой сунул!

- Ну не знаю, - отмахнулся Билли. - Говорю, как мне рассказывали. И вот мы с мальчишками решили туда проникнуть: полазить, посмотреть, может, что интересное нашли бы. Вчера вечером встретились на границе наших кварталов и пошли обходными путями к дому. У них в Фэктори очень сильны предубеждения насчет проклятого дома. Если бы кто увидел, что мы идем туда, нам бы всыпали по первое число. Никем незамеченные мы благополучно дошли до чахлой рощицы, где мало кто бывает. Оттуда мы увидели широкое поле, а за ним лес, а у самой его кромки – проклятый дом.

Что-то нам страшновато стало. Еще и луна полная стояла высоко в небе. Товарищи мои раскисли, и я тогда решил показать им, какой я смельчак и заодно доказать превосходство нашего квартала. «Что стоим? Пошли! Цель близка!» - сказал я. Они нарочито смело ответили: «Идем же, идем!».

Чем ближе мы подходили, тем страшнее становилось. Ты представь, ни одной живой души, луна светит, ветер сильный дует, деревья тревожно шумят, и дом громадный все четче и четче вырисовывается на фоне черного неба. Окна, где заколочены, где зияют черными дырами, колонны все облупились, а львы у входа как-то недобро смотрят.

Толкнули ворота, которые так громко и протяжно заскрипели, что мы испугались, но все равно вошли в сад, с трудом продираясь сквозь заросли. Остановились у открытой нараспашку двери.

Зажгли мы фонари и видим: впереди пыльный и грязный коридор, пошли вдоль него и скоро уперлись в лестницу. Конечно нам было страшно, отовсюду слышались шорохи и скрипы. Но мы убеждали себя в том, что это крысы всполошились из-за нашего вторжения.

Зачем нас только понесло на лестницу, я не знаю, но мы поднялись сначала на второй этаж, потом на третий. Луна теперь освещала нам путь, и мы увидели впереди открытую дверь. Наверное это и есть тот самый кабинет, где нашли мертвецов. Сделали пару шагов и замерли от испуга. Дверь - раз и закрылась. Прямо захлопнулась. Ребята задрожали и говорят: «Пойдем отсюда, а?», а я продолжаю кичиться своей смелостью: «Чего вы боитесь?! Это сквозняк. Пошли дальше».

Они, нехотя, последовали за мной. В коридоре по одной и по другой его стороне, двери комнат были открыты нараспашку. Вдруг они по очереди начали с грохотом закрываться! То одна, то другая, и раздался громкий смех. Нам бы бежать, а мы не можем, застыли, как вкопанные. И тут мы увидели черную тень, которая ползла по полу! Она шипела и извивалась. Мы бросились вниз. Летим по лестнице, и чувствуем, что тень нас преследует! Джека вообще чуть за ногу не схватила. Добежали до площадки второго этажа, и слышим, что и тут двери с грохотом начали закрываться. Вдруг голос раздался, как будто кто-то говорил, набив рот ватой:

- Мы придем за вами. Придем. Теперь точно придем. Завтра ли, сегодня ли, вам не бежать!

Через несколько секунд мы уже были внизу. Кинулись к входной двери, а она, ну ты представь, она закрыта! Была же открыта! Мы со всей силы на нее навалились, и она поддалась. Бежим прочь по саду, а я оглянулся, сам не знаю зачем, и увидел, что дверь

с бешеной скоростью то открывается, то закрывается.

Долго мы бежали, не жалея ног и все казалось, что тень чертова за нами гонится. Остановились мы только тогда, когда достигли того места, где живут люди. Потом, отдышавшись, стали расходиться. Мне было все равно, что я среди ночи открыто плетусь по Фэктори и даже не пытаюсь прятаться! Вообще все равно было!

Дома я пробрался в свою комнату и рухнул на кровать. Еще не рассвело, и луна в окно светила. Я боялся, что дверь сейчас откроется и чудовище задушит меня! Так промаялся я до рассвета, потом кое-как уснул. Мама разбудила меня утром. Я встал, начал собираться в школу, и, вспоминая вчерашнее, понял, что сейчас либо кричать начну, либо реветь! Пулей вылетел из дому и сюда в уголок забился, чтобы дать волю чувствам. Страшно мне до сих пор, Сара, ой как страшно! Просто трясет всего.

Я на него подозрительно посмотрела, хмыкнула и говорю:

- Ну у вас и фантазия!

- Фантазия? – закричал он, багровея от обиды. - Ничего себе фантазия!

А я, чтобы показаться во всех отношениях лучше него, смачно плюнула на землю и говорю:

- Ну да! Там и правда сквозняк был. А тень ваша, небось, крысой была! Вы ее испугались просто!

- Ну конечно, Сара! - он сразу воспрял духом. - Выдумали! Испугались! Да за такие слова с тобой и подраться можно!

- Так я же не против подраться, сам знаешь, - подбоченилась я. - Но только если повод есть! А кто ж за правду-то дерется?

- Ну знаешь ли, - раздул он ноздри и сжал кулаки.

Меня очень позабавил его злобный вид, и, чтобы поставить его на место, я сказала:

- Пospорим, что я, девчонка, с другой такой же девчонкой, пойду в этот дом и принесу тебе оттуда трофей? А?

Его лицо перекосилось от страха, он хотел было сказать: «Не надо, ты что с ума сошла?!», но гордость не позволила ему сделать этого, и потому он, приняв важный вид, ответил:

- Если ты такая дура, то, пожалуйста, давай поспорим.

Мы скрепили спор по рукам. После нашего разговора ему стало лучше, и мы поплелись в школу, по ходу дела, придумывая, что бы нам соврать. И, когда классная дама, уже вдоволь накричавшись, мы расселись по своим местам, а он шепнул мне:

- Не забудь о споре.

Вот такая история, Мелисса, - закончила Сара.

Глава 13

Налетел сильный порыв ветра и погнал зеленые волны к берегу. Они с силой ударились о камни и, шипя, отползли назад. Мелисса молча наблюдала за ними, провожая взглядом белых барашков, которые стремительно уносились прочь. Она задумалась. История, рассказанная Сарой, напомнила ей о том, что она испытала в подвалах школы и в лесу.

- И что, Сара, ты не веришь Билии? – нарушила тишину Мелисса.

- Конечно, не верю, - лениво ответила Сара.

- Ты очень самонадеянна, подруга моя, - печально отозвалась она.

- Ой, как звучит-то, как звучит, - с ехидцей сказала Сара.

- А тебе не кажется, что в этих историях есть нечто схожее? – спросила Мелисса.

- Кажется, - буркнула девочка. - Вы все полоумные фантазеры. Старая выжившая из ума Эльза, Билли и ты.

- Смотри, - не слушая ее, продолжала размышлять Мелисса. - Во всех историях присутствуют странные тени, которые то шипят, то разговаривают, и всегда - нападают. В один голос очевидцы твердят, что тень обволакивает их с ног до головы, а мерзость, исходящая от нее, прямо таки касается кожи.

- Ну не знаю, - отмахнулась Сара. - Мне кажется, все это фантазии. Да и Билли, по-моему, про мерзость и обволакивание ничего не говорил! В любом случае, я поверю в это, если увижу своими глазами, что вполне может произойти! Нам с тобой, так или иначе, придется пойти в тот дом.

- Что? - не веря своим ушам, воскликнула Мелисса, - Ты серьезно?

- Более чем! - подмигнула ей Сара. - Я же поспорила. А невыполненные условия спора - это потеря чести! Так то!

- Что за срунда! - возмутилась девочка. - Из-за какого-то глупого спора с мальчишкой ты готова идти на такой риск?!

- Ой, да какой риск? - протянула Сара. - Тебе же полезно будет! Когда мы побродим по дому, и никого там не встретим, ты сразу поймешь, что нет никаких монстров и чудовищ!

Мелисса покачала головой:

- Ну, Сара, ты вообще сорви голова! Мне же Глория сказала, чтобы я была осторожней, а ты вот втягиваешь меня в историю!

- Глория сказала, Глория сказала! - передразнила ее Сара. - Твоя Глория хваленая не более чем колдунья, ведьма. Если бы ты решила пошутить и сказала бы ей, что ожил твой садовый гномик, то она бы и этому поверила и изрекла бы: «Будь осторожна, девочка моя, не выходи больше в сад! А выбирайся из дому через окно и иди огородами!».

Мелисса вздохнула. Все же Сара обладала даром убеждения! Может, у нее и правда разыгралась фантазия?!

- Ладно, Сара, я пойду с тобой в проклятый дом, и не будем больше говорить об этом, хорошо? - протянула ей руку Мелисса.

Сара важно пожала ее и громко сказала:

- Так-то лучше, подружница моя!

Неожиданно шутивая мина сползла с ее лица, и она, взглядывая за спину Мелиссы, пробурчала:

- Что за тип там такой?

Мелисса резко повернулась и увидела, что на выступе высокой скалы лежал какой-то человек. Мужчина или женщина - разобрать было трудно, но казалось, он пристально наблюдает за ними. Но как только он заметил, что они смотрят на него, то поднялся и исчез за большим валуном.

- А чему ты удивляешься? - спросила Мелисса, глядя на Сару. Лицо девочки до сих пор выражало недоумение.

- Просто странно, - задумчиво ответила она. - Когда я начала рассказывать тебе историю Билли, то иногда поглядывала на скалы и заметила там бревно, которого раньше не было. А вот сейчас, я поняла, что это вовсе не бревно, а человек. Странно. Зачем ему лежать там, как змея?!

- Действительно, странно, - заключила Мелисса. - Может сумасшедший? Еще и бревном прикидывается! - рассмеялась она.

- У нас тут таких не водится, только летом появляется, - серьезно сказала Сара.

- Почему только летом? - не поняла Мелисса.

- Как почему? Ты же только летом приезжаешь! – и она весело рассмеялась.
- Ну ты зараза, - еще громче рассмеялась Мелисса. - Лучше скажи, куда мы отправимся сейчас?!
- Пошли в город! На рынок! Пошерстим продавцов каштанов! – предложила Сара.
- Зачем шерстить?! У меня деньги есть!
- И у меня! Но продавцов каштанов грех не шерстить!

Глава 14

Моника подняла маленький пузырек с зеленоватой жидкостью и поднесла его к свету.
 - Так, так, чудненько просто! Это то, что надо, - радостно пробормотала она и взглянула на часы.

- Хм. Как быстро я все сделала. Могла бы сказать девчонкам, чтобы подождали меня. Ну что уж теперь!

Она как следует протерла пузырек, плотно закрыла его деревянной пробкой и бережно положила в небольшой мешочек. Окинула беглым взглядом лабораторию. На столе царил ужаснейший бардак. Куча склянок валялись вперемешку, повсюду виднелись следы от пролитых жидкостей разного цвета.

- Не пойдет так, не пойдет! - сказала она и, напевая веселую мелодию, стала убирать.

Через некоторое время она с довольным видом окинула комнату.

- Вот так-то лучше! Ну все, мои дорогие скляночки, позвольте вам откланяться, - и она поклонилась своему столу и деревянному шкафчику с пузырьками.

Моника легким движением схватила мешочек и выпорхнула из лаборатории. Вышла на улицу и танцующей походкой пошла в сторону аптеки. По дороге она постоянно останавливалась, здороваясь то с одной, то с другой знакомой и по несколько минут весело болтала с ними, каждый раз приговаривая:

- Ох, солнце мое, поскачу я дальше, а то так никогда до Анны не дойду!

Наконец, оставив позади несколько улочек, она свернула в сторону аптеки. Толкнула дверь, и тут же зазвенел колокольчик, а из-за прилавка выплыло полное лицо Анны.

- Моника, ты уже все сделала? Так быстро?!

- Солнце мое, - просияла глазами Моника. - А ты как думала?! Я за дело-то берусь основательно, - она рассмеялась. Анна рассмеялась в ответ. Моника протянула ей мешочек.

- Ну спасибо, выручила! – радостно сказала Анна.

Снова зазвенел колокольчик, и в аптеку вошел мужчина, который, увидев, что Анна занята разговором, стал разглядывать витрины.

Анна же не утруждала себя приветственными словами, ей хотелось еще немного поговорить с Моникой.

- А что, приехала Мелисса-то?

- А то, солнце мое, приехала, конечно! Вчера вечером еще! – гордо ответила Моника.

- Оооо, - протянула Анна и подмигнула ей. - Вы шляпок-то уже ходили топить?!

- Нет еще, ты же меня сбила с пути праведного, - рассмеялась Моника. - А Мелисса с Сарой наверное на дикий пляж пошли.

Тут Моника заметила, что мужчина, упорно разглядывавший витрину, поспешил к дверям.

- Господин! - прокричала ему вслед Анна, - Куда же вы? Чем вам помочь-то? Что болит? Тот ничего не ответил и поспешно скрылся за дверью.

- Вот чудак! Подумаешь, уже и три минуты поговорить нельзя! Сразу, что ль кидаться,

его обсуживать? - пожала плечами Анна.

Моника стояла, задумавшись, и пристально смотрела на дверь.

- Ты чего это задумалась? – озадаченно спросила Анна.

- Да так, ничего, - тряхнула головой Моника, и заулыбалась. - Ну что, душа моя, пойду я, надо девочкам приготовить что-нибудь этакое!

- Давай, давай, Мелиссе привет передавай! – помахала рукой Анна. - И спасибо за пузрек.

- Все ради вас, - и Моника вышла, шутиливо раскланиваясь.

На улице ее лицо сразу же приняло озадаченный вид. Она чувствовала какую-то необъяснимую тревогу. И эту тревогу внушил ей тот странный мужчина. Моника не смогла разглядеть его толком, заметила только, что он был в сером костюме, голова почти на чисто лишена волос, а неприметное лицо его теперь казалось ей знакомым.

Моника спрашивала себя, почему ей вдруг сделалось так тревожно? Вдруг из толщи несвязных образов в ее памяти всплыл отрывок разговора с Мелиссой, когда та вздрогнула после вопроса Моника: «Как ты добралась?». Она не придавала тогда этому большого значения, но сейчас, когда она увидела странного мужчину, тревога всплыла на поверхность и обрела зримые формы.

Моника сделала глубокий вдох. Что-то происходит! Грядут перемены! Это неоспоримо. Она попыталась настроиться на свою сестру Хильду. У них была поразительная связь, какая крайне редко бывает между сестрами. С тех пор, как она уехала жить в другой город, Моника стала чувствовать ее еще сильнее, чем прежде. Она удивлялась, как могла Хильда променять солнечный и теплый Бриф-Кост на убогий и унылый Файнд-Таун?!

Она видела, что и Артур не в восторге от своего родного города и что он сам бы с удовольствием переехал в Бриф-Кост, но отчего-то не решался. Во всем этом Моника ощущала какую-то недосказанность. Что держит их там? Что-то же держало! Но вот что? Она никогда не лезла с расспросами ни к Хильде, ни к Артуру, как будто заранее знала, что ответа она не получит.

Моника мысленно заговорила с сестрой и уловила в ней тревогу, тревогу и еще что-то, чего она никак не могла распознать. Нечто сильное и ускользающее.

Так. Не зря она ощутила, что в воздухе пахнет переменами. Большими переменами. Она шла по улице, радуясь тому, что не встречает знакомых. Ей сейчас хотелось, как следует все обдумать.

Да, и неспроста Мелисса встретила Дюрию. Такие встречи не бывают случайными.

В таких раздумьях Моника дошла до дома. Незнакомец в сером снова промелькнул в ее памяти. Она определенно его где-то видела. Иначе быть не может. Но где она его видела? И когда? С чем это связано, и почему он так взволновал ее?

- Ладно, все равно я пока не дознаюсь правды, - решила она, откинула все тревожные мысли и затаив веселую песенку, зашла в подъезд.

Глава 15

Молодой, высокий, стройный мужчина в черном брючном костюме сидел на террасе маленького кафе. Отсюда открывался замечательный вид на старую ратушу и городской сад, который заманчиво зеленел вдалеке. Кроме того, здесь можно было наблюдать за людьми, пришедшими прогуляться по площади. Как забавно они кормят голубей, с каким важным видом останавливаются около торговцев всякой всячиной и подолгу рассматривают товары! Вот маленькая девочка подошла к продавцу игрушек и с большим интересом стала разглядывать фигурки животных, вырезанные из дерева.

Вот дама, одетая с иголки, с зонтиком-тростью в руках, застыла около кондитерской. Видно было, как выбирает она самые вкусные конфеты. Ее взыскательный взгляд блуждал по прилавку и с жадностью останавливался на пирожных, а затем резко перескакивал на сушеные финики.

Он любил наблюдать за беспешной, ненавязчивой жизнью людей. Складывалось впечатление, как будто время меняется и перетекает в другое русло

Мужчина сделал глоток кофе и улыбнулся. Солнце выглянуло из-за маленькой тучки и теплым лучом пробежало по его глазам. Он чуть прикрыл веки и вспомнил вчерашний вечер: то, как он искал гостиницу, что находилась, здесь неподалеку. Найти ее было нетрудно, она располагалась на оживленной улице в самом центре Бриф-Коста.

Он вспомнил, как заходил в стеклянные двери, как здоровался с портье и называл свое имя: «Верган Роджерс»; как просил номер с балконом на третьем этаже и, чтобы окна обязательно выходили на улицу. «Мне нравится поутру выходить с чашкой кофе на балкон и смотреть, как начинает оживать город», - говорил он мягко и тихо услужливому портье.

Как давно он не произносил: «Верган Роджерс»! Да, отвык он быть среди людей! Наверное, он выглядел очень нелепо, когда разговаривал с портье. Тот, очевидно, посчитал его чужаком.

Верган никак не мог привыкнуть к давно забытым ощущениям, которые возникают, когда ты вторгаешься в самое сердце человеческого муравейника. Тебе нужно разговаривать с незнакомыми людьми таким образом, чтобы исход беседы принес какую-то ощутимую пользу. «Да, это поистине удивительное искусство – разговаривать с людьми» - думал он.

Часы до рассвета он провел без сна и все смотрел, смотрел в глубокую тьму ночи. Наутро Верган решил прогуляться по городу. Он долго слонялся по улицам, заглядывал в подворотни, в темные лавки старьевщиков, и в который раз удивлялся течению этой странной жизни. Наконец он проголодался и пришел на площадь, в кафе.

Воротник черного пиджака чуть сдавливал шею, и он постоянно оттягивал его. Как же тесно! В последний раз, когда он носил его, то чувствовал себя куда свободнее. Может быть, за это время пиджак основательно сел?! Да, все в этом мире так переменчиво!

Верган печально вздохнул. Не любил он подолгу оставаться в городах. Но уже никуда не денешься! Кажется, он застрял тут надолго. Теперь нужно собрать все силы, и как можно лучше сыграть свою роль. Он достал из внутреннего кармана сложенную в четверть бумажку и, прочитав имя и место встречи, допил кофе, встал и пошел в поисках нужной улицы.

Глава 16

Рынок разрывался от гула и зычных выкриков. «Каштаны! Покупайте каштаны! Жареные каштаны!», «Морская рыба! Налетай!», «Сладкие, медовые карамельки!», «Лимонад! Лимонный лимонад утоляет жажду!».

Мелисса и Сара пробивались сквозь торговые ряды и глядели по сторонам. Рынок находился почти у самого берега, и потому здесь, помимо едких, пряных ароматов приправ и сладостей стоял еще и терпкий запах водорослей и моря.

Кто тут только не торговал! И уже успевшие загореть чужестранцы, и темные, как смоль туземцы, увешанные побрякушками, и странные люди с желтой кожей и узкими глазами. Отовсюду слышалась ядреная смесь языков, диалектов и наречий.

В толпе покупателей можно было увидеть служанок, спешивших купить снедь для хо-

зайского стола, и бедняков, наскребаящих гроши, чтобы купить фунт мяса и старых почтенных дам, строго и обстоятельно выбирающих товар.

- Ну и местечко, - пробурчала Сара и смачно плюнула на землю. - И как только матушке не лень таскаться сюда каждую неделю.

- Что ты плюешься, как бродяга? - сделала ей замечание Мелисса. - А мне тут нравится. Здесь такой особый колорит!

- Ишь ты, - хмыкнула Сара. - Колорит, ну и словечко. Вот посмотри-ка туда лучше, - указала Сара в сторону продавца каштанов, его прилавок был засыпан несметным количеством этих плодов.

Мелисса глянула в ту сторону, куда указывала подруга и увидела сухонького мужичка в просоленной от морской воды одежде.

- Он меня знает, видишь, как подозрительно смотрит! Но за руку еще ни разу не ловил, родимый. Ты его отвлекай: подойди ближе, сделай вид, что прицениваешься, а я так тихо-тихо пару горсточек свистну, - заговорщически прошептала Сара, склонившись над ухом Мелиссы

- Нунет, Сара! Давай лучше купим, - покачала головой девочка.

- Ты чего это? - вытаращила глаза подруга. - С ума сошла что ли? От двух горсточек с него не убудет!

- Сара, честно, мне сейчас кажется это неправильным, нехорошо все-таки! - настаивала Мелисса.

- Эх, ты! Правильная слишком стала! - разочарованно протянула подруга.

- Не могу я теперь и все тут, ты уж извини, - оправдывалась Мелисса.

- Ну ладно, Бог с тобой, пойдем купим, тогда он хоть меня подозревать не будет, - грустно заключила Сара. - Все же так весело было удирать по всему рынку и чувствовать, что карманы набиты каштанами!

- Погоди еще, подруженька моя! Как бы нам еще не пришлось удирать из проклятого дома, так же, как и твоему Билли, - парировала Мелисса.

- Все ты выдумываешь вечно, - фыркнула Сара.

Девочки подошли к продавцу, который бросил на них подозрительный взгляд. Но как только он увидел деньги, тут же растаял в улыбке. Они купили небольшой мешочек и довольные отправились на пристань. Подружки уселись на старой, тухлявой бочке и, очищая каштаны от тонкой кожицы, смотрели, как заходят корабли в порт, как бегают туда-сюда матросы, и как по берегу носятся оголтелые пассажиры. Море было тихим и спокойным и радовало глаз ласковой лазурью.

Невдалеке, около самой пристани маячил мужчина довольно странной наружности. Мелисса напрягла зрение, чтобы лучше разглядеть его. Создавалась видимость, что он простой рабочий, который деловито перетаскивает большие коробки с берега к трапу корабля.

Делал он свою работу как-то легко и небрежно, словно ему совсем не приходилось напрягаться. Он был одет в просторную, уже порядком протертую серую рубашку с закатанными выше локтя рукавами, обнажавшими красивый бронзовый загар. На ногах у него были старые, кое-где заштопанные синие брюки. Его длинные темно-каштановые волосы, плохо расчесанные и торчащие в разные стороны, нелепо развивались на ветру. Лицо его, такое же загорелое, как и руки, дышало странным спокойствием и сосредоточенностью, а задумчивые глаза выдавали в нем человека умного и внимательного. Он скорее походил на художника или музыканта, чем на рабочего порта.

- Сара, - сказала Мелисса, пристально наблюдая за мужчиной. - Смотри, какой странный рабочий! Я все гляжу на него, гляжу и никак не могу поверить, что такой, как он, может

таскать тяжести.

- Ха, - Сара хмыкнула, и клацнула зубами, чтобы разгрызть каштан. - А он и не рабочий вовсе, это известный всему порту поэт Виктор.

- Поэт? - удивилась Мелисса. - А что же он тогда туюки разгружает?

Сара пожалала плечами:

- Ну, бедный потому что и выпить не дурак. Билли его хорошо знает, они частенько друг друга папиросами угощают. Билли говорит, что Виктор рассказывает очень интересные истории и живет тут неподалеку в какой-то хибарке около самого берега. Как ты там говоришь, колоритный он! - гордо заключила Сара, радуясь тому, что ей удалось использовать услышанное от Мелиссы словечко.

- А Билли что, курит? - в тоне Мелиссы послышались неодобрительные нотки.

Сара сплюнула шелуху на землю:

- А то! Все нормальные ребята покуривают. Я тоже ради интереса попробовала, но мне не понравилось. Фу. Горько и гадко.

Мелисса искоса глянула на нее и хотела было сказать что-нибудь нравоучительное, но решила промолчать, ее сейчас занимало совсем другое:

- Как интересно! Поэт и таскает грузы! Как он дошел до такой жизни?! Что привело его к этому?! И какие стихи он пишет? О чем? Эх, - вздохнула она. - Вот бы узнать все это!

- А мне неинтересно, - просто ответила Сара, зажмурилась и блаженно потянулась. - Но, если хочешь, можно попросить Билли и он познакомит тебя с ним.

- Я стесняюсь, - вздохнула Мелисса.

- Ну и глупая, - ответила Сара и щелкнула подругу по затылку.

И тут произошло нечто удивительное: пока девочки были заняты разговором, Виктор уже закончил работу и медленным, неспешным шагом направлялся в их сторону. Мелисса замерла от удивления, а Сара прошипела: «Ну, Мелисса, ну ты ведьма».

Виктор подошел ближе и улыбнулся им, шурясь от ярких солнечных лучей. Теперь Мелисса смогла лучше рассмотреть его. Его глубокие карие глаза были обрамлены темными кругами, а около век затаились тонкие морщинки. Он достал папироску, закурил, и в ноздри Мелиссе ударил запах дешевого табака.

- Доброго вам дня, девочки, - приятным голосом приветствовал их Виктор. - Ты, наверное, Сара? Да?

- Ага, - удивленно ответила девочка. - А откуда вы знаете?

- Да Билли только о тебе и говорит! Да и я вас тут с ним частенько видел, - объяснил Виктор, немного замялся и продолжил, едва заметно смущаясь:

- Девочки, не продадите мне штучек пять каштанов, есть хочется. А на рынке, сами знаете, только целыми мешочками продают, у меня же до вечера денег столько не будет.

- Угощайтесь! - наконец подала голос Мелисса, едва сдерживая волнение от такой небывалой встречи. - Берите просто так!

Виктор добродушно улыбнулся, глядя на нее:

- Спасибо тебе, девочка, но я так просто не могу, - и он вытащил из кармана медяки. - Возьмите, вам они нужнее будут.

- Нет, нет, - протестовала Мелисса. - Я не возьму. Мы не возьмем. Вы нас в следующий раз угостите, когда у нас не будет каштанов! Садитесь с нами!

Мелисса заметила, что Сара от изумления открыла рот, она не ожидала такой прыти от своей скромной подруги.

- Ой, ну спасибо, добрая девочка, - Виктор с шумом опустился на землю. - Меня Виктор зовут, а тебя как?

- Мелисса, - радостно ответила она.

- Вот и отлично! – растянулся в улыбке Виктор. - Будем друзьями!

Мелисса помедлила несколько секунд, а потом, набравшись смелости, спросила:

- А я слышала, что вы пишете стихи, это правда?

Виктор рассмеялся и, поправив волосы, упавшие ему на глаза, ответил:

- Правда, Мелисса, правда! Как хорошо, что обо мне именно так говорят. Не ожидал, не ожидал! Но, - он запнулся и поморщился, - Но я уже давно ничего не писал.

- А вы прочитаете нам что-нибудь из старого! - уже совсем удивляясь своей наглости, выпалила Мелисса.

- Ну если вы хотите, - протянул обескураженный Виктор. - Никак не думал, что столь юные дамы интересуются стихами.

- Еще как интересуются! - наконец вмешалась в беседу Сара. - Мелисса-то сама пишет истории всякие.

- О! – воскликнул мужчина. - Это отлично! Дашь почитать?

- Конечно, - задыхаясь от волнения, ответила Мелисса. - Но сначала вы прочитайте нам свои!

В этот миг ей показалось, что она знает Виктора всю жизнь и всегда, вот так вот, по-своему говорила с ним.

- Что бы вам такого прочитать! - задумался мужчина. - Хм... А вот оно! - и он, сделав серьезное лицо, начал читать громким, хорошо поставленным голосом:

Тот же снег, что и вечность назад.

Тот же ветер, налитый воем.

И на небе все те же глаза.

И за первым - все то же второе.

Так же ищутся частности в том, основном,
затеняются вечного грани.

Из-под ступней материи выбить бы сном
табуретку смешных оправданий!

Никогда б не рубить продолжение строки,
не топтать сапогами живое.

Обернуться бы духом бегущей реки,
чтобы знать направление моря.

- Вот как-то так, - закончил Виктор и смущенно улыбнулся.

- Ух ты! – искренне поразилась Мелисса. - Как здорово! – и глянула на Сару, которая хмыкнула нечто неопределенное и незаметно показала подруге язык.

- Тебе, правда, понравилось? – осторожно спросил Виктор.

- Да! – воскликнула Мелисса, - Очень. В нем есть ощущение жизни! Я не знаю, как вам объяснить!

- Спасибо тебе, Мелисса, - Виктор просил. - У меня еще много стихов. Я бы с удовольствием их почитал прямо сейчас, но, увы, мне надо спешить! Ждут меня еще кое-какие неотложные дела!

- Жалко, - протянула Мелисса и услышала, как Сара облегченно вздохнула.

- Ну ничего, мы же еще встретимся? Приходите сюда, в порт, здесь вы меня всегда найдете, погуляем, погрызем каштанов! И Билли с собой берите, - сказал Виктор, вставая с земли.

- Да, конечно, - радостно ответила Мелисса. - До свиданья!
- До свиданья, - буркнула Сара.
- Доброго вечера вам девочки, - сказал Виктор и, отнеся шуточный поклон, направился куда-то в сторону кабацкой части порта.

Глава 17

Мелисса восторженно глядела вслед удаляющемуся поэту.

- Какой человек, а, Сара? Не зря я его сразу заприметила, - девочка хлопнула подругу по плечу.

- Ничего особенного не вижу, - фыркнула Сара. - И стих его я не поняла. Что в нем такого? Табуретки, глаза, вечность, снег! Снег-то он откуда взял?! У нас его зимой с гулькин хвост!

- Ты просто ничего не понимаешь! Он же говорил о душе своей, о том, как она страдает, о том, как он хочет быть живым, и о том, что все вокруг остается неизменным! - вдохновенно продолжала Мелисса.

- Фу-ты ну-ты! Конечно, я ничего не понимаю! Куда мне до вас! - Сара швырнула шкурку от каштана на несколько метров вперед. - Только вот одно я понимаю точно, пошел-то он не по делам, а в трактир с бутылкой обниматься!

- Даже, если и в трактир, - обиженно отозвалась Мелисса. - Значит, у него на то есть свои причины!

- Ладно, ну его, твоего поэта, - Сара примирительно перевела разговор в другое русло. - Давай лучше о деле поговорим! Когда мы в дом пойдем?

- Хм, - Мелисса сразу поникла. В тайне она надеялась, что Сара забудет об этой затее. - Надо основательно подготовиться!

- К чему? Амулетов что ли наделать от злых духов? Ууууууу! - она вытянула руки вперед, изображая призрака.

- Хватит уже, а? Ты все шутишь! - гневно блеснула глазами Мелисса. - Нам фонари нужны, хотя бы два и третий запасной, на всякий случай. Нужно узнать, как добраться до этого дома чертового! И подумать, как пробраться незамеченными через опасный квартал! Да и не мешало оружие какое-нибудь раздобыть, ну нож хотя бы! Не знаю!

- Хм, - Сара прикусила губу. - Все не так сложно, как ты думаешь! Завтра днем встретимся с Билли, он нам план нарисует, как идти, и фонари даст, у него их много. А нож у меня есть такой острый, большой, как кинжал прямо.

- Где ты его достала? - поинтересовалась Мелисса.

- Ммм... нашла, - замялась подруга.

- Ну конечно, - рассмеялась девочка. - Нашла! Ври больше! Говори, где взяла!

- Ладно, ладно, - сдалась Сара. - Билли стибрил его у своего дяди-охотника, который к ним в гости приезжал, и, чтобы дома не прознали, отдал мне на хранение!

- Так бы сразу и сказала, врушка! - и Мелисса запустила в подругу горсткой очистков.

- Сама врушка, - Сара в ответ запустила в нее.

Некоторое время девочки потратили на то, чтобы как следует осыпать друг друга шелухой. Когда, наконец, они успокоились, то Сара сказала:

- Тогда завтра в ночь и пойдем! Что kota за хвост тянуть?

Мелисса вздрогнула. Уже завтра? Но спорить ей не хотелось. К тому же лучше сразу отучаться.

- Ну завтра, так завтра, - кивнула она. - Но, согласись, нам не мешало бы узнать больше

о том, куда мы идем! Не очень-то я верю рассказам твоего Билли! Можно, конечно, спросить у тети, но, боюсь, она что-нибудь заподозрит.

- Да, у Моники интуиция, что надо, - Сара задумалась. - Во! Мы тогда у твоего нового дружка завтра спросим! Он же тут все знает, в каждой бочке затычка, что называется! Вечером спросим! Значит так, гляди, завтра утром, мы, как ни в чем ни бывало, идем с Моникой топить шляпок, днем встречаемся с Билли, берем у него все необходимое, потом идем в порт, находим Виктора, выпрашиваем у него все и отправляемся обратно по домам. Я к себе, ты к себе, чтобы никаких подозрений не было, и как водится, в полночь встречаемся у твоего дома, так?

- Да. Хорошо, мой предводитель, - связвила Мелисса. - А я тогда заодно принесу Виктору свои истории! Вдруг ему понравится!

- Балда! - отчеканила Сара. - Нашла себе кумира-пьяницу!

- Не твое дело, сухарь! - засмеялась Мелисса, - Пойдем по площади погуляем, мороженое поедим.

- А пошли, склочная девица! - рассмеялась в ответ Сара.

Глава 18

Вечерело. Верган Роджерс шел по узкой улочке, которая тянулась вдоль старых трехэтажных домов. Он внимательно рассматривал их. С тех пор, как он был здесь в последний раз, ничего не изменилось. Все те же розы и герани на маленьких балконах, все та же детвора, бегающая вдоль тротуаров, все те же веселые голоса, раздающиеся из открытых окон, все то же многообразие запахов, несущихся из кухонь.

Как хорошо вечером, - думал он, и воротник пиджака уже не так давит, и людей не так много, хотя, кажется, я постепенно привыкаю к ним. Верган вглядывался в номера домов, сам не зная, зачем, ведь он прекрасно помнил, где именно ему нужно свернуть.

Он нырнул в маленький дворик. Здесь, присел на деревянную скамейку, и три раза постучал по стволу большого дуба, который рос прямо за его спиной.

Верган услышал, что отворилось окно, и кто-то выглянул наружу, и этот кто-то увидел его. В воздухе пахло кофе, и он догадывался откуда доносится аромат. «Она все та же» - промелькнуло в его голове. Уже через несколько минут из подъезда вышла девушка в простом сером платье.

Она села рядом, и стараясь не смотреть на него, тихо произнесла:

- Я ждала тебя с минуты на минуту.

Верган почувствовал тонкий аромат весенних духов и сильный запах масляной краски.

- Ты рисовала? - улыбаясь, спросил он.

- Да, - ответила девушка. - Рисовала. Но получается как-то нервно, наверное, сказывается ожидание и предчувствие.

- Так и есть, - отозвался Верган.

Какой-нибудь прохожий, увидев их со стороны, подумал бы, что они не знают друг друга, а просто случайно оказались вместе, сидящими на одной скамейке.

- Что мне надо делать? - спросила девушка. - Я же знаю, что началось.

Верган быстро проговорил:

- Завтра или послезавтра тебе надо будет отправляться в путь. Все необходимые бумаги у меня. Почву я подготовил. Они уже ждут тебя, - и он осторожно вытащил из-под полы пиджака сверток, перевязанный красной лентой, и передал его девушке. Та быстро спрятала его в рукав платья.

- Отлично, - отозвалась она. - Те, кто нам нужен, все еще там?
- Только один, двое других уже выбыли из игры. Ты сама все поймешь, когда будешь на месте! – с печалью в голосе пояснил он.

Повисло молчание. Тихо шумела листва. Где-то под крышей дома щебетали птицы. Легкий теплый ветерок кружил пыль по двору.

- Будь осторожна.

- Хорошо, - эхом отозвалась девушка.

Она кинула задумчивый взгляд на Вергана. Его красивое лицо, с правильными чертами, как будто высеченными из камня, было спокойным и кротким. Он смотрел куда-то вдаль, мимо деревьев, мимо домов, мимо всего того, что их окружало.

А ее сердце учащенно билось, и кровь прилиwała к вискам. Она знала: придет тот час, когда нужно будет поворачивать время вспять! Но подобное будущее виделось ей далеким и нереальным. Теперь же тайные чаянья врываются в ее жизнь!

- Я бы хотел поговорить с тобой, как раньше, но время не ждет, - вымолвил он, и его голос стал похож на шепот листьев. - Я остаюсь здесь и, когда настанет срок, приду к тебе.

- Хорошо, - ответила девушка. - Не беспокойся, я сделаю все, что от меня потребуется.

- Спасибо тебе, - в его голос прокрались нотки нежности. - И прощай. А точнее, до встречи.

Он резко поднялся и, не оглядываясь, вышел со двора на улицу. Девушка осталась сидеть на скамье и еще некоторое время ощущала его присутствие. Потом достала из кармана платяную тоненькую папироску и закурила, наблюдая за тем, как дымок легко и беспрочно скользит между листьями старого дуба. На ее лице заиграла печальная улыбка.

- Пора, - прошептала она в пустоту.

Глава 19

К вечеру на площади прибавилось народу. Мелисса и Сара слонялись туда-сюда, заходили в лавки и подолгу разглядывали товар, мечтая о том, что когда-нибудь они смогут купить желаемое. Мелисса грезил о дорогом красивом блокноте с обложкой из черной кожи. А Саре ужасно хотелось иметь настоящий лук, инкрустированный серебром. Фантазируя на эту тему, они уставшие и голодные зашли в кафе и уселись за столик.

- Хорошо, что места свободные есть, - проворчала Сара. - Отсюда вся площадь видна. Мне тут нравится.

- Мне тоже, - радостно откликнулась Мелисса. - Что будем есть?

- Как что? – удивилась Сара. - Мороженое, конечно! Зачем наедаться, если тетя Моника накормит нас, как на убой!

- Да, ты права, - Мелисса, подозвав официанта, заказала два фисташковых мороженых.

Она с интересом оглядывала кафе. Мелисса любила наблюдать за людьми в подобных местах, но, к сожалению, в Файнд-Тауне не было даже простой столовой. Поэтому, здесь, в Бриф-Косте она отрывалась на полную катушку. Ей доставляло невероятное удовольствие слушать, о чем говорят посетители, смотреть на выражения их лиц и додумывать подробности их жизни. Вот и сейчас она начала во все глаза разглядывать собравшихся. За соседним столиком сидела парочка средних лет, с первого взгляда было видно, что они муж и жена. Они чинно поедали бифштекс с картошкой. Их разговор крутился вокруг личной жизни некой мадам Гастингс. Женщина говорила о том, что та, мол, нравов легких и того и гляди, бросит своего благоверного. А мужчина осторожно, боясь вызвать гнев собеседницы, защищал ее, списывая все на сплетни и слухи.

Вот такие, как они, - размышляла Мелисса, - живут в большой трехкомнатной квартире, которая обставлена скромно, но с претензией на роскошь. У них, несомненно, есть кухарка и одна единственная служанка, которая убирает дом. Жена вечно тиранит мужа, а тот пытается всеми силами осторожно и незаметно препятствовать этому. Возможно, он как раз тот, с кем обманывает своего благоверного пресловутая мадам Гастингс.

Чуть поодаль сидел небрежно одетый молодой человек и потягивал из большой стеклянной кружки пиво. Перед ним стояла одинокая тарелка черных сухариков. Он с наслаждением хрустел ими после каждого глотка. Это, наверное, студент, - решила Мелисса. На последние деньги, видимо, купил кружку пива и наслаждается.

А вот и новый посетитель, одинокий мужчина в добротном костюме. С каким презрением окидывает он зал! Как быстро и суетливо проходит к столику, садится, закидывает ногу на ногу, достает свежий номер газеты, затем полностью погружается в нее. Он, наверное, холостяк, и заведует небольшим отделом в администрации порта. Видно, он ужасно устал от людей! Уж слишком ожесточенно прикрывается он газетой, как будто хочет отгородиться от всего мира.

- Чего ворон считаешь? - прервала ее размышления Сара. - Нам уже мороженое принесли.

Мелисса удивленно глянула на стол, и увидела две маленьких мисочки, доверху заполненных зеленым лакомством.

- А я и не заметила, - смеясь, ответила Мелисса.

- Неудивительно, - хмыкнула Сара, приступая к трапезе. - Ты будто бы не здесь была. Да, кстати, насчет нашего завтрашнего похода в проклятый дом, смотри, не усни, и не забудь положить в кровать тряпки, на случай, если Моника вдруг сунется к тебе ночью.

- А то я сама не знаю, - обиженно ответила Мелисса.

- Да ты растяпа такая, что все на свете позабыть можешь, и помни, ровно в полночь около твоего дома, - продолжала напутствовать Сара.

- Сама растяпа, - сказала Мелисса и снова оглядела кафе.

Парочка средних лет уже собралась уходить, студент все потягивал свое пиво, а мужчина еще больше углубился в чтение, и теперь, его почти не было видно за газетой, которую он раскрыл полностью.

- Ну что, домой пойдем? А то Моника устроит нам феерию! - произнесла Сара, с шумом опустив пустую миску на стол.

- Ага, пошли, - отозвалась она.

- Гляди-ка, какие люди! - Сара толкнула Мелиссу в плечо. Она увидела Виктора, который околичивался на площади, он ходил туда-сюда, задумчиво уставившись в землю.

- Пьяный скорее всего, - со знанием дела заключила Сара. - Вышел в люди поискать вдохновения!

- Зачем ты так сразу! - оборвала ее Мелисса. - Может быть, он просто гуляет и наслаждается вечером.

- И пошатывается, - издала короткий смешок подруга.

- А ты бы не шаталась, если бы столько грузов перетаскала! - Мелисса продолжала защищать своего нового знакомого.

- А я бы не стала такой ерундой заниматься, - гордо парировала Сара. - Я бы рыбу себе ловила и ела ее, и все!

- Тоже мне рыбак нашелся, - усмехнулась девочка. - Ты и самую маленькую рыбешку выловить не можешь, и пяти минут спокойно с удочкой не посидишь!

- Да, конечно! Ты-то у нас самая умная, все знаешь, - уже без прежнего энтузиазма ответила Сара и внезапно замолчала, обрывая спор.

- Ты чего это? – удивленно уставилась на нее Мелисса. - Обиделась что ли?
- Неа, - отмахнулась Сара, - Просто, я вот именно сейчас в эту самую секунду вдруг что-то странное почувствовала. Не знаю, как тебе объяснить. Как будто скоро что-то случиться должно!
- А скоро и случится, благодаря тебе и твоему дурацкому спору, - ответила Мелисса и покачала головой.
- Глупости все это, - Сара легонько стукнула ладонью по столу. - Черт возьми, - она потрянула головой. - Ты меня заразила своими настроениями! Духи, тени, призраки, все эти глупости, мрачности. Ну тебя! Пошли уже домой!

Глава 20

Солнце клонилось к закату. Верган Роджерс сидел на бордюре старого фонтана. В том самом кафе, которое ему так понравилось, было слишком много посетителей, и он покорно ждал, пока их станет чуть меньше.

На площади тоже былолюдно. Он обратил внимание на одного странного человека. Тот слонялся туда-сюда без дела и шевелил губами так, будто проговаривал одни и те же слова.

Перед глазами Вергана отчетливо и ясно пронеслось видение. Вот странный мужчина, опустив голову вниз, сидит за грязным столом, уставленным бутылками и стаканами, вокруг – кабацкий чад и угар. Визжит плохенькая скрипка, во всю глотку вопят матросы, развязные девицы ходят между столиками и пошло подмигивают собравшимся. Вдруг, тот самый мужчина резко поднимает голову, смотрит невидящими глазами на окружающую его вакханалию, порывисто встает, уверенно подходит к скрипачу и знаком показывает ему замолчать.

Наступает тишина, раскрасневшиеся матросы недоуменно замолкают, раздаются возгласы: «Опять он за свое! Ну давай! Давай! Весели!».

Мужчина едва заметно кланяется им, что выглядит весьма курьезно и вызывает громкий смех! Но, несмотря на это, он начинает громко говорить, вкладывая в каждое слово, всю силу своей неприкаянной души:

Я представляю, как будто в клетке
повсюду небо, повсюду горы.
Я представляю, огромным ветром
срывает маски, уносит своды
Уносит время, рассудок тонет,
летят из глотки лавины чаек.
Я представляю твои ладони,
свои созвездья: Я представляю.
Я представляю вершины мира
плывут под ними акулы-тени.
Над головою, в недостижимом
сменяются дети из сновидений.
Из сновидений, из паранойи
они разбились на два отряда:
швыряют шишки, и пахнет хвоей
вот здесь, на кухне, за дверью, рядом.
За этим шлаком, за кирпичами

зашевелились росточки веры.
Я представляю, ревут причалы,
и лодки больше не лодки – стрелы.
Стрелю мимо чужих учений,
чужих соблазнов, чужого фронта.
Стрелю насквозь ветров, течений
к твоим ладоням за горизонтом.

Он закончил и задрожал мелкой дрожью. Матросы подняли шум и гам, и в водовороте бесшабашного веселья послышались крики: «Виктор! Виктор! Ты умеешь, умеешь веселить! Налейте ему братцы, налейте!».

Видение исчезло. Так значит, его зовут Виктор! Верган внимательно вгляделся в этого потерянного и одинокого человека, острое чувство жалости зашевелилось в нем, ему захотелось обнять его, укрыть невидимыми крыльями и влить частичку света в его страдающую душу.

Виктор, дотеле слонявшийся без дела, вдруг остановился и посмотрел на Вергана, и как зачарованный, нетвердой походкой подошел к нему.

- Добрый вечер, - устало произнес Виктор, и винные пары оглушительно ударили в ноздри Вергана.

- Добрый, - спокойно улыбнулся тот. - Садитесь рядом. Я вижу, вы устали.

- Устал? – хмыкнул Виктор и плюхнулся рядом, - Молодой человек, я пьян, очень и очень пьян!

- Пьянство сродни усталости, разве нет? – Верган посмотрел прямо в глаза своему собеседнику.

Виктор напрягся, на секунду ему показалось, что незнакомец потешается над ним, но его спокойный и участливый взгляд убедили его в обратном.

- Вы правы, правы, - с трудом произносятся слова, ответил Виктор. - Устал я, устал душой. Боль, повсюду страшная боль. А сегодня, сегодня я почувствовал, как надвигается что-то! Что-то невыразимое и непреложное! Мне страшно! Страшно, дорогой незнакомец!

- Верган, - представился тот.

- Верган, - протянул Виктор, достал папиросу и закурил. - Какое странное имя! Оно вам не подходит! Знаете, я же пьяный, и потому дурак, и потому хочу говорить, говорить по душам. А вокруг, вокруг одни маски. А вы, вы без маски. Вы сияете, я вижу! Вижу! Я сам пришел на ваш свет! Сам! – и он замолчал, уставившись на грязный тротуар.

- Вы преувеличиваете, Виктор! – мягко ответил Верган и улыбнулся.

Мужчина вздрогнул и тихо рассмеялся:

- О! Вы знаете мое имя! Но откуда? Скажите? Неужели, я такая знаменитость, что в меня тычут пальцем и шепчут друг другу на ухо: «Смотри, вот он, поэт Виктор, здешний пьяница и фигляр!».

- Нет, нет, мой друг, - он покачал головой. - О вас говорят, что вы талантливый человек. Не более того. Я бы хотел услышать ваши стихи. Вы сможете почитать их для меня?

Лицо Виктора искривилось гримасой боли. Слезы выступили на глазах. Он с трудом сдержал себя и ответил:

- Ваши слова причиняют мне страдание, Верган. Я талант? Нет! Нет! Я просто портовый пьянь! Вдохновение покинуло меня! Я давно ничего не писал! Давно! Но сегодня под вечер каким-то чудом я накропал плохенькие строки! - он замолчал, тревожно обвел глазами площадь, затем успокоился и продолжил: - Сегодня странный день. Я чувствую брожение тьмы, медленно ползет она из одного погибшего и проклятого места, которое

есть в нашем городе. Я вижу, вы чужестранец, и не буду вас пугать долгими историями. Я просто прочту! – он достал из кармана газетный листок, исписанный меж типографских строк неровным почерком, и принялся читать, ежесекундно отрываясь и поглядывая на площадь:

Жизнь кипит, суета наполняет
тротуары, дороги, мосты.
А когда город встанет, устанет,
выйдут призраки из темноты.

С чердаков, из подвалов, из пыли
вереницею скорбной пойдут
в те места, где они раньше жили,
и кого-то с собой заберут.

Еле видимые силуэты
огибает огни фонарей.
Скоро ставни окон скрипнут где-то,
и опустятся ручки дверей.

И в ночи одинокий прохожий
черной тени увидит полет.
Разгадать он ее вряд ли сможет,
ну а сможет – домой не придет.

Духи будут бродить и скитаться,
вспоминать свои прежние дни.
Духи любят в тени оставаться:
в тишине, совершенно одни.

А на утро беззвучно, покорно
духи будут обратно спешить.
Вечность спрячется в темные норы,
чтобы следующей ночью ожить.

Верган задумчиво слушал его. Воображение рисовало образы. Такие темные и до боли знакомые. Он крепко сжал ладонь в кулак и шумно втянул воздух. Вот оно! Вот оно! Разлито повсюду: в воздухе, в ветре, в надвигающемся урагане!

- Про вас не зря говорят, что вы талант, мой друг, - Верган повернулся к Виктору и осторожно положил руку на его опущенное плечо. - Ваши крылья истрепались. Но ничего, скоро вы опять взлетите.

- Взлечу? Я? – поэт посмотрел на него отчаянным, мутным взглядом. - Я разучился летать! Умею только ползаты! Только ползаты! Я конченный человек, дорогой мой, конченный!

- В вас говорит хмель, - он убрал руку с его плеча. - Ваши крылья целы, вы немного залягаете их и полетите, полетите ввысь, к небесам!

- Да вы тоже поэт! – воскликнул Виктор, достал из кармана маленькую флягу, обернутую в старую, потрескавшуюся кожу, и сделал глоток. В воздухе разнесся аромат крепкого

бренди. - Я бы предложил вам выпить, но вижу, что вам не нужно ничего, чтобы жить! Вы же сияете! Сияете!

«Ничего не нужно, чтобы жить!» - Верган усмехнулся и подумал: «Я прикладываю немало усилий для того, чтобы просто быть здесь!».

- Вы мне нравитесь, - продолжал говорить Виктор, голос его задрожал еще сильнее. - Вы надолго здесь, у нас? Я бы хотел стать вашим другом. Мне так не хватает друзей. Я говорю себе, когда бываю трезвым, что очень люблю свое одиночество, но, как выпью – понимаю, что лгу самому себе.

- Зачем же лгать, дорогой друг! Я уверен, что в этом городе вы сможете найти достойных людей, с кем бы вы могли подружиться. Вы просто сами этого не хотите! А что касается меня, то я здесь ненадолго, но думаю, мы с вами успеем пообщаться! – ответил он и задумчиво посмотрел куда-то на небо, в глазах его появилась тоска.

- Дай Бог мне памяти! Чтобы утром я не забыл эту чудесную встречу с вами! – он рассмеялся. - Запомни, запомни, Виктор, ты говорил с тем, кто сияет! Ты, жалкий паяц, говорил с тем, кто сияет! Он оказал тебе великую честь! - Виктор замолчал и икнул.

Верган крепко пожал руку пьяного поэта.

- Свет! Я чувствую свет! Вы отдадите мне его! Ваше сияние теперь озарило и меня, - забубнил Виктор и так низко наклонился, что чуть было не упал. Неожиданно, он очнулся и посмотрел в сторону кафе, казалось, что он резко протрезвел.

Он быстро встал, крепко обнял Вергана и произнес:

- Дорогой друг! Я живу по левую сторону от большого мола на пустынной части берега. Приходите ко мне, пока вы тут. В любом случае, вы найдете меня в порту, каждый моряк укажет вам, где я. А я побегу! Появилось одно спешное дело, – и он пошел прочь вдоль площади.

Верган остался один и тяжело вздохнул. Темные ночные краски постепенно преобразовали город. Скоро зажгут фонари, я люблю, когда они горят и говорят о чем-то тихом и тайном, о том, что способно развеять мрак. Он поднялся, чтобы продолжить свой путь, в его любимом кафе так и не убавилось посетителей. Верган решил остаться без ужина.

«Пророк» - это слово въедалось в его мысли, - «Пророк», - «А когда город встанет, устанет, выйдут призраки из темноты».

Глава 21

На кухне стоял настоящий чад. Моника жарила блины, ловко подкидывая их на сковородке, и, замысловатыми движениями, выкладывая на большое блюдо. За окном начинало темнеть, и легкое беспокойство овладело ей. Она выглядывала на улицу, ожидая увидеть девочек. Прежде она никогда так сильно не беспокоилась. Но теперь то странное волнение, которое она почувствовала днем, снова взяло над ней верх.

Она покончила с блинами и вытерла, следуя дурной детской привычке, руки о фартук, за что тут же выругала себя и покачала головой. Происходит что-то неладное! Как бы связаться с сестрой? Да уже никак не свяжешься! Следующая почта из Файнд-Тауна придет только в конце лета. Что за замшелый городишка такой?! Моника снова громко выругалась. Может, стоит прочесть последнее письмо от сестры?! Точно! Какая же она рассеянная! Мелисса же передала ей послание от Хильды! Ну дела! Она не прочитала его и теперь мается! Вот балда! Моника повесила фартук на крючок и прошла в гостиную, открыла тяжелую дверь секретера и, достав конверт, уселась в кресло около торшера. Конверт был немедленно вскрыт, и на свет явилось тоненькое письмецо,

содержание которого занимало ни много, ни мало, всего один лист. Бегло окинув до боли знакомый почерк сестры, она поняла, что та писала послание впопыхах и спешке.

«Дорогая моя сестрица, - начала читать Моника, - Как всегда отправляю Мелиссу к тебе. С каждым годом все больше и больше убеждаюсь, что летом ей здесь делать нечего. Ты бы видела, как она рвется прочь из Файнд-Тауна! Этот город давит на нее, да и на нас с Артуром тоже. Если бы я могла, то обязательно рассказала бы тебе, почему мы должны пока оставаться здесь. Возможно, я расскажу позже, или ты сама узнаешь. Но сейчас мне нужно хранить молчание. Я знаю, ты поймешь меня, дорогая моя Моника, любимая сестричка.

Кое-что меняется в нашей жизни, и, возможно, коренным образом изменится этим летом. Я пока еще до конца не уверена, но скорее всего, будет именно так. Да и Мелисса стала старше, она вступила в очень неоднозначный возраст, потому, пожалуйста, приглядывай за ней более тщательно, нежели раньше. Это очень важно, поверь мне. Прости за такое короткое письмо, я пишу в спешке. То, предыдущее, которое я писала тебе, не отправляю, ибо оно уже имеет небольшое значение. Спасибо тебе за все, милая сестрица. И до скорой встречи! Очень надеюсь, что ты посетишь нас осенью!

С Любовью, твоя сестра, Хильда.

П. С. Очень надеюсь, что ты прочитаешь это письмо хотя бы на следующий день, а не как обычно, через месяц. Знаю я тебя».

Моника отложила письмо. Последняя фраза заставила ее улыбнуться. Знает меня сестрица, как свои пять пальцев! Но чем больше она думала о содержании письма, тем сильнее морщила лоб в замешательстве. Хильда явно принуждала ее читать между строк. Она впервые озвучила, что у них есть какие-то веские причины на то, чтобы оставаться в Файнд-Тауне. Еще и этот намек на возраст Мелиссы! Дело-то явно не в ее возрасте, а в чем-то другом, о чем сказать Хильда никак не может. Да и вообще все послание было пронизано плохо скрываемой тревогой, которую сестра явно пыталась утаить не только от Моники, но и от самой себя.

Женщина встала и прошла по комнате. В ее воображении снова всплыла фигура того мужчины в сером костюме. Почему именно из-за него ее тревога обрела зримые формы? Где она видела его прежде? Где? Моника напрягала память, и ей, казалось, что она вот-вот найдет ответ, но, увы, он все время ускользал.

Она взволновано глянула в окно, улица, как и прежде, была пуста. Где же девочки? Ничего, ничего, сейчас придут, успокаивала она саму себя. Но подлый червячок беспокойства продолжал точить ее. А может быть, она просто все это выдумала?! И в письме Хильды нет никаких двойных смыслов и намеков? Нет. Интуиция редко подводила Моника.

Женщина вздохнула и пошла ставить чайник, чтобы хоть как-то отвлечься, но как только она переступила порог гостиной, то услышала долгожданные громкие голоса Сары и Мелиссы. Она широко улыбнулась, тяжелый камень упал с души. А вдруг и правда, ее тревога беспочвенна?!

Глава 22

Сара и Мелисса ворвались в квартиру подобно маленькому урагану. Они как всегда спорили и громко смеялись, но грозный вид тети Моника, застывшей в коридоре, заставил их уюмониться.

Моника, подбоченившись, стояла в коридоре и грозно постукивала ногой.

- Эээ, тетя, что-нибудь случилось? - лстивым голосом начала Мелисса, в то время как Сара спряталась за ее спину.

Женщина крутанула головой так резко, что ее хвост описал внушительный круг.

- Котики мои ненаглядные, - растягивая каждую букву, как можно строже ответила она.

- Мне бы по-хорошему уши вам оборвать надо. Вы на часики-то глядели свои, а? На дворе темень стоит, а вы все мотыляетесь где-то!

- Ну, тетя, тетя, - быстро залепетала Мелисса. - Понимаете, сегодня был такой день, такой день! Мы столько всего интересного видели, столько всего! Да и я, знаете, так соскучилась по свободе, жуть просто, да и Сару тысячу лет не видела, вот мы и загулялись. Вы уж простите! - Мелисса, состроив самое невинное выражение лица, подошла и обняла Моника. Та сразу же растаяла:

- Ну ехидна! Ну ладно! Шут с вами! Давайте, бегом руки мыть, и за стол, а потом расскажите мне все по порядку, где были, что видели! Давайте, давайте! - и она ласково потрепала девочек по волосам.

Они опрометью бросились в уборную, а тетя пошла накрывать на стол.

- Ну ты, Мелисса, молодец! Спасла нас, - тихо говорила Сара, пока подруга лила воду ей на руки. - Мне же сегодня от мамы влетит за утреннюю рыбу! Два раза подряд получать тумачков не очень-то хочется.

- Хм, - Мелисса гордо усмехнулась. - Я знаю, как укрощать тетю, но мы с тобой тоже хороши! Не припомню я, что бы мы в первый день так задерживались! - Мелисса понизила голос. - Главное, не вызывать к себе излишнего внимания. Сама понимаешь, почему.

- А то, - протянула Сара.

Покончив с вечерним туалетом, девочки с самым невинным видом прошли в гостиную, где уже был накрыт стол, и Моника восседала в своем любимом зеленом кресле.

- Давайте, котики, садитесь! Блины, рыбешка, салат, сырок, картошка, - подражая голосу уличного торговца, начала тетя. - Хотя по-хорошему, вас на хлеб и воду посадить надо!

Подруги смиренно проглатывали пищу, а Моника с довольным видом наблюдала за ними. «Эх, какие же они прелестные», - думала она, - «Ну как можно ругать молодежь! Я же сама такая была! Да и сейчас, разве ж я лучше! Тоже могу заканителить!».

- Ну, заразы, а теперь рассказываете, где были, что видели! - небрежно спросила она.

- О, тетя, сначала мы пошли купаться, - рассмеялась Мелисса в ответ на подозрительный взгляд Моника. - На дикий пляж. Там долго валялись, болтали.

- И что же, встретили кого-нибудь из знакомых? - как бы между делом поинтересовалась тетя.

- Неа, не встретили, - наконец осмелела Сара.

- Совсем-совсем никого? - зачем-то еще раз переспросила тетя.

- Ну да, - подтвердила Сара, давась уже пятым блином.

- Ну ничего себе, - тетя развела руками. - Неужто в такое время вы были на пляже совсем одни?!

- Ага, - радостно буркнула Мелисса, прожевывая блин. - А что тут удивительного, тетя, обычно в такое время никого и не бывает!

- А нет, не одни, - вдруг вставила Сара. - Там на скале мужик какой-то сидел или ползал, черт его знает!

- Мужик?! - удивленно переспросила Моника.

- Ой, простите, - Сара попыталась изобразить смущение. - Не мужик, а мужчина!

- Да я не о том, - отмахнулась тетя. - А зачем он ползал-то?!

- Не знаю, - пожала плечами Сара.
 - Хм, как странно, и во сколько же это было? - спросила тетя.
 - Ну где-то около полудня, - уже рассеяно отвечала девочка, которой порядком поднадоел этот допрос.
 «Около полудня» - задумалась Моника, - «В аптеку я пришла около одиннадцати». И в ее голове сразу же всплыла картинка:
 «А девочки сейчас, наверное, на диком пляже».
 И мужчина сразу же выходит прочь из аптеки.
 «Очень странно, очень. Но может просто совпадение?» - подумала Моника.
 - А что потом делали, котики? - беспечно продолжила она.
 - А потом мы пошли на рынок, - оживилась Сара. - воро..., ой, покупать каштаны.
 - Ух ты! Ну все! – радостно закричала тетя и хлопнула в ладоши. - Сколько ж наворова-вали?! Долго убегали?!
 - Мы не воровали, мы купили, - менторским тоном сказала Мелисса и строго глянула на Сару.
 - Эээээ, - тетя Моника стушевалась и подмигнула Саре. - Нуда, да, конечно, воровать не хорошо! Зато как весело! Ну а дальше, что было, а?
 - А потом мы сидели на пристани, - продолжила Мелисса. - Грызли каштаны, - и ее лицо озарилось вдохновением. - И познакомились с Виктором! Поэтом!
 - Ух ты! Черти мохнорылые! – радостно закричала тетя. - Да ты что?! Улет!
 Когда тетя не могла сдерживать своих эмоций, она всегда выражалась довольно странными словечками. Сара, уже давно успевшая к ним привыкнуть, тем не менее, захихикала. Мелисса строго посмотрела на нее, решив, что она смеется над Виктором.
 - Да, тетя так и было! Он и стих нам свой прочитал! – гордо сказала Мелисса. - А вы знаете его?
 - А то ж! Конечно знаю! Мы с ним давным-давно знакомы, - в радостном голосе тети проскользнула едва заметная грусть.
 - А расскажите нам о нем! – попросила Мелисса.
 Сара сразу же скуксилась и начала демонстративно зевать.
 - А то ж, что же не рассказать! Сейчас расскажу!

Глава 23

- Виктор, - начала тетя Моника. - Всегда отличался свободолюбивым нравом. Он родился в очень богатой и знатной семье, которую почитали даже за пределами Бриф-Коста. Но рос шалопаем, а не выхоленным дворянским мальчиком. Костюмчиков Виктор не любил, на пони тоже ездил неохотно - его всегда тянуло прочь из дому, к простым ребятишкам. Уж сколько раз вылавливали его родители с улицы, и нянек нанимали, и гувернеров, а Виктору хоть бы хны: нацепит чистенькие, глаженные штанишки и мах через забор к друзьям своим. А потом возвращается весь изодранный, помятый, но довольный, как черт! Его и лупили и увещевали, а ему – все равно. Отец его думал так: ладно уж, может детство в сыне играет, может, повзрослеет он, да и пройдет блажь. И к 17 годам вольного Виктора решили отдать в университет изучать точные науки. Ух как он тут воспротивился! Но мать слезно умоляла его, и, пожалев родительницу, поступил он в университет. Но не выдержал и вскоре сбежал. Только записку оставил родителям: «Мол, не волнуйтесь, так, мол, и так, подаюсь я в матросы. Хочу мир увидеть».
 Родители искали его повсюду, а он уже отбыл вместе с грузовым судном куда-то в далекие края. Долго ждали они сына, а он посылал им весточки из разных стран - то от-

крытку придет, то письмо, и везде, везде стиходейства свои приписывал. И уточнял собственного сочинения. Родители фыркали: стихи! Да где это видано! Мало того, что человек из такой почитаемой семьи бросил университет, подался в матросы, да еще и рифмы плести стал. А когда же он делом займется?!

Все в округе только и толковали, что об их непутевом сыне. Высшее общество качало головами да охало, мол, несчастные они какие, так их Виктор подвел. Так прошло несколько лет, и вернулся Виктор на родину. Загорелый, возмужалый, красивый, но без богатств с одним лишь портфельчиком потрепанным, а в нем стихи его. Пришел в родительский дом и говорит: «Вот я, отец мой и мать, явился вам!».

Они обрадовались конечно, но отец ему сказал: «Ты живи с нами. Но будь добр исправиться, я тебе место выхлопочу на судостроительной верфи, будешь начальствовать спокойно и перестанешь нас позорить, наконец! Да и жениться тебе пора, мы с мамашей уже и невесту подыскать успели!». Но Виктор воспротивился такому повороту событий и ответил: «Не привычный я к подобным делам и начальствовать не хочу и не умею, собирался я, папаша мой дорогой, заняться поэзией своей и в порту работенку найти хотел какую-нибудь простую!». Отец, конечно, разъярился: «Достаточно я терпел, достаточно ты нас позорил, уходи из дома тогда и живи, как тебе благорассудится!». И грозно кулаком по столу хлопнул. Виктор вежливо откланялся родителям и ушел. Купил за гроши хибарку у моря и стал жить, как живет сейчас. В порту то грузы таскает, то матросам помогает, то еще какую-нибудь работу найдет. Родители-то его вернуть пытались обратно в семью, но Виктор ни в какую, говорит: «Не приму от вас ничего, раз вы меня понимать не хотите!». Отец его и по сей день жив, старый стал совсем, Виктор иногда заходит к нему, поговорить о том - о сем, но делить с ним кров отказывается! Вот такая история, котики, - закончила тетя Моника.

- Ну и глупец, этот Виктор, - подытожила Сара, - Чего ему не хватало? Работал бы себе спокойно, как отец велел, да стихи бы писал свои, зато жил бы, как белый человек!

- Ну знаешь, - вскипела неожиданно Мелисса. - По-моему, он герой и самый настоящий романтик, чью волю не сломить!

- Да! Не сломить волю его! Особенно к спиртному! - фыркнула Сара.

Мелисса только покачала головой. А тетя Моника примирительно сказала:

- Ну-ну, девочки не ссорьтесь! Вы обе в чем-то правы! Конечно, Виктор, несколько пристрастился к алкоголю, но это все от одиночества и от непонимания! Его стихи мало кто ценит! Телюди, среди которых он враждует, только потешаются над ним, когда он им сдурно читать их начинает. А стихи-то его просто волшебные! Просто дивные! Чудные! А знаете, сколько он всяких историй интересных рассказывает! Зашатаешься!

- А знаете тетя, - задумчиво сказала Мелисса. - Мне кажется, что Виктор, когда вернулся домой, не просто так решил от родителей уйти! А что если его грызла тоска по какой-нибудь потерянной любви?! А что если он испугался того, что его хотят женить?!

- Нуты как всегда, - недовольно протянула Сара. - Опять фантазии твои глупые!

Тетя Моника соорудила загадочную мину и хитро проворковала:

- Может Мелисса и права! Может и права! Такие люди просто так в подполье не уходят! И пить не от радости начинают!

- Да, - снова задумалась Мелисса. - Как интересно!

- Страсть просто, - отозвала Сара и зевнула, потом взглянула на часы и подскочила. - Ой, как поздно уже! Надо скорей домой лететь! А то мне перцу-то зададут! Хотя и так зададут, но лучше прийти пораньше!

- Давай, котик мой, - проворковала Моника. - И не забудь, что завтра с утра идем вместе на пляж городского!

Сара встала и направилась к двери, Мелисса решила проводить ее и поплелась следом. Девочки вышли за порог и одновременно сказали:

- Чего это она нас так допрашивала?

И тут же обе засмеялись.

- Нет, ну ты слышала? – возмутилась Сара, когда они отсмеялись. - Разве она когда-нибудь нас так пытала: где были да что видели?!

- Нда, - подтвердила Мелисса, - Видимо, чует что-то! Я же говорила, что интуиция у нее еще та!

- Ладно, - успокоила ее Сара. - Завтра будем как можно более кроткими. Ну все, подружка, пошла я, а то и вправду глаза слипаются!

- До завтра, - Мелисса подмигнула ей и вернулась обратно в квартиру.

Глава 24

Темные цвета ночи насыщали воздух. Над спокойной морской гладью то и дело вспыхивали крошечные золотисто-зеленые огоньки, они появлялись и исчезали, плавно кружа над берегом. Теплый ветер с моря освежал и бодрил. Верган сидел на камне и смотрел вдаль, в густую черноту. Где небо, где море? Не разобрать уже теперь. Он слышал, как волны бьются о землю, шипят, переговариваются о чем-то с прибрежной галькой.

Вокруг распростерла крылья тишина, и только море, только море сейчас неспешно говорило, убаюкивало, пело колыбельную. Теперь он ощущал себя в своей стихии. Он сделал глубокий вдох. Соленый воздух забываем. Ему захотелось войти в воду. Но он привык разговаривать со стихией, соблюдая значительное расстояние. Так честнее.

Он протянул ладони тыльной стороной к этой шумящей черноте, и в кончики его пальцев стала проникать сила. А вместе с ней и голос, такой далекий, будто чужой, но все же близкий.

«Я говорю с тобой. Я пою тебе. Ты со мной всегда, даже, когда тебя нет рядом. Посмотри, разве не та же я, что и вечность назад, когда впервые увидел ты меня?! Все та же я, все та же! И ты все тот же. Только когда ты рядом со мной, грусть забирается в уголки твоих губ, а в глазах тихая печаль разливается. Я понимаю тебя, понимаю. Ты здесь бываешь иногда, изредка, а я – навеки приросла к планете. Моя стихия слита с ней, твоя же – нет. Моя стихия прощает и принимает все и всех, моя стихия одинакова добра и одинаково безучастна. Твоя же – нет. Вот от того и проникает печаль в светлые глаза твои, вот от того ты и стремишься обратно. Но не уходи. Останься еще. Мы так давно не говорили. Так давно. Спой мне голосом ветра, спой мне шумом листвы, спой мне памятью неба, спой! Твой голос! Нет ничего прекраснее его! Он так кристально чист, так глубок, так ясен, он похож на мои волны, но только насыщеннее, звонче, свободнее!

Помнишь, как вечность назад, смотрели мы друг на друга? Смотрели и знали, нам скоро придется расстаться навсегда, и мы только издали будем наблюдать и отражать... Так и случилось. И незабвенны те минуты, когда мы снова встречаемся с тобой...»

Лицо Вергана просияло тихой грустью. Он лег на остывшую гальку и, подложив руки под голову, устремил взгляд в небо. Серебряные кристаллики звезд виднелись в самой его глубине. Они едва заметно переливались. Он закрыл усталые веки и ощутил, как на двух сильных руках его качают, - море и небо.

«Ты с нами. Ты с нами. Ты с нами. И мы всегда с тобой. В тебе все линии сходятся и сразу же расходятся. Ты соединяешь горизонты, режешь плоскости и вскрываешь грани».

Голос затих, и наступила тишина. Где-то вдалеке трещали цикады. Верган вспомнил

Виктора, его горькую улыбку и плохо скрываемое отчаянье. Он видел его крылья, до сих пор белые, до сих пор сильные, но истрепанные и отчаянно тянущие его вниз. Ничего. Ничего. Скоро он расправит их, и его голос, шепчущий чарующее слова, зазвучит громко, ясно и твердо.

И снова перед внутренним взором Вергана проплыло видение. Виктор, сияющий, сильный стоит на корме корабля и смотрит куда-то вдаль. Его сердце наполнено искрящимся счастьем, а мысли заняты юной девушкой, оставленной им по ту сторону моря. Он вспоминает ее глаза. Какие они, карие? Зеленые? Он всегда пытался определить, какой цвет преобладает в них. Колдовские глаза, чарующие. Виктор сжимает в руке ее последнее послание, где она клянется быть верной одному ему и ждать его хоть целую вечность. Скоро, совсем скоро, заручившись родительской поддержкой, он вернется за ней и привезет ее в свой родной город.

- Рената, - шепчет Виктор, и его слова растворяются в темной глубине ночи. Брызги соленой морской воды падают ему на лицо и смешиваются со слезами радости, струящимися из его глаз.

- Рената, Рената...

Видение исчезло, и Верган ощутил глубокую неизбежную тоску, смешанную с лучезарной радостью любви, всепоглощающей и чистой.

- Ты излечишь свои крылья, - произнес он вслух так, будто прочел заклинание.

Глава 25

- Мелисса, а Мелисса, мадам Стефания просит тебя занести журналы в архив. Она там ждет тебя, слышишь? А? – ядовито улыбается Каролина и протягивает ей стопку школьных журналов.

Мелисса с отвращением смотрит на ее жиденькие желтые волосы, на круглые зеленые глаза и на ее неизменную гаденькую улыбку.

- Что ты смотришь на меня, Мелисса?! Неужели ты не выполнишь просьбу нашего директора? А? – тем же тоном повторяет Каролина, и улыбка ее становится еще более гадкой.

Они стоят у входа в школьные подземелья. Дверь открыта настежь.

- Я туда не пойду, - чуть запинаясь, отвечает Мелисса.

- Вот как? – и Каролина издает короткий смешок. – Что, самая умная нашлась? Да? Пойдешь, еще как пойдешь!

- Не пойду, - кричит Мелисса и цепляется руками за дверной косяк.

- Пойдешь, - продолжает настаивать Каролина, и глаза ее наливаются злостью, она размахивается стопкой журналов и изо всей силы толкает Мелиссу вниз.

Та стремительно проваливается в темноту и, больно ударяясь о каменные ступени, скатывается вниз. Несколько секунд, и она уже стоит в плохо освещенном коридоре. Воздух как-то странно дрожит и будто бы трясется. Вдруг, откуда ни возьмись, появляются одноклассницы: маленькая рыжая Вита; тощая, как жердь, отличница Дана; забитая и хиленькая Клавдия; и пышущая здоровьем помпучка Долли. На их лицах блуждают коварные усмешки, и в глазах горит какой-то дьявольский огонь. Они медленно, шаг за шагом приближаются к Мелиссе, вытянув руки вперед. Со всех сторон она слышит их искаженные голоса, которые отдаются эхом в этих толстых стенах:

- Почему ты не слушаешь Каролину? Что она тебе велела? Что? Ты просто гадкая ничемная задавака. Слышишь, слышишь! Отнеси журналы в архив! Отнеси.

Мелиссе безумно страшно. Никогда прежде она не видела своих одноклассниц такими

злыми и опасными. Откуда-то сверху она услышала громкий противный смех Каролины и прижалась к стене. Неожиданно, девочки исчезают.

Что делать? Куда бежать? В архив? Мелисса, дрожа от страха, идет вперед и из-за закрытых дверей слышит какие-то сдавленные стоны. Голова начинает нестерпимо гудеть, и вдруг вдалеке она видит знакомый черный силуэт, он медленно приближается к ней, от него веет древним ужасом, и Мелисса слышит шипение: «Попалась, сударыня!».

Мелисса начинает громко кричать, и ее голос, набирая силу, образует в пространстве большую дыру, она проваливается в нее и попадет на школьный двор. Вокруг ни души. Тишина. Она оглядывается вокруг и видит, что у деревьев поломаны ветки, стволы наклонены так, будто бы прошел сильный ураган, а на земле повсюду валяются обрывки бумаг, щепки, раскрошенные камни, грязная и изорванная ткань. Тишина пугает Мелиссу еще больше, чем мрак подземелья. И вдруг из-за угла школы выплывает тот самый темный силуэт. Он размыт, и Мелисса никак не может разглядеть его, а он подходит все ближе и ближе...

Бац! И Мелисса в ужасе открывает глаза. Уф! Она не в школе, а в своей любимой комнате, в квартире тети Моника. Какое счастье! Мелисса отдышалась и провела рукой по мокрому лбу. Ну и приснится же! Ее передернуло. Думать не думала о школе! И тут такое! И Каролина еще вдобавок.

Брррр! Надо бы записать этот дурацкий сон. Как жаль, что те ужасные сны я не записала, теперь не вспомнить подробностей. Но там тоже была Каролина и монах Альтер вдобавок. Она тихонько встала, стараясь передвигаться по комнате так, чтобы тетя Моника, спящая за стеной, ничего не услышала. Подошла к столу, осторожно зажгла свечку. Благо, что фонарь на улице хоть слабо, но освещал маленькую комнатку.

Мелисса, стараясь ничего не упустить, записала сон полностью. Да. Странно. Как эти сны похожи друг на друга. В том тоже были подземелья и этот черный силуэт, и сдавленные голоса. Ух! Надо же, какое впечатление на нее произвел один-единственный поход в подвал. Наверное, Сара права, она просто слишком впечатлительна. Не более того. Да и все эти разговоры про страшный дом тоже дают о себе знать! Эх... Не стоит им туда соваться! Хотя, может быть, все пройдет успешно, и она наконец поверит в то, что ничего примечательного не происходит, что это лишь игра ее шального воображения. А как же история в лесу? А как же бесконечные напоминания о ее таланте? И предостережение Глории? При одном воспоминании о лесном приключении Мелиссу передернуло от отвращения. Как все запутано! Перед глазами всплыло лицо Каролины. Уж она-то каким образом проникла в ее сон? Уж о ком, о ком, а о ней Мелисса никогда не вспоминала. Каролина прочно ассоциировалась у нее с затхлой школьной атмосферой и со всем убогим укладом жизни Файнд-Тауна. Брррр... Мелиссу снова передернуло. Вот уж не знаешь, что страшнее: то ли чудища в подземелье, то ли Каролина!

Мелисса легла обратно в кровать и попыталась уснуть. Сон еще долго не шел к ней, и она ворочалась под тоненькой простыней. Интересно, сильно ли Саре влетело? Эх, была бы здесь сейчас Сара! Мелисса бы поведала ей свой сон, и та бы сразу подняла ее настроение.

Мелисса тихонько рассмеялась, она вдруг вспомнила, как на прошлых зимних каникулах Сара приезжала к ним в Файнд-Таун. Они решили прошвырнуться по городу и столкнулись с Каролиной. Мелиссе пришлось несколько минут стоять, учтиво говорить с ней, и она видела краем глаза, как закипала Сара. А когда, наконец, Каролина пошла по своим делам, Сара долго еще бранилась и причитала, что не нашлось никакого повода, чтобы взгреть эту белобрысую выскочку. Уж очень она ей не понравилась.

Мелисса улыбнулась и представила себе картину, как Сара мутузит хиленькую Каро-

лину, а вокруг стоят одноклассницы, удивленно открыв рот. И где-нибудь на заднем плане валяется в глубоком обмороке мадам Григория. Вот умора бы была! И Мелисса, рисуя подобные увеселительные картины, наконец, заснула крепким сном.

Глава 26

Утром Мелисса, Сара и тетя Моника весело шагали по направлению к городскому пляжу. Солнце пекло гораздо сильнее, чем вчера, да и ветра совсем не было, потому воздух был сухой и терпкий.

- Я сейчас расплавлюсь, - недовольно буркнула Сара.

- Ах ты, солнце мое, еще настоящая жара не наступила, а ты уже хнычешь, - попыталась утешить ее тетя Моника.

- Ну и что! – отмахнулась Сара. - Жарко же все равно!

Мелисса промолчала, ей хотелось поскорее рассказать Саре о своем ночном кошмаре, и ее мысли сейчас были заняты только этим.

- Что же, - вдруг вспомнила Моника, - сильно тебе вчера от мамулька влетело-то, а?

- Да что там, - усмехнулась Сара. - Не особо-то и влетело. Она рада была, что Мелисса приехала. Так пару затрещин дала мне и сказала, мол, на сегодня тебе прощается, Мелисса приехала, теперь не будешь с охламонами своими шлаться где попало.

Мелисса хмыкнула про себя: «А будешь шлаться с Мелиссой по Фэктори и по заброшенным домам. Отлично!».

- Да, твой мамулек добрый, другая бы давно тебя на цепь посадила за твои проделки, - смеясь, ответила тетя.

- Только бы попробовала, я бы такое устроила! - сердито произнесла Сара и подняла голову.

- Фи, тоже мне героиня, - не удержалась Мелисса и показала Саре язык.

- Ну тебя, - равнодушно отозвалась Сара. - Такая жара, что даже не хочется с тобой ругаться.

- Ну, котики, ну даете! – весело закричала Моника и рассмеялась, покачав головой.

Тем временем они приближались к городскому пляжу. Впереди показалось море и широкая полоска берега с торчащими то тут, то там деревянными зонтиками и кабинками для передевания, сбитыми на скорую руку.

- Ух, что сейчас устроим! - потирая руки, довольно протянула Моника.

- Да! – сразу же оживилась Сара.

А Мелисса вздохнула. С каждым годом эта забава нравилась ей все меньше и меньше. Она начинала чувствовать себя неловко, когда заливала водой ни в чем не повинную, спокойно плавающую даму. И мама ее понимала. Хильда всякий раз, когда заходил разговор об охоте на «шляпок», тихо смеялась, качала головой и говорила: «Эх, Моника, Моника, ну что за человек-то такой!». Мелисса никогда не видела, чтобы мама принимала участие в подобных развлечениях, и оттого ей становилось еще более неловко. На пляже было не так уж много людей. Плавало всего несколько человек, и у пирса маячили две-три «шляпки». Моника и Сара кинули в ту сторону хищные взгляды и переглянулись.

- Отлично, - хлопнула в ладоши тетя.

Сара утвердительно кивнула. Они выбрали уютное местечко под кривым деревянным зонтиком, расстелили покрывало и бросили корзину с провиантом на землю. Тетя Моника, не теряя ни секунды драгоценного времени, скинула цветастый сарафан и явила

миру отличнейший купальный костюм, который сидел на ней как влитой, подчеркивая ее аппетитные формы.

- Ух ты, - вытаращила глаза Сара. - Ну вы прямо эта, как ее, роковая женщина.

- Ха! А то! То ли еще будет! Я ж звезда вообще, - нараспев сказала она и засмеялась.

Мелисса покачала головой, как же ей не хотелось сейчас прыгать с пирса и собирать на себе укоризненные взгляды отдыхающих дам.

- Ну держитесь, отдыхайки!

И тетя твердым шагом пошла вперед, призывая девочек за собой. Она напоминала воина, ведущего свой отряд на славную битву. Мелисса шла, слегка опустив голову, а Сара же наоборот, - вся сияла от предвкушения.

Они разогнались и бегом устремились по пирсу, раз - и плюхнулись в воду рядом со спокойно плавающей бежей «шляпкой», чуть-чуть обдав волной другую, синюю, плывшую немного поодаль. Послышались вскрики, взрывы негодования, и тут тетя Моника произнесла свое коронное:

- Ах, Божечки мои, какая досада! Какая беда! Какой кошмар! Девочки мои, что же такое-то?! Как же мы шляпок-то не заметили! Уж простите нас великодушно, милые ба-рышни, уж простите.

И тут главным было не начать смеяться, Сара едва сдерживала смех и вся дрожала, Мелиссе тоже стало смешно, хотя она так и не поборолла чувство стыда.

Бедные женщины продолжали возмущаться, а тетя Моника утешала их сладким голо-сом. Когда, наконец, те успокоились, троица отплыла ближе к берегу, и тут их охватил приступ безудержного смеха. Они продолжили свои развлечения, но на сей раз просто бултыхались в воде и швыряли друг в друга водоросли. Вдоволь нарезвившись, они вы-лезли на берег и улеглись на покрывале.

- Видишь, как весело, подружка моя, - сказала Сара. - А ты все куксишься.

- Ну да, - ответила Мелисса, - Весело.

- А то! - подмигнула тетя.

«Весело, то весело, а вот я все никак не могу избавиться от неприятных ощущений, оставшихся после этого кошмара, надо скорее все рассказать Саре. Отозвать ее что ли куда и рассказать, тетя не должна этого слышать» - пронеслось в голове у девочки.

Вдруг, как по волшебству, Моника, блаженно лежавшая на песке, подскочила и огля-делась вокруг.

- Ээээ, котики, мне мидий захотелось, за пирсом торговца видела, пойду погляжу, там ли он еще, - и она не дождавшись ответа, взяла деньги из корзины и усакала прочь.

- Чего это она так резво? - удивилась Мелисса.

- Не знаю, - пожала плечами Сара, - Может, захотелось в место не столь отдаленное, - и она глупо захихикала.

- Ну тебя! - отмахнулась Мелисса. - Лучше послушай вот что!

И она возбужденно начала рассказывать ей свой сон. Сара тем временем чертила на песке какие-то знаки, и нервно подергивала плечами. Когда подружка закончила, Сара едва заметно нахмурилась и буркнула:

- Эх...Что же тебе нейдет-то все!

- А я-то здесь причем, - обиделась Мелисса. - Я разве виновата в том, что мне такое снится!

- Нда, - коротко ответила Сара.

- Нда? Это все, что ты можешь мне ответить?! А не кажется ли тебе все это странным?! - возмутилась девочка.

- Нет, - коротко ответила Сара.

- Ты просто боишься признать, что здесь может крыться что-то иное! – чуть ли не кричала от досады Мелисса.

- Иное, иное, - Сара набрала песка в ладонь и тут же высыпала его. – «Иные миры», я у тебя в твоих историях читала такое выраженьице. Вот что я тебе скажу, - она прекратила играть с песком и строго посмотрела в глаза подруге. - Ты фантазируешь! И твои фантазии тебя до добра не доведут!

- Ну и черт с тобой! – огрызнулась Мелисса и, отвернувшись от нее, стала смотреть на берег, плавно переходящий в горы.

На несколько минут воцарилась тишина. Было слышно только, как Сара вздыхает. Наконец она сказала:

- Ладно тебе! Не дуйся! Может ты и права, а может, и нет!

Тем временем подросла вся запыхавшаяся тетя Моника.

- Уф, не догнала я черта этого! – выпалила она.

- Какого черта? - удивилась Мелисса.

- Да торговца! – пояснила тетя.

Девочки пожали плечами. Моника изрядно удивила их.

Глава 27

Девочки остановились в конце улицы, на которой жили Моника и Сара.

- Чего это вы? – удивилась тетя.

- Ой, тетя Моника, - начала Сара. - Я Билли обещала, что мы с Мелиссой к нему заглянем. Знаете, как он на меня дуется за то, что я летом почти не гуляю с ним. Ему скучно сейчас ужасно. А потом, - девочка, копируя Мелиссу, закатила глаза вверх. - А потом попросим его пойти с нами в порт, найти Виктора. Билли же с ним знает. Мы сами-то стесняемся к нему еще раз подойти. А так хочется его стихов послушать. Мелисса права была, его стихи такие красивые!

Мелисса удивленно вытаращилась на Сару, но сразу же смекнула в чем дело и поддержала ее:

- Да, да, тетя, так хочется волшебных стихов.

- Ну что ж, - рассмеялась тетя. - Шуруйте! Виктору от меня привет шлите! И скажите, что я уже который месяц жду его, негодника, в гости! Только, зайки мои, не задерживайтесь, как вчера. А то всыплю!

- Конечно! Конечно! – скороговоркой проговорила Мелисса.

Тетя погрозила им пальцем и пошла дальше, а девочки направились к низкой зеленой калитке, за которой в глубине сада прятался аккуратный двухэтажный домик.

Сара уверенно толкнула калитку и прошла внутрь.

- Ты чего это без стука? – поразилась Мелисса.

- А что такое? – подбоченилась подруга. - Мы с Билли всегда так друг к другу входим!

- Но это же невежливо, - возмутилась она.

- Фу ты ну ты, - покачала головой Сара. - Пошли уже!

Мелисса не стала спорить и поплелась следом за Сарой. На пороге дома сидел седой мужчина и читал газету, попыхивая толстой сигарой.

- Хей, мистер Том, привет! – непринужденно крикнула Сара.

Мужчина вздрогнул, опустил газету и расплылся в улыбке.

- О, Сара, доброго утречка тебе, что-то не видать тебя! Это, наверное, твоя подружка из Файнд-Тауна? - кинул он доброжелательный взгляд на Мелиссу.

- Ага, - Сара кивнула головой.

Мелисса чуть склонилась в учтивом поклоне.

- Рад знакомству, а я отец Билли! – он широко улыбнулся. - Мой сорванец на заднем дворе с велосипедом своим возится. Вы проходите, проходите.

Девочки поблагодарили его и, обойдя дом, прошли вглубь двора, к крытым ветхим сараям. Около одного из них они увидели Билли, который сидел на земле, что-то бурчал себе под нос и колдовал над старым, выдавшим виды велосипедом. Он был одет в потертые, дырявые штаны, затасканную майку, на его густых, светлых волосах сидела кепка, заливхvatски повернутая набекрень.

- Эй, Билли, здорово! – крикнула ему Сара.

От неожиданности мальчик вздрогнул и поднял голову, щуря глаза и всматриваясь в пришедших.

- О, какие люди! – сказал он, вставая, и вытирая грязные ладони о футболку. - Сара явилась не запылилась и Мелисса с ней, ну здорово, здорово!

- Мы не просто так, а по делу, - и Сара строго взглянула на него.

На лице мальчика отразился легкий испуг, но он сразу же сделал вид, что ничего не понял.

- Ну ясно, что по делу-то! А без дела Билли теперь не нужен стал! – и он надул полные губы.

- Что ты мелешь, дубина, - разозлилась Сара. - Я подругу целый год не вижу, а тебя каждый божий день созерцаю.

- Ладно, ладно, - примирительно ответил Билли. - Выкладывай, что там у тебя.

- Ты помнишь о нашем споре? – упрямо поглядела в его глаза девочка.

Билли снова изменился в лице и прикусил губу.

- Ты что это серьезно? Серьезно собралась туда идти?! – его голос задрожал, и он огляделся по сторонам.

- Я свое слово держу, а то ты не знаешь! – твердо и с вызовом сказала Сара.

- Послушай, не стоит туда ходить! – попытался убедить ее Билли.

- Вот и я так считаю, - наконец вмешалась в беседу Мелисса.

Билли с благодарностью посмотрел на нее. Сара уперлась руками в боки.

- Так, что-то я не понимаю ничего! Мелисса, мы же с тобой договорились! Ты что же? Будешь слушать его?!

- Нет, нет, раз мы договорились, то мы пойдем. Просто я говорю, что согласна с Билли и все, - равнодушно ответила Мелисса.

Билли покачал головой:

- Как знаете. Но от меня-то что нужно?

- Нам нужно два фонаря и план, как пройти по Фэктори до этого чертового дома!

Билли вздохнул и сел обратно на землю. Девочки сделали тоже самое.

- Эх, Сара, ты не в своем уме! Соваться ночью в Фэктори – уже гиблое дело, а тем более идти туда, в дом! – с жаром выпалил он.

- И что? Ты же ходил! – возразила Сара.

- Я ходил с несколькими ребятами из Фэктори! С несколькими ребятами! А вас двое девочек!

Мелиссе нравилась эта идея все меньше и меньше. Но она упорно продолжала хранить молчание. Раз уж судьба в лице Сары толкает ее на такое приключение, пусть так оно и будет.

- И что? – снова сказала Сара.

- Ты просто, как баран, упрямая, - раздраженно ответил Билли. - Но дело твоё.

Он замолчал.

- Так ты дашь нам фонари и план? – нетерпеливо спросила она.
- Билли поджал губы и уставился в землю, казалось, что он рассматривает муравьев, неспешно ползающих в траве. Он вздохнул и обреченно ответил:
- Я пойду с вами. Но в дом входить не буду. Если вас больше получаса не будет, я пойду следом.
- Ух ты! Ты растешь в моих глазах, дружище, - и Сара хлопнула его по плечу.
- Билли вздрогнул и ничего не ответил.
- Мелиссе же стало чуть легче. По крайней мере, одной проблемы, а именно: опасностей ночной прогулки по Фэктори удастся избежать.
- Спасибо, Билли, - тихо прошептала Мелисса.
- Билли кинул на нее понимающий взгляд и покосился на Сару, словно говоря Мелиссе взглядом: «Вот вредная какая!».
- Мелисса подмигнула ему. Сара не могла ни заметить подобную перестрелку взглядами, но смолчала и продолжила:
- А сейчас, дружище, нам нужно, чтобы ты с нами пошел в порт. Мы хотим поговорить с Виктором.
- С Виктором? - удивленно протянул мальчик. - А он-то вам зачем?
- Узнать больше о том доме. Думаешь, нам достаточно твоей побасенки?
- Хм, - Билли задумался. - Хотя в этом ты права. Виктор точно знает о нем многое. Он же тут все знает. А я историю дома слышал только от парней с Фэктори.
- Ну так что, идем? – Сара стремительно поднялась.
- Идем, - вздохнул Билли.

Глава 28

В порту толпились матросы. Недавно пришвартовалось несколько больших грузовых кораблей, и дел у морского люда было по горло. Ребята пытались высмотреть в толпе Виктора, но его нигде не было видно.

Билли покрутил головой, сплюнул и задумался.

- В кабаке, наверное, - решил он.

- Пошли туда! – выдала Сара.

Мелисса вытаращила глаза. Билли покрутил пальцем у виска:

- Ты в своем уме?! Нас туда не пустят! Есть другой выход!

Билли поглядел по сторонам, заметил матроса, который отдыхал, сидя на большом ящике и смело подошел к нему.

- Доброго здравия! – пытаясь придать грубости голосу начал Билли.

- Привет, малец, - прохрипел матрос. - Чего хочешь?

- Мне бы Виктора найти. Не знаете, где он?

- Как не знать?! У «Морского льва»!

- А вы не могли бы позвать его?! – нагло спросил Билли.

- Хм, приятель, - матрос пожал плечами. - Мне таскаться туда-сюда неохота. Хотя, постой, - он почесал затылок. - Пойдемте, я вас туда доведу, со мной вас пустят. И я заодно горло-то промочу. Разве дурно после сухогруза пива жажнуть? – изрек матрос и залился хохотом над собственной остроумностью.

- Спасибо, друг! – пробасил Билли и протянул ему несколько отличных дорогих папирос, завернутых в бумагу.

- Ух ты ж! Ну ты малец выручил просто, у меня как раз закончились, - он встал, потянулся и скомандовал. – Юнги, за мной!

Били с матросом пошли вперед. А Мелисса с Сарой семенили следом.

- Ловкий Билли какой, - гордо сказала Сара.

- Ага, - подтвердила Мелисса и с большим интересом стала глазеть по сторонам.

Раньше ей никогда не приходилось бывать в этой части порта. Здесь сосредоточились все кабаки, трактиры и прочие увеселительные заведения, предназначенные для портового люда. Здесь же вразнобой были раскиданы маленькие дома, в которых жили рыбаки или располагались постоянные дворы для матросов и небогатых гостей города. Жизнь тут кипела и днем и ночью.

Они миновали несколько трактиров и лачуг и остановились около деревянного, грубо сколоченного длинного здания, двери которого были нараспашку открыты, а из зала доносились громкие голоса и звяканье кружек. Вывеска гордо гласила: «Морской лев».

- Готовы войти? - спросил матрос и повернулся к девочкам. - Вы еще малыцы, чтобы пьяных дураков видеть. Вот замуж выскочите и каждый день будете их наблюдать, - и он загоготал.

- Да, готовы, готовы, - буркнула Сара, которую уже стал порядком раздражать матрос, про себя она окрестила его «болваном».

Мелисса тоже кивнула. Она никогда в жизни не бывала в злых местах и с нетерпением рвалась внутрь.

- Ну тогда вперед! - и матрос снова загоготал.

- Верзила, - шепнула Сара Мелиссе.

Они вошли. Вокруг стоял чад и угар. За большими длинными столами сидели люди: они пили, ели, курили, смеялись, говорили, причем, все это они проделывали очень громко. Официант бегал туда-сюда, разнося заказы и сбиваясь с ног. На вошедших никто не обратил внимания. Матрос окинул взглядом зал и в самом углу за маленьким столиком увидел Виктора, который сидел один, уныло глядя в кружку с пивом.

- Вои ваш стиходей, - заключил моряк. - За мной!

Ребята гуськом пошли за ним. Он расталкивал всех, кто попадался у него на пути и твердой походкой продвигался к намеченной цели. Они встали у стола, за которым сидел Виктор, но тот даже не поднял головы, продолжая задумчиво смотреть в кружку.

- Хей, Виктор, я тебе гостей привел, - пробасил матрос.

Виктор вздрогнул, поднял голову, в его пустых глазах ничего не отражалось. Потом его взгляд сфокусировался и стал удивленным. Он резко вскочил и заговорил:

- Девочки! Билли! Вы тут? В этом ужасном месте?! Зачем?

- Они тебя искали, - сказал матрос. - Вот я их и привел. Ну все, прощайте, пойду выпью что ли.

И он косолапой походкой пошел вглубь трактира.

- Зачем же вы сюда зашли! Это место совсем не для вас! - продолжал причитать Виктор.

- Ну что Вы, Виктор, - развязно ответил Билли. - Мы уже взрослые!

- Ох, - Виктор схватился за голову и покрылся пунцовой краской, бросив быстрый взгляд на кружку с пивом. - Все, все, идемте отсюда!

Как жалко, - подумала Мелисса. Ей хотелось еще немного побыть здесь и впить в себя эту новую незнакомую атмосферу. Ну ладно, - решила она, - хоть одним глазком посмотрела и теперь знаю, что это такое.

Она глянула на Сару, на ее лице тоже отразилось разочарование, но она молчала. Все же иногда она могла быть покорной и не спорила со старшими.

Они вышли на улицу, и свежий воздух закружил Мелиссе голову. Галдящий, прокуренный и душный трактир остался позади.

Они миновали несколько улочек и, оказавшись у тихой пристани, уселись на мелкую

гальку.

Виктор постепенно приходил в себя, ему явно было неловко от того, что ребята за-
стали его в трактире за выпивкой.

Он посмотрел на них немного испуганно и виновато спросил:

- Вы меня искали? Для чего же?

Вдруг он задумался, помялся и продолжил:

- Признаться честно, вы упростили мне задачу, потому что я тоже хотел сегодня вас
отыскать.

- О! Зачем? – не удержалась Мелисса. Она захватила свой рассказ, который она пока-
зывала Глории, старательно переписав его на отдельных листочках. Девочка хотела,
чтобы Виктор прочел его, но самой напоминать об этом ей казалось нескромным.

Виктор нахмурился, прикусил губу, и, раздумывая о чем-то, стал перебирать камешки.
Потом выдохнул и осторожно начал:

- Я долго думал, говорить вам или нет, - он покосился на Билли и вздохнул. - Все же
скажу. Девочки, кажется, за вами следят.

- Что? – в один голос закричали Сара с Мелиссой.

- Да, - Виктор почесал затылок. - Когда я работал в порту, то, как обычно, развлекал себя
тем, что наблюдал за людьми, которые околачиваются там. Потом увидел вас, девочки:
как вы пришли, сели и стали лужгать каштаны. Я умилился, и постепенно стал узнавать
Сару, точь-в-точь такой, как в рассказах Билли.

(В этот момент Билли покраснел и стал насвистывать незатейливую мелодию, глядя по
сторонам. Сара же сидела с каменным выражением лица, и трудно было понять, о чем
она думает).

И вдруг краем глаза я заметил мужчину в сером костюме, который как будто прятался
за фонарным столбом чуть поодаль от вас. Он стоял за ним, носком ботинка ковырял
землю, и кидал на вас внимательные взгляды. Потом он прошелся по пристани, встал
за пустыми ящиками и продолжил наблюдение. Мне стало как-то не по себе. Сложилось
такое впечатление, что он следит за вами. И тогда я решил подойти к вам, чтобы по-
смотреть на его поведение. Я подошел и заметил, что он напрягся и спрятался чуть
дальше, видимо, испугался оказаться замеченным, - Виктор глубоко вдохнул, и на лбу
его выступила испарина, он полез в карман, достал сигарету и закурил.

Ребята сидели в полной тишине, ожидая окончания рассказа.

Виктор сделал несколько затяжек и продолжил:

- Мне все это показалось очень подозрительным. И я быстро покинул вас, чтобы неза-
метно следить за этим типом. Я смешался с толпой и стал ждать. Вы пошли на площадь,
и он последовал за вами. Пока вы беззаботно заглядывали в лавки, он все время око-
лачивался рядом. Когда вы зашли в кафе, он прошмыгнул туда же и занял соседний сто-
лик. Потом он сопровождал вас до самого дома.

Виктор закончил и развел руками. В его больших карих глазах отразилась тревога.

Билли присвистнул, поправил кепку и протянул:

- Ну дела! Кому вы могли понадобиться?!

- Мелисса, помнишь, - Сара возбужденно заговорила. - Тот тип на скале! Помнишь?

- Да, помню, - медленно произнесла Мелисса и отмахнулась.

Она не знала, что и думать. Ее смутные тревоги, наконец, воплотились в реальность.
Страшные тени, а теперь и мужчина в сером костюме, который за чем-то следит за ними.

- Если хотите, - продолжил Виктор. - Я все о нем разужнаю. Кажется, он местный. Его
рожу я точно где-то видел.

- Да, было бы неплохо, - задумчиво ответила Мелисса. - Сара, мне что-то пить захоте-

лось, - вдруг вернула она. - Пойдем за водой сходим.

- Пошли, - ответила Сара и неохотно встала. - Мы скоро вернемся.

Билли и Виктор молча кивнули.

Когда девочки отошли на значительное расстояние Мелисса начала с жаром говорить:

- Сара, ты понимаешь, что я была права! Действительно, что-то происходит! И нам не стоит ходить в этот чертов дом!

Сара стиснула зубы и несколько секунд хранила молчание. Потом выдохнула и сказала:

- Во-первых, мало ли что там Виктору с пьяных глаз показалось, а во-вторых, Мелисса, если что-то происходит, то неужели мы теперь должны сидеть дома взаперти? Так что ли? Почему бы нам не бросить вызов тому, что сгущается вокруг, а? К тому же, Виктор сказал, что сегодня не видел этого типа! Может он уже отстал от нас! Ты боишься, что он увяжется за нами в Фэктори? Как? Он не знает, что мы туда пойдем, и вряд ли будет дежурить у дома. Если мы не пойдем, то мы просто-напросто признаем, что мы трусливые вошки, такие же, как твои одноклассники!

Мелисса ничего не ответила, они дошли до лавки, где продавалась вода, и для отвода глаз купили маленькую бутылочку лимонада.

- Что ты молчишь? – настойчиво поинтересовалась Сара.

- Может, ты и права, - задумчиво ответила Мелисса.

Ободренная ее словами, Сара продолжила:

- Кроме того если вдруг, мы встретим его ночью, то сможем обезвредить его! Нас трое! И у нас есть нож! Мы призовем его к ответу!

Мелисса засмеялась:

- Ну ты и выдумщица! Воин прямо таки.

- А что такого? Я сколько пацанов из школы побила! Думаешь, не смогу одолеть какого-то мужичонку?! – с достоинством сказала Сара и гордо вскинула голову.

- Да, да, - отмахнулась Мелисса. - Ты герой, как ни крути.

- Да, я такая, - без всякой иронии ответила Сара.

Глава 29

Девочки вернулись обратно и сели на прежнее место. Изредка проходящие мимо люди приветственно махали Виктору.

- Так зачем же вы искали меня? – повторил свой вопрос Виктор, но было видно, что он хотел продолжить начатую им тему. Тревога, которая сквозила в его глазах, так никуда и не исчезла.

- Вы знаете, Виктор, - непринужденно заговорила Сара, улыбаясь самой милой своей улыбкой, - Мелисса пишет истории, а Билли, - она кивнула головой в его сторону, - рассказал нам, что в Фэктори есть дом с приведениями. Мелисса сразу же заинтересовалась и стала его расспрашивать, а он толком-то и не знает ничего. Вот мы и решили у вас справиться, говорят, вы знаете все местные легенды. Мелиссе так хочется написать что-нибудь об этом.

- Ох, - вздохнул Виктор и улыбнулся Мелиссе, которая сидела с непроницаемым лицом, ей отчего-то не хотелось поддерживать ложь Сары, врать Виктору ей было совестно. - Прекрасно, что тебя волнуют такие истории, но, поверь мне, девочка, это не лучший сюжет для рассказа.

- Но почему? – тихо спросила Мелисса.

- Все это слишком страшно, жутко и трагично, - вымолвил Виктор, и на его красивое лицо набежала легкая тень. - Дело-то скорее даже не в доме, а в самом Фэктори. Я одно время много размышлял на эту тему, и она, надо признаться, не давала мне покоя.

Ребята слушали, затаив дыхание, у всех троих разгорался жгучий интерес в глазах. Кажалось, даже Билли забыл про весь тот ужас, что он испытал тогда.

- Расскажите, пожалуйста, - умоляюще попросила Сара.

- Ну хорошо, - согласился Виктор, и глаза его потемнели. - Хорошо, я расскажу. Тот самый злополучный квартал, которого все остальные жители Бриф-Коста обходят стороной, не всегда был таким. Раньше он ничем не отличался от других кварталов. Люди жили торговлей, рыбной ловлей и другими промыслами, которые существуют в морских городах. Но около века назад Стоун Грей, тот самый хозяин зловещего дома задумал возвести в самом сердце нынешнего Фэктори фабрику по производству стекла. Жители квартала восприняли эту идею без энтузиазма. Им совсем не хотелось, чтобы в центре их чистого и спокойного квартала выросла фабричная махина. Да и к тому же, мало кто жаловал Грея. Да, его уважали, ведь, все знали, что он вхож в самые знатные дома Бриф-Коста, но, тем не менее, остерегались его.

И когда уже стало ясно, что фабрику вот-вот начнут строить, жители квартала взбунтовались: всем скопом пошли к мэру и стали упрасивать его не допустить подобного. Мэр был хорошим и рассудительным человеком и встал на сторону горожан, но связи Грея в высших кругах оказались сильнее, и было принято решение незамедлительно пачать строительство. Жители квартала пороптали, пороптали и смирились.

За несколько месяцев на месте цветущего зеленого палисадника выросло пятиэтажное, громоздкое и пугающее здание. Грей начал вербовать рабочих среди жителей квартала. Те наотрез отказывались, но он был неумолим, подкупал их большими заработками и возможностью начать новую жизнь. Некоторые сдались. И действительно, Грей не сохрал: фабричные рабочие стали получать в три раза больше, чем остальные трудяги. Глядя на них, самые отъявленные упрямцы через какое-то время потянулись на фабрику. Таким образом, Грею удалось сломить сопротивление местных жителей. Прошло несколько лет, и все население Фэктори (квартал переименовали из Грин в Фэктори), даже дети 9-лет и глубокие старики, трудились день и ночь на фабрике.

В квартале было три школы, и вот одна уже закрылась, потому что дети перестали в нее ходить. Здания двух публичных библиотек, были разобраны за ненадобностью, а оркестр, который играл в городском саду, перестали слушать, и музыканты покинули квартал. Так началось постепенное разложение Фэктори. Чем дальше - тем больше. Уже после ужасной гибели Грея ситуация несколько изменилась, но, увы, не к лучшему: пришел новый владелец, который урезал зарплату рабочим, сделав ее ничтожной. Попытки бунта были пресечены сразу. Некоторые подумывали бросить фабрику, но потом оставили эти мысли, им уже не хотелось менять образ жизни - горбатиться на производстве для них стало делом привычным.

Многие приуныли и стали пить. Когда тяжелый труд плохо оплачивается, человек отчаивается и тянется к тому средству, которое может повеселить его. В квартале один за другим стали открываться трактиры и кабаки, которые ночами принимали уставших людей. Отработав тяжелую смену, иной непьющий глянет на своего товарища и решит, раз он так отдыхает, то и я буду. И тоже тащится в кабак. А их дети, глядя на родителей, уже видят свою будущую жизнь: я подрасту, стану работать на фабрике, а потом буду ходить в трактир и пить. Все так делают. Все так живут. И таким образом за целый век было выращено нынешнее население Фэктори. Грустная история, - произнес Виктор и вздохнул. - Как раз о таких погибших душах у меня есть стих:

Мрак стережет владения,
улица мечет молнии:
черные приведения,
черные и безмолвные,
черные и угрюмые,
саванами укутаны,
черные и безумные,
встречные и попутные -
пылевыми потоками
скрученными, опасными -
хитрые и жестокие,
хилые и несчастные,
и безобразнокие,
и непробудно спящие,
бедные, одинокие,
жалобные, тающие.

- Хм, - промычал Билли. - Ну а дом-то? Что с домом?

Теперь ему не терпелось узнать, как можно больше о нем, раз уж он снова идет туда. Интересно, почему он сам раньше не догадался выспросить все у Виктора?

- Какая грустная история, - прошептала Мелисса.

Виктор понимающе глянул на нее и, проигнорировав вопрос Билли, сказал:

- Знаете, дети, для меня страшнее сам Фэктори, чем дом. Вот именно там, в этом квартале и сосредоточено все зло. И мне ужасно больно смотреть на то, как там незаметно и тихо гибнут люди. Жители Бриф-Коста воспринимают их как нечто естественное, как дурных людей, как бельмо на глазу города, а я не могу так, не могу. Я раньше часто ходил туда, бродил без цели, сидел в трактирах, получал тумачков, конечно, - он улыбнулся. - И мне было бесконечно жаль их, этих несчастных, порабощенных людей.

- Что их жалеть? - удивленно пожал плечами Билли, - Я же общаюсь с их ребятами! Некоторые, мальчишки, как мальчишки, только дикие и все.

- В том-то и дело, Билли, - вздохнул Виктор. - Дикие и все.

- Да сами они виноваты, что это обсуждать даже! - вставила Сара. - Кто им мешает уйти с фабрики и теми же мидиями промыслить! Ну да, зарабатывать будут меньше, да и не постоянный это заработок. Зато волен - свободен!

- Их просто затянула тряпина, Сара, просто иногда человек слишком слаб, чтобы выбраться, - мягко пояснила Мелисса. - Мне тоже больно такое слушать.

- Фу-ты ну-ты! - отмахнулась Сара, давая понять, что эта тема ей уже неинтересна.

- Мелисса права, - отозвался Виктор. Он смотрел на море, его взгляд блуждал вдоль линии горизонта, - Знаете, я чувствую там огромную черную дыру, которая разрослась и пожирает все живое. И кто бы ни сунулся туда, кто бы ни стал там жить, через некоторое время попадает под действие этого разлагающего климата.

Виктор вздохнул и закурил новую папиросу. Воображение Мелиссы разыгралось, она уже видела темные, узкие, мрачные улицы, дым и чад, нависший над землей, и идущий от дымовых фабричных труб, худых шатающихся людей, которые, бредут ранним утром на фабрику. И запах, неприятных запах - нечистот, спирта и мусора. Она вздрогнула. Какой ужас!

Сара же нетерпеливо мотнула головой и, размахивая руками, сказала:
- Виктор, молю Вас, расскажите же о доме! Что вам стоит! Про Фэктори мы уже все поняли!

Виктор взглянул на нее и улыбнулся, его рассмешила ее настойчивость. Он сделал за-
тяжку, и начал спокойно говорить:

- Дом, принадлежал Стоуну Грею. Он построил его, как только приехал в Бриф-Кост. Откуда родом сам Грей, никто так никогда и не узнал. Он появился как-то внезапно. Но уже через несколько месяцев после его появления в городе о нем говорила вся местная знать. Он стал вхож во все знатные и почитаемые дома, держался на короткой ноге с представителями власти. Грей был очень богат. Он сразу же выкупил несколько рыболовецких контор и крупное судоходство, объединив их в одну компанию – «Грей Фэктори», так он назвал ее. Через некоторое время он приобрел большой участок земли на окраине Грина, место там прекрасное: чистое поле, лес, неподалеку речка. Наши богатеи не любили селиться на окраинах, им больше нравились городские усадьбы, и поэтому решение Грея построить дом чуть ли не в лесу вызвало волну пересудов. Но Грей быстро обосновал свое решение: у него, мол, неважное здоровье, и жить рядом с лесом, - как раз то, что ему нужно. Пересуды сразу же стихли. Дом построили почти за год. И сразу же Грей стал принимать гостей и устраивать шикарные балы и светские рауты. С каким восторгом гости говорили об анфиладе просторных залов, которые отражали друг друга, как в зеркале! А большой светлый и солнечный бальный зал, вызывал самые искренние восхищения! Но как ни задабривал Грей местную аристократию, все, даже самые пустоголовые кумушки, отмечали некоторую странность в его характере. Вроде бы он и улыбался и был бесконечно любезен, а манеры его соответствовали всем требованиям такта, но все равно многие поговаривали: «Нет, есть в нем что-то отталкивающее! Что-то страшное во взгляде мелькает, будто он вот-вот совершит какую-нибудь гнусность!».

С каждым годом Грей вызывал все больше и больше подозрений. Те, кто оставался в его доме на ночь, часто слышали странные звуки, которые доносились из кабинета хозяина, и им казалось, что по коридорам кто-то ходит, но когда они открывали двери - не видели ровным счетом ничего. А иногда жаловались на странные запахи, которые разносились по тому этажу, где был его кабинет. Кое-кто даже предполагал, что там тайно варилось колдовское зелье. Впрочем, никаких шокирующих поступков Грей не совершал, и потому к нему продолжали ездить. Странности же начались, когда он женился. Сначала он поразил всех тем, что выбрал в жены бедную девушку из полуаристократической семьи, которая никогда не принадлежала к избранной элите.

Но вот, женившись, Грей отчего-то перестал принимать гостей и проводить рауты. Это для Бриф-Коста того времени было крайне оскорбительно. Бывало так, что гостей, приехавших к его воротам, сразу же разворачивали обратно! И тогда все подозрения, что копились в умах горожан несколько лет, хлынули наружу. Город заштормило от слухов и сплетен о Грее. Его уже именовали чернокнижником, колдуном, заклинателем духов, некромантом. Ну а в одну страшную ночь произошло то самое ужасное событие, о котором Билли, видимо, вам рассказывал. Его жену, Бренду нашли задушенной на полу. Тело ее было окружено зажженными свечами, а пол под ней исписан странными знаками. А его самого – мертвым в кресле, с кинжалом, торчащим из груди. Еще поговаривали о том, что видели странную тень, впрыгнувшую из окна его кабинета. Конечно же, этот дом сразу же посчитали проклятым, и с тех самых пор обходят его стороной.

Виктор закончил и откашлялся:
- Такая история, дети!

- А вы, вы бывали в том доме? – спросил, заикаясь, Билли.

Виктор покачал головой:

- Внутри я не заходил. Боюсь, я слишком впечатлительный для таких вещей. А вот днем несколько раз пытался подойти к воротам, но тут же поворачивал назад, как-то мне неприятен он, и настроение портит сразу, и стена будто какая-то вырастает, - Виктор замолчал, задумался, а потом продолжил: - У меня есть баллада, посвященная дому. Хотите, прочту?!

- Да! – радостно завопила Мелисса, которая как-то нутром почувствовала, что Виктор не мог обойти своим вниманием это место.

Виктор застенчиво улыбнулся и ответил:

- Как все же приятно, когда кому-то действительно интересно то, что ты делаешь. Спасибо, дети. Так вот он стих, называется «Баллада о чумном доме».

Просела крыша. Сгнившее крыльцо.
Чердак плывет, зашторенный туманом.
Внутри строения так много мертвецов,
что дом – не дом, одна сплошная рана.
Сначала хоронили по подвалам,
чтоб незаметно. Чтоб воспоминанья
внезапно не вставляли перед нами,
чтоб только изредка тревожили наш слух.
А годы шли, подвалы так телами
заполнились, что пол набух,

сгорбатился когда-то ровный, плоский.
И вот уже лежат ковры на досках –
хранители кошмарного улова,
немые соглядатаи былого.

Как много было среди этих стен
проезжих, что остались насовсем,
забредших по пути к себе домой
в наш дом на отдых. На ночь. Как в родной.
И все бы ничего, но дом чумной.

Они не чужды ни горя и ни боли.
Их души по утрам неслись на волю.
Их ласково на свет судьба вела,
нам оставляя мертвые тела,
не прекращая этот жуткий сон.
Так мы привыкли к звукам похорон.

И плакали над каждым свежим телом.
И наша совесть выла и хрипела.
Мы поняли не сразу (нет! не сразу!),
КАКАЯ в нас пульсирует зараза.
И раскрывали двери как объятья
всем тем, кому назавтра умирать, и

стояли со свечами мы над теми,
кто задыхался в проКлятой постели.
Сливались хрипы в траурные гимны.
Мы убивали так гостеприимно!

Звучит, быть может, дико, может, странно:
вся наша жизнь текла внутри тумана.
Мы даже не могли ближайших мест
увидеть. Вьюга завывала.
Лишь где-то на холме огромный крест
чернел, скрипел, смеясь над нашим домом
таким уродливым, таким родным, знакомым.
Крест обличал нас, словно гневный перст,
откусанный и врытый в землю Богом.

Живущие с рождения в тумане
мы сочиняли сказки и преданья
о том, что рядом, сразу за холмами
цветет прекрасная волшебная страна.
Там нету боли, смерти. Там дана
всем людям радость жить в святом незнании.
Незнании ужаса. Незнании зла.
Там души так безвинны и чисты!
Там над рекой – хрустальные мосты.
Там солнце дарит ласковый закат.
Там ночью звезды, песни, шум цикад,
и нет глухой зловещей пустоты.

Все эти годы нас питала вера.
Но вот уже кладовки, шифоньеры
завалены умЕршими людьми.
Чердак заполнен. Переполнен! Мы
ослабели. Мы устали. Хватит!
Мы лишь кидали их тела с кроватей,
тела гостей с неведомых дорог.
Но вот настал тот неизбежный срок –
последний ряд уперся в потолок.

В последний год, в последний год... последний!
обнявшись, проводили мы в передней,
не открывая больше дверь на ступи.
Изъеденные оспинами руки,
бессильные размять краюху хлеба,
тянули к месту, где должно быть небо.
Но перед небом был чердак, а в нем
рычал кошмар, пропитанный гнильем.

В последний день мы плакали как дети.

Когтистой тварью рвал на части ветер
наш бедный дом, накрытый лапой смрада,
не знавший зла, не ведавший пощады,
к несчастью неспособный к слову «нет».
А ветер вырвал дверь. И яркий свет,
какого никогда мы не видали,
влетел в зрачки. И нам открылись дали...

Туман рассеялся, и ужас перед нами
разлился по земле с корней деревьев –
такой огромный, безобразно древний.
Он показал холмы, а за холмами
стояли черные безлюдные деревни
с прогнившими от сырости домами.

Виктор читал глухим заукопкойным голосом. Когда он закончил, то боязливо глянул на ребят. Повисла тишина. Долгая, пронзительная, и было слышно только, как волны бьются о гранит причала. Несколько раз вскрикнули чайки. Где-то вдалеке залаяла собака, и бранный окрик раздался вслед.

Все трое, как замороженные, раскрыв глаза, смотрели на Виктора. Первый нарушил молчание Билли, его голос слегка дрожал:

- Как страшно...Ужасно страшно.... И так, будто я вот сам туда..., - он осекся, - Там побы-
вал.... Словно своими глазами видел, - он мотнул головою, пытаюсь стряхнуть с себя тя-
гостные ощущения.

- Да, Виктор, и у меня такое же чувство, - сказал Сара. - Как будто я там была и все это
видела, и ужас, ужас, - от переизбытка эмоций она даже на несколько секунд прикрыла
лицо руками.

- А знаете, - добавила Мелисса, - А знаете, у вас в балладе дом, это символ всего Фэктори,
и то, что все там умерли, и то, что они вышли из дома, и увидели те же страшные дома,
все это говорит о замкнутом круге, в который попали те несчастные люди.

Виктор просиял и радостно забормотал:

- Да, да, Мелисса, так и есть! Для меня дом и Фэктори слиты неразрывно, и если говорить
об ужасах, что творятся в этом квартале, то можно просто описать его самый главный
губительный символ.

Сара и Билли удивленно переглянулись и хмыкнули.

- Поймали волну, - еле слышно прошептала она, и показала глазами на Виктора и Мелиссу.

Билли насмешливо пожал плечами.

- Такие вот дела, надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство, дети, - и его лицо тот час
приняло серьезное выражение. - Девочки, вы не забыли о том, что я вам рассказывал?
Будьте осторожны. Я пока не скажу ничего Монике, чтобы не сеять напрасную панику.
Вдруг, это всего лишь совпадение, не знаю. Да и портить вам каникулы мне не хочется.
Я постараюсь разузнать больше об этом типе. По крайней мере, теперь, вы знаете, где
меня найти. И прошу вас, - он сделал виноватое лицо. - Очень прошу, не ходите больше
в трактир. Просто попросите кого-нибудь разыскать меня, договорились?

Троица послушно закивала головами. И Мелисса, покрывшись испариной, достала из
кармана свой расказ, отвела взгляд в сторону и прошептала:

- Вот, Виктор, я вам вчера обещала принести свою зарисовку. Если вам интересно, - и

она стыдливо замолкла.

- Конечно, интересно! – радостно воскликнул Виктор и потянулся за рукописью.

Глава 30

Билли пошел домой - готовиться к ночной вылазке, а Мелисса и Сара, тем временем, уселись в своем излюбленном месте: в развалинах около заброшенных огородов. Здесь они были в безопасности.

- Ну что скажешь? - спросила Сара.

Мелисса вздохнула:

- Что я могу тебе сказать, подружка, мы затеяли очень опасное дело.

Сара поджала губы:

- Опять ты за свое! Лучше подумай, кто и зачем может следить за нами, а точнее, - она помолчала. - За тобой!

- Почему сразу за мной? – без всякого сопротивления спросила Мелисса.

- Подумай сама, Мелисса, по твоим словам, тебя сначала начинают преследовать кошмары, в которых оживает какая-то тень. Потом некая тень нападает на тебя в лесу. Потом ты встречаешь Глорию, которая говорит тебе, чтобы ты была осторожна. А не далее чем сегодня ночью тебе опять снится кошмар. Ну а теперь выясняется, что за нами следят! – спокойно пояснила Сара.

- Да, ты права, - Мелисса снова вздохнула. - Но ты же не веришь мне, и утверждаешь, что это мои фантазии. Почему теперь ты делаешь такие выводы?

Сара нервно забарабанила пальцами по серой кирпичной стене.

- Я начинаю тебе верить. Знаешь, - она осекалась, потом собралась с духом и продолжила, - знаешь, я с самого начала тебе верила, просто боялась признать. Это же действительно страшно. Потому, нам надо действовать. Мне отчего-то кажется, что и дом этот как-то связан со всем этим. Не знаю почему! Но как-то так!

- Да, Сара, ты права, я тоже так считаю! Ведь не зря же, когда я рассказала тебе о своих зловключениях, ты тут же провела аналогию с рассказом Билли! - подытожила Мелисса.

- Хм, интересно, а сейчас за нами следят, как думаешь? – спросила Сара.

- Я думаю, что нет, тут все просматривается хорошо, и этому негодяю, явно негде будет спрятаться, - она окинула взглядом местность. - Как хорошо, что Виктор попытается узнать, кто этот тип.

- Да, здорово, мы все таки встретились с ним. Теперь, помимо Билли, у нас есть еще один помощник, - и Сара торжествующе улыбнулась.

- Да и к тому же прекрасный поэт! – с восторгом отозвалась Мелисса.

Сара усмехнулась, но промолчала. На самом деле, баллада Виктора произвела на нее большое впечатление. Сама того не осознавая, она постоянно мысленно возвращалась к ней, и некоторые строчки всплывали в ее сознании и делались все ярче и ярче.

- Сегодня ночью мы увидим этот загадочный и страшный квартал! – прервала размышления подруги Мелисса.

- Интересно, как Билли поведет нас? Я бы хотела увидеть Фабрику. Ни разу ее не видела, но сколько слышала! Говорят, ужасно зловещее здание, - ответила Сара.

- А я бы не хотела, - Мелисса вздрогнула. - С меня достаточно самого квартала и чертового дома. А все же интересно, что этот Грей там творил? Что он сделал со своей несчастной женой? И откуда он вообще явился?

- Быть может, именно там мы и найдем ответ! – воодушевилась Сара.

- Да, конечно, - протянула Мелисса. - Вот уже сто лет, как никто не может найти ответ,

а тут придем мы, две несмышленные девочки, и раз, нашли! Так не бывает, Сара!

- А я считаю, что бывает! – твердо ответила та.

- Ну посмотрим! – и тут Мелисса почувствовала какую-то невероятную усталость, глаза начали слипаться, она зевнула, глянула на часы и пробормотала. - Слушай, пойдем-ка по домам, я немного посплю, и ночью тогда уже и встретимся.

Сара нахмурилась:

- А Моника не заподозрит неладное?! Мы же по вечерам всегда встречаемся!

- Не заподозрит, - отмахнулась Мелисса. - Я скажу ей, что ты с Билли играешь в футбол, мол, решила уделить ему немного времени, а то он весь изревновался! Уж в это она точно поверит!

- Ну хорошо, - Сара тоже зевнула. - И мне что-то спать хочется.

Девочки встали и молча пошли по пустынной улице.

- Кстати, подружка, а, кажется, Билли влюблен в тебя по уши, - с ехидцей сказала Мелисса.

Сара вздрогнула и скривилась:

- Что ты мелешь! Билли нормальный мальчишка, он не будет влюбляться!

- А мне кажется, что влюблен! Видишь, он ради тебя даже готов пересилить свой страх и снова пойти в чертов дом!

- Ну да конечно ради меня! - возмутилась Сара. - Просто он не хочет, чтобы потом говорили, что девчонка оказалась смелее, чем он, неукротимый Билли!

- Да, да, да! – фыркнула Мелисса и показала язык подруге.

- Ах ты зараза! - подражая голосу тети Моника, ответила Сара и наградила Мелиссу увеистым целбаном.

Глава 31

Верган Роджерс сидел на балконе гостиничного номера. На маленьком столике дымилась чашка кофе, в руках он вертел газету: сворачивал и разворачивал ее, несколько минут читал, а затем клал обратно. Если бы кто-нибудь спросил Вергана, о чем ныне пишут газеты, то он не смог бы ответить, и на его лице появилась бы растерянная улыбка. Он совсем не понимал того языка, на котором говорили газетчики. Казалось, его разум не предназначен для переработки подобной информации.

Он не понимал, как заголовки сочетаются с самим текстом, и что означают картинки, сопровождающие каждую статью. Статьи, кажется, это именно так называется? Кусочки текста с вкраплением картинок, напечатанные на серой тонкой бумаге, которую потом можно смело выбросить. Для чего все это? Кому это нужно? Каждый раз, когда он попадал в Бриф-Кост, то с особым рвением наблюдал за любителями газет, ему хотелось понять, какие они и почему читают написанное на серой бумаге? Но, как он успел заметить, они мало чем отличались от остальных горожан.

Верган отложил газету в сторону и глянул на противоположный дом. Окно напротив было открыто нараспашку, и он мог видеть почти всю комнату. Это был кабинет. Взору Вергана открывались два книжных шкафа, забитых книгами, письменный стол, заваленный бумагами и большое, старое кресло. Хозяин кабинета - мужчина средних лет сидел за столом и что-то усиленно писал, иногда отрывался от своих занятий и на несколько минут выходил.

Вот уже второй день, как Верган наблюдал за ним. Вчера ранним утром он видел, как мужчина, зашел в свой кабинет, взял что-то со стола и исчез. Вернулся он только поздним вечером, сделал записи, налил себе что-то в большой стакан, и чуть ли не до самого

утра пил. А потом ушел. А сегодня он встал около четырех вечера и, войдя в свой кабинет, надолго уселся в глубоком кресле. Волосы его были растрепаны, а домашний халат неряшливо и небрежно смотрелся на его худосочной фигуре.

Верган с интересом наблюдал за ним. Сегодня он отметил, что мужчина нервничал, его вчерашнее уверенное спокойствие явно чем-то нарушено. Верган ощущал, как от него волнами исходит нетерпение и страх. Будто он готовится к чему-то. Да, - думал Верган, - Здесь, я бы точно стал писателем. Проникал бы в чужие жизни, возрождал бы их из небытия, сообразно своей фантазии и выносил бы все это на бумагу.

Какую историю можно придумать этому субъекту?! Да какую угодно! Верган сделал глоток из чашки и задумался. Ему припомнилась встреча во дворе. Тихая покорность и легкий шепот, шуршание листвы, и слабый запах духов. Он мысленно оживил в себе ее образ. Она сейчас уже далеко, и он видит, как сердце ее пылает огнем, а ум чист и ясен и работает, как часы. Он знал, что она услышит его мысли, и передал ей большой стук тепла, еле слышно проговорив: «Ты все правильно делаешь. Я с тобой. Я всегда с тобой».

Он улыбнулся, и на душе стало светло и тихо. Он глянул на противоположное окно, мужчина сидел в кресле и смотрел куда-то в одну точку, лихорадочно теребя рукой жиденькие волосы, которые едва покрывали его голову.

Что же, и твоя история будет написана, - усмехнулся Верган и снова принялся за газету. Но текст, все никак не поддавался ему, вместо печатных букв он видел неровный, дрожащий почерк через который пробивался уже знакомый ему голос Виктора:

Поздно ночью в заброшенном доме,
там где стекло, дверей давно нет
собирается что-то другое,
начинается черный совет.

Там не люди, а их силуэты –
те, кому суждено вечно жить.
Там посланники лунного света
Приготовились что-то решить.

Сели в круг после долгих скитаний,
Звезды тихо мерцают в окне,
слышен шепот бессмертных созданий,
загораются руны во мгле.

Ветер кружится в траурном танце –
Завтра будет насыщенный день.
Силуэты вдруг стали сливаться,
Превращаясь в ужасную тень.

Верган закрыл лицо руками и прошептал: «Я слышу, слышу тебя».
И он обратил лицо к солнцу, отчаянно желая впитать в себя, как можно больше светлой энергии.

Виктор шел домой. Весь день его мучила какая-то странная истома, возможно, связанная с удивительной встречей, которая произошла вчера вечером на площади. Несмотря на то, что Виктор был порядком пьян, он все равно запомнил каждое слово странного незнакомца. Особенно, его поразили слова о крыльях. Что за чудесный незнакомец?! Виктор видел, пусть и в пьяном чаду, но видел, что от него исходило ослепительное сияние! Что бы это могло значить?!

Но очень скоро его мысли снова вернулись к Мелиссе. Он только сейчас вспомнил, что слышал о ней уже очень давно: она же племянница Моники! За ней следят, и это очень странно! Он был уверен, что следят именно за ней. Интуиция редко подводила его. Но кому могла понадобиться простая девочка из Файнд-Тауна?! Да, Виктор вспомнил, что она именно оттуда. Но, ничего, сегодня он все узнает! На вечер у него назначена встреча с одним человеком, у которого можно узнать о любом жителе города.

Виктор добрал до своей лачуги, вошел внутрь и, заварив себе крепкого чая, вышел с кружкой на крыльцо. Он удобно уселся, несколько минут посмотрел на море и, достав рукопись, которую ему дала Мелисса, углубился в чтение. Как вы помните, Мелисса решила показать поэту Виктору самый удачный свой опус, тот самый, который она давала читать Глории. За него ей не было стыдно, да и похвала от колдуньи многого стоила. Так что, она считала эту зарисовку вполне себе проверенной.

По мере того, как Виктор читал, его удивление все возрастало и возрастало! Некоторые фразы из рассказа напоминали ему разговор со вчерашним незнакомцем, особенно те, что касались крыльев! Да и сама ситуация, образно, очень подходила к общему состоянию Виктора! А тот ангел, который позвал главную героиню, в нем, в нем, он отчетливо увидел Вергана!

Это все не просто так! Душа его отчего-то возликовала! Почему именно этот рассказ принесла ему Мелисса? Она попала прямо в точку! Кажется, сейчас развязывается какой-то древний узел! Виктор вспомнил былые годы и Монику. Давняя грусть тонким колокольчиком зазвела в его душе.

Где же оно, то время? То время, когда они были молоды, беспечны и наивны. То время, когда он, Хильда и Моника босые бродили вдоль побережья, а потом убегали на весь день в горы! То время, когда он читал им свои первые стихи! То время, когда он ловил на себе влюбленные взгляды Моники и отвечал на них! То время, когда они поклялись любить друг друга до гроба, и, как он, оставляя ее одну, уплыл, а потом написал ей роковое письмо, где говорил о том, что больше не вернется обратно, и, что она может не ждать его! Как жестоко он тогда ошибался! Как жестоко! Больше не вернется! Да, через несколько лет он вернулся! Нет! Лучше не вспоминать всего этого! Лучше забыть! Как мог он променять любовь этой чистой, восторженной женщины на мнимую свободу, которая обернулась для него горем?! О, как жестоко он был наказан за свое непостоянство! Как жестоко! Слезы выступили на его глазах. Он стиснул зубы, чтобы не зарыдать, и пошел к морю. Прямо в одежде он зашел в его манящую прохладу и ощутил, как соленые воды смывают с него всю горечь и весь стыд. Он ощутил обновление. Крылья! Крылья! Они снова наберут силу! Снова!

В квартире стояла тишина, только ровно и мерно тикали старые настенные часы в гостиной. Мелисса встала и прислушалась: за тонкой стенкой доносилось ровное сопение

тети Моника. Девочка, стараясь не шуметь, быстро переоделась, сотворила из одеяла и подушки некое подобие человеческого тела и аккуратно накрыла его простыней. Приятное волнение, смешанное со страхом, разливалось по венам. Она подошла к открытому окну, глянула на пустую освещенную улицу и сказала себе тихо: «Вперед, Мелисса!».

Она ловко залезла на подоконник, и, уцепившись руками за дерево, росшее почти вплотную к стене дома, медленно начала сползать вниз. Прошлогоднюю сноровку она не потеряла, сколько раз она проделывала этот трюк, когда они с Сарой пускались в ночные приключения! И в этот раз она благополучно добралась до земли. Прохладный воздух бодрил ее, и легкий морской ветерок придавал уверенности. Мелисса, оглядываясь по сторонам, зашла за угол дома, где уже стояли Сара и Билли. За спиной у Билли висел большой рюкзак.

- Ну наконец-то, - шепотом сказала Сара, и глянула на часы. - Ты опоздала на пять минут!
- Велика важность, - ответила Мелисса и заметила, что у Сары возбужденно горят глаза, а вот вид Билли боевым никак нельзя было назвать, он скорее походил на узника, которого ведут на расстрел.

- Все, пошли, - скомандовала Сара.

И они гуськом двинулись вниз по улице, стараясь идти как можно ближе к живым изгородям. Несколько раз им приходилось нырять в кусты, когда до их слуха доносились шаги редких ночных прохожих.

Так, частыми перебежками они пересекли свой квартал, и достигли пограничной зоны, - небольшого пустыря, заваленного строительным мусором. Ребята спрятались за остов железной будки, и, наконец, заговорили.

- Мы сейчас вступим на землю Фэктори, - без тени улыбки начал Билли, и нервно сглотнул. - Не отступайте от меня ни на шаг, если мы попадемся, нам не сдобровать, местные ребята сами боятся по ночам выходить на улицы. Сара, - он строго посмотрел на девочку, - где кинжал?

Сара похлопала себя по поясу и отвела полу длинной кофты: металлические ножны показались из-за широкого ремня.

- Отлично, - кивнул головой Билли. - А теперь за мной!

Пробираясь через узкие проходы между мусорными завалами, они пошли вперед. Первое, что они увидели: длинную темную улицу, и два-три фонаря тускло освещавших грязную дорогу, давно не знавшую метлы.

Окна двух высоких серых домов были темными, но кое-где сквозь грязные, закопченные стекла пробивался тусклый свет. Зловещая тишина висела в воздухе, было слышно только, как скрипит на ветру старое, чахлое, высохшее дерево, одиноко стоящее у обочины.

Билли осторожно прошел вперед, и сделав два шага, знаком показал девочкам, что этот отрезок пути нужно перебежать. Они стремительно пересекли улицу, и спрятались за угол дома, чтобы отдышаться. Воздух, отравленный нечистотами, въедался в ноздри. Сара еле слышно закашляла и процедила:

- Ну и вонь.

Билли сделала грозное лицо, и прижал палец к губам. Впереди тянулась еще одна улица, точная копия предыдущей. Они некоторое время прислушивались, а потом также стремительно совершили перебежку.

Таким образом, в течение часа, они пересекали улицы, похожие одна на другую как две капли мутной воды, и на их счастье, они пока никого не встретили. На очередной остановке, они присели отдохнуть на грязный бордюр.

- Ну дела, - вновь не вытерпела Сара. - Как тут жить вообще можно? А мы будем мимо фабрики пробегать?

- Нет, - тихо ответил Билли. - Мы сейчас идем самыми окраинами, чем ближе к центру, тем опаснее, там очень много кабаков, и ночью начинается самая бурная жизнь.

- Это как? – уточнила Сара.

- А так, представь наш центр днем. Столько же народу. Только вместо лавок и магазинов, всюду кабаки и дома терпимости. Грязь, вонь, драки. Пьяницы лежат прямо на дорогах, - пояснил Билли.

- А ты, что видел? – не унималась Сара.

- Рассказывали, - мрачно оборвал ее Билли. - Хватит уже болтать, мы сейчас вышли на улицы параллельные кабацким, и тут надо быть вдвое осторожнее, потому что частенько пьяницы отходят в закоулки и творят грязные дела.

Мелисса вздрогнула. Здесь все путало ее. Складывалось такое впечатление, что дышать свободно тут совершенно невозможно. И ей хотелось, как можно скорее попасть к чертовому дому, там хоть поле и лес кругом. Пока Сара с Билли спорили, она прислонилась к стене дома, и ясно представила себе черную удушливую паутину, которая опутывает все вокруг. Она вспомнила стихотворение Виктора. Да все, как он писал, - прогнившие дома, мертвые души, мрак и отчаянье. Как будто отсюда тянутся ниточки невидимого, но сильного зла. Она покопалась в себе и нашла, что ей знакомо это ощущение. Память очень быстро нарисовала ей картину темного школьного подземелья, удушающих кошмаров, и тени, напавшей на нее в лесу. У нее разболелась голова точь-в-точь, как тогда. То темное и страшное, присутствовало и здесь.

Пока она размышляла, Сара зачем-то высунулась за угол дома, и посмотрела назад, туда, откуда они только что пришли.

- Черт, - услышала Мелисса голос подруги и увидела перед собой ее взволнованное лицо.

- Что стряслось? – испуганно спросил Билли.

Сара ответила не сразу:

- Кажется, он за нами идет по пятам.

- Кто? – спросил Билли и заскрипел зубами.

- Тот тип, о котором говорил Виктор, - гневно ответила Сара. - Я сейчас, вот, достану кинжал и пойду прирежу его.

- Успокойся, - Мелисса схватила ее за рукав. - Ничего он нам не сделает, - странное, холодное спокойствие нашло на нее. - Он и сам тут в опасности, - она нахмурила брови, и, вдруг, с силой хлопнула себя по лбу. - Какие же мы с тобой дуры, Сара! Виктор же сказал, что этот тип зашел следом за нами в кафе! А я же тогда заметила мужчину, который сел рядом с нами и закрыл лицо газетой, делая вид, что читает! А мы с тобой как раз обсуждали подробности нашего похода! Вот он и узнал во сколько и куда мы идем! Как же мы раньше-то не додумались?

- Не мы, а ты, - пробурчала Сара. - Я ни на каких мужчин в кафе не гладела! Что теперь уж говорить об этом! – она на секунду задумалась, и ахнула. - А если он нападет на Билли, пока тот будет стоять около дома? – взволнованно спросила она.

- Не нападет, я уверена, он даже близко к дому не подступит, я так чувствую, - твердо сказала Мелисса.

- Пусть попробует напасть, - гордо ответил Билли. - Я и сам не лыком шит, прирежу его только так.

Сара одобрительно посмотрела на него, Билли поймал ее взгляд и еще больше расхохотился.

- Пойдем, время не ждет, - Мелисса дернула Билли за рукав.

- Пойдем, - ответил Билли, удивленный такой решимостью.

Они осторожно вышли на улицу и опрометью перебежали ее, и в тот момент, когда хотели было сделать привычную остановку, услышали пьяные голоса из-за угла дома напротив:

- Гляди-ка, детишки чистенькие! Не из наших вестимо! Гляди-ка, как одеты-то, и как сияют, как пятаки начищенные! Это кто это у нас тут, а? Тедди, давай им в глотки нашего портвейника воьем, а то у нас самих уже из ушей лезет.

В ответ раздался пьяный смех.

- Черт возьми, - прорычал Билли. - Бегом!

И они, быстро проскочив мимо двух пьяных субъектов, понеслись вперед. Позади слышался громкий топот двух пар ног.

- Они не отцепятся, - с грудом глотая воздух, на ходу кричал Билли девочкам.

- Долго еще бежать? - спрашивала Сара.

- Еще немного, только не выдохнитесь, только не останавливайтесь! Нужно добежать до поля, туда они не сунутся точно.

Погоня продолжалась, у пьяных людей будто бы прибавилось прыти, и, улюлюкая, они набирали скорость. Ветер свистел в ушах Мелиссы, усталость давала о себе знать, ноги подкапывались, но осознание того, что позади них неумолимая опасность, придавала ей сил. Дома, пустые улицы, чахлые деревья, почерневшие от фабричной пыли кустарники мелькали со стремительной скоростью.

Наконец, они сделали крутой поворот, и неожиданно выскочили в жиденькую рощицу, переходящую в огромное поле с сухой выжженной травой. Собрав последние силы они устремились туда, и услышали позади себя:

- Черт подери, Тедд, они на чертово поле вышли. Вот сукины дети! Давай живее отсюда, а то еще старина Грей прихлопнет нас вместе с этими недоносками.

Раздались громкие ругательства и лающий кашель. Наши друзья обернулись и увидели, как двое мужчин в грязной, рваной одежде, быстрым взволнованным шагом уходят прочь.

Добежав до середины поля, ребята остановились и несколько минут потратили на то, чтобы восстановить дыхание. Они судорожно глотали свежий воздух. Наконец, ощутив себя в относительной безопасности, заговорили.

- Боже мой, - хрипло сказала Сара. - Мне казалось, что я рухну прямо там.

- Да, - в один голос ответили Мелисса и Билли.

- Успели, - продолжила Сара, выпрямилась и вздрогнула, посмотрев вперед.

Остальные проследили за ее взглядом. Билли издал какой-то нечленораздельный звук и весь затрясся. Больше всего на свете ему сейчас хотелось разрыдаться, упасть на землю и закричать: «Не пойду! Не пойду!», как в глубоком детстве, когда мама тащила его к парикмахеру. Мелисса же застыла, как вкопанная и не отрывала глаз от картины, представшей ее взору.

Сквозь черное поле, освещенное полной луной, шла широкая поросшая травой дорога, которая, слегка петляя, поднималась на небольшой холм. На вершине его стоял громоздкий, мрачный дом с выбитыми стеклами. Он был окружен высоким решетчатым забором, и огромные арочные ворота были открыты настежь. Одна из створок оторвалась и висела, чуть накренившись в сторону. Вид дома был гораздо более зловещим, чем представляла себе Мелисса.

- Ну и ну, - протянула Сара.

И тут Мелисса впервые увидела в глазах подруги сомнение. Ей казалось, что Сара вот-вот произнесет: «А давайте-ка не пойдем туда». Эти слова, так и просились с ее губ. И тут уж Мелисса взяла в свои руки:

- Ну что идем?

Сара и Билли вздрогнули.

- Что молчите? Сара, ты больше всех мечтала туда попасть, разве я не права? – спокойно спросила девочка.

- Права, - пытаюсь скрыть волнение в голосе, ответила Сара. - А я и не отрицаю. Пойдем, пойдем.

Они побрели вдоль дороги. Мелисса глянула назад, и увидела мужчину в сером костюме, который прислонился к чахламу деревцу и пристально наблюдал за ними.

«Хм...И он тоже не переступает этих границ, что же, неудивительно!» - заключила Мелисса, и посмотрела на трясущихся ребят. «Думаю, им не стоит говорить о нем, а то от страха с ума сойдут».

Глава 34

Они подошли к воротам и остановились. Мелисса задрала голову и присвистнула. Ворота были гигантских размеров, подобных она никогда не видела прежде. Кованая решетка была сделана очень искусно, причудливые завитки образовывали странные пересечения и узоры, и если долго вглядываться в них, то можно было разглядеть листочки, сердца и какие-то непонятные фигуры.

За оградой был виден сад: дикий, заросший, запущенный. Казалось, там можно заблудиться. Но подъездная аллея, ведущая к дому, все же не заросла полностью и упорно пробивалась сквозь высокую траву.

Билли снял рюкзак, поставил его на землю и трясущимися руками стал доставать фонари. Он вручил один Саре, другой - Мелиссе.

- Не думаю, что они вам особо понадобятся. Луна, посмотрите какая яркая, - сказал он упавшим голосом.

Сара продолжала хранить молчание и стояла, как истукан, прижав фонарь к груди.

- Все мы пошли, - уверено произнесла Мелисса и пристально посмотрела в глаза Билли, тот отвел взгляд.

- Если через полчаса вы не выйдете, - выдохнул он и судорожно сглотнул. - То я пойду за вами.

- Спасибо, Билли, - ласково сказала Мелисса. - Если что – кричи.

- Угу, - буркнул он и сел на землю спиной к дому, опершись на ограду.

Мелисса прошла через ворота, Сара уныло поплелась следом. Они медленно, вздрагивая от каждого шороха, шли по дороге, продираясь сквозь заросли. Ветер гулял в кроках деревьев и шуршал листьями, с ветки на ветку прыгали испуганные птицы, которые, видимо, уже привыкли к тому, что их уединению ничто не мешает.

Они добрались до крыльца. К парадному входу вела широкая лестница, ступени кое-где заметно осыпались.

Дом угрожающе нависал над ними, зиял дырами выбитых стекол и пятнами облупленной штукатурки. Девочки поднялись по ступеням и оказались около приоткрытой тяжелой дубовой двери, обитой железом.

Мелисса взялась за толстое кольцо и тут же отдернула руку.

- Тьфу, ты, какое холодное, - вскрикнула она.

- Попробуем еще раз! – она снова схватилась за него и начала тащить дверь на себя, пока та кое-как с жутким скрипом открылась. Впереди зияла густая темнота. Они прислушались. Никаких звуков.

- Сара, зажигай фонарь, - командовала Мелисса.

Сара, до этого хранившая молчание, вымолвила:

- Мелисс, - она замялась. - А может не стоит?

- Что? - поразились Мелисса. - Не стоит? Ты в своем уме?! Ты клевала мне мозг этим домом, обвиняла меня в трусости, а теперь, видите ли, не стоит? - и она гневно посмотрела на подругу.

Та нахмурилась, тряхнула головой, и ответила:

- Прости, Мелисса, конечно стоит. И мы пойдем туда, - в ее голосе снова послышалась прежняя уверенность. - Просто меня измотала эта безумная погоня.

- Ладно тебе, - смягчилась Мелисса. - Не оправдывайся, зажги лучше фонари, и пойдем.

Сара зажгла два старых немного покрытых ржавчиной фонаря, отдала один Мелиссе, другой взяла себе, и они переступили порог.

Затхлый, пропитанный старостью воздух сразу же окутал их. Пахло плесенью и сыростью. Широкий холл, в котором они находились, был заставлен мебелью, предназначение которой угадывалось с трудом - все заросло чудовищным слоем пыли. Впереди они увидели длинный коридор и ту самую лестницу, о которой говорил Билли.

- Куда пойдем? - прошептала Сара.

- Пошли вперед, я хочу увидеть тот бальный зал, о котором говорил Виктор, - тихо ответила подруга.

Стараясь идти как можно тише, они пошли по длинному широкому коридору. В полумгле, выхваченной фонарем, мелькали развешенные по стенам картины, покрытые изрядным слоем пыли. Мелисса замечала, что в основном это были пейзажи или же сценки из городской жизни, словом, ничего особо примечательного. Внезапно ее внимание привлекло знакомое изображение на одной из картин.

- Постой, - прошептала она и подошла ближе. - Посвети и ты тоже.

Сара послушно поднесла фонарь к холсту. На картине была написана городская площадь, которая показалась Мелиссе до боли знакомой. Ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, какой город она видит перед собой! Сара тоже узнала его, и они одновременно сказали:

- Это же Файнд-Таун! - и удивленно взглянули друг на друга.

- Неужели этот Грей бывал у вас? Что он там забыл? - изумилась Сара.

- Вот уж не знаю! - пожала плечами Мелисса. - Может быть, просто купил картину у какого-нибудь здешнего художника, который бывал у нас? В Файн-Тауне-то художников отродясь не было. Не ценится искусство там, уж никак.

Они двинулись дальше. Вскоре коридор закончился, и они оказались в просторной комнате, в центре которой стоял длинный овальный стол, а вокруг него - дюжина изящных кресел.

- Это столовая, наверное, - решила Мелисса. Здесь было несколько окон и дверь, выходящая на другую сторону сада. Лунный свет проникал в помещение, и девочки увидели, что впереди тянутся анфилады хорошо освещенных комнат. Они решили притупить фонари.

Подойдя ближе к столу, они увидели ряд покрытых пылью высоченных подсвечников и столовые приборы. Создавалось впечатление, что вот-вот вернутся хозяева дома и продолжат трапезу.

- Гррр, пошли скорей дальше, как-то мне не по себе, - нарушила тишину Сара.

- Пошли, - согласилась Мелисса, и они проследовали во второй зал.

Им оказалась небольшая комнатка с одним единственным окном, у стены стоял маленький диванчик, а рядом - круглый ломберный столик, на стенах были развешаны картины, одна из них сразу обращала на себя внимание. То был внушительных разме-

ров портрет, изображающий молодого мужчину.

Девочки вгляделись в него и вздрогнули. Мужчина стоял в полный рост, правой рукой он опирался на шпагу, лицо его выражало суровую мужественность, а в темных глазах горел дьявольский огонь. Чувствовалось в нем какое-то едва уловимое зло, хотя он и старался смотреть как можно более дружелюбно. Казалось, что эти, на первый взгляд совершенно обычные глаза, хранят страшный, недобрый секрет.

Мелисса подошла ближе и прочла надпись на раме, выполненную золотыми буквами: «Стоун Грей, владелец сего предместья».

- Это сам Грей, - громко сказала Мелисса.

Ее голос разнесся по залам, и девочки застыли в ужасе, слыша, как искажаются звуки, отдаваясь зловещим эхом: «Грей...Грей...Грей...».

- Пойдем, - Сара опять схватила ее за руку и потащила вперед.

На сей раз, они очутились в просторной длинной зале. Потолок ее был украшен едва различимыми и стершимися от времени фресками. Здесь было около 10 больших окон. В углу стоял огромный черный рояль.

- Это и есть тот самый бальный зал, - как можно тише сказала Мелисса.

Неожиданно, воображение стало рисовать картины, которые беспардонно врываются в ее сознание. Сначала она увидела богато одетых, веселых людей, которые разбившись на пары, скользят по идеально сверкающему паркету. Окна открыты настежь и сквозь них вместе с ярким солнечным светом проникает запах весны. Слышны звуки рояля и скрипки, вся зала наполнена смехом и радостными голосами.

Раз, и картинка изменилась. Теперь она видит, как лунный свет падает на темный пол через закрытые окна, оставляя на паркете белые просветы. По зале идет молодая девушка в длинной ночной сорочке, ее лицо то утопает в тени, то озаряется светом, а в глазах - страх и грусть; темные волосы небрежно раскинулись по хрупким плечам. Она направляется к роялю. Садится за него и начинает играть тоскливую, щемящую душу мелодию. Вдруг, раздаются шаги, девушка замирает, оборачивается и видит мужчину, он начинается громко и грубо смеяться. Девушка вскакивает и жестом защиты выставляет руки вперед.

- Мелисса, Мелисса, что с тобой? - Сара трясла девочку за плечо и испуганно смотрела ей в глаза.

Мелисса не сразу пришла в себя.

- Сара, черт возьми, - она умолкла, потом растерянно произнесла. - Я видела всякие картинки, потом расскажу. Черт, - она схватилась рукой за лоб. - Снова разболелась голова.

- Мелисса, пойдем-ка. Давай, сразу на третий этаж, в кабинет Грея, и уже свалим отсюда, а? - умоляюще попросила подруга, поежилась, и продолжила. - У меня такое чувство, как будто за нами кто-то наблюдает.

- У меня теперь тоже, - процедила Мелисса, скривила лицо от острой головной боли, и спиной ощутила чей-то невидимый взгляд.

Глава 35

Девочки снова зажгли фонари и стали подниматься на третий этаж. С высоких потолков свисали длинные нити паутин, а стены украшали искусно выполненные гравюры, которые изображали все те же сценки из городской жизни. Вот дамы у фонтана, вот господа в парке чинно восседают на лавочках.

- Что-то этот Грей какой-то странный был, - заметила Сара. - Вроде бы все отлично, со вкусом, но все какое-то безликое, размытое, неопределенное.

- Ага, - отозвалась Мелисса, которой сейчас меньше всего хотелось думать о характере Грея.

Что-то темное, страшное, уже до боли знакомое нависло над ней и простирает щупальца к душе. Голова кружилась, и то черное, мерзкое пыталось засосать ее в необъятную дыру.

Они поднялись на площадку третьего этажа. Все двери были закрыты, как и говорил Билли, и только одна была открыта настежь. Из нее сочился лунный свет.

- Вот он, кабинет, стало быть, - прошептала Сара.

Мелисса промолчала, она теперь чувствовала, что они подошли к сердцу той самой тьмы, которая разносилась эхом по всему дому.

- А теперь заходим туда и включаем воображение: убитый Грей в кресле, и на полу задушенная жена, - не унималась Сара.

Мелисса снова промолчала. Здесь она итак хорошо все видит, настолько хорошо, что ей не придется включать воображение. Они боязливо заглянули внутрь. Комната светилась. Лунный свет заливал все предметы, которые находились в ней, и отражался в огромном старом, мутном зеркале, висевшем около окна. Напротив него, у самой двери, тоже находилось зеркало, оба они образовывали длинный зеркальный коридор.

У стены стояли большой письменный стол и кресло с высокой спинкой. Рядом возвышались закрытые книжные шкафы, а на полу в беспорядке валялись книги и свечи.

- Интересно, почему их крысы не сожрали? - спросила Сара.

- Не знаю, - ответила Мелисса, и тут она заметила, что Сара стоит аккурат между двух зеркал и будто тонет в страшном лабиринте.

- Отойди отсюда, - гаркнула Мелисса, сама не ожидая от себя подобного тона. Сара резко отскочила и удивленно уставилась на нее.

- Ты что не понимаешь? - ответила она на ее недоуменный взгляд. - Тут так нелепо зеркал развешаны, явно, неспроста. Для ритуалов, видимо.

Сара испуганно кивнула. Они подошли к столу и стали разглядывать книги. Они вытирали их от пыли и, глядя на названия, тут же морщились и кляли обратно. Все они казались каких-то страшных темных культов, о которых девочки слыхом не слыхивали.

И тут в руки Мелисса попала тонкая книжica в темной обложке, она открыла ее и ахнула:

- Смотри, Сара, это чей-то дневник!

Как только Мелисса произнесла эти слова, произошло нечто, что заставило их в страхе вжаться в стену. Между двумя зеркалами, ровно посередине, возникло тихое бледное свечение, которое обрело едва различимые формы человеческой фигуры.

- Это мой дневник, - прошелестело нечто, и его голос был похож на тихую, едва слышную мелодию.

Девочки молчали. Что делать они не знали. Страх накрепко приковал их к стене. И, вдруг, Мелисса, уже почти теряя рассудок, сама не зная зачем, хриплым голосом спросила:

- Чей мой?

- Мой, Бренды, в замужестве Грей, - получили они печальный и тихий ответ. - Меня убили.

- Зачем? - уже не повинуюсь себе, снова спросила Мелисса.

- Я должна была стать жертвой его кровавого ритуала. Если бы Грей убил меня и сделал все по правилам, весь город поглотила бы тьма. Но кинжал, вонзенный в его грудь моей рукой, все изменил. Судьба помогла мне.

Неожиданно призрак замолчал, потом захрипел и начал выплевывать фразы, словно его кто-то душил:

- Возьми, мой дневник....Идите в архивы школы Сильвер...Помогите....Мелисса, будь осторожна! - и вдруг раздался дикий, истошный вопль. - Бегите скорее! Прочь!

Окрик отрезвил и пробудил девочек. Они обе закричали и ринулись к выходу, краем глаза Мелисса заметила, как из двух зеркал одновременно начала выползать темная, вязкая субстанция.

Они выскочили из кабинета в коридор и снова закричали. Вход на лестницу перегородивала та же самая темная субстанция, она шипела и извивалась. Они хотели было броситься назад, но там уже вырос огромный темный шар, который бился и пульсировал, и из самого нутра его раздавался громкий, ни на что непохожий смех.

- Мы в западне! – закричала Мелисса.

Сара прижалась к ней всем телом и прошептала:

- Прощай, подружка.

И вдруг, пространство впереди озарилось яркой, ослепляющей вспышкой, и перед тем, как закрыть глаза, девочки успели разглядеть четкий силуэт. Мимо них проскочил кто-то, они открыли глаза и увидели, что все залито ясным лунным светом и только маленькие яркие вспышки витают в воздухе. Они обернулись и ахнули: то же самое сияние вспыхнуло и уничтожило темные тени.

Подруги, сбиваясь с ног, ринулись вниз. Хотелось кричать, но не было сил. Они до сих пор не могли поверить в то, что могут быть спасены. Девочки кубарем скатились с лестницы. Добравшись до холла, они стремительно пролетели все его пространство и уже здесь дали волю крику. Каждый шорох пугал их. Они боялись, что и тут их настигнуть тени. Они вылетели в сад и, не помня себя, добежали до ограды, сбив с ног Билли, который уже осторожно шел в их сторону.

Они подхватили его и потащили вперед. Только достигнув середины поля, упали навзничь без сил и чувств.

Глава 36

Через некоторое время они пришли в себя и, с трудом поднявшись, сели на землю. Билли сидел рядом ни жив ни мертв, он даже не спрашивал, что случилось.

- Нас спасло то же...Тот же, что и тогда в лесу, - с трудом выговаривая слова, сказала Мелисса.

Сара молчала. Она еще не была в состоянии говорить.

- Откуда она знала мое имя? – продолжила Мелисса, и кинула взгляд на свою ладонь, в которой был зажат дневник. А она и не заметила, что все это время не выпускала его из рук. - Что вообще происходит? Да что такое? – прокричала она, и на глазах ее выступили слезы.

Она кинула взгляд на рожицу и увидела, как от ствола дерева отделился силуэт и пошел прочь. Тот тип, что за ними наблюдал, кажется, узнал все, что ему требовалось. Мелисса криво усмехнулась.

Наконец, Сара подала голос:

- Билли, нас, что не было всего полчаса?

Мальчик смущенно опустил взгляд в землю:

- Представляете, через несколько минут, после того как вы ушли, я уснул! Никогда со мной такого не бывало! Как-то незаметно погрузился в сон и очухался тоже как-то неожиданно.

- Значит, ты не видел, кто заходил в дом после нас? – задумчиво протянула Мелисса, - Значит, наш спаситель не хочет, чтобы мы знали о нем что-то. Точно также он стер все

воспоминания из памяти Эльзы и Хэттера.

Все молчали. По виду Билли было понятно, что сейчас он совершенно не готов выслушивать их истории. Его трясло от страха.

- Скоро начнет светать, - подала голос Сара. - Надо добраться домой до рассвета, иначе нам крышка.

Все трое поднялись и молча побрели уже знакомой дорогой. В душе у девочек царила пустота и отчуждение. Они так до конца и не могли сообразить, что же с ними произошло.

После ужасов, испытанных в проклятом доме, люди с Фэктори уже не внушали им прежнего страха.

- Сара, - грозно сказала Мелисса. - Достань кинжал. Билли, достань свой нож, если, кто привяжется, сразу бить начнем.

Билли и Сара вытаращились на нее с удивлением, но молча выполнили приказ. Они довольно быстро пересекли Фэктори, и в столь поздний час им никто не встретился.

Перейдя границу, Мелисса мутными глазами посмотрела на Сару:

- Надо отоспаться. Приходи ко мне вечером. Пойдем в наше место, где нормально все можно будет обсудить.

- Хорошо, - кивнула Сара.

Билли продолжал молчать. Они осторожно и тихо дошли до дома тети Моники, подождали, пока Мелисса влезет в окно, а потом пошли вниз по улице, каждый к себе.

Мелисса с трудом заставила себя переодеться и без сил рухнула на кровать. Голова нестерпимо гудела. Она спрятала дневник Бренды под подушку и моментально погрузилась в сон.

Глава 37

- Котик мой, вставай, - сквозь сон донесся до девочки голос тети Моники.

Мелисса, как ошпаренная, вскочила, и ошарашено начала оглядывать комнату. Она здесь, в квартире, а не там, в жутком доме! Ночные события показались ей дурным сном, но ноющие ноги и тяжелая голова убедили ей в том, что все ужасы происходили в действительности. Она мутным взглядом посмотрела на тетю, которая стояла на пороге, одетая в дорожный костюм, через ее плечо был перекинут ремень большой сумки.

- Тетя, можно я еще посплю?

- Ну спи, спи, - рассмеялась Моника. - Только послушай меня. Я отбываю в горы, нужно трав собрать, буду завтра утром. Прошу тебя, не ходи сегодня никуда, Котик, я что-то волноваться за тебя чересчур стала, старею видимо. Пусть Сара сюда приходит. Я еще к ее маме зайду, скажу, чтобы она ночью тут побыла, а то еще увистите куда, чего доброго.

Мелисса пристально поглядела на нее, и подумала: «Уже не увистим. Вчера уже свистели».

- Хорошо, тетя, - ответила она сонным голосом и снова положила голову на подушку.

- Завтрак на столе, обед и ужин в кладовке, не скучай, Котик, - весело сказала тетя, рассмеялась и выпорхнула из комнаты.

Квартира погрузилась в тишину. Мелисса, накрывшись простыней и свернувшись калачиком, снова уснула.

Ее разбудил настойчивый стук в дверь. Кто-то тарабанил без умолку. Мелисса вскочила испуганная: «А, вдруг, это тени? Или тот незнакомец! И они пришли за мной?!». Но, тут же, она услышала громкий голос Сары:

- Мелисса, открой, ты спишь что ли? Уже шесть вечера! Открывай! Хорошо спать!

Мелисса облегченно вздохнула и кинулась к двери. Она повернула тяжелый замок и увидела на пороге Сару. У нее было очень бледное, измученное лицо, видимо, она не так давно встала.

- Ишь ты, - Сара с порога опровергла все ее домыслы. - Спишь до шести вечера. А мне пришлось встать, когда тетя Моника пришла, чтобы подозрений не вызвать. Я слышала, как она маме говорила: «Котик еще спит! Интересно, что ее так утомило? Вроде рано вчера легла!». Я-то уж знаю, если ты дрыхнешь, то уж до вечера, а если бы я так пролежала, то нас бы за жабры схватили.

Сара прошла в квартиру, кинула на Мелиссу растерянный взгляд, вздохнула и сказала: - Ладно, давай, иди умывайся, приходи в себя, а я пока завтрак тебе разогрею и кофе сварю.

- Спасибо, - только что и оставалось ответить Мелиссе. - Да, кстати, а твоя мама придет к нам ночевать?

- Ха, - Сара подбоченилась. - Еще чего! Я ее убедила, что мы не маленькие и сами справимся.

- Вот и хорошо, - ответила Мелисса и пошла умываться.

Девочка еще туго соображала, но уже ощущала некоторое спокойствие и удовлетворенность. Долгий сон пошел ей на пользу. И еще ее радовал тот факт, что им не придется выходить из дому, чтобы поговорить, и можно было хоть всю ночь спокойно обсуждать произошедшие события.

Холодная вода взбодрила и освежила ее, и когда она вошла в гостиную, Сара уже сидела за накрытым столом. Мелисса отхлебнула кофе и зажмурилась от удовольствия, Сара же внимательно изучала узоры на обоях. Было видно, что она хочет оттянуть момент тревожного разговора.

- Ну что? - наконец спросила Сара, и осторожно добавила. - Как ты?

- Вроде нормально, - пожала плечами Мелисса. - А ты?

- И я тоже нормально, - она помолчала, потом добавила. - Хотя иногда передергивает. Что это вчера было? И что нам теперь делать?

Мелисса задумалась, прокрутила в голове вчерашние события, и, не торопясь, начала говорить:

- Нам явился дух Бренды, который рассказал историю о том, что произошло на самом деле. Грей хотел провести какой-то кровавый ритуал, чтобы некая тьма заполнила город. Потом... Что потом она еще говорила? - Мелисса нахмурила брови.

- Потом, - подхватила Сара. - Она назвала тебя по имени, и сказала, чтобы ты была осторожна.

- Да, точно! - Мелисса стукнула себя по коленке. - Но откуда она знает мое имя, и почему я должна быть осторожна.

- Уж не знаю, откуда у нее такие сведения, она же дух, может где-то там в иных мирах витает и все знает, - предположила Сара. - И это лишний раз доказывает то, о чем мы говорили вчера, а именно - ты вляпалась в какую-то историю. И даже духи убитых домохозяек произносят твоё имя, а не мое.

- Да понятно, Сара, - улыбнулась Мелисса. - Уже понятно, что я влипла. И неужели все от того, что я увлеклась писаниной?! Ох не знаю, не знаю, как все запутано! - она наморщила лоб. - А еще она говорила что-то про архивы школы Сильвер.

- Ага, помню, чтобы мы пошли в архивы моей школы!

- Но зачем?

- Понятия не имею. Сдается мне, что ты, Грей, Бренда, тот тип, что следил за нами, и

наш неведомый спаситель, что все это как-то связано, - сделала вывод Сара.

- Угу, - отрешенно ответила Мелисса. - А мы пойдем в архивы?

Сару передернуло, она закашлялась и сделала глоток чая.

- А что остается делать еще? Придется идти! – пробурчала она с неохотой.

- Погоди, Сара, она же еще что-то говорила важное, ну вспомни!

Сара задумалась, а потом закричала во весь голос:

- Дневник!!!

- Точно!

- Где он?

- У меня под подушкой!

И девочки, сломя голову, бросились в спальню. Они вытащили книжицу из-под подушки и обе вздрогнули. Вид этой серой тетради живо напомнил им о вчерашнем ужасе.

- Бррррр, - Сара брезгливо отдернула руки от обложки. - Такое ощущение, что в ней живут эти ужасные тени.

Мелисса поджала губу, по ее мнению, тут уже ничего не жило, кроме пыли.

- Ну что? Начнем читать?

- Да, давай, читай ты вслух, а то я с недосыпу с трудом буквы разбираю, - ловко выкрутилась Сара.

- Хитрюга, - ответила Мелисса. Волнуясь, она открыла книжицу, и тонкий, красивый почерк сразу же расположил ее к автору.

Глава 38

Понедельник, июнь

Сегодня я встала рано, еще засветло. Мама спала, и я, как можно тише, стараясь не разбудить ее, вышла на улицу. И пошла к морю. Берег был пустой. Ни одного человека. Я села на песок и стала перебирать его, мне попадались ракушки и камешки. И мне показалось, что дни мои так похожи на эти ракушки и камешки: кто-то большой и рассеянный от нечего делать, перебирает песок, и сыплет на землю ракушки и камешки, они отличны от песка и даже друг от друга, но все равно незаметны и тонут в нем.

Мне исполнилось 19 лет, я закончила школу. С тех самых пор, прошло уже полгода, и дни мои стали такими вот камушками. Я хотела пойти учиться в университет, но мама запретила. Она говорит: «Не надо девушкам много знать. Подожди немного, а вдруг, жених какой найдется».

Я слушаюсь ее во всем, но в душе не согласна. Я пока не хочу выходить замуж, я еще слишком молода, так мне кажется. Мама говорит: «Все порядочные девушки уже в 19 лет замужем, вот и ты должна!». А мне кажется это большой глупостью. Конечно, я хочу замуж, хочу, чтобы у меня были маленькие детки. Но все же должно быть по любви! А любовь – счастье великое и заслужить его надо. А как же я заслужу, когда мне всего 19 лет?! Я верю, что у меня будет любимый муж, который поймет меня всю. И долгими длинными вечерами мы будем сидеть здесь, вот точно также, как я сейчас сижу, и, взявшись за руки, смотреть на море. Я никогда не говорю об этом маме, она не поймет, сразу скажет: «Твои мечты – сплошные глупости», потому я доверяю все бумаге.

Так сидела я около двух часов и смотрела на море. Оно меня успокаивает. Я даже иногда говорю с ним. Потом я вернулась домой, мама уже встала, и наша кухарка Марта подавала на стол. Мама неодобрительно посмотрела на меня, ей никогда не нравились мои одиночные прогулки. Она пожурила меня за то, что я не спросила у нее разрешения, и я извинилась. Хотя и не понимаю, почему мне нельзя гулять одной, я уже не маленькая.

Потом я немного порисовала, поиграла на рояле, а после слонялась без дела по дому. К вечеру пришли мамнины подруги на чай. Мне нужно было сидеть с ними. Как же скучно бывает в такие минуты! Мамнины подруги ужасные сплетницы, и я не понимаю, почему она считает их достойными людьми, и всегда говорит, чтобы я училась у них манерам. Неужели сплетничать это особая манера?

Такой вот был у меня длинный день. Сейчас я немного почитаю и лягу спать. В последнее время моя душа мается и томится, я словно жду чего-то. Чего-то важного и большого, а оно все никак не приходит.

Спокойной ночи тебе, мой дорогой дневник, храни мои секреты и никому не выдавай их.

Четверг

Сегодня со мной произошло удивительное событие! Мама попросила меня подняться на чердак и принести старые сковородки, она решила продать их одной бедной семье, живущей неподалеку. Я ей сказала, что благоразумнее было бы подарить, и, что брать деньги у бедняков, это стыдно. Мама же разозлилась и накричала на меня, сказав, что нищие не должны получать что-то даром, а то они совсем перестанут работать и будут ждать подачек. Меня покорибили ее слова, и я задумалась. А ведь мы-то живем отнюдь не на широкую ногу. С тех пор, как папа покинул нас, мы экономим на всем подряд. И живем фактически за счет подачек, которыми обеспечивают нас мамнины и папины богатые родственники. Неужели маме не унижительно жить за счет других? Мне хотелось ей об этом сказать, но я решила, что не стоит нарываться на неприятности. Я, как она велела, поднялась на чердак, стала искать среди всякого хлама сковородки и случайно наткнулась на большую деревянную коробку, крышка которой была прибита гвоздями, но лишь наполовину, другая ее половина болталась в разные стороны. Я, приложив немного усилий, полностью оторвала ее. В коробке были бумаги и записки. Мне стало жутко интересно, а вдруг, это какие-то папины записи? Я скорее побежала вниз, отдала маме сковородки и вернулась обратно. Я разгребла себе местечко, села на пол и стала вынимать из коробки бумаги. Это были очень-очень старые бумаги, пожелтевшие от времени. Я углубилась в чтение, оно буквально затянуло меня. Это были записки папного предка, который рассказывал о том, как его родной город разрушил шторм, и как пришел некий монах Альтер и предложил всем уйти в пустой город, найденным им среди гор и лесов. Далее открывались всякие интересные и интригующие вещи. Я посчитала, что эти бумаги несомненно важны и решила спрятать их у себя в комнате. Просто боюсь, что мама, которая очень бесцеремонно относится к памяти папы, когда-нибудь выкинет их.

Я незаметно отнесла все это добро к себе и спрятала в надежное место. Интересно, а где находится тот самый город, который дал пристанище пострадавшим от наводнения? Никогда бы не хотела в нем побывать. Как жаль, что я не знаю окрестных наших городов. Надо бы спросить у Марты, она многое знает о мире. Как интересно получится, если бы папин предок не отказался идти вместе с остальными в заброшенный город, то я, вполне возможно, жила бы сейчас именно там.

Понедельник

Дорогой дневник, мои дни так скучны и однообразны, что даже записать-то нечего. Единственное, что могу добавить: я узнала, где находится тот самый город, в который

переселились люди, пострадавшие от шторма. Он находится к северу от Бриф-Коста, в двух днях езды. Он совершенно отрезан от внешнего мира с одной стороны непроходимыми лесами, с другой - горами, и называется он сейчас Файнд-Таун. Об этом мне рассказала Марта. Еще она добавила, что жители Файнд-Тауна довольно редкие гости здесь, и, что они не любят покидать границы своего города. Интересно, как там живется людям после таких событий? Как устроилась их жизнь, когда они попали в такие условия? Но в любом случае, я не хотела бы там побывать. После того, что я узнала, он мне кажется зловещим и дурным.

Пятница

Дорогой дневник, кажется, мама решила выдать меня замуж. Сегодня к нам приходил в гости Стоун Грей. Я, конечно, была наслышана о нем, о тех балах, которые он дает в своем имении, о его великолепных пирах, о его несметных богатствах, и о том, что он открыл первую фабрику в городе, но, если честно, все эти достоинства никак не могут сделать его моим мужем. Я не хочу этого.

Сегодня с утра, как только я встала, мама велела мне надеть мое самое лучшее платье, сделала мне какую-то мудреную прическу, и сказала, что к обеду будут важные гости. Я ни о чем не подозревала, думала, что придет какая-нибудь очередная новая и богатая подруга из высшего общества. Но пришел высокий мужчина с короткими черными волосами, в которых блестела седина. Он представился как Стоун Грей, и я подивилась тому, каким образом такой известный человек попал к нам домой?

Мама порхала над ним, как бабочка над цветком. К обеду были поданы самые изысканные кушанья, на которые только способна Марта. Я давно не видела такого количества блюд.

Грей рассказывал длинные истории, которые я слушала вполуха. Откровенно говоря, он мне не очень понравился. Есть в нем что-то отталкивающее. Во взгляде, наверное, я не могу понять точно. За его изысканными манерами и благородными речами скрывается какая-то злость, которая не протупает наружу. Складывается ощущение, что он держит ее глубоко внутри.

Я сидела и помалкивала, а потом Грей с мягкой любезностью начал расспрашивать меня о моих увлечениях. Я сказала, что рисую и играю на рояле. А он так и всплеснул руками, попросил меня показать мои картины и сыграть ему что-нибудь.

Я нехотя поплелась в комнату и принесла ему альбом с моими набросками. Он долго и преувеличенно восхищался ими, а мама в это время сахарно улыбалась и как-то неестественно ахала, и поддакивала Грею во всем.

После этого он попросил меня сыграть, я хотела было отказаться, но мама исподтишка бросила на меня негодующий взгляд, и пришлось подчиниться. Я выбрала самую печальную и длинную мелодию и с жаром играла несколько минут, совершенно забыв, что этот неприятный человек смотрит на меня. Только потом я осознала, что нахожусь не одна в комнате и вернулась в реальность. Грей же нарочито стал хлопать в ладоши и превозносить мой музыкальный дар.

Наконец он ушел, попросив разрешения навестить нас на днях. Я сразу же хотела уйти в свою комнату и зарыться с головой в одеяло: так труден и неприятен был для меня этот обед, но мама с торжествующим видом остановила меня и спросила: «Как тебе Грей? Какой интересный мужчина, да?».

На сей раз, я решила с ней поспорить и ответила:

«Нет неинтересный. Он мне совсем не понравился, и я надеюсь, он к нам больше ни-

когда не придет».

Мама застыла от такой неслыханной дерзости и начала браниться: «Ты просто глупая кукла, и ничего знать не хочешь, кроме своих книжек, дрянных рисунков и этого чертового рояля! К тебе приходил один из самых знатных и богатых людей во всей округе, а ты так о нем говоришь! И поверь мне, он еще не раз придет к нам в гости».

Я ничего не ответила и пошла к себе. Я думаю, Грей вряд ли к нам придет еще раз, говорил он так только из вежливости. А если и придет, то увидит мою холодность и ему станет неловко.

Понедельник

Я, как обычно, встала ранним утром. На небо напозли легкие тучки, и ветер был немного сильнее чем прежде. Значит море волнуется, и у меня выпадет отличная возможность написать его. Я взяла этюдник, акварельные краски и вышла из дому. Как хорошо, что мама еще спала. А то бы она снова устроила мне скандал.

Я пошла вдоль по улице и встретила нашу соседку Мелани, она лукаво улыбнулась мне и подмигнула. Я не поняла в чем дело и остановилась, а Мелани подбоченилась и сказала:

- Бренда, я слышала к вам сам Грей Стоун заходил?

Я ответила что-то уклончивое, а она похлопала меня по плечу и, выражая самое глубокое одобрение, сказала:

- Он сейчас себе невесту ищет, по всем богатым домам уже проехался, и никто ему угодить так и не смог. Тогда ему сказали о тебе. Ходят слухи, что ты ему очень понравилась. Плядишь, скоро богачкой станешь!

Я покачала головой и сказала Мелани, что не собираюсь замуж.

Она удивленно уставилась на меня и осуждающе сказала:

- Ну ты просто несмысленная глупышка! Вы с матерью едва концы с концами сводите, хоть о ней подумай! Ей сразу станет легче!

Я ответила, что мама может легко отказаться от прислуги и сэкономить на продуктах, кроме того, я давно уже хочу поступить в университет, чтобы можно было подрабатывать, пользуясь полученными знаниями.

Мелани снова покачала головой и ответила:

- Вы отпрыски именитого рода, и не пристало вам работать! И как ты можешь говорить такие вещи! Твоя мать из сил выбивается, чтобы сохранить видимость достатка! А если ты выйдешь за Грея, то вы сразу же вернете утраченное положение в обществе, только представь: ты будешь хозяйкой и устроительницей всех приемов и балов!

Я постаралась как можно любезнее распрощаться с ней и пошла дальше. Такие разговоры угнетают меня, и я начинаю опускать себя заложницей каких-то глупых, нелепых обстоятельств.

Своей болтовней Мелани изрядно испортила мне настроение, которое прояснилось только тогда, когда я пришла на берег и стала рисовать.

Море поменяло цвет на серый, и волны стали вдвое больше чем обычно. Чайки кружились тревожными стаями.

Я попыталась передать тот самый серый цвет и тяжелое, нависшее над ним небо. Моя печаль и грусть вылились в рисунок, и у меня получилась такая акварель: серая огромная распескавшаяся лужа, и небо, как тяжелый потолок, и по какому-то странному наитию я нарисовала дерево, растущее из моря. Точнее так – оно своими корнями напоминало волны, плавно и естественно переходящие в ствол, от него же тянулись

гибкие, тонкие веточки, на которых кое-где виднелись яркие зеленые листья.

Честно говоря, я сама поразились тому, что я нарисовала. Хотела было добавить чаек, одиноко кружащих над кроной, но поняла, что провела тут уже несколько часов, потому поспешила домой выслушивать очередную нотацию.

Вторник

Дорогой дневник, сегодня опять приходил Грей. Он пришел так внезапно, без предупреждения. Я сидела у себя в комнате и копировала картину одного здешнего художника, как вдруг, в комнату без стука ворвалась мама, бегом окинула меня взглядом, будто приценивалась и торжественно произнесла:

- К тебе гости.

Я почувствовала неладное и, нехотя, последовала за ней. В гостиной, в напряженной позе сидел Грей. Как только он увидел меня, его лицо расплылось в улыбку. Мне снова стало не по себе: его глаза, как и прежде, продолжали таить в себе что-то недоброе. Он попытался начать светский разговор, но я отвечала вяло и неохотно, и видела краем глаза маму, которая вся покраснела от досады и метала в меня грозные взгляды.

Грей, видимо, понял, что меня мало интересует пустая болтовня, и пошел на очень хитрый ход: он стал говорить об известных художниках и спрашивать, есть ли среди них те, которые особенно сильно впечатляют меня. А мне и поговорить-то не с кем на такие темы и, не чувствуя подвоха, я все расцвела и начала болтать без умолку. Мы обсудили с ним некоторых здешних художников, и других более именитых, и знаешь, дорогой дневник, наши мнения с ним во многом сошлись. Такой разговор был для меня настоящей отдушиной. И только в самом конце беседы, я вдруг поняла, что он нарочно заговорил об этом, чтобы расположить меня к себе. Меня это покорило и я, сославшись на головную боль, вышла в сад. Грей с мамой остались говорить о чем-то в гостиной.

Я села на скамейку под старым дубом и все ждала, когда же он, наконец, уйдет. Мне было очень неприятно, что мама выставляет меня перед ним, как какой-то товар годный для продажи.

Так я просидела несколько минут, пока не пришел Грей. Он вежливо поклонился и начал прощаться, а потом как-то неловко, сбивчиво сказал:

- Бренда, мне очень интересно общаться с вами. На самом деле среди местной знати днем с огнем не сыщешь глубокого человека, а тем более талантливого! Мне очень не хватает таких людей.

Потом он умолк и смущенно опустил голову:

- Знаете, Бренда, - он замялся. - Мне по роду моей деятельности все время приходится изображать из себя человека поверхностного, пустого, светского, но была б моя воля, я бы был таким, какой я есть на самом деле.

- А какой ты на самом деле?*, - подумала я и вздрогнула. Я почему-то поняла, что совсем не хочу знать, какой он на самом деле.

Он снова поклонился и попросил разрешения прийти к нам снова. Я ответила согласием, хотя мне хотелось закричать: «Нет! Никогда в жизни!». Он мягко улыбнулся и ушел.

Я сидела задумчивая, быть может, он и не так уж плох? Но я, тут же, одернула себя! Нет, нет, это все видимость, не более того. Дорогой дневник, конечно же, я не буду писать тебе о том, что случилось после, и какими словами меня удостиоила мама за то, что я вышла в сад во время визита Грея. Как же нелегко с ней! Но с другой стороны, ее понять можно, она заботится обо мне, но ее забота сродни жестокой пытке. Что же, до-

рогой дневник, пойду я спать, а то глаза слипаются.

Четверг

Доброго дня тебе, дорогой дневник! Сегодня днем я гуляла по берегу моря, не рисовала, нет, просто гуляла, была хорошая солнечная погода. Рыбаки сновали туда-сюда, о чем-то весело переговаривались, видно, улов у них отличный был. С ними же ходили и маленькие ребятки, которые возились в песке, смеялись, и брызгали друг на друга водой.

Я загляделась на них, на их живую беспечность и искреннюю радость, и мне захотелось, точно так же весело резвиться и ни о чем не думать. Мне только 19 лет, а я уже ощущаю себя какой-то чопорной старухой, одной из подружек мамы, которая настолько сильно зажата в тиски обыденности, что не может лишнего движения себе позволить.

Если бы не музыка и рисование, в которые я ухожу с головой, то не знаю, в кого бы я превратилась. Наверное, я давно бы стала такой же, как мама: думала бы только о хлебе насущном, о том, как бы получше устроиться в жизни, и как бы перемыть косточки соседям и знакомым.

Об этом я размышляла, пока вдруг не услышала хорошо знакомый голос:

- Как приятно, что я застал вас здесь.

Я обернулась и увидела Грея, он стоял поблизости и смотрел на меня горящими глазами. От неожиданности я вздрогнула и даже не нашла, что ответить.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

- Ваша мама показала мне одну из ваших последних работ! Удивительную вещь, ту, где одинокое дерево вырастает из морских глубин.

Я так и застыла на месте, какое право имеет мама показывать мое сокровенное без спросу этому человеку?!

- Вы знаете, - продолжил он. - Это так близко мне по духу. Мне кажется, то самое дерево символизирует вас, точнее - вашу душу. Такую подвижную, изменчивую, но бесконечно одинокую.

Я что-то ответила невпопад. Он попал в самую точку, прежде никто еще не отзывался так о моих работах.

Он резко выдохнул, и голос его задрожал, он стал говорить с каким-то глубоким внутренним надрывом:

- Вы простите мне мою откровенность, Бренда, но я так измаялся! Вот уже несколько лет я не встречал ни одного человека, с кем можно поговорить, что называется, «по душам», я никому никогда не говорил о том, что я сам рисую. Вы знаете, все те люди, с которыми мне приходится общаться, считают творчество большим чудачеством, их не интересует ничего кроме денег. И я, сам того не осознавая, попал в ловушку.

Я была потрясена. В его глазах даже появились слезы, и тут я заметила, что он держит под мышкой какой-то предмет, завернутый в бумагу.

- Что это? - вдруг осмелела я.

Он встревожено глянул по сторонам и тихо сказал:

- Я принес вам свою работу. Можно показать?

Я кивнула головой. Он развернул бумагу, и перед моими глазами предстал городской пейзаж: старая площадь, на ней ратуша и церковь, и много-много маленьких людей, идущих куда-то. Картина поразила меня своей живостью и какой-то легкой простотой, в ней чувствовалась душа.

Я сказала ему все, что думала. Он улыбнулся и просиял.

- А что это за город? – спросила я.

- Это мой родной город, - ответил Грей.

- Как интересно! И как же он называется?

На самом деле мой вопрос был продиктован неким любопытством, никто не знал, откуда родом Грей, и одно время эта тема была предметом многочисленных пересуд.

Он задумался, а потом ответил:

- Вы знаете, дорогая Бренда, я не очень-то люблю рассказывать, откуда я приехал. Ни к чему это. Хочется оставить хоть что-то свое, что-то личное, скрыть это от взглядов посторонних мне людей. Тем самым, я как бы прячу самое святое – память о своей родине. Но вам и только вам я скажу. Потому, что доверяю, и потому, что только к вам, впервые за несколько лет, проникся симпатией.

Мне были не очень приятны его слова, но искренность, с которой они были произнесены, задела меня. Я стояла и ждала, когда же он скажет.

- Я родом из Файнд-Тауна. Это в двух днях езды отсюда.

Его слова ошеломили меня. Я стояла ни жива, ни мертва. Я очень испугалась, что он заметит мою растерянность. И, кажется, не зря! Он странно взглянул на меня с каким-то едва уловимым подозрением и спросил, как можно мягче:

- Вам знаком этот город?

Я покачала головой, и беспечно ответила:

- Нет, что вы, просто очень смешное название.

На его лице отразилось облегчение, и он пробурчал:

- Это связано с древней легендой, впрочем, не важно. Быть может, мы пройдемся по городу? Заглянем на площадь? Я бы хотел угостить вас чем-нибудь.

Честно говоря, дорогой дневник, мне не следовало идти с ним куда-либо и появляться на людях. Сразу же начнутся пересуды, но мне так не хотелось возвращаться домой, а одной, как ты знаешь, мне дальше этого берега ходить запрещено.

Грей рассказывал мне о фабрике, и о том, что взялся построить ее для того, чтобы увеличить благосостояние жителей Грина. Говорил, что ему было больно смотреть на то, как они бедны, и какими невероятными способами зарабатывают на жизнь, он рассказывал мне, как устроена фабрика и все в том же духе. И, знаешь, дорогой дневник, если бы я была немного глупее, то я бы поверила ему. Он говорил так убедительно и вдохновенно, но все же, за каждым его словом я ощущала фальшь, спрятанную в глубине его натуры.

Говорил в тот вечер в основном он. Мы неплохо посидели в моем любимом открытом кафе, но мне не понравилось то, что все тарасились на нас. Я готова была сквозь землю провалиться. А потом он проводил меня домой и вручил маме, чье лицо сияло, как начищенный пятак.

Как-то тяжело у меня на душе, мой милый. Кажется, меня начинает затягивать в какую-то трясицу, из которой я уже не смогу выбраться. Будь проклят тот день, когда Грей Стоун ступил на порог моего дома.

Да, дорогой мой, совсем забыла добавить: мысль о том, что Грей родом из Файнд-Тауна не дает мне покоя, никак не дает. После того, что я узнала об этом городе, появление в моей жизни Грея, кажется мне дурным предзнаменованием.

Четверг

Дорогой дневник, после моей прогулки с Греем весь город только что и судачит о

наших «отношениях». Мамины подруги приходили сегодня на чай и смотрели на меня с хитрецей: лукаво и одобрительно, будто я уже невеста этого Грея. Мне так неприятно все это, неужели им не понять, что я ни за какие коврижки не пойду за него?! Как бы там ни было, а он меня путает. Все эти волнения напрочь лишили меня вдохновения, я никак не могу ничего ни начать, ни закончить. Все валится из рук. Казалось бы, впервые мою работу оценили, впервые меня услышали, я должна наоборот еще больше воспрянуть духом и начать творить, но нет – никакого вдохновения, словно его из меня высосали.

Что же делать, дорогой дневник? Я не знаю. Я в каком-то неловком и ужасном положении. И есть еще одна загвоздка: Грей, видимо, разнообразил мою унылую реальность, и я постоянно вспоминаю его, и даже поймала себе на мысли, что мне сделалось грустно, от того, что он не пришел ни вчера, ни сегодня.

Вот на какие ужасные мысли меня толкает одиночество и скука однообразных дней.

Пятница

Доброй ночи, дорогой дневник! Мама уже спит, я тоже сделала вид, что легла, чтобы она не приставала ко мне с расспросами. И вот сейчас при неровном свете маленького огарка свечи пишу тут. Извини, что почерк будет неровным, но тебе же все равно. Ведь так, мой друг?! Как жаль, что ты не можешь мне ответить. Как жаль.

Сегодня с утра пришел Грей и в искусной манере пригласил меня на постановку. На набережной есть летний амфитеатр, где иногда дают спектакли, но в основном там выступают музыканты. Когда я еще училась в школе, классная дама водила нас туда. И надо сказать, впечатления мои были глубокими и сильными.

Мама же всегда была против, она говорила, что театр – это развлечение для низших классов, для простых, грубых людей. Сколько раз я пыталась ее переубедить, но тщетно! Зато, как резко она переменила свое мнение, когда Грей предложил мне туда пойти. Она сразу же закудахтала: «Конечно, конечно, доченька, иди! Театр – это прекрасно!». Меня покорило ее лицемерие. Но другого выбора у меня не оставалось, и я согласилась, потому, что вряд ли у меня еще выпадет возможность побывать там. Без Грея она бы никогда не отпустила меня «в этот вертеп», как она любит изъясняться.

Эх, дорогой дневник, мне кажется, я играю в опасные игры со своей совестью, - общаюсь с человеком, который мне совсем не нравится только для того, чтобы вдохнуть глоток свободы.

Постановка была шикарная. Сильная трагедия о жизни людей, заключенных под стражу за преступление. В чем конкретно их обвиняли, они так и не смогли выяснить. Все это напомнило мне мою жизнь и я, видимо, так расчувствовалась, что даже заплакала. Грей сразу заволновался, как только увидел мои слезы. В его жестоких глазах промелькнул огонек искренней жалости, и он задумчиво и участливо посмотрел на меня, будто бы что-то решал для себя. Длилось это всего несколько секунд. Но в этот миг я, кажется, первый раз увидела его настоящим. Все остальное, - дым, не более того, даже его разглагольствования о душевном одиночестве, черствости людей и прочем, - все ложь. Ни за что и никогда не поверю я в это, Грей не тот человек.

Потом он проводил меня до дома, предложил зайти в кафе, выпить вина и перекусить, но я отказалась, достаточно с меня и того, что я сидела с ним рядом около двух часов. Знаешь, дорогой дневник, я подумываю сбежать из дома, вот только не знаю пока, как это сделать. Вся эта история начинает угнетать меня все сильнее и сильнее. Весь город уже поженит нас, если Грей сделает мне предложение, и я откажу, это будет нечто, по-

добное взрыву. Мало того, что меня осудят все мамыны знакомцы, так и еще она сама жизни мне никакой не даст, да и Грей, думаю, в долгу не останется, найдет способ, чтобы отомстить мне.

И почему я так плохо о нем думаю?! Ведь я не знаю ни об одном поступке, бросающим на него тень.

Ох, дорогой мой, слышу, как мама за стенкой шевелится, все, гашу свечу, и до завтра.

Суббота

Видишь, милый, вся страница залита слезами! Все! Наконец случилось то, что должно было случиться. Приходил Грей, все шло как обычно: мы сидели втроем в гостиной и любезничали. А потом мама отослала меня в сад, найти Марту. Я прошла его весь несколько раз, но Марты так и не встретила, а когда я вернулась в дом, мама сидела вся сияющая, а Грей наскоро поклонился и ушел, он даже не посмотрел мне в глаза, как он делал это обычно.

Я сразу почувствовала неладное. Мама, видимо, поняла это и предложила мне сесть напротив нее. Воцарилась тишина. Напряжение в комнате было настолько ощутимым, что я даже вздрогнула.

Мама улыбнулась и сказала:

- Поздравляю тебя, дочка, самый богатый, знатный и влиятельный человек в городе, попросил только что твоей руки.

Меня перекосило, и я выдавила из себя:

- Нет.

Мамино лицо свело страшной судорогой, такого ответа она явно не ожидала, она тихо и угрожающе просвистела:

- Что?!

- Нет, - еще раз ответила я и пристально посмотрела ей в глаза.

Казалось, что от злости она лишилась дара речи, и кожа на ее лице стала багровой. Я попыталась встать, но она схватила меня за подол платья и усадила обратно.

Теперь в ее глазах стояли слезы:

- Доченька, милая, но как же так?

Я чуть не упала под стол! Как редко от нее можно услышать такие теплые слова, я даже не помню, когда она последний раз называла меня «доченька»!

Я отвела взгляд в сторону и старалась не смотреть на нее, мне было очень неловко.

Мама же продолжала плакать, теперь она размазывала слезы по лицу и с такой силой хватала себя за волосы, будто хотела оторвать клоч.

- Доченька, ну как же ты не хочешь? Как же так? Что же мы будем теперь делать? Прошу тебя, пожалей меня, ну, пожалей! Ради меня хотя бы сделай это. Я уже не могу жить на подачки наших родственников, это так, так бесконечно унижительно, а все это я делаю ради тебя, ради твоего же блага, чтобы ты жила, как подобает нашим предкам, чтобы ты не теряла свое достоинство. Доченька, - причитала она, и даже выла. - Доченька, ну прошу тебя. Это единственный шанс поправить наше положение, вернуть нашему роду былое величие. Я не перенесу твоего отказа, не перенесу, у меня слабое сердце, и боюсь, оно не выдержит. Я жила всю жизнь для тебя, и ты вот так вот оборвешь все мои старания. Доченька, - громко нараспев тянула она звуки.

Сердце мое разрывалось на части. Каждое слово убивало меня, ранило. Она же, действительно, все это делает для меня. В этом и состоит ее счастье. Ее, но не мое. Господи, какая же она несчастная женщина! Я тоже заплакала, а она все рыдала, и уже сползла с

дивана на пол, продолжая повторять: «Доченька! Доченька».

Жалость разрывала мое сердце на куски. Я не могла спокойно смотреть на ее слезы. Что-то важное внутри меня надломилось и с силой хрустнуло. Я стиснула зубы и поняла, что готова сделать шаг в пропасть. Мне уже все равно. Мне на все наплевать, пусть будет так, как хочет она, только бы она была счастлива, только бы она не рыдала, только бы ее не хватил удар. А моя жизнь? Да чего она стоит, в конце концов. Впервые я ощутила в себе стойкую холодную отрешенность. Я поднялась и, бесстрастно глядя на нее, сказала:

- Хорошо мама, я выйду за Грея, только прекратите плакать.

Она не сразу расслышала мои слова, они дошли до ее сознания только через несколько минут. Она подняла голову и посмотрела на меня просветлевшими, мокрыми от слез глазами.

- Спасибо, милая моя, - вырвалось из ее груди, и она в изнеможении уронила голову на диван, не вставая с пола.

Я вышла в сад. Вечерело. Дневная жара почти спала. В воздухе пахло свежестью. Наверное, будет дождь, - решила я. И, вдруг, во мне проснулся какой-то безудержный гнев, я подошла к скамейке и начала бить по ней ногами, потом руками. Я не понимала того, что делаю, и только через несколько минут, когда пальцы были разбиты, и из них сочилась кровь, пришла в себя. (Теперь, дорогой дневник, ты наверное понимаешь, почему у меня такой ужасный почерк: пальцы с трудом выводят буквы)

Я почувствовала за своей спиной чье-то присутствие. Я развернулась и увидела Грея. В его взгляде читалось какое-то торжество и в то же время недоумение. Понять смысл этого взгляда я так и не смогла, но я не сказала ему ни слова! Пошла по тропинке, бесцеремонно оттолкнула его и ушла к морю.

Вот в такую кошмарную ситуацию я попала, мой дорогой дневник.

Понедельник

Со вчерашнего дня начались приготовления к проклятой свадьбе. Мама таскает меня по портным и парикмахерам. Я молчу, но внутри все закипает. Наш дом стал похож на проходной двор, с самого утра и до позднего вечера к нам стекаются гости: поздравляют, приносят всякие вкусности, и мне приходится торчать за столом целыми днями.

Такое ощущение, что у меня не осталось меня самой. Я не могу остаться с собой наедине и поразмыслить. Как дальше сложится моя жизнь, я не знаю, впереди – страшная, черная неизбежность. Я разбирала сегодня свои вещи, выбирала те, которые возьму с собой в дом Грея, и наткнулась на коробку, которую нашла на чердаке. Похолодев, я вспомнила то, что там было написано о Файнд-Тауне, и поняла, что выхожу замуж за человека, который оттуда родом.

Я задумалась: эти бумаги несомненно важны, но брать их с собой в дом Грея, почему-то показалось мне опасным. И странная, стойкая убежденность выросла во мне: «Эти документы нужно непременно сохранить».

Но как? Здесь самое ненадежное место – мать рано или поздно выкинет их. Пораскинув мозгами, я решила, что их можно отнести в архивы Сильверской школы. Директор Кэрл разрешит мне сделать это. Она добрая и понимающая. Завтра мама уходит обсуждать с Греем всякие мелочи, связанные со свадьбой, а я, пожалуй, пойду в школу. Кэрл частенько бывает там летом, а если не встречу ее там, то загляну к ней домой, благо, я знаю, где она живет.

Знаешь, дорогой дневник, когда я разбирала свои вещи, у меня складывалось такое впечатление,

чатление, будто я готовлюсь к смерти. Как старая женщина, решившая перед окончательным уходом, оглядеть все свое добро и вызвать из небытия воспоминания, связанные с ними.

Как печально, мой друг, как печально.

Вторник, в доме Грея.

Мой друг, прости, что я целый месяц не прикасалась к тебе, я боялась, сильно боялась, что Грей ворвется в мою комнату, и увидит, как я пишу. Он очень, очень проницательный, и сразу же поймет, что я веду дневник. А я не хочу, чтобы его мысли касались моей души. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, я долго-долго сидела на кровати, вся сжавшись в комочек, и прислушивалась к звукам, доносящимся из коридора. Я слышала его шаги, как он ходит туда-сюда, слышала, как он бормочет какие-то слова, будто разговаривает с кем-то или чем-то, и сердце мое готово было разорваться от страха.

Но теперь, я знаю, что сразу после десяти вечера, он запирается в своем кабинете и покидает его ровно в три утра. И поэтому я, наконец, решила взять тебя в руки и поговорить с тобой.

Я не буду описывать тот нелепый и бездушный свадебный обряд, который сделал нас мужем и женой. Не буду описывать злое торжество, которое вспыхивало в глазах Грея. Все это ни к чему, да и не хочется вспоминать. Это нелепо, противно и ужасно.

Как только мы приехали сюда, в этот огромный и пустой дом, я сразу же заявила ему, что если он притронется ко мне (ты понимаешь о чем я, милый друг), то я немедленно покочу с собой. Он внимательно посмотрел на меня, и в его глазах проскользнуло уважение, он иронично рассмеялся и ответил:

- Неужели, милая дама, вы считаете меня настолько низким и отвратительным? Думаете, я захочу преодолевать ваше презрение ко мне? Думаете, я буду применять силу? Нет уж! Если вы не хотите жить со мной как с мужем, то это ваше право. Вы мне все равно нужны для других целей.

И он криво усмехнулся. Кстати говоря, мой дорогой дневник, как только мы переступили порог дома, вся его напускная вежливость и нежность растаяла, как крути на воде. Он стал строг и холоден. Он не спрашивал меня больше ни о чем. Все наши разговоры за этот месяц сводились только к тому, что встретив меня случайно в доме, он кланялся и спрашивал:

- Как ваше здоровье, дорогая женушка? Не хотите ли погулять в саду? Вы, кажется, несколько бледны?

И во всех его словах сквозила едкая ирония. Я ничего не отвечала ему и проходила мимо.

Ты, конечно, удивишься мой милый друг, но мы не завтракаем, не обедаем и не ужинаем вместе. Кажется, нам обоим хватило нашего первого совместного ужина, когда в огромной столовой был слышен лишь унылый стук приборов друг о друга. Мы не перекинулись и словом. До женитьбы Грей начал бы говорить первым, а тут он молчал, и поглощал неспешно еду, казалось, что всеми своими мыслями он был далеко отсюда.

После ужина он встал и молча вышел из-за стола, прошел в балльный зал, затем вернулся и бросил:

- Кстати, дорогая женушка, у нас будут приходящие слуги. Каждое утро они будут приносить еду, и в конце недели приходить убирать дом. Я сейчас меньше всего на свете хочу видеть, кого бы то ни было. Надеюсь, и вы не будете пренебрегать моими желаниями.

Я поняла, на что он намекает, - никаких гостей, никаких родственников с моей стороны. И я сразу же внутренне подчинилась ему. Я внутренне подчинилась ему в тот самый момент, когда мать рыдала, сидя на полу и умоляла меня выйти за него, я внутренне уничтожила все свои желания в тот самый момент, когда согласилась на этот брак.

Он прошел в самый конец бальной залы, я слышала его шаги, слышала, как он открывает крышку старого рояля. И он начал играть. Что это была за игра, мой дорогой дневник! Я сидела ни жива ни мертва, не могла двинуться с места, казалось, что из души Грея вырывались на свободу тысячи демонов, они остервенело били по клавишам, рождали страшные, неистовые, темные звуки, которые по странной иронии, сливались в одну пугающую и притягивающую мелодию.

Страшная музыка громыхала по всем залам, отдавалась эхом, переливалась, как черная слюда на солнце, и казалось, что вот-вот все вокруг вспыхнет, загорится дьявольским огнем.

Вдруг музыка резко оборвалась, и послышались шаги Грея. Он шел ко мне. Он снова встал на пороге, его лицо было бледным, а глаза дышали пугающим огнем, и он холодно и отстраненно выдавил из себя:

- Надеюсь, вам понравилась моя игра, дорогая женушка? - и, не дожидаясь моего ответа, он нервно дернул плечом, и добавил: - Раз уж мы с вами пошли на уступки, вы понимаете о чем я, то попрошу вас еще об одном одолжении: без меня не выходить никуда за пределы сада, - он откашлялся и продолжил. - Хорошо?

Я послушно кивнула головой, мне уже было все равно. Абсолютно все равно. Я уже была убита в тот самый момент, когда мать рыдала, стоя передо мной на коленях. Да, дорогой дневник, именно так все и было. Именно так. И не иначе. Ты, наверное, хочешь узнать, как проходят мои дни в этом пустой, холодном и бездушном доме? Целыми днями я слоняюсь без дела по саду или сижу в своей маленькой комнатке и читаю. У Грея отличная библиотека, правда, добрая половина книг по оккультизму и магии. Но это меня уже не удивляет и даже не пугает. Иногда я подхожу к великолепному роялю, и начинаю играть. Бывало, что несколько раз я чувствовала позади себя чье-то присутствие, но когда оборачивалась, то уже никого не видела, а слышала лишь удаляющиеся шаги. Это был, несомненно, Грей.

А что делает он в свободное время, спросишь ты? Он точно так же, как и я, слоняется по дому, но ровно в десять вечера идет в свой кабинет. Иногда я слышу, как он бормочет там что-то, будто ведет с кем-то беседы.

Ах, мой милый дневник, меня мучают страшные предчувствия, мне кажется, что вот-вот разразится беда. Что же, прощай, я, пожалуй, лягу спать.

Четверг

Дорогой мой, я сегодня гуляла в саду, и услышала позади себя торопливые шаги, я обернулась и увидела Грея. Его лицо отражало нестерпимые мучения, он порывисто взял меня за руку и сказал:

- Бренда, завтра у нас будет важная встреча. Очень важная. Вы должны будете помочь мне кое в чем. Простите меня, - выдохнул он, и тут я увидела в нем искорки искренности и тонкого душевного тепла, которое я видела в нем всего лишь один раз, в день спектакля.

- Хорошо, - безропотно ответила я.

Его лицо искривилось, будто бы ему причинили сильную боль, но это длилось ровно

несколько секунд, потом оно вновь приобрело то холодное и отстраненное выражение, а в глазах появился знакомый неприятный блеск, который отталкивал меня с момента нашей первой встречи.

- Очень любезно с вашей стороны, - улыбнулся он зверской улыбкой, улыбкой хищника.

Глава 39

За окном уже давно стемнело. Мелисса, охрипшая от чтения, просипела:

- На этих словах дневник обрывается!

- Ну дела, - проговорила Сара и почесала затылок. - Жалко как-то.

Несколько минут девочки сидели задумавшись. В квартире царил непривычная тишина, не нарушаемая звонким смехом тети Моника. Им обоим сейчас казалось, что они перенеслись в то далекое время и видели несчастную Бренду воочию. Вся ее жизнь, как ряд цветных картинок, пронеслась перед их глазами. В открытое настежь окно ворвался сильный поток ветра, и снежно-белая тюль взвилась в воздухе, как крыло эфемерного, сказочного существа.

Девочки вышли из оцепенения, и Мелисса, хлопнув себе по коленке, закричала:

- Сара, Сара, вот зачем дух Берты направил нас в школьные архивы! Там какие-то важные документы, связанные с Файнд-Тауном!

- Точно, - возликовала Сара. - Только вот я не понимаю, причем тут твой унылый Файнд-Таун и все эта история? Все эти тени, призраки, люди, следящие за нами, вспышки ослепительно света и прочая лабуда, в которую мы въезались. И, кстати, теперь понятно откуда на стене в доме Грея картина с изображением Файнд-Таунской площади!

- Ох, Сара, Сара, кажется все это связано между собой! Файнд-Таун связан с Бриф-Костом и со всеми этими ужасами, которые начались с того самого момента, как я спустилась в подвалы школы, - возбужденно ответила Мелисса, размахивая руками.

- А может быть, там к тебе привязался дух Грея? - предположила Сара.

- Не думаю, - покачала головой Мелисса. - Конечно, ощущения схожие, но каким образом он там оказался, если он умер здесь, в Бриф-Косте?

- Ох, Мелисса, вокруг одни загадки, но я, надеюсь, мы найдем ответ в архивах моей школы. Когда мы туда пойдем? - спросила девочка.

- Давай завтра ночью, только сначала отыщем Виктора, вполне возможно, он уже узнал, кто тот человек, который следит за нами.

- Ох, Мелисса, - снова вздохнула Сара. - Кажется, мы влипли с тобой в большую передрягу, но отступать уже некуда, мы должны выяснить все до конца. А Билли будем брать с собой?

- Если он оправился после сегодняшней ночи, то думаю, можно и его прихватить. Бедняга, - Мелисса рассмеялась. - Ты видела его лицо, когда мы выбежали из дома? Он чуть не умер от страха!

- Да уж, не говори, - Сару передернуло. - Если бы не тот человек, который умеет так ярко сиять, мы бы уже давно были на том свете. Интересно, кто он?

- Мне бы самой хотелось это узнать, - тихо проговорила девочка. - И сказать ему спасибо за то, что он уже второй раз спас мою шкуру.

- И мою заодно, - хмыкнула Сара и задумалась, а потом, тщательно взвешивая слова, продолжила: - Погоди, Мелисса, получается, что Грей выбирал себе невесту для того, чтобы исполнить тот чудовищный ритуал? Так же? Но почему он выбрал, именно ее, эту хорошую, чистую и талантливую девушку?

- А может от того, что ее предки были из Олд-Тауна, того города, который был разрушен штормом, и чье население ушло потом к нам, в Файнд-Таун? – выдвинула предположение Мелисса.

- Не знаю, не знаю, причем тут это? Мне кажется, здесь просто какое-то случайное совпадение. Ох...как все загадочно, - покачала головой Сара. - Мелисс, пойдём что ли кофе сварим? У меня глаза слипаются. Я в отличие от тебя до шести вечера не спала.

- Пойдем, - согласилась Мелисса.

Девочки пошли на кухню, но в коридоре их застиг громкий стук в дверь. Они так и застыли на месте.

- Кто это может быть в такой поздний час? - прошептала Мелисса.

- Не знаю, - еле слышно ответила Сара, и ее глаза расширились от ужаса.

Стук повторился, уже более настойчиво.

- Давай, подойдем ближе к двери и узнаем, кто там? – предложила Мелисса.

- Давай, - кивнула Сара.

Девочки, стараясь ступать, как можно тише, подошли к двери и замерли.

- Кто там? - попытаясь придать уверенности голосу, спросила Мелисса.

- Это Виктор, Моника, доброго вечера тебе. Прости, что я так поздно, но дело не требует отлагательств, - послышался знакомый голос с хрипотцой.

Мелисса распахнула дверь, и их взору предстал Виктор. Вид у него был донельзя смущенный, и одет он был по-другому: в старый, но чистый пиджак и такие же брюки, а длинные непослушные волосы были хорошо вычесаны и аккуратно собраны в «хвостик». В руках у него был бумажный пакет, края которого он нервно тербил.

- О, Мелисса, Сара, добрый вечер, а что Моника, дома?

- Нет, Виктор, ее нет, но вы проходите.

Виктор огляделся по сторонам, как бы раздумывая, потом пробормотал: «Ну значит так тому и быть» и вошел в квартиру.

- Вы что одни, девочки? - спросил Виктор.

- Ага, - подтвердила Мелисса. - Тетя завтра утром только вернется.

- Мы как раз собирались кофе варить, - вернула Сара, с интересом поглядывая на Виктора.

- А я печений принес, с изюмом, - улыбнулся Виктор.

- Ну вы проходите, проходите в гостиную, а мы сейчас по-быстрому все сделаем.

Виктор учтиво поклонился и прошел в зал. Девочки бросились на кухню.

- Сара, принеси ужин из кладовки, накормим Виктора до отвала, - рассмеялась Мелисса.

- Ага, сейчас принесу, интересно, зачем он пришел? Он что-то узнал про того типа и хотел слить все Монике? – поинтересовалась Сара.

- Сейчас все узнаем, подружачка, иди уже, - и Мелисса вытолкала ее из кухни.

- Виктор все же забавный, - думала Мелисса, и вспомнила, как они вчера застали его в кабаке. Какое у него было удивленное лицо! А вот он теперь сидит здесь, в этой, чистой и уютной квартире, весь такой смущенный. Мелиссе почему-то подумалось, что должно быть Виктор ужасно одинок и сознательно обрекает себя на подобное.

Мелисса прислушалась к себе и почувствовала, как стремительно изменилась атмосфера в квартире с приходом Виктора. Будто бы в их маленький, тайный мир, полный приключений и опасностей, ворвалось что-то большое, теплое, искрящееся и родное. И ей сразу стало спокойнее на душе, несмотря на все те страхи, что она испытала за последнее время.

В кухню ворвалась Сара с огромной кастрюлей. Девочки разогрели ужин и сварили кофе, и, поставив снесь на подносы, вошли в столовую. Виктор сидел на диване, вертел

в руках какую-то книгу и задумчиво смотрел в окно.

- Сейчас будем ужинать, - возвестила Мелисса.

- Ой, девочки, - Виктор покраснел, резко привстал и снова сел. - Мне, право же, неловко.

- Что вы такое говорите! - удивилась Сара. - Даже не думайте смущаться, все свои! - и она развела руками, подражая Билли.

Когда все расселись, Виктор вздохнул и стал говорить:

- Девочки, послушайте меня внимательно, я разузнал, кто тот человек, что следил за вами. Именно для этого я и пришел, чтобы рассказать, и предупредить вас, нет, нет, не думайте, что я хотел рассказать все Монике, - ответил он на их обиженные взгляды. - Я хотел немного поболтать с ней, а потом прогуляться с вами и рассказать все, что мне удалось узнать.

- Ну так что же?! Кто же он?! - воскликнула в нетерпении Сара.

- Все это кажется мне теперь еще более странным, чем раньше. Потому, что следит за вами Джарис, человек из администрации Фэктори. В связи с этим у меня сразу возникает вопрос: вы, что вляпались в какую-нибудь историю, связанную с Фэктори? Вы вчера так настойчиво расспрашивали меня об этом квартале, - тон Виктора был строгим и серьезным. - Девочки, поймите, дело это нешуточное, Фэктори, как вам уже известно - оплот огромного зла, скажи я это кому-нибудь другому, так меня осмеют, люди не хотят понимать тайные основы всех явлений и событий. Потому, - он выдержал паузу. - Потому расскажите мне все как на духу, каким образом вы оказались связаны с Фэктори? Я пока не буду ничего говорить Монике, и, чем смогу помогу вам. Понимаете, - он задумался, пытаясь подобрать, более убедительные слова. - Девочки, понимаете, если я буду знать больше, я действительно смогу помочь вам, а если нет, вы попросту можете влипнуть по самые уши. Это не шутки, - и Виктор сделал большой глоток кофе.

Подруги переглянулись. Мелисса понимала, что рассказать все Виктору означает подставить себя под угрозу, рано или поздно он может поставить в известность Моника. А значит - никакого свободного, веселого лета, и ее еще, от греха подальше, отправят в Файнд-Таун, где до конца каникул будет прозябать в ужасной скуке. Уж лучше оттянуть неприятный момент, а сейчас наговорить Виктору всякой чепухи, в которую он может быть, на некоторое время поверит. Мелисса глянула на Сару, та, видимо, придерживалась того же мнения и сосредоточенно молчала, ожидая от Мелиссы первых слов, чтобы, в случае, чего поддержать ее.

- Вы понимаете, Виктор, - осторожно начала Мелисса. - Просто я услышала историю о том страшном доме от Билли, и мне сразу же захотелось написать что-нибудь в этом духе. И вот, когда мы с Сарой гуляли и обсуждали эту тему, - на несколько секунд замаявшись, она бросила быстрый взгляд на подругу, как бы намекая: «ну продолжи, продолжи».

Сара не растерялась и, подхватив речь Мелиссы, затараторила:

- Да, да, мы гуляли и говорили об этом, это было где-то на площади, и мимо шел какой-то человек, и он прислушался к нашему разговору, и я еще тогда подтолкнула Мелиссу в плечо, и жестом показала на этого человека.

- Ага, я помню, - подхватила Мелисса. - И он к нам подошел и говорит: «Девочки, вы что Фэктори интересуетесь?». Ну мы сразу начали оправдываться, мол, нет, нет, что вы, а он как-то искоса на нас глянул и исчез в толпе. Вот так все и было!

Виктор слушал их со спокойным лицом, но по выражению его глаз ничего нельзя было понять. Он неспешно ел, чуть кивал головой, и внимательно впитывал в себя их оправдания. Наконец он отложил вилку и в упор посмотрел на Мелиссу:

- Я надеюсь, девочки, что вы говорите правду. Вполне возможно, что на Фэктори тво-

рится что-то неладное, и они следят за всеми, кто говорит об этом месте, вполне возможно. Но, Джарис, он не простой чиновник, скажу я вам, он наследственный, прямой потомок того человека, которому Грей завещал руководство фабрикой. Джарис – гроза всего квартала, он не только собирает отчеты с фабрики, но еще и ходит по домам рабочих и наказывает провинившихся. Он занимает одну из руководящих должностей, этаким серым кардиналом, который не только участвует в управлении фабрикой, но и, что называется, работает снизу, то есть непосредственно взаимодействует с рабочими. Он знает все обо всех, и он применяет к ним множество мер принуждения, чтобы никто и никогда не посмел изменить уклад жизни, на который их когда-то обрек Грей.

Сара удивленно вскинула брови, и широко зевнув, беспечно сказала:

- Ну удивительно просто! Зачем мы понадобились такой важной птице, право же, я не знаю!

Мелисса молчала. Виктор допил кофе и поглядел на обеих очень внимательно, а потом произнес:

- Я, конечно, постараюсь разузнать больше, но, поймите, девочки, что действовать надо осторожно, очень осторожно! И не факт, что я смогу скоро что-то узнать, а вы пока сидите тихо и ни во что не ввязывайтесь, и по улицам ходите с осторожностью, а то мне придется все же, рассказать обо всем Монике.

- Хорошо, хорошо, - кивнула Мелисса. - Виктор, а может, вы останетесь у нас? А то после таких рассказов нам как-то страшновато стало в пустой квартире, без тети!

- Да, да, - поддержала ее Сара. - И вы расскажете нам какие-нибудь интересные истории!

Виктор заулыбался, его глаза потеплели, и он мягко ответил:

- Да, девочки, я останусь, раз вы так настаиваете, - он немного помолчал и добавил, с трудом выдавливая из себя слова. - Ко мне уже давно никто не относился с таким радушием.

В воздухе повисла неловкая пауза. Мелиссе стало безумно жалко Виктора, и она готова была разрыдаться, и, чтобы сгладить столь трудный для поэта момент откровения, весело сказала:

- Ну и дураки они все, кто на вас внимания не обращал! По-моему, вы интереснейший из всех людей, которых мне доводилось встречать!

- Спасибо тебе, Мелисса, право же, я не стою таких слов, - он смущенно улыбнулся. - Да кстати! – он внезапно спохватился. - Я же прочитал твою зарисовку!

Мелисса вздрогнула и покраснела, в закружившем ее вихре событий, она совсем забыла об этом.

- Мне очень понравилось, - продолжил Виктор, - Знаешь, - его голос немного задрожал от волнения, глаза увлажнились, и он нервно провел рукой по волосам. - Знаешь, такое ощущение, что ты писала про меня.

- Неужели?! Правда? – Мелисса просияла и немного смутилась.

- Конечно, правда! Пиши, пиши дальше! Я очень хочу верить в то, что это станет твоим призванием! – оживленно продолжил он. - Сколько раз желание писать спасало меня от окончательного падения, сколько раз я благодарил небо за то, что мне послали такой скромный дар, - Виктор разгорячился. - Со временем, ты поймешь, о чем я говорю, дорогая Мелисса.

Девочка задумалась, в ее памяти невольно всплыли строки из дневника Бренды: «Если бы не рисование и музыка, я не знаю, что бы стало со мной. Именно туда я убегаю прочь от серой реальности!». Как похожи слова девушки, умершей сто лет назад, на эту пламенную речь потрепанного жизнью поэта! Вот она живая, неумирающая связь, тонкая,

крепкая нить, которая тянется через века и связывает души! Да, это творчество!

И в этот самый миг, Мелисса почувствовала, как что-то раскрылось в ее душе, раскрылось и распахнулось навстречу огромному неземному солнцу, и вся она наполнилась тихой, радостной истомой.

- Прочитайте нам какой-нибудь стих, Виктор! - грубый голос Сары вернул ее в действительность.

- Ох, я даже не знаю, - Виктор почесал затылок.

- Читайте! Читайте! - радостно вскричала Мелисса.

- Тогда я прочитаю что-нибудь такое, - он задумался. - Что-нибудь такое, что отвлечет нас от всяких беспокойств.

Он полез в карман брюк, и достал оттуда целый ворох смятых бумажек. Он тщательно начал перебирать их, бурча себе под нос: «Не то, не то, а вот нашел!».

Он достал самый большой, замусоленный листочек и начал:

Я вижу тебя, сидишь у реки,
сидишь у реки одна.

Луна так свежа,
и звезды близки,
ближе речного дна.

Не надо бежать,
не надо идти,
с пути
ты уже не сойдешь.
Чем раньше жила -
сухая смола,
застывшая нежить, ложь.

Лишь там, в высоте - осмысленный ряд,
где нету ни "или" ни "бы",
где сотни светил
на небе горят,
как верстовые столбы.
Космических сил
плечистая мощь
сквозь ночь
наполняет грудь.
Поет тебе лес:
"Была ты и есть".
И я умоляю, Будь!

- Вот как-то так, - и он опустил голову вниз, взъерошивая непослушные волосы.

- Как красиво, - эхом отозвалась Мелисса.

- Неплохо, - тихо сказала Сара.

- Спасибо, - Виктор начал теревить в пальцах спадающий край скатерти. - Это о любви. Давно это было, - и его взгляд слегка затуманился.

Девочки замолчали, боясь вспугнуть его романтическое настроение. Мелисса уже начала рисовать в своем воображении одинокую деву в белом платье, сидящую на крутом речном берегу, ветер играет ее волосами и несет ей тихую, печальную грусть и любовь

далекого поэта.

Ей так хотелось расспросить Виктора об этой любви, но она не решалась. Она сразу вспомнила то, о чем им рассказывала Моника, как Виктор спешно покинул Бриф-Кост, отправился путешествовать, а вернувшись, не захотел возвращаться к прежней жизни. Интуитивно она ощущала, что здесь замешана какая-то история, трагическая история, возможно, связанная с несчастной любовью.

Глава 40

На темном небе уже загорелись первые звезды. Моника, кутаясь в теплый плед, сидела у костра. Ей было хорошо и спокойно, так всегда она ощущала себя в горах. Где-то вдалеке слышалось уханье совы, и ночные птицы напевали странные, тревожные мелодии. Она смотрела на пламя костра, не отрывая взгляда, и мысли ее текли неспешно. Она размышляла о странных поворотах судьбы, о том, что Мелисса, вдруг, познакомилась с Виктором. Да еще и заинтересовалась им.

Все это, конечно, прекрасно, но вот та тревога, которая родилась в ее душе, никуда не делась. Потому, ничего не сказав о своих планах племяннице, она отправилась к дальним скалам в жилище Глории. Моника хотела посоветоваться с ней насчет Мелиссы. Уж Глория-то смогла бы быстро разузнать в чем дело. Но, увы, она не застала ее дома. Тогда ей пришлось пройти еще дальше, в горы, к одной молодой знахарке, она всегда знала, о том, где находится Глория. Знахарка разочаровала Моника, оказывается, Глория ушла в неизвестном направлении и сказала, что вернется не раньше сентября. Пришлось Монике уходить ни с чем.

Она достала тонкую папироску и закурила. Едкий табачный дым резким диссонансом ворвался в свежий воздух, и Моника даже пожалела о том, что не удержалась и нарушила чистоту окружающего ее пространства.

Она прикрыла веки, неожиданно, в ее голове вспыхнула давно забытая картинка. Один из убогих домишек в Фэктори, маленький предбанник, грязный, убого обставленный, на полу, на дырявом матрасе, под грудой грязной одежды лежит ребенок, у него сильный жар. Моника, опустившись на колени, пытается определить, что, собственно за болезнь у него. Худые, бедно одетые родители замерли в испуге, напряженно ожидая ее вердикта. Вдруг, входная дверь резко распахивается, и на пороге вырастает высокий, отлично одетый человек, он с ходу начинает кричать: «Какого черта вы не на фабрике?! Вы что, хотите, чтобы вас вышвырнули, как собак?».

Мужчина и женщина вжимаются в стену и начинают лепетать что-то о болезни ребенка. Незнакомец, едва выслушав их, продолжает грубо кричать: «Мне наплевать, что ваш щенок заболел. Наплевать! Если я через час не увижу вас на конвейере, - пеняйте на себя!».

У Моники сдают нервы, она едко отвечает грубияну и выставляет его за дверь, грозясь вызвать полицию. Почему-то в ее сознании отпечатались злые, пустые глаза незнакомца. Где-то она его уже видела. Где же?!

Подул сильный ветер, и пламя взметнулось так, что Монике стало жарко. Она открыла глаза, и вдруг, на нее нашло озарение! Она вскочила и удивленно вытаращилась на огонь! Тот отвратительный тип, которого несколько лет назад она прогнала из дома рабочих, был тем самым мужчиной из аптеки! Да, да, это был именно он!

- Улет! - произнесла вслух Моника. - Вот оно что! А он же подслушивал, о чем я говорю с Анной! А потом резко исчез!

Моника нервно прошлась.

- Чтобы бы это могло значить?! – бормотала она. - Чтобы это могло значить?!

Беспокойство за Мелиссу с новой силой возросло.

- Какая же я дура! – она всплеснула руками - Нет, ну какая же я дура. Оставила их на ночь одних!

Она снова плюхнулась на землю.

- Скорей бы утро! Скорей бы! Надеюсь, что мать Сары пришла к ним ночевать! Скорей бы утро!

Она готова была хоть сейчас двинуться в путь, но прекрасно понимала, что передвигаться по горам в темное время суток небезопасно, и все равно придется ждать рассвета.

Моника прикусила губу и попыталась успокоиться.

«Все будет хорошо! Хорошо!» - твердила она, но ее возбужденный разум, никак не хотел соглашаться с ней.

Глава 41

Верган забрался на вершину горы и сел у самого обрыва. Где-то далеко внизу, под его ногами дышало, говорило море. Он жадно прислушивался и с каждой секундой морщинки на его лице разглаживались, а угасший огонь постепенно разгорался в глазах. Он ощущал прилив сил, как будто его, уже умершего, вновь воскресили.

Сегодня днем стояла страшная жара, и боль разрывала голову на части. Он лег на землю и, раскинув руки, стал смотреть в черное небо, усыпанное блестящими звездами.

Только теперь, за пределами шумного города, он отдыхает от страшной и утомительной работы. Он прикрыл глаза, и в его сознании стали всплывать картинки. То увидит повозку, шумно проезжающую под окном гостиничного номера, то предстанет перед ним тот мужчина, что живет в доме напротив. Его фигура мельтешит перед его глазами и разрастается в огромное черное пятно. Сегодня мужчина был уставшим, измотанным и подавленным. Верган никогда прежде не видел его таким. Но под той усталостью скрывалось что-то решительное, настойчивое и даже злое. Верган тряхнул головой и попытался выкинуть его образ из головы.

Как неприятно в такой прекрасный момент вспоминать об этом человеке! Становилось все прохладнее и прохладнее, и свежий ветер ласкал его душу, уносил прочь все печали. Верган призвал другой образ: поэта Виктора, которого он встретил на площади. Немного побродив в его душе, он нашел стихи, прекрасные стихи. И полностью проникнув в это видение, Верган начал громко шептать вслух:

Мягкий свет. Тишина. Ночь легка.

День ушел – тосковать о нем поздно.

Растворились в луне облака,

И в окно смотрят теплые звезды.

У окна улыбаешься ты, -

Воскресают из детства мечты.

В сердце снова любовь закипает

И надежду рождает опять,

Все сомнения блекнут и тают.

Ты легка, ты готова летать.

За окном – водопады и горы,

Это ветер рисует узоры.

Небосвод зажигает огни,
Оживают волшебные страны.
В вихре лет не исчезли они,
Не погибли от слез и обмана.
Ты в ночную морозную тишь
С восхищением жадно глядишь.

Все, о чем ты мечтала когда-то,
Появляется перед тобой:
В облаках проплывают фрегаты,
Вырастают дворцы под луной.
Ни печали, ни горести нет -
Только сказки живительный свет.

За окошком проносится ветер,
Тихо шепчет, тоскуя, любя:
«Все прекрасное, что есть на свете,
Было создано лишь для тебя.
Все чудесное, все неземное,
То, о чем ты мечтала не раз,
Рождено было вместе с тобою,
Чтобы жить в глубине твоих глаз!»

Его тонкие губы тронула легкая улыбка.

- Эти строчки придадут мне сил, - сказал он и улыбнулся одной яркой звезде, которая повисла в небе прямо над ним.

Глава 42

- Котики мои, вставайте! Ваша любимая тетя Моника прискакала! – звонкий голос нарушил тишину квартиры.

Сара и Мелисса подскочили, как ошпаренные.

- Ну, зайки, вы одни тут? – спросила тетя Моника, застав у дверного косяка.

- Ага, - зевнула Мелисса. - Виктор рано утром ушел.

- Виктор? – протянула тетя Моника. - А где вы его откопали-то?

- Он сам пришел, - сонным голосом ответила Сара.

- Ух ты! Ну дела! Он значит с вами оставался? – в тоне Моника послышалось радостное волнение.

- Ага, - снова зевнула Мелисса и лениво пояснила. - Он к вам, тетя, зачем-то приходил, ну мы уговорили его остаться. Мама Сары не смогла придти, а Виктор весьма удачно заглянул.

- Ну вот и отлично! – радостно ответила Моника, - Просто отлично! Надо будет разыскать Виктора и узнать, зачем он, собственно, ко мне заходил, - в ее глазах мелькнул озорной огонек.

- Да не стоит, - буркнула Сара. - Он сказал, что просто соскучился.

- Соскучился? – на лице Монике отразилось не то удивление, не то радость. - Ух ты! Ну

дела! Улет!

- Тетя, - сказала Мелисса, с трудом поднимаясь с кровати. - Вы там приведите себя в порядок с дороги, а мы с Сарой пока вам завтрак приготовим.

- Ой, спасибо, солнце мое, спасибо, уже улетаю! – и тетя скрылась в коридоре.

Когда все собрались за столом в гостиной, тетя кинула внимательный взгляд на девочек и стала расспрашивать о том, как они провели время в ее отсутствие.

Подружки сразу заподозрили неладное и как можно более непринужденно заговорили о Викторе, и о том, что он им рассказывал.

Моника, слушая их лепет, уже стала упрекать себя в излишней мнительности, но все же, решила спросить:

- Котики, а вот, когда вы гуляли, вы, случайно не встречали такого странного мужчину, хорошо одетого, лысоватого, с такими холодными-холодными глазами?

Девочки замерли, но быстро нашлись:

- Нет, нет, таких не встречали!

- А что такое тетя? – поинтересовалась Мелисса.

- Да ничего такого, - ответила Моника. - Это я так просто, мне сон один приснился. Вот не знаю, не знаю, прямо, как его истолковать.

- А что за сон? – не унималась девочка.

- Да! Неважно уже, - отмахнулась тетя.

«Вроде бы мой вопрос не произвел на них особого впечатления, хотя они, кажется, на секунду замаялись» - подумала Моника и, чтобы скорее перевести тему, беспечно продолжила:

- Ну, котики, какие у вас планы на сегодня?

- Да никаких, собственно, хотим заглянуть к Билли, поболтать с ним, вот и все! – вяло ответила Мелисса.

- Вы устали, что ли от гулянок? – спросила тетя.

- Ну немного, да, - слишком резко ответила Сара, и отвела глаза в сторону. Она успела перехватить внимательный взгляд тети.

- Дивно! – громко сказала Моника, а потом сладко зевнула. – Ладно, зайчатки, душевно мы с вами посидели, идите к своему Билли! А я часок-другой подремлю! Только далеко не уходите!

- Хорошо, тетечка, - ответила Мелисса, и девочки стали собираться на улицу.

- Что это она к нам прицепилась? - возмущенно сказала Сара, когда они уже отошли на достаточное расстояние от дома.

- Эх, подружка, не знаю я, не знаю! Может, подозревает что?

- Подозревает – это точно. С чего вдруг, она про этого, как его там. Джариса стала расспрашивать? – Сара возбужденно размахивала рукам. - Я, конечно, понимаю, что она немного сумасшедшая, и ей что угодно может присниться. Но сейчас я не верю в это!

- Ладно, не паникуй раньше времени, - успокоила ее подруга. - Нам нужно беспрепятственно добраться до твоей школы и найти в архивах то, о чем писала Бренда в своем дневнике. У вас там сторож на лето остается?

- Хм, - Сара напрягла память. - Погоди, сейчас вспомню. Как-то раз меня оставляли на лето, на пару недель, не помню уже из-за чего, и я ходила туда каждый день. Сейчас, сейчас, вспомню. Да, да! Старый Генри, как обычно, сидел в своей конуре. Ага, точно! Мы еще с ним постоянно шутками всякими перекидывались.

- Это усложняет задачу. Если мы попадемся – будет большой скандал! И, кроме того, Виктор сразу же расскажет все Монике, и прошай наше веселое лето! – задумчиво произнесла Мелисса. - А как мы проникнем в здание?

- Все просто, подруга, не дрейфь, - Сара хлопнула ее по плечу. - Мы с Билли раза три лазили туда ночью, то в журналах записи подтереть, то в кабинете директрисы шухер устроить!

- Ну ты даешь! Ты мне ничего такого не рассказывала! – восхищенно посмотрела на нее Мелисса.

- А что тут рассказывать-то? Это для меня рядовой случай, - Сара гордо подняла голову.

- Слушай внимательно, в правой части школы, там, где находятся всякие хозяйственные комнаты, есть вход в подвал. Дверь, обычно, закрыта на замок, но мы с Билли давным-давно подобрали отмычку, она у него, кстати. Через подвал мы попадали в коридор первого этажа. Генри-то сидит у самого входа, ночью он всегда спит и потому ничего не слышит! А нам нужно в архивы! Я знаю, где они: недалеко от выхода из подвала, чуть-чуть по коридору пройти и в дверь упрешься. На ней тоже замок висит, но, думаю, мы его быстро вскроем, у Билли же не одна отмычка!

- Отлично, подруга, отлично, - похвалила ее Мелисса.

Лицо Сары приобрело прежнее дерзкое выражение, она снова попала в родную стихию.

Тем временем, они дошли до дома Билли. Как и в прошлый раз, Сара, уверенно толкнув калитку, прошла во двор. На сей раз им повезло больше - Билли сидел на пороге и читал книгу.

Сара присвистнула от удивления.

- Дружище, ты чего это вздумал? Ты читаешь? – грубым голосом громко спросила она.

Билли вздрогнул и поднял глаза. Увидев подругу, он вмиг побледнел и отложил книгу.

- Да, читаю. Интересная книга, мне Виктор посоветовал. Вот решил отвлечься немного. А вы что тут делаете? – с некоторой долей испуга спросил он.

- Оооо, дружище, - протянула Сара. - Такое ощущение, что ты нас боишься.

- Да не боюсь я никого, - Билли вскипел. - Просто я до сих пор отойти не могу.

- Хм, - Сара подбоченилась. - А тебе-то отчего отходить, это мы были в доме, а не ты!

- Тише, Сара, - шикнула на нее Мелисса. - Вдруг, кто услышит.

Билли улыбнулся и понимающе посмотрел на девочку:

- Ничего страшного, Мелисса, пусть говорит, родителей до вечера не будет, - он перевел взгляд на Сару. - Какая разница, где я был, просто видел ваши лица, и этого мне достаточно. Да вы садитесь! Что вы стоите-то?!

Девочки присели рядом.

- И ты совсем не хочешь узнать, что мы видели и слышали, и что разнюхали? - начала атаку Сара.

- Ох, Сара, - Билли наморщил лоб, и почесал голову. - Предположим, что хочу.

- Что-то ты серьезный какой-то стал, тебя прямо не узнать, - нахмурилась девочка. - Мы тебе сейчас все расскажем. Но сначала ты нам ответь, пойдешь ли ты с нами ночью в нашу школу?

- В школу? - Билли удивленно выгаращил глаза. - А школа-то вам зачем понадобилась?

- Нет. Ты сначала ответь! А потом мы все расскажем! – Сара была неумолима.

Билли тяжело вздохнул. По его лицу было видно, что ночные вылазки ему порядком надоели, но, видимо, бросить девочек он никак не мог.

- Пойду, пойду. Делайте со мной уже все, что хотите, - вяло ответил он. - Давайте теперь, рассказывайте вашу историю.

Билли слушал молча и постоянно вздрагивал, а когда девочки закончили свой сбивчивый рассказ, не забыв упомянуть о прочитанном дневнике Бренды, он тяжело вздохнул и выдал из себя:

- Кажется, вы вляпались по самые уши в какую-то скверную историю. Так значит, вот зачем вам нужно в школу! Чтобы выполнить указания призрака, с которым вы встречались в доме. А что если это ловушка? Скажем, тщательно спланированная духом того самого Грея?

- Чушь какая! – отрезала Сара. - Вот уж неуспокоенному духу делать больше нечего, как подделывать дневники юных дев и ждать чертову тучу лет, чтобы кто-то нашел его и полез в школу. Логичнее было бы тогда отправить нас куда-нибудь в более скверное место. Хотя, что может быть сквернее школы, - рассмеялась Сара.

- Похоже, ты права, - задумчиво ответил Билли. - Интересно, почему она обратилась к Мелиссе, эта Бренда?

- Вот это как раз мы и сможем узнать в архивах школы! – радостно ответила Сара. - Мелисса же из Файнд-Тауна, значит то, что мы найдем там, каким-то боком относится и к ней!

- Ох, ох, ох, - вздохнул Билли. - Что же? Тогда, как обычно? Встречаемся на нашем месте ровно в полночь?

- Ага! – кивнула головой Сара. - И отмычки не забудь.

- Уж не забуду, - вздохнул Билли, - А теперь, давайте немного отвлечемся что ли? Пойдем на задний двор, поиграем в мяч.

Глава 43

Виктор, несколько взбудораженный, ранним утром шел домой. Ему нужно было переодеться в свою старую шкуру и пойти в порт на разгрузку торгового судна. Как давно он не надевал этот костюм, который сейчас висел на нем так нелепо! Уж несколько лет точно! Удивительно, как он вообще мог сохраниться среди его скудного гардероба?!

Почему вдруг, он решил надеть его вчера, когда пошел к Монике?! Неужели, ему хотелось предстать перед ней в более благопристойном виде?! Чудеса! Виктор улыбнулся своим мыслям и закурил.

От пустых улиц веяло чистой, нетронутой свежестью. Несмотря на те странные события, происходившие с его новыми знакомцами, он испытывал почти забытые им ощущения невероятного подъема духа и удивительного всплеска внутренних сил. Ему вдруг захотелось, наконец, разобраться со всеми своими стихами, разбить их по циклам и свести воедино. Да, надо будет заняться этим! Он же никогда не делал ничего подобного!

А все же, ему было несколько досадно от того, что не удалось застать Моника. Вчера он так вдохновенно и так искренне читал, ей бы обязательно понравилось! Неожиданно на него нахлынули давно забытые воспоминания.

Тогда он, раздавленный и уничтоженный, потрясенный непредвиденной трагедией, случайно встретил ее в городе. Они не виделись с тех самых пор, как он отослал ей то предательское письмо. Он увидел ее еще издали и подивился той необычайной красоте, которая с новой силой проявилась в ней. Моника шла вместе с Глорией, они отчаянно хохотали и что-то громко обсуждали. Виктор загляделся на нее, сердце его учащенно забилось, и ему стало до одури стыдно. Он хотел исчезнуть, растворится, провалится сквозь землю. Виктор понимал, что может попросту убежать, но почему-то он стоял и заморожено смотрел на нее. И, вот, она увидела его, застыла, как вкопанная, на несколько секунд все возможные эмоции отразились на ее лице, а потом она, видимо, взяла себя в руки и громко закричала на всю улицу:

- Улет! Кого мы видим?! Викторчик! Сколько лет, сколько зим! - подошла к нему и, как

ни в чем не было, начала разговор.

Он стоял красный, как рак. Она же упорно делала вид, что не замечает этого. Так они постояли несколько минут и разошлись в разные стороны. Но на следующий день, он пришел к ней объяснить и рассказать о своей трагедии.

Моника сразу же оборвала его, как только он вздумал говорить об их прошлых отношениях, и заставила перейти к настоящему. Он поведal сй все. Она искренне утешала его, вкладывая в свои слова всю силу доброго и отзывчивого сердца. После этого случая они, конечно, могли бы стать лучшими друзьями, ведь, здесь у него никого не было кроме нее, но он решил избегать встреч. Такое великодушие с ее стороны делало его предательство еще более глубоким и бесстыдным. Да, было это 10 лет назад! За все это время, они, конечно, виделись: то сближались, то отдалялись, но - непременно держали дистанцию. А сейчас Виктору казалось, что пропасть, образовавшаяся между ними, постепенно начинает исчезать.

Почему же он раньше не поборол свой дурной характер? Почему он заливал горе вином, упивался собственным одиночеством, и никак не хотел видеть доброго друга в Монике? Сейчас он никак не мог ответить на этот вопрос, быть может, позже. Позже.

Глава 44

Под вечер Мелисса сидела в гостиной и пыталась записать хоть что-то в свой дневник. Но мысли не шли. Кроме того, она постоянно вспоминала дневник Брендy. Вот она, Мелисса, возможно, когда-нибудь умрет в ужасных муках, оставит свой дневник, и незнакомый ей человек из далекого будущего прочтает его и подивится тем страшным событиям, которые с ней происходили. Ей хотелось описать в пухленьком блокноте все, что выпало на ее долю, начиная с последнего школьного дня, но она не решалась. И где гарантия, что дневник не попадет в чужие руки? Сейчас все казалось ей настолько опасным, что нужно быть как можно более собранной и осторожной.

Тетя Моника возилась в своей лаборатории, и до Мелиссы доносился ее забавный говор. Она что-то вскрикивала, шептала, смеялась. Сегодня она спала днем, а значит, должно будет бодрствовать, и вылезать ночью в окно, нужно с двойной осторожностью.

Мелисса налила в большую кружку ароматный чай и сделала глоток. Как хорошо! Как прекрасно! Она откинулась на мягкую спинку кресла. Вот бы сейчас сидеть так на берегу моря, попивать этот божественный напиток, слушать шум волн и не думать ни о чем плохом. Ей впервые за все это время захотелось покоя. Покоя и блаженства. Кажется, ее приключения затонули.

Она сделала еще глоток, нежный вкус мяты навел воспоминание о доме и о родителях. Как было бы замечательно, если каким-то чудом они сейчас оказались рядом. Во всей этой суматохе она совершенно забыла о них. А она же обещала писать маме! Мелисса еле сдержалась, чтобы не разреваться. Она вспомнила Хильду, ее глубокие, зеленые глаза и спокойный голос. Вот бы увидеть ее и забыть, забыть обо всем на свете!

Интересно, что родители сейчас делают? Уже вечер. Папа, наверное, сидит в кресле и читает книгу, а мама вяжет или играет на рояле. У Мелиссы возникло непреодолимое желание бросить все и помчаться к ним! Но как? Как оставить Сару? И все это глупое расследование?! Да и, кроме того, через некоторое время, она все равно бы заскучала.

Ну ничего, лето быстро пронесется, и она с лихвой восполнит всю свою тоску по ним. Надо бы написать маме. Мелисса вырвала листок из блокнота, и начала: «Привет, дорогие мои родители. У меня все в порядке...».

На этом она остановилась. А что писать дальше? Что? Ведь все ее впечатления сводятся

только к ночным приключениям. Нет. Не будет она ничего писать. Мама сразу почувствует неладное. Мелисса скомкала листок и оставила его на столе.

Ей неожиданно захотелось поговорить с Виктором. Его появление в своей жизни, она восприняла, как очень важное событие. И ей не давала покоя та тайна, которой он был окружен. Почему, вдруг, он так резко покинул родной город и отправился в странствия? Вчера, когда он был здесь, в квартире тети, Мелиссе казалось, что она вот-вот догадается, в чем тут дело. И ее терзали смутные подозрения, что Моника сыграла здесь свою роль. Быть может, он был влюблен именно в нее? И эта любовь заставила его двинуться в путь, чтобы залечить раны разбитого сердца!

Мелисса вовсю рисовала в своем воображении картины их молодости. Вот, Виктор, молодой, красивый, подтянутый, читает свои первые стихи беззаботной веселой Монике, вот, они идут рука об руку вдоль берега моря. Да, и, кстати, если они так долго знакомы, значит, Виктор должен знать и маму? Как интересно!

Размышления Мелиссы прервала Моника, которая уже закончила свое «колдовство», и уселась напротив девочки:

- Ну что, милая моя зайка, налей-ка тети чайку!

- О. с удовольствием! – заторопилась Мелисса выполнить ее просьбу.

- Душевно! – заметила Моника, сделав глоток.

Тут Мелисса решила, что самое время выспросить у нее о Викторе.

- Тетя, - осторожно начала она. - А вы с Виктором давно дружите?

- Ха! Скажешь тоже! Конечно давно! Мы так крепко дружили: я, Виктор и твой мамулеч! – радостно ответила тетя, и взгляд ее просветлел.

- Что было между вами? – неожиданно выпалила Мелисса и уставилась на Моника, как удав на кролика.

Та поперхнулась чаем и во все глаза уставилась на девочку.

Мелисса нахмурилась и продолжила:

- Тетя, я все знаю!

Моника уже пришла в себя, хитро прищурилась, а потом рассмеялась:

- Ну, зараза! Ну, хитрюга! Провести меня решила! Да?! Ничегошеньки ты не знаешь! Но я тебе расскажу! Что уж тут, то дела давно минувших дней! Только, чур, никому ни слова, даже Саре!!!! Ты поняла меня?! - и Моника сделала грозное лицо.

- Да! Да! Да! – заверила ее Мелисса и покрылась пунцовой краской: как ловко ее раскусил тетя!

- Тогда слушай, - тетя Моника мечтательно подняла взгляд, и начала рассказывать, - Когда мы с твоей мамой учились в школе, то частенько удирали с уроков на море. Так весело было! Ух!!! Бывало, высидишь первый, дождешься перемены, и раз, выскочишь за школьную ограду и наутек! И резвились целый день на бережку. И вот, в один из таких дней мы встретили Виктора, который, собственно, тем же самым и занимался. Тоже не любитель он был в школе штаны просиживать. Помнится мне он юным, молоденьким совсем, волосы такие короткие черные у него были, и глаза озорные. Он казался нам не таким, как все остальные мальчишки. Уже тогда он стихи свои писать начал, и в голове много-много интересных мыслей было. Читал он страсть как любил и всякую философию разводить. В этом он с твоей мамой схож был, а я-то, котик мой, всегда проще была. Короче говоря, очаровал он нас, лукавый! Мы тогда сразу с ним подружились, и сговорились вместе прогуливать школу. Ну и гулять стали по вечерам. У нас образовалась троица такая. Так дружили, мы дружили, пока я не втрескалась в него, как говорится, по уши! Да, да, да, котик, по самые уши втрескалась! Ну и давай выть на луну, мечтать и все в том же духе. Но виду не подавала! Сестрица-то моя, конечно, давно уже

догадалась! Ах, сколько ночей напролет слушала она мои рассказы о неземной любви!

И, вот, однажды, заметила я, что Виктор стал как-то странно на меня глядеть, боялся взгляд мой встретить и слишком молчалив стал. Ну а я-то испугалась, что догадался он о чувстве моем, неловко ему, наверное, и решила вывести его на чистую воду. Как-то остались мы вдвоем, гуляли вечером по саду, и я так – раз и спроси его:

- Викторчик, ты скажи, может я тебя чем-то обидела?! Ты вот с Хильдой общаешься так, как прежде, а со мной – будто воды в рот набрал.

А он сверкнул очами, лукавый, и с надрывом произнес:

- Горе мне, Моника! Горе!

- Да что за горе-то, Викторчик? – настаиваю я.

- Люблю тебя давно и безответно!

Я так и застыла, рот открыв. А он-то хитрец продолжает:

- Вели мне уйти, и я уйду! Вели быть рядом, – буду!

Ну настоящий поэт! Согласись, котенок! А я смелости набралась и отвечаю:

- Викторчик! Ты не думай! Я тебя тоже давно люблю! Клянусь всеми гадами морскими!

Он, как вскинет голову, как посмотрит на меня глазами своими огненными и, как сожмет в объятиях. Чуть не удушил, падла такая.

С того моменты стали мы влюбленными! Все ходили, ходили, а Викторчик тогда учился в университете. Решили мы пожениться, когда окончит он курс свой. И вот как-то скандал вышел у него с папашкой, Виктор из дому-то сбежал, ко мне пришел, и говорит:

- Моника, родная моя! Нет мне тут места! Да и университет не по душе мне! Не хочу я точные науки изучать. Бежать надо, бежать! Хочу мир повидать! Дай мне время! Пару лет странствий, и я вернусь, и мы с тобой встанем перед алтарем!

Ну я, конечно расстроилась, но спорить не стала. Пусть, думаю, правда, мир увидит! Поэт же он! Ему надо! Быстро пронеслись два года, писал он мне часто, и, вдруг, несколько месяцев – ни словечка! И, раз письмо вожделенное в ящик упало. Вскрываю, рот до ушей, читаю, и как давай реветь. Там немного было слов-то. Писал он, что полюбил свободу и странствия, и, что никакими узами брака связать себя не хочет, и, что вряд ли когда-нибудь в Бриф-Кост вернется.

Ох, зайчонок, ударом это для меня было! Как я плакала, как плакала, но сердце молодое быстро излечивается, забыла я предательство. И, вот, года через 3 встречаю его, соколика ясного, стоит он, падла такая, смотрит на меня, рот открыв. Я-то виду не подавала, что страдала и – бац – к нему и подлетела. А он рассказал мне историю свою. После того, как написал поэт наш мне письмо то гадкое, долго он еще странствовал, и, вот, наконец, осел в городишке одном. Там творчество его расцвело. Свел он каким-то образом знакомство с редактором журнала местного, и, давай, туда ему стихи да статьи поставлять. А редактор тот ввел его в дом свой, где всякие такие творческие люди собирались. И там же, узрел он красавицу писанную, молодую дочь редактора. Она с папашкой-то уже не жила, где-то отдельная квартира у нее была, и страсть как любила она вертеться среди писателей и прочего люда им подобного. Потому и посещала папашкины вечера. Ренатой ее звали. И, вот, наш поэт таки влюбился не на шутку. И, что ты думаешь, дама-то ему взаимностью ответила! Решил он связать себя узами брака. А редактор-то почтенный человек, и говорит, мол, моя дочура привыкла к роскоши, а ты ей что предложить можешь?! А Викторчик-то не растерялся и открыл тайну из какой семьи он происходит. Порешили на том, что вернется он в Бриф-Кост испросит благословения и. стало быть, причитающееся ему содержание, потом приедет за Ренатой и счастливые молодожены уедут к Викторчику на родину. И будут жить, поживать да добра наживать.

Уехал наш поэт. Рената клялась ему в любви до гроба и в верности бесконечной. А он-то и верил! Вот вернулся он в Бриф-Кост, папаша условие, ты помнишь, какое ему поставил, Виктор взбрыкнул и написал своей зазнобе: «Так, мол и так, но богатства, любовь моя, не будет! Я приеду за тобой скоро! Жди!». Прискакал он обратно, и, что же видит?! Рената, ненаглядная его, уже обручилась с другим молодчиком, отпрыском богатого семейства, а ему говорит: «Ты уж прости меня, друг мой, я и не хотела за тебя идти! Знала же, что беден ты. Но ты золотых гор мне наобещал, вот я и согласилась! Ты не плачь, не плачь. Мой жених – дуралей, и я тебе скажу правду: я ему изменять буду, потому, что влюбляюсь часто – такова уж моя натура. И тебе бы изменяла! И если хочешь знать, то ты уже давно рогатый ходишь!».

Наш Виктор вернулся в Бриф-Кост с разбитым сердцем. А дальше, ты все знаешь! Утешала я его, слова добрые говорила, привечала, в гости звала, а он все дичился меня. Частенько уходил в себя, пил много, страдал, ну и так далее и так далее. Думаю, давно он о Ренате своей забыл. Тосковал он больше от непонимания: стихи-то его никому не нужны были, а я-то готова была их слушать, но не читал он мне их особо. Все матросне в порту. Да и от родителей он отрекся. Такая история, зайчонок!

Тетя Моника закончила рассказ и махом выпила уже остывший чай.

- Ничего себе! – удивленно воскликнула Мелисса. – Так значит вот оно что! Не зря я сразу поняла, что тут замешана какая-то романтическая история! Бедный Виктор!

- Да, что бедный, – отмахнулась тетя. – У каждого своя судьба и свой путь! Зато он многое повидал на своем веку! Да и было-то все это давно и бильем поросло! Плохо, конечно, что он сейчас так одинок. Вот, что плохо!

- Да, – задумчиво произнесла Мелисса. – Но ничего, думаю, скоро у него все наладится! Не зря же он вчера к вам заходил такой весь разодетый.

Моника покраснела, как маков цвет, воскликнула:

- Ну! Ну! Будет тебе, зайчонок, ерунду-то молоть! Хорош уж! Я тут совсем ни при делах! Так-то!

Мелисса ухмыльнулась и бросила взгляд на часы. Почти десять, через два часа – ночная вылазка, а тетя, явно не собирается ложиться. Хм. Надо бы уйти к себе, может, и она заскучает и пойдет почитать?

- Ах, тетечка, – притворно зевнула Мелисса. – Что-то я устала! Пойду-ка спать. А вы как?

Моника ответила не сразу, взгляд ее был устремлен в окно, а на губах блуждала томная улыбка.

- Ой, – спохватилась она. – Ну, иди, иди, котенок, а я, пожалуй, еще немного посижу.

Глава 45

Около полуночи Мелисса подошла к окну. В комнате Моника стояла тишина, значит, спит. Девочка, как обычно, залезла на подоконник и уже почти схватилась за дерево, как вдруг, чья-то рука схватила ее за плечо. Мелисса вздрогнула и чуть было не свалилась вниз, но ее держали крепко! Она услышала голос:

- Ну попалась, зараза!

- Черт возьми!!! – Выругалась про себя Мелисса, и не думая о том, что она делает, резко рванувшись вперед, высвободила плечо и быстро спустилась по стволу дерева. Сердце учащенно билось. Что делать-то теперь?! Что делать?! Не теряя ни секунды, нырнула за угол, где ее уже ждали неизменные Сара и Билли.

- Что случилось? – спросили они в один голос, увидев ее испуганное лицо.

- Тетя, – задыхаясь прошептала Мелисса. – Тетя словила меня. Что делать-то???

- Черт возьми, - выругалась Сара. - Если мы убежим, то нам потом достанется! Но она-то сейчас уже будет здесь! Слышите, дверь подъезда хлопнула?! Надо с ней договориться! Мелисса ври, что придется! – только и успела произнести Сара, как из-за угла нарисовалась тетя, вид которой был до ужаса грозным.

- Ах вы, подлецы! Вот вы где все! – и Моника уже прострела руки, чтобы схватить кого-нибудь.

- Стойте тетя! - закричала Мелисса, - Стойте! Мы сейчас все расскажем, и вы сразу нас поймете!

Сара и Билли застыли, вжавшись в стену.

- Ну давай, давай, рассказывай! – тетя грозно качала головой, и ноздри ее угрожающе раздувались.

- Понимаете, - затараторила Мелисса. - Мы не просто так сегодня ночью решили выйти на улицу! Дело очень важное! Помните о том мужчине, про которого вы спрашивали?! Так вот он следил за нами!

- Ну, - протянула тетя. - И что? Теперь вы хотите выследить его, так что ли?

- Нет, нет! – замотала головой девочка. - Не так. Все не так, тетя. Мы просто случайно увидели, как он обронил какую-то бумажку, мы подняли ее и прочитали, и там было написано нечто странное: «Школа квартала Сильвер. Архивы. Мелисса. Файнд-Таун». И вот, мы захотели узнать, что, собственно происходит, и решили проникнуть в архивы школы! – Мелисса умоляюще посмотрела на тетю.

- Улет! – только что и смогла сказать Моника. - Прямо так и было написано?

- Ну да, - подала тихий голос Сара, а Билли закивал головой.

Моника стояла ошарашенная, потом присела на бордюр, и пробормотала:

- Что же это получается такое?!

«Кажется, удалось» - Мелисса бросила многозначительный взгляд Саре.

- Вы меня не обманываете? – строго спросила тетя.

- Нет! Нет! – в один голос ответили все трое.

- Но все равно, - Моника попыталась снова рассердиться. - Все равно, это не дает вам права слоняться по ночам! Могли бы и мне рассказать?! – обиженно добавила она.

- Мы просто не хотели вас впутывать в это, - потупила взор Мелисса.

- Впутывать! Меня! Зараза! Я же твоя тетя! И к тому же сама люблю всякие загадки! – ее взор загорелся. - Ну что мы встали тогда?! Пошли все вместе!

- Вместе? – Мелисса удивленно воззрилась на нее.

- А что? Чем же я хуже вас-то!? – Моника резко встала и распрямила плечи. – Пойдемте, узнаем, почему этот негодяй преследует тебя! Родителям ничего говорить не буду, честное слово!

- Пойдем! - радостно подхватил Билли, компания тети Моник, явно, придала ему уверенности.

Все четверо двинулись в путь. Дорогой они молчали, и когда достигли школьной ограды, то спрятавшись в кустах, стали переговариваться.

- Зайчата, план-то у вас есть? Как мы туда просочимся? Глядите, в холле свет горит, значит, сторож не спит еще! - шепотом сказала Моника.

- Все пучком, - подала голос Сара. - Мы с Билли не раз проворачивали это дело. Правда, Билл? – и она толкнула его в плечо.

- Угу, - без всякого энтузиазма ответил мальчик. - Нам сейчас надо обойти ограду, и перелезть через забор, и мы сразу же окажемся у входа в подвал.

- Так поскакали! – глаза Моник загорелись безудержным огнем.

- Поскакали! – эхом ответила Сара.

Они двинулись вдоль ограды, потом по очереди перемахнули через забор. Небольшой школьный двор тонул в густых зарослях кустарника и прятался под кронами высоких кленов. Пахло ночными травами, и во всю мощь своих голосов пели птицы. Все это смешивалось с острым ощущением опасности и придавало особый оттенок всему происходящему. Наши друзья осторожно стали пробираться сквозь кусты и когда вышли на узкую освещенную фонарем площадку, застыли, прислушиваясь. Было тихо. Они гуськом подошли к красной кирпичной стене и замерли.

Билли молча взял тяжелый навесной замок в руку и стал вертеть его во все стороны, будто бы оценивая.

- Все тот же самый! - презрительно улыбнулся он. Достав из кармана набор отмычек, мальчик стал подбирать их к замку.

Моника и девочки застыли в тревожном ожидании. Мелиссе все время казалось, что вот-вот выйдет сторож и погонится за ними. Или еще чего хуже – поймает. Вот занятная история выйдет! В школу пытались пробраться трое подростков и небезызвестная травница Моника! Мелисса представила себе заголовки местных газет, охочих до микроскопических сенсаций, и последующие пересуды кумушек.

Она взглянула на Моника, казалось, той совершенно все равно поймают их или нет. На ее лице кроме довольства ничего нельзя было прочесть. И, вот, она услышала, как лязнул замок.

- Есть! - прошептал Билли и стал потихоньку открывать недовольно скрипящую дверь. Проходите все друг за другом, я найду последним. Прикрою дверь так, чтобы не было заметно снаружи.

Первой зашла Сара, державшая в руке фонарь, за ней Мелисса и Моника. Они сделали несколько неуверенных шагов и, дождавшись Билли, стали спускаться. Запах сырости и плесени напомнил Мелиссе о ее походе в школьные подземелья. Ее передернуло. Перед глазами пронеслась размытая фигура человека в черном. Но здесь не было того тягостного ощущения, и картинка, возникавшая в ее голове, схлынула обратно во тьму. Тем временем взломщики очутились в подсобном помещении, заваленном хламом, осторожно миновали его и, толкнув незапертую дверь, оказались в конце коридора первого этажа.

Моника не удержалась и прошептала:

- Как давно я тут не была! Никогда не думала, что попаду сюда таким странным образом.
- Тише, тетя, - шикнула на нее Мелисса.
- Молчу, молчу...

Сара и Билли посмотрели на них с укоризной и двинулись дальше. Пройдя всего несколько шагов, они дошли до двери, ведущей в архив.

Она была заперта, Билли снова стал возиться с отмычками. Мелисса напрягла слух, и уловила глухие неясные звуки. Неужели шаги? Черт возьми! Сторож, наверное, проснулся. Но, если бы он услышал их, то сразу бы пришел сюда. Может просто разминает ноги перед сном или бродит от нечего делать? Все напряглись. В большое стрельчатое окно тревожно светила луна. Их обостренных слух улавливал нервное сопение Билли, стрекот кузнечиков за окном и приглушенные звуки возни где-то неподалеку.

- Давай, быстрее, - тихо шикнула Сара. – Слышишь, шагает там наш старый хрыч!
- Да слышу я, погоди, не торопи, - огрызнулся Билли.

Тревожные звуки неожиданно стихли, и аккуратно в этот момент замок поддался. Вся компания проскользнула внутрь. Сара зажгла фонарь, он осветил небольшую комнату, стены которой были заставлены шкафами.

- Опачки! - выдала Моника, - Где мы тут искать будем?

Мелисса окинула взглядом комнатушку и сразу заметила маленький шкаф с табличкой:

«Разное».

- Может здесь? - указала Мелисса в ту сторону. - Все остальные, заметьте, имеют другие названия «Журналы», «Личные дела». Вот этот один выделяется!

- Точно! - кивнула Сара.

Несколько минут им пришлось потратить на то, чтобы осмотреть каждую полку.

Все не то. Не то. Наконец, Мелисса воскликнула:

- Кажется, нашла! - и показала на тоненькую папку, на корешке которой было написано «Ф.-Т.».

Всех четверых охватило ликование.

- Хватаем и убегаем, - радостно выпалила Моника.

- погодите, - вмешалась Мелисса. - Давайте откроем и посмотрим, то ли это? Может Ф.-Т. означает вовсе не Файнд-Таун.

Мелисса открыла обложку, едкая пыль взметнулась вверх, все разом закашлялись. При неверном свете фонаря Мелисса впилась глазами в один из листков, и ее взгляд выхватил слова: «Монах Альтер», «Файнд-Таун», «Бедствие».

- Ага, все в порядке, можно идти, - радостно заключила Мелисса.

- Положите на место и убирайтесь отсюда! - раздался громкий голос у двери.

Сара от неожиданности чуть не выронила фонарь.

- Вы, что оглохли? - голос прозвучал более властно.

Сара шепнула Мелиссе:

- Это не сторож! Это не его голос.

Мелисса выхватила фонарь у Сары и быстрым движением осветила оставшуюся часть помещения. Из тьмы выглянуло полное злобы лицо их старого знакомого Джариса.

Он зажмурился, и скривил губы:

- Черт бы вас побрал! Теперь мне придется по-другому с вами заговорить! - он достал из кармана револьвер. - И не пытайтесь сопротивляться! Ничего не выйдет!

Тут очнулась тетя Моника и с громким криком «Негодяй», кинулась на Джариса. Мелисса успела схватить ее за подол платья, и в этот момент пространство позади мужчины осветилось яркой вспышкой. Он вздрогнул, округлил от ужаса глаза, казалось, он увидел то, что стояло за его спиной! Револьвер с грохотом упал. Джарис лихорадочно задрожал и стал медленно сползать на пол. Сияние все усиливалось и усиливалось, и, вот, оно уже стало почти нестерпимым, нашим друзьям пришлось зажмуриться.

Мелисса почувствовала присутствие кого-то близкого и родного. Но открыть глаза она не смела, а внутри нее говорил чей-то голос: «Не бойся, не бойся, Мелисса!».

Около минуты они простояли с закрытыми глазами. Когда же сияние погасло, Мелисса приоткрыла веки, посветила фонарем в сторону выхода и увидела Джариса, безвольно лежащего на полу.

- Бежим, - она растормошила остальных, которые стояли, как зачарованные. - Бежим, - повторила она еще раз.

Они очнулись и стремглав бросились вон из школы тем же путем, что и пришли.

Глава 46

Утро выдалось жаркое и солнечное. Зной проникал в комнату и облеплял тело. Мелисса проснулась, откинула простыню и с трудом поднялась с кровати. Вчерашняя ночь проснулась в ее сознании, как страшный сон. Искать причину происшедшего уже совсем не хотелось. Именно сейчас ей вдруг показалось, что она стала старше на несколько лет. Тоненькая папка с надписью «Ф.-Т.» лежала на столике около кровати, и от одной

мысли, что ее нужно будет открыть, девочку передернуло.

Умываясь, она слышала, как тетя Моника звенит чашками. Холодная вода освежила Мелиссу, и она уже более уверенно зашагала в гостиную. Тетя сидела на диване и перелистывала газету. Завидев племянницу, она встревожено покачала головой:

- Ну, котенок, втянула ты меня в историю! – она передала ей газету.

Мелисса бросила взгляд на первую полосу: на нее смотрели холодные, злые глаза Джариса, а внизу стояла подпись: «Сенсация! Таинственная смерть Джариса Лестора, одного из крупных чиновников Фэктори».

Мелисса открыла от удивления рот и взглянула на тетю, та кивнула головой и сказала: - Читай, читай дальше!

Мелисса впиалась глазами в строчки:

«Сегодня утром сотрудники полиции были вызваны в школу квартала Сильвер. Прибыв на место происшествия, они обнаружили испуганного и растерянного сторожа, который сообщил им о том, что в архиве школы он обнаружил труп мужчины. В ходе допроса выяснилось, что около часу ночи, сторож, находящийся на посту, вдруг, ощутил сильный удар по голове. По его словам, он очнулся связанным в вестибюле с половой тряпкой во рту. Кто его ударил, он не видел, но успел заметить удаляющийся силуэт мужчины, одежда которого, как выяснилось позже, соответствовала одежде покойного.

Несколько минут сторож пролежал без движения, потом услышал скрип входной двери и приближающиеся шаги. Неожиданно, с собственных слов сторожа, на него «нашла благодать», и он уснул «как боженька в ясельках». А когда очнулся, то уже рассвело, руки его были развязаны, ноги тоже, и клып был вынут изо рта. Сторож вскочил и побежал осматривать помещения, и в замке двери, ведущей в архив, он обнаружил следы взлома, спустившись туда, он нашел мертвое тело мужчины. Как установило следствие, им являлся Джарис Лестор.

Эксперты так и не смогли установить причину смерти, никаких ран и следов от побоев на теле потерпевшего обнаружено не было. Кроме того, сыщики отыскиали следы взлома с внешней стороны двери, ведущей к черному ходу школы.

Полиция взяло дело под особый контроль, Джарис Лестор являлся одним из почетных жителей города, он трудился на благо всем известного Фэктори, и занимал ответственную должность. Не совсем ясно, каким образом Джарис Лестор в столь поздний час оказался в школе Сильвер. Потому мэр Бриф-Коста обращается ко всем жителям города с просьбой всеми силами помочь расследованию».

Мелисса отложила газету и тяжело вздохнула.

Моника почесала лоб:

- Ох, солнце мое, надеюсь, нас никто вчера не видел? Иначе – не отвертимся!

- Да, тетя! – ответила она и задумалась. - Надо скорее прочитать те бумаги и спрятать их от греха подальше.

- Не то слово! - Моника снова нахмурилась. - Жутковато мне как-то. С самого утра боюсь, что к нам нагрянет полиция. Передергивает аж. Да как вспомню еще это свечение яркое. Вот елки-палки-моталки!

- Угу, - Мелисса кивнула, знала бы тетя о том, что она видит его уже в третий раз.

- Знаешь, подружка моя, мне теперь кое-что становится ясно! Твои родители, когда ты родилась стали какими-то странными. Мне всегда казалось, что Хильда вечно что-то не договаривает. И удивлялась я, почему они из Файнд-Тауна не хотят уезжать. Вот теперь, по происшествии стольких лет, всплывает все на поверхность! Только никак не толк не могу втянуть, причем здесь ты! – всплеснула руками Моника.

- Ох, тетя я и сама бы не прочь узнать! Вот приеду домой, и все у них расспрошу! – Ме-

лисса стукнула кулаком по столу. - Я имею право знать правду.

- Вот-вот, солнце мое, потряси их как следует. А теперь пойдем читать то, что мы вчера с таким трудом добыли.

- Пойдем! - уныло ответила Мелисса, которой уже совершенно не хотелось влезать во все эти дела.

Глава 47

Верган Роджерс пролистывал утренние газеты, сидя, как обычно, на балконе. Дом через дорогу от гостиницы был охвачен небывалым возбуждением. Туда-сюда сновали какие-то люди, что-то кричали, говорили.

Он очень устал от городской суеты и сегодня чувствовал себя прескверно. Он посмотрел в окно напротив, тот мужчина, за которым он привык наблюдать, исчез. Ушел ночью и не вернулся. Теперь по его квартире разгуливали чужие люди, они перерывали все подряд, и постоянно кидали острые взгляды на Вергана. Он не отвечал им, но и не отводил взгляда, упорно делая вид, что не замечает их вовсе.

Через некоторое время раздался настойчивый стук в дверь. Верган неспешно встал и пошел открывать. На пороге стоял один из тех, кого он только что видел в квартире напротив.

- Добрый день, полиция. Инспектор Броуди. - учтиво поклонился незнакомцу. - Мне нужно с вами поговорить.

- Добрый день, - Верган мягко улыбнулся. - Конечно, проходите.

Он повел его на балкон, и усадил за стол.

- Вы давно проживаете в этом номере? - инспектор бросил на него внимательный взгляд.

Верган напряг память, она постоянно подводила его, он никак не мог запомнить, как следует держать в уме прожитые дни.

- Мне кажется, около недели, - спокойно произнес он.

В глазах мужчины зажегся заинтересованный огонек.

- Вам всегда видно то, что происходит в квартире напротив? Вы запоминали то, что там происходило? Что там происходило? Расскажите?

Верган снова напряг память и так же спокойно ответил:

- Там жил мужчина. Он постоянно уходил куда-то и возвращался в совершенно разное время. Он сидел частенько в кабинете и писал, вот и все, что я видел.

Полицейский бросил на него оценивающий взгляд:

- Скажите, а вчера вечером, вы заметили что-нибудь странное в его поведении? Кто-нибудь приходил к нему?

Верган задумался:

- Нет, нет, все было, как обычно, он вечером стал собираться, был спокойный и уверенный и ушел. И с тех пор не возвращался.

Полицейский хмыкнул.

- Скажите, а вы были знакомы с этим человеком? Встречались с ним когда-нибудь?

Верган отрицательно покачал головой:

- Нет, конечно, зачем он мне?

Инспектор снова что-то хмыкнул и сделала пометку в блокноте.

- А вы, собственно, приезжий. Для чего же вы здесь, у нас в городе и откуда сами?

Верган улыбнулся:

- Я приехал отдохнуть у моря. А сам я с севера, из К.

- Угу, спасибо, - брякнул полицейский. - На сегодня, я думаю, достаточно того, что мы

узнали от вас. Я очень прошу вас никуда не уезжать из города. Тот мужчина, которого вы каждый день видели один из важных чиновников, и сегодня утром его нашли убитым. Убедительно прошу вас, завтра в час дня прибыть в местный полицейский участок. Мы вас, конечно, ни в чем не подозреваем, но у дома, который прямо через дорогу, будут дежурить наши ребята. Вы понимаете, о чем я?

Верган улыбнулся:

- Конечно, я понимаю, господин инспектор! Не бойтесь, я никуда не исчезну! – он плавно рассек воздух рукой.

Инспектор немного обмяк, на секунду прикрыл глаза, и, поглядев на Вергана лучистыми глазами, нежным голосом пропел:

- Вам совсем не обязательно завтра приходить в участок! Да и нашим ребятам незачем стоять у того дома. Я отменю, отменю все приказы! Прощайте! – он медленно и осторожно попятился к двери, и скрылся за ней.

Верган вздохнул, достал из-под кровати маленький саквояж и стал собирать вещи. Пора в дорогу!

Глава 48

Мелисса открыла папку, покрытую слоем пыли, луч солнца упал на один из пожелтевших от времени листов, и на секунду показалось, что бумага вспыхнула огнем.

- Божечки мои! – вскрикнула Моника и отшатнулась.

- Что вы тетя! – успокоила ее Мелисса. - Это всего лишь солнце!

- Улет! – произнесла ошарашенная женщина, и шумно трянула головой. - Так, так, что тут у нас, - они стали перебирать бумаги. - Воспоминания очевидцев трагедии, петиции, бумаги на монаха Альтера! Ничего не понимаю!

- Тетя, давайте все читать по очереди! – воскликнула Мелисса.

- Ну да, да, давай! – наконец утомилась Моника, - Что у нас тут первое •Отчет о трагедии в Олд-Тауне• Кто писал непонятно вообще, обрывки какие-то!

- Тетя, - снова воскликнула Мелисса. - Да какая разница, давайте уже читать!

Моника послушно опустила глаза на пожелтевший лист бумаги:

• События, которые произошли в нашем городе, воистину ужасны. Я прежде никогда не видел такого страшного хаоса и разброда. Повсюду царит ужас и отчаянье. И везде – смерть. Смерть прошла по улицам, скверам, паркам, закоулкам, затронула каждый дом, каждую душу. Куда бы я ни пошел – везде вижу кровь и мертвые тела. Они смотрят вверх, в самое небо, они убиты стихией, злой, разрушающей и поглощающей все живое. И у меня, и у меня теперь тоже нет дома. Проклятые волны стерли его с лица земли, и погребли под руинами все дорогое моему сердцу. Я нашел на улице среди мусора, листы бумаги и огрызок карандаша, и пишу. Потому, что мне больше не на что уповать. Все, что увидел я, привело меня в ужасное смятение и, кажется, я теряю остатки разума. Это был не шторм, как думают тут все, совсем не шторм, то были злые, темные силы, которые привели морские стихии в движение. Мне чудится, будто я слышу их смех, их ужасный каркающий смех, и вижу их тлетворные темные тела.

И город, весь город, точнее то, что от него осталось, тоже впал в безумие. Люди ходят по улицам и рыдают, они не могут даже нормально похоронить усопших и совсем не хотят возвращаться к жизни.

И еще сегодня этот проходимец монах Альтер, этот негодяй собрал всех на площади, воспользовавшись всеобщей паникой и тем, что наш любимый мэр погиб, и позвал несчастных следовать за ним, куда-то в горы, в какой-то заброшенный город, найденный им.

И ему поверили! Представляете?! Поверили этому плуту и негодяю, этому развратнику и убийце, который не попал на виселицу только из-за того, что имел тесные связи с нашим духовенством.

До чего обезумели люди, что готовы пойти за ним, за воплощением мрака и тьмы! Что сделает он с ними!? Что? Мне даже страшно представить! Они все польстились на те блага, которые он обещал им, на уют, спокойствие и теплый кров, вместо того, чтобы самим начать восстанавливать город!

Но я знаю, есть некоторая часть людей, которая ни за что не пойдет за ним! Ни за что и никогда! За позором нашего города! За этим отвратительным монстром и чудовищем, посланником тьмы*.

«Протокол судебного заседания, речь обвинителя, повествующего о деяниях Альтера Тэйлора, владельца обширных угодий и земель в предместьях Олд-Тауна.

На этих листах изложен характер злодея, и описание его злодеяний.

Альтер Тэйлор, ранее известный как один из уважаемых жителей Олд-Тауна обвиняется в ужасных злодеяниях. В своем родовом поместье он соорудил лабораторию, в которой проводил страшные опыты, используя в качестве материала для своих изысканий – подростков в возрасте 13 лет.

Все мы помним, как в Олд-Тауне в течение года пропадали дети. Начинались страшные пропажи весной и летом, когда юные жители города выпускались на каникулы и резвились свободно. Зимой же и осенью пропажи происходили крайне редко. Родители каждый раз тревожились, когда отпускали своего ребенка за ограду дома.

Целый год город жил в постоянном страхе, пока домой не вернулся весь израненный, измученный и истощенный Петер Джонс, сын плотника. Он рассказал ужасную историю. Весь этот месяц он провел в стенах дома Альтера, вместе с ним там находились другие дети, которые уже год как считались пропавшими. Все они были также измучены опытами, которые ставил над ними Альтер. Он проводил страшные эксперименты в сооруженной им лаборатории, где пытался отделить кусочек души от тела.

Когда к нему пришли представители правосудия, Альтер и не думал прятаться, он стоял с безразличным видом и не выказывал ни капли раскаянья. Пропавших детей обнаружили живыми, все они были расселены по пустым комнатам. Их держали в черном теле и вели за ними настоящий тюремный надзор. Все они рассказали суду о злодеяниях Альтера. По словам пострадавших, Альтер готовил им страшную и неумолимую участь – смерть от его собственной руки*.

«Прошение духовенства об освобождении Альтера.

Достопочтимый градоначальник Олд-Тауна, просим вас освободить Альтера, который ждет смертной казни вот уже 3 года как, находясь в казематах городской тюрьмы. Альтер теперь не простой мирянин, а монах нашего монастыря, он раскаялся в совершенных им злодеяниях и хочет нести в мир добро и любовь. Именно такие люди уже не способны на тяжкий грех, и всю свою жизнь будут творить добро, дабы отчиститься от совершенных преступлений. Доказательства тому видны на лицо, монах Альтер продал все свои обширные угодия, дома и земли, имущество и драгоценности, и отдал все деньги на благие цели, - постройки больниц, школ, и через наш монастырь раздал нуждающимся прихожанам. Такой человек уже не достоин смерти, а – лишь прощения. Поэтому просим вас освободить его*.

«Безумный город, если бы я мог напомнить вам о тех преступлениях, что совершил Альтер, то вы бы растерзали его в клочья. Но, вы все, все поголовно обезумели, темная сила, которая воцарилась в руинах нашего города, лишила вас разума окончательно. Черт

возьми! Я знаю, знаю, зачем монах Альтер отправился в долгое путешествие, вовсе не для того, чтобы найти место для монастыря. Нет, нет! Он просто хотел найти новую цитадель для совершения своих злодеяний. Настоятель охотно дал бы ему средства для строительства, и охотно поддержал бы его во всех его начинаниях, ибо он сам редкий мерзавец! Откуда я все это знаю, спросите вы? Откуда!? Не так давно, несколько месяцев назад, я расписывал фрески в храме, что подле резиденции духовников, и, однажды, остался ночевать там. Об этом никто не знал. И после полуночи, в храм пришли для «духовной беседы» лидер нашего духовенства и его прихвостень. Слышали бы вы, с каким упоением они обсуждали поход Альтера, и с каким нетерпением ждали они весточки от него. Все тогда во мне перевернулось. И я вот уже несколько месяцев вынашивал планы, как остановить их. И как хорошо, что шторм уничтожил резиденцию духовенства, и настоятеля вместе с ним. Но, Альтер-то, он же никуда не делся, и вот теперь он поведет во тьму, во мрак всех наших горожан. Он сущий дьявол!

Нас, тех, кто отказался следовать за ним, всего-то около 50 человек, но мы уже ощущаем на себе его давление, даже в полуразрушенном городе, он умудряется лишать нас всего, что может продлить нашу жизнь. Да, он не любит слушников. Не любит! Послезавтра мы двинемся в путь, в сторону Бриф-Коста, и очень надеемся на то, что начнем новую жизнь и сможем преодолеть этот длинный и тяжелый путь. И пусть, тем несчастным, что пойдут за Альтером, пусть им будет не так тяжело, когда они узнают правду о том, куда и зачем ведет он их.

- Вот так дела! – тетя Моника сняла очки и протерла глаза. - Вот вам и монах Альтер, которого считают святым в Файнд-Тауне! А ведь все, все до одного в этом городишке верят в то, что он святой, и что День Обретения – великий праздник. Да что говорить-то! Они же живут этим поклонением городу! Несчастные!

- Ох, тетя, это кошмар какой-то! – в ужасе проговорила Мелисса. - Получается, что мы каждый год поклоняемся отъявленному злодею! Не зря я всегда не любила этот дурацкий праздник и смеялась над ним! А нам внушают, что нет ничего более святого, чем День Обретения, болтают о единении, о чистых белых одеждах, черт возьми, а это всего-то лишь ширма и обман! И за всем этим скрывается нечто темное и отвратительное! Фу! Как я теперь буду жить там, зная все это?! – Мелисса скорчилась от отвращения и задумалась. - Но, тетя, в Файнд-Тауне-то ничего необычного не происходит! Никаких зверств! Ничего такого, о чем говорит анонимный свидетель!

- Уф..., - Моника почесала затылок. - Не знаю! Не знаю! Все это до одури странно! И я до сих пор понять не могу, зачем Джарис следил за тобой, и почему именно ты должна узнать нечто о Файнд-Тауне! Мне кажется, как только ты вернешься домой, тебе сразу же надо будет поговорить с родителями, рассказать им правду и уговорить их бежать из этого проклятого места!

- Да, тетя! Я тоже так считаю! И я сделаю это! Мне и так там жутко скучно всегда было, но теперь я ненавижу его вдвое больше! – воскликнула девочка.

- Правильно, котик мой, и я тоже на твою маму постараюсь повлиять! А сейчас мне кажется, нам нужно спрятать эти документы от греха подальше и забыть всю эту историю, как страшный сон. Тем более, что твоего преследователя уже нет в живых, и можно смело ставить точку во всем этом! – подвела итог Моника.

- Да, да, вы правы, - рассеяно ответила Мелисса, и сразу же вспомнила то, о чем не знает тетя: о голосах, преследовавших ее в подвалах школы, о кошмарах, о нападении в лесу, о духе Бренды, который говорил с ней, о Грее, который тоже был из Файнд-Тауна. Конеч ли это? Неужто, смерть Джариса поставила точку? Ей совсем не хотелось об этом думать, но она испытала небывалое облегчение именно сейчас, как будто часть пути уже прой-

дена и теперь можно спокойно отдохнуть. Да, тетя права! Она придет в Файнд-Таун, расскажет обо всем родителям и попросит их уехать. Вот и все! И к черту всех призраков! Мелисса обрадовалась и впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности.

Глава 49

Виктор узнал о смерти Джариса от мальчишки-продавца газет. Он сразу вспомнил о Мелиссе. Внутренним чутьем он понял, что это не случайно. Он сидел на полу своей лачуги и смотрел на море, переливающееся внизу. Краем уха он услышал шаги, кто-то тихо и неспешно шел по сухой, колючей траве. Виктор догадался, что это к нему. Но он не стал выходить, а продолжал смотреть на море. Через несколько секунд на пороге появился силуэт мужчины, залитый светом. Виктор зажмурился, чтобы разглядеть гостя, но тот подал голос, и поэт сразу узнал его:

- Доброго вам дня, Виктор! Это Верган! Можно ли зайти?!

- Да, конечно, - улыбнулся Виктор - он так долго ждал этой встречи!

Верган зашел, чуть наклоняясь - потолок был слишком низок для него. Он сел рядом с Виктором, и тот тихо спросил:

- Быть может, вы хотите чаю или кофе?

- Нет, нет, спасибо, я недавно пил в гостинице! - он резко замолчал.

Виктор ощутил, как от Вергана исходят волны тепла и света, и его присутствие здесь не показалось ему странным. Некоторое время они молчали и смотрели на море, и, наконец, Верган произнес:

- Виктор, я пришел попрощаться! Я уезжаю. Но я думаю, мы с вами еще увидимся!

Виктор глянул на него и кивнул:

- Мне почему-то тоже так кажется!

- Вы знаете, - продолжил Верган, - я хочу сейчас открыть вам свое настоящее имя, и очень хочу, чтобы вы не забывали его. Когда вам будет плохо или грустно, просто принесите его, и вам сразу станет легче!

Виктор улыбнулся:

- Спасибо.

- Меня зовут Вергилиан, но, здесь, в миру, я называю себя Верган!

- В миру? - переспросил мужчина.

- Да, в миру, - улыбнулся Вергилиан.

- Мне кажется, я понимаю Вас, - тихо отозвался Виктор.

- Спасибо, - кивнул головой Вергилиан и начал подниматься. - Прощайте же! Ваши стихи будут живы вечно, ибо они истинны! И они всегда звучат в моей душе!

Виктор тоже встал и безмолвно пожал его руку, ему совсем не хотелось, чтобы Вергилиан уходил. И он спросил напоследок:

- Скажите, Вергилиан, а вы как-то связаны с одной девочкой, по имени Мелисса?

Вергилиан обернулся и широко улыбнулся:

- Я связан с ней напрямую, Виктор! Через некоторое время я дам о себе знать! - и он скрылся из виду.

Виктор снова сел на пол, оглядел свое жилище, и ему показалось, что оно все насквозь пропитано светом.

Мелисса возвращалась домой из Бриф-Коста. Чем ближе она подъезжала к родному городу, тем крепче тосковала по уходящему лету. Единственную радость ей доставляла мысль о том, что она вот-вот увидит родителей. Неприятные события, которые выпали на первые дни каникул, благополучно забылись. Шумиха вокруг смерти Джариса улеглась, и кошмары больше не мучили ее. Оставшуюся часть лета она провела более чем весело.

Опасные приключения сплотили их: ее, Сару, тетю Монику, Виктора и Билли. Почти все свободное время они проводили вместе: гуляли, выходили на лодке в море, ловили рыбу, гостили у Виктора. Тот менялся с каждым днем: тоска постепенно отпускала его из своих цепких лап, он стал реже прикладываться к бутылке и почти не заглядывал в кабаки. Стихи, которые он теперь писал, делались все светлее и жизнерадостнее, и даже Сара, наконец, признала его талант и перестала хихикать над восхищенной Мелиссой. Словом, все были бесконечно довольны друг другом.

Выехала же Мелисса из Бриф-Коста гораздо позже, чем предполагала: по какой-то странной причине Эльза и Хеттер не смогли к сроку прибыть в город, о чем уведомили тетю Монику в короткой записке, переданной через незнакомца. Моника, конечно, долго бранилась, проклиная на чем свет стоит «злосчастный городишко», и не без труда нашла человека, который согласился отвезти племянницу обратно. Им оказался Феликс, муж аптекарши Анны, именно он решился проделать столь долгий путь до Файнд-Тауна. Добрались они без приключений: тихо и спокойно. Сердечно распрощавшись с Феликсом, Мелисса взяла свою нехитрую поклажу и отправилась по знакомой пыльной дороге к родному дому. Феликс же поехал обратно, хотя Мелисса и уговаривала его остаться у них, чтобы немного передохнуть, но тот и слышать об этом не хотел.

«Нет, Мелисса», - говорил он. - «Мне отдыхать нельзя, а то я расслаблюсь и останусь у вас надолго, а потом Анна мне голову-то и открутит».

Мелисса неспешно шла по дороге и посмеивалась над добродушным Феликсом, который больше всего на свете боялся свою жену. Настроение ее было отличным. Она напевала незатейливую песенку и глядела по сторонам. Все осталось на своих местах будто бы она и не уезжала: только трава в поле из зеленой превратилась в желтую: выгорела под знойным летним солнцем; листва на деревьях тоже поменяла свой цвет: все больше красных и коричневых листьев теперь влетало в могучие кроны.

Из-за гор дул не жаркий обжигающий ветер, а прохладный и бодрящий. Мелисса почти забыла о том, что узнала о своем родном городе - о его подлинной, зловещей истории. Теперь все это казалось таким далеким, туманным и размытым, словно страшный сон. Ах, завтра же в школу! И мадам Грегория потребует гимн ко Дню Обретения! А она даже и не бралась за него! Да и как она теперь напишет хвалебные слова монаху Альтеру, когда она уже знает о его злодеяниях?! Мелиссе передернуло. Да пусть мадам Грегория злится! Нет, она не выдавит из себя ни одной фальшивой строчки, в конце концов, за это ее не убьют и из школы не выгонят. А к 14 октября, к тому «самому важному в ее жизни Дню Обретения», она сочинит такой гимн, что у всех на площади волосы дыбом встанут. Да, да, да, она откроет им всю правду! Правда, в таком случае ей с родителями придется уехать отсюда, но ничего страшного! Давно уже пора. Да! Она напишет всю правду! Она резко остановилась и хлопнула себя по лбу! Так вот оно что! Вот каким образом ее литературные способности связаны с теми загадочными событиями, которые

происходили в начале лета! Возможно, нечто пыталось помешать ей дознаться правды! Конечно, ведь узнав ее, она непроизвольно захотела написать об этом и рассказать всему городу! Вот оно что! И как она раньше не догадалась! Конечно, нужно посоветоваться с родителями. Быть может, не стоит никого обличать, а попросту следует уехать отсюда?! Вдохновленная подобными предположениями, Мелисса уверенно зашагала к дому. Она подошла к калитке и с удивлением обнаружила, что сад находится в крайне запущенном состоянии. Сорная трава разрослась вдоль газонов, любимые цветы Хильды завяли, а деревья, ветки которых Артур обычно обрезал, стояли нетронутые и походили на те, что растут в лесу. Мелисса толкнула калитку, та предательски скрипнула. Как же так?! Удивлению ее не было предела: они и петли не смазывают теперь? Мелисса осторожно поставила вещи у забора и, тихо ступая по заросшей тропинке, подошла к двери. Она прислушалась к дому. Тишина. Зловещая тишина. Неужели родителей нет дома? Куда же они делись?

Мелисса толкнула входную дверь. Закрыто. А ключ! Ключ-то она не брала с собой! Куда же они пропали?! Она озиралась по сторонам и никак не могла понять, что же ей делать дальше. Неожиданно, скрипнула калитка. Мелисса вздрогнула, сердце забило сильнее: может это родители вернулись? Она выскочила во двор и увидела Вернанда. Он, слегка прихрамывая, шел к ней. Она закричала от радости:

- Вернанд, привет! Где же родители?!

Она кинулась к нему и что было сил обняла.

- Девочка моя, здравствуй! Ты только приехала? – заботливо осведомился он и погладил ее по голове.

Мелисса отстранилась и внимательно оглядела его с ног до головы. Казалось, что за лето лесничий сильно постарел. Он сутулился больше прежнего, весь поник и осунулся, а морщины на его загорелом лице стали глубже. Мелиссе заметила, что за спиной у него висел большой, походный рюкзак, который он с видимым трудом снял и поставил на землю.

- Уф, - Вернанд вытер ладонью лоб. - Устал я немного, девочка моя.

Мелисса прикусила губу и осторожно повторила свой вопрос:

- Милый Вернанд, а где же родители?

Лесничий продолжал сконфуженно улыбаться и снова не дал внятного ответа:

- Пойдем-ка в дом, девочка! Я принес много вкусной еды и твой любимый чай.

Мелисса нахмурилась, ей стало не по себе. Она пристально посмотрела на Вернанда, а тот, в свою очередь, отвел глаза в сторону. И Мелисса едва сдерживая слезы произнесла:

- Вернанд, я уже не маленькая! Пожалуйста, скажи мне прямо сейчас, - где мои родители?

Лесничий тяжело вздохнул и присел на камень, Мелисса так и осталась стоять, пристально глядя на него.

- Мелисса, - он вытащил маленькую папироску и закурил, лицо его на несколько секунд утонуло в клубах сизого дыма. - С твоими родителями все в порядке, - он выдержал небольшую паузу.

Мелисса облегченно вздохнула, но тревога до конца не рассеялась, она молчала, продолжая пристально всматриваться в своего друга.

- Просто они, - продолжил он. - Немного приболели.

- Как? – воскликнула девочка и всплеснула руками. - Как приболели? Оба? И чем? Они простудились?

- Нет, - покачал головой Вернанд и тяжело вздохнул. - Они..., - он запнулся. - Немного

не в себе...

- Что значит немного не в себе? - задрожала Мелисса.

- Ну, немного лишились рассудка, - он снова замолчал и сделал большую затяжку.

Мелисса стояла, как громом пораженная, ей показалось, что страшные события, которые начались три месяца назад, снова затягивают ее в свою воронку. Голова шла кругом от таких новостей. Она с трудом выдавила из себя:

- Когда это произошло? Где они?

Вернанд взял ее за руку, и начал говорить уже более уверенно:

- Это произошло буквально через несколько дней после того, как ты уехала. Их словно подменили. Они никого не узнают, все время молчат, и только бродят туда-сюда. Вот и все. Это заметили те, кто приходил в лечебницу за лекарствами, и рассказали мэру Рэвелу, а тот, не долго думая, запер их в клинике. За ними наблюдает новый лекарь, выписанный из Бриф-Коста, - печально закончил Вернанд.

Воцарилась гробовая тишина. Слышно было только, как под крышей уныло пищит какая-то птица. Поднялся сильный ветер, и ветви деревьев с силой ударили в ставни. Мелисса молчала, но ей хотелось громко кричать, и она с большим трудом сдерживала себя. Сейчас нужно быть сильной, нужно!

Вернанд крепче сжал ее руку и добавил:

- Пока их не было, я следил за домом. А утром собрал вещички и напрямик сюда направился. Пока они не придут в себя, я буду жить с тобой.

- Спасибо огромное, Вернанд, - прохрипела девочка, и, когда ее голос обрел былую твердость, заявила: - Я хочу сегодня же пойти к ним и поговорить с этим новым лекарем.

Вернанд вздрогнул, хотел было что-то сказать, но осекся и, вставая с камня, произнес:

- Правильно, девочка моя, сегодня же навестим их. Только ты сначала приведи себя в порядок с дороги, а я пока разогрею еду. Тебе обязательно нужно подкрепиться.

Мелисса ничего не ответила и только кивнула головой. Теперь ей стало понятно, почему родители не ответили ни на одно ее письмо из Бриф-Коста.

«Чертов Файнд-Таун» - подумала она. - «Я нисколько не удивлюсь, если окажется, что их безумие как-то связано с этим унылым городишкой».

Глава 2

По дороге, ведущей в город, они шли молча. Вернанд, как и Мелисса, был погружен в тягостные размышления. Девочка про себя сказала ему «спасибо» за то, что он повел ее окраиной Файнд-Тауна, его большими заброшенными пустырями. Ей совершенно не хотелось проходить через весь город, не хотелось видеть его сонных, чванливых обитателей.

Наконец, они добрались до лечебницы. Одноэтажная постройка белого цвета тонула в буйных зеленых зарослях. Сердце Мелиссы дрогнуло, сколько раз она приходила сюда к родителям! А теперь, здесь уже другие хозяева!

Они подошли к небольшой железной двери, Вернанд поднял тяжелое кольцо и постучал несколько раз.

- Доктор Льюис, новый лекарь, - как бы, между прочим, заметил он. - Живет здесь же.

Мелисса вздохнула. Через несколько минут послышались медленные шаркающие шаги, дверь открылась, и на пороге возник высокий толстый мужчина с заспанными глазами, одетый в грязный засаленный халат.

Мелисса безглаголиво поморщилась. И это новый лекарь! Фу! Она вспомнила отца, который всегда был бодр и сосредоточен, и халат его всегда сиял белизной.

Льюис лениво посмотрел на посетителей и, еле ворочая языком, произнес:

- А, это снова вы, Вернанд, а, это должно быть их девочка?

- Да, - сухо ответил лесничий. - Она хотела бы повидаться с родителями и поговорить с вами.

Доктор бросил на Мелиссу мимолетный взгляд и, состроив скорбную мину, ответил:

- Боюсь, это невозможно, девочка, тебе сейчас лучше их не видеть.

Мелисса вскипела. Этот индюк начал ее раздражать.

- Это еще почему? - громко сказала она и сделала решительный шаг вперед. - Я требую, чтобы вы пустили меня к ним!

Доктор зевнул и покачал головой:

- Нет!

- Что значит нет? - в глазах девочки зажглись недобрые огоньки. - Немедленно пропустите меня внутрь, иначе, - она осеклась, не зная, что сказать дальше.

В тот самый момент, она заметила в глазах лекаря недоумение, смешанное со страхом, Вернанд же вздрогнул и удивленно глянул на Мелиссу. Атмосфера накалилась. Льюис, между тем, попятился назад и недовольно пробурчал:

- Хорошо, хорошо, не будем ссориться - он немного отодвинулся, пропуская их вперед.

Мелисса решительно прошла в коридор, который теперь выглядел донельзя запущенным. Окна были наглухо задернуты грязными шторками, а в углах клубилась пыль. Мелисса скривилась, вспомнив о том, какую чистоту родители поддерживали здесь.

- Чем они больны? - грозно спросила Мелисса.

Доктор протер глаза, снова зевнул и лениво ответил:

- Я никак не могу определить, девочка. Никак, - он развел руками. - Какая-то абсолютно новая форма безумия.

- Это все, что вы мне можете сказать? - тон Мелиссы стал еще резче.

- Да, - без всяких эмоций ответил Льюис.

Мелиссе страстно захотелось наброситься на этого лентяя и отдубасить его, как следует. Она очень пожалела о том, что рядом нет тети Моника, которая устроила бы грандиозный скандал, после чего сомнительных достоинств докторишка, тут же, сломя голову, умчался бы обратно в Бриф-Кост.

Тем временем Льюис взял связку ключей и молча пошел по коридору, Мелисса и Вернанд последовали за ним. Он остановился около одной из многочисленных дверей и отпер ее.

- Милости прошу! - бесцветным голосом произнес он.

- Я подожду тебя здесь, - грустно сказал Вернанд и отвернулся.

Мелисса заметила в его глазах набегающие слезы. Она, собрав всю волю в кулак, сделала шаг в палату и сразу же увидела родителей. Хильда и Артур сидели на разных койках друг напротив друга и, не отрываясь, смотрели вникуда. Они походили на застывшие каменные изваяния. Мелиссе стало безумно страшно. Она прикрыла дверь и сделала несколько нетвердых шагов. Родители не заметили ее появления. Тогда она, набравшись смелости, подошла к матери, взглянула в ее лицо и отшатнулась. Глаза женщины не выражали ровным счетом ничего, они были пусты, совершенно пусты, губы - плотно сжаты, а брови чуть нахмурены. Ее лицо напоминало маску - маску тупого безразличия.

Мелисса дернула ее за рукав и тихо произнесла:

- Мама! Мама, это я Мелисса!

Хильда медленно повернула голову и посмотрела куда-то мимо нее, ничего не ответив.

- Мама, - со слезами в голосе повторила Мелисса.

Женщина на несколько секунд задержала на ней взгляд, а потом медленно встала и подошла к окну, и снова застыла, как изваяние.

Тогда Мелисса подошла к отцу. Выражение его лица один в один повторяло выражение лица матери.

- Папа, - шепотом сказала девочка.

Артур сделал то же самое: повернул к ней голову, а потом резко встал и тоже отошел к окну. Так и стояли они оба, прямые, как жерди, и неподвижные, как статуи.

Мелисса развернулась и уныло пошла обратно. Сердце ее разрывалось от боли. Она, что есть силы прикусила губу, чтобы не разреветься.

Когда она вышла из палаты, то увидела Вернанда, он вытирал уголки глаз носовым платком. Льюиса поблизости не было.

- Что делать, Вернанд? Они придут в себя? А? Скажи? Как их лечить? Скажи? Нужно найти другого лекаря, этот шарлатан какой-то, - дрожащим голосом говорила Мелисса, держа за голову.

- Пойдем отсюда, девочка, - Вернанд взял ее за руку и потащил к выходу.

По пути им встретился доктор Льюис, который хотел что-то сказать, но Вернанд повелительным жестом отстранил его, и они быстро вышли на улицу.

Лесничий заговорил только тогда, когда они отошли на достаточное расстояние от лечебницы.

- Мелисса, - начал он. - Я тебя очень прошу, давай сейчас не будем обсуждать эту тему. Я отвечу на все твои вопросы, когда мы дойдем до дома.

Мелисса пожала плечами, теперь ей было абсолютно все равно. Она шла, стараясь сдерживать слезы, которые то и дело подкатывали к глазам.

А Вернанд, между тем, ускорил шаг. Он почти бежал, оглядываясь назад, так будто кто-то гнался за ними.

Когда они дошли до дома, его чудачества продолжились. Прежде чем произнести хотя бы слово, он зачем-то обошел все комнаты, заглядывая под кровати и открывая дверцы шкафов.

Мелисса сидела в мамином кресле и уже ничему не удивлялась. То, что она увидела в лечебнице, причиняло ей невероятную, невыносимую боль, которую она никак не могла унять. Наконец, лесничий сел напротив, закурил трубку и произнес:

- Вот теперь можно говорить!

- Что все это значит? - спросила она.

- Ох, Мелисса, я не знаю, как тебе объяснить, не знаю, - на его лице отразилась мука. - Никакой лекарь твоим родителям не поможет!

- Как? - вскрикнула девочка. - Почему не поможет? Неужели вы верите этому шарлатану?!

- Конечно я ему не верю, девочка моя! Я даже сомневаюсь в том, что он действительно лекарь! Я больше чем уверен, что мэр Рэвел специально выбрал именно его!

- Но зачем ему это нужно? Я не понимаю! Ведь помимо моих родителей, в городе много других людей, которым так или иначе понадобится помощь?

- Мелисса, - Вернанд устало вздохнул. - Ты многого не знаешь об этом городе и о том, кто правит им!

Мелисса криво усмехнулась:

- Вам только так кажется, дорогой Вернанд! На самом деле я знаю гораздо больше, чем вы предполагаете.

Вернанд насторожился:

- Что ты имеешь в виду?

- Многое, - Мелисса напустила на себя таинственный вид, потом несколько секунд помолчала и выдала Вернанду все, что узнала из записей, найденных в архиве школы.

Чем больше она рассказывала, тем сильнее преображалось лицо лесничего: страх сменился радостью, а затем и удивлением.

- Можно узнать, Мелисса, откуда тебе это стало известно? Неужели родители рассказали? - его голос выдавал волнение.

- Нет, Вернанд, я узнала это вовсе не от них! Я вам расскажу все в подробностях, но сначала объясните мне, какое отношение весь этот ужас имеет к болезни родителей? Ведь имеет же!

Вернанд задумался и начал нервно барабанить пальцами по столу.

- Знаешь, Мелисса, я пока не могу сказать тебе всей правды, - он взял ее за руку и тихонько пожал. - Я просто хочу, чтобы ты мне поверила! Вылечить родителей сможешь только ты.

- Ох! - Мелисса нахмурилась и вздохнула. Снова эти темные намеки! Когда же все прояснится?! Неужели болезнь родителей следствие тех июньских событий?

Вернанд вздохнул и почесал затылок, потом нерешительно ответил:

- Я здесь для того, чтобы указать тебе путь, как именно можно их вылечить. Но я не могу сказать все сразу. Я просто буду направлять тебя. Ни о чем не думай и доверься мне. Вот и все. Дело нам предстоит крайне трудное. А теперь Расскажи мне, пожалуйста, откуда ты получила эти сведения о Файнд-Тауне?

Мелисса задумалась. В голове ее отчетливо выстроилась вся цепь событий. Теперь девочка уже была твердо уверена в том, что именно она должна сыграть какую-то важную роль во всей этой проклятой истории, связанной с Файнд-Тауном. И Вернанд, кажется, знает многое, очень многое, но пока явно не собирается ничего рассказывать.

Ладно, что толку теперь молчать! И она выдала ему все с самого начала и до конца. Когда она закончила свой рассказ, то Вернанд облегченно вздохнул и с трудом выдавил из себя:

- Какое счастье Мелисса, что ты все выдержала. И он, он постоянно помогал тебе!

- Кто он? - осторожно спросила Мелисса. - Вы его знаете? Того человека, который три раза спас мне жизнь?

- Конечно знаю, - глаза Вернанда потеплели. - Я знаю его уже давно, он и мне в свое время спас жизнь. А вот, кто он, я пока тебе сказать не могу.

- Ладно, - махнула рукой Мелисса. - Сейчас это мне уже не очень интересно. Но если он такой сильный и добрый, то почему он не может прийти сюда и спасти моих родителей! - вскричала она.

- Ему нельзя теперь находиться здесь, - печально улыбнулся Вернанд. - Только не спрашивай меня, почему! Придет время, и ты познакомишься с ним! Он тебя отыщет.

- Ох, как все запутанно и туманно, черт возьми, - выругалась Мелисса. - Вы же все знаете! Знаете и молчите! Почему?

- Мелисса, поверь мне, - Вернанд резко встал и возбужденно прошелся по комнате. - Я не могу пока тебе ничего сказать! Это все испортит! Я буду направлять тебя, ну а потом ты сама все узнаешь.

- Что испортит? - спросила Мелисса.

- А? - не понял ее Вернанд.

- Вы сказали, это все испортит! Что все?

- Борьбу! - коротко ответил лесничий и сразу же добавил: - Только не спрашивай, какую! Долгую, изнурительную борьбу, к которой ты имеешь непосредственное отношение!

Мелисса вздохнула. Так она и думала! Ладно, она будет бороться. И родители придут в себя. И она уедет прочь отсюда. И тут ей в голову пришла одна мысль, и она поспешила озвучить ее:

- Вернад, вы сказали, что он спас и вам жизнь. Вы об этом хотя бы можете рассказать мне?

Лесничий, немного подумав, ответил:

- Да, милая девочка, об этом я могу рассказать тебе. Приготовься! Это будет длинная история.

Глава 3

- Давным-давно, в ту пору, когда я еще был молодым, я жил не в этой ветхой сторожке, которую ты так хорошо знаешь, Мелисса, а - в самом сердце Файнд-Тауна. Родители мои держали булочную на углу, в том доме, где сейчас находится аптека.

Моя семья жила на тихой, спокойной улице неподалеку от центра. В детстве я, как и все остальные, с радостью, благоговением и тайным трепетом встречал День Обретения. До сих пор помню, какая торжественная атмосфера воцарялась в нашем доме перед праздником! Мать тщательно готовилась к торжеству. Вытаскивала из шкафа наши белые одежды, бережно стирала их, сушила на ярком солнце, а потом долго разглаживала каждый кусочек ткани. Ее приготовления казались мне очень важными и возбуждали неподдельное волнение. Отец же приносил из булочной огромный яблочный пирог, покупал дорогое вино и всякие вкусности, которые выписывал из Бриф-Коста. В эти предпраздничные вечера мы садились за красиво сервированный стол, покрытый белой скатертью, и ужинали с великой торжественностью и размеренностью, как на великосветском приеме. А потом рано ложились спать, чтобы встать на следующий день свежими, бодрыми и полными сил.

Утром, облачившись в праздничные одежды, мы встречались с нашими соседями - семьей Бекетов и, скованные единым трепетным духом, вливались в общую толпу, совершавшую шествие по проспекту. Я шел рядом с Бетти, бывшей в то время моей лучшей подругой. Она была прелестным созданием: белокурая, с таким простым, открытым, озорным лицом. Любила она пошалить. Одевалась всегда в мальчишескую одежду, чтобы удобнее было лазить по деревьям. Но в День Обретения она была похожа на Ангела, сошедшего с неба. Рука об руку шагали мы, чинные и спокойные, и хранили важный вид. Таким был для нас этот праздник.

Шло время, я поступил в школу, но мы продолжали с Бетти дружить. И вот уже, будучи в последнем классе, я вдруг понял, что люблю ее. Я испугался, стал избегать ее, но она сама вывела меня на разговор и призналась в ответном чувстве. Что-то новое появилось между нами, теперь наши прогулки по знакомым местам казались совсем другими. Мы бродили, взявшись за руки, не смея глядеть друг другу в глаза.

Так прошло целое лето, пока не наступил очередной День Обретения, к которому я готовился больше, чем прежде, ибо хотел сделать Бетти предложение. Все шло своим чередом, мы, как всегда, направлялись к площади, но она смотрела на меня уже по-другому: с особым выражением затаенной радости и предвкушением скорого счастья. Она догадывалась, что я хочу предложить ей руку и сердце.

И вот начался обряд, где юноши предлагали девушкам женитьбу. Первым вышел Рэвел, сын тогдашнего мэра, и как ты понимаешь, наш нынешний мэр, и к моему ужасу сделал предложение Бетти! Толпа взволнованно застыла! Как же?! Как же?! Сын самого мэра! Да разве ж возможна такая удача для простой девушки! Но Бетти швырнула ему венок

из ромашек, что, как ты помнишь, означает отказ! В толпе вопреки заведенному обычаю и, возможно, впервые за 300 лет раздался недоуменный возглас.

Рэвел весь сжался, опустил плечи и метнул острый, злобный взгляд на Бетти. А потом вышел я, толпа еще не отошла от необычного происшествия, над площадью царило гробовое, тяжелое молчание. Я тихо и просто сказал: «Бетти», толпа снова вздрогнула и все усталились на нее, она же, гордо распрямив плечи, подняв голову и широко улыбаясь, твердой походкой пошла ко мне и поднялась на подмостки.

Вернанд кашлянул и замолчал. Мелисса еще никогда не видела его таким, он будто помолодел: лицо разгладилось, а в глазах появилась искренняя радость.

- А потом, - он вздохнул и с трудом стал подбирать слова: - А потом, потом, все стало происходить так быстро и стремительно. Город наводнили слухи о том, что мы с Бетти посягнули на его священные устои. Хотя мы насколько не нарушили ритуала. Напротив, весь обряд был проведен, согласно строгим правилам. Но жителей Файнд-Тауна это не волновало. В булочную к моим родителем уже не заглядывали покупатели, а столлярная мастерская семьи Бетти перестала приносить доходы. Перед самой свадьбой я пришел к ней, и увидел ее заплаканное лицо. Она передала мне записку, и попросила, чтобы я больше не тревожил ее. В записке было сказано, что мэр приходил к ее родителям и намекнул: если ваша дочь не выйдет за Рэвела, то спокойной жизни придет конец! Их мастерскую вообще закроют, а дочь и ее жених никогда не смогут найти работу. Мэр в разговоре с родителями Бетти делал упор на то, что своим поступком она бросила тень на честь города, нанесла смертельное оскорбление его сыну на Дне Обретения и подорвала основы жизни Файнд-Тауна. Далее, Бетти писала, что ей придется выйти за Рэвела, иначе ее родителей ждет нищета, осуждение и позор! Я пытался, пытался достучаться до нее, говорил о том, что мы можем бежать из города, и наши родители тоже могут уехать вместе с нами, если мы уговорим их! Но все тщетно! Она и слушать не хотела. Давно это было, милая Мелисса, и скажу я тебе, что разбитое сердце я кое-как пережил, но того, что последовало за этим.... Буквально через месяц после того, как Бетти распрощалась со мной, мэр объявил внеочередной День Обретения! Ты только представь! Жителям сообщили: они должны поверить в то, что на дворе не середина декабря, а – октябрь. И все, все, как бараны, стали покорно готовиться к празднику, раз надо - так надо! И вот, на новом Дне Обретения Рэвел сделал предложение Бетти, и она согласилась! Конечно, все же должно быть по правилам! Скажу тебе без утайки, я долго страдал. Бетти с тех пор не встречал, она переехала жить в резиденцию мэра. А когда настал очередной День Обретения, я не пошел на него, и на следующий тоже не пошел. Недолго я ждал возмездия, как-то поутру ко мне пришли люди из мэрии, заявили, что я нарушаю устоявшийся порядок, подрываю основы жизни города, посягаю на святые заветы самого монаха Альтера. И меня выслали в мое теперешнее жилище, скромную хижину в чаще леса.

Я оказался отрезанным от всего мира, оказался никому не нужным, выброшенным за ненадобностью на помойку. Мои родители отказались от меня. День Обретения был для них важнее и дороже сына. Ты представь себе, Мелисса, они посчитали, что я предал их! Предал! Из-за того, что я открыто пошел против Дня Обретения! Они назвали меня неблагодарным сыном и заявили, что теперь видеть меня не хотят. И вот, в один из дождливых и страшно-госкливых дней я ощутил такое непереносимое, безутешное одиночество, что решил свести счеты с жизнью. Я захватил прочную веревку и вышел в лес. Благо, деревьев много, и найти ветку, подходящую под мой рост, не так уж и трудно! Когда я уже собирался просунуть голову в петлю, появился он, Вергилиан! Да, его так зовут! Сначала я увидел тихое свечение и решил, что схожу с ума. Любопытство взяло

верх, и я подумал на несколько минут отложить самоубийство. Я прыгнул с бревна на землю, и стал вглядываться в свечение, которое приближалось ко мне все быстрее и быстрее. Нет, мне совсем не было страшно! Наоборот, я ощущал какую-то безграничную радость и вдруг понял: то, что я вижу – это не обман расстроенного сознания. Свечение приняло облик человека – молодого мужчины, в пронзительных глазах которого, казалось, отражалось небо. Он назвал меня по имени и стал убеждать не совершать этого страшного поступка. Слово за слово, и мы разговорились. С тех пор Вергилиан стал моим другом. Он частенько заходил ко мне. От него я узнал правду о городе.

Вернанд закончил и тяжело вздохнул. Все его прошлое пронеслось перед ним в стремительном кружении.

Мелиссе стало жаль его. Его история напомнила ей трагическую любовь Виктора и разбитое сердце тети Моники. Да, юность таит в себе страшные опасности! Как странно, значит, Беатрис и Вернанд ровесники! А он-то выглядит почти стариком! Сильно жизнь потрепала его!

Да, не зря она недолюбливала этого хмыря Рэвела! И всегда удивлялась тому, почему такая красивая и умная женщина, как Беатрис, вышла за него! Черт возьми, ну теперь-то ей точно никто не помешает написать истинную историю города и огласить ее на весь свет. Так она отомстит за всех – за себя, за родителей, за Вернанда и за несчастную Бренду!

- Знаете, Вернанд, вот что я решила: а напишу-ка я рассказ, в котором открою всю правду о нашем прелестном Файнд-Тауне. И прочитаю его на грядущем Дне Обретения вместо гимна! То-то же они все запрыгают! Ух! - Мелисса ударила кулаком по столу. - И мне плевать на то, что будет дальше!

Вернанд вздрогнул, очнулся от своих мыслей и радостно посмотрел на Мелиссу. Он вскочил с места и вскрикнул:

- Девочка моя, ты на правильном пути! На правильном! Именно так ты сможешь победить, - вдруг он осекся и сел обратно, опустив взгляд.

Так. Кажется, он чуть было не проболтался. Победить? Но кого? Она с интересом посмотрела на него. Да, кажется еще несколько дней, и он все расскажет! Мелисса вдохновилась подобным раскладом. Значит, она на верном пути! Да, пожалуй, к 14 октября, она напишет такой гимн, что мадам Грегория сожрет свои собственные очки! Только вот, ей явно не достает материала, чтобы картина стала полной! Во всей этой истории с монахом Альтером есть очевидные пробелы! Ну да ладно, у нее еще достаточно времени, чтобы устранить их!

- Вернанд, - неожиданно Мелиссе в голову пришла совсем другая мысль. - Я, думаю, что в свете произошедшего, мне нужно непременно дать знать тете Монике о том, что случилось. Она должна приехать и помочь мне.

- Хорошая идея, - ответил Вернанд и вздохнул. - Но почта в Бриф-Кост теперь отправится только после Дня Обретения.

Мелисса нахмурилась. Да и это, видимо, тоже не просто так. Она немного подумала и предположила:

- Ну, мы же сможем раздобыть лошадей и поехать туда, чтобы забрать тетю!

- Эх, Мелисса, это очень хорошее решение, но я бы на твоём месте не оставлял так долго родителей одних, - с нажимом ответил он. - А я, в свою очередь, не могу оставить тебя одну!

- Ах точно, - девочка ударила себя по коленке. - Точно! Точно! Что же делать-то?

- Мелисса, тебе завтра в школу, - напомнил Вернанд. - За окном уже смеркается! Лучше

бы ты легла пораньше, ты же так устала с дороги! А насчет тети Моники не беспокойся, я что-нибудь придумаю.

Мелисса нахмурилась. В школу! Какая теперь тут может быть школа?! Ну ладно, раз надо – так надо. Она будет слушаться во всем Вернанда.

Он словно прочел ее мысли.

- Поверь мне, девочка, - сказал он убедительно, - В школу тебе нужно идти! И не только для того, чтобы получать знания. Ты сама скоро сможешь убедиться в этом. Только сразу предупреждаю тебя: отношение к тебе у всех изменилось.

Мелисса удивленно подняла брови.

- Это из-за родителей, да? – предположила она. - Да ну его, этот школьный люд! Я всегда его недолюбливала, пусть уж лучше нелюбовь будет открытой, чем тайной. Так честнее! Лесничий ласково посмотрел на нее и ответил:

- Девочка моя, я горжусь тобой!

Глава 4

- Удачи тебе, Мелисса, - Вернанд махал ей вслед рукой, стоя на крыльце дома.

Мелисса улыбнулась: лесничий довольно забавно смотрелся в мамином фартуке, надетом поверх грубой холщовой рубахи.

Раннее утро несло прохладу. Осеннее солнце уже встало из-за гор и золотисто-красными бликами осыпало дорогу. Бесконечно чистый и свежий воздух бодрил и не давал унылым мыслям завладеть душой. Мелисса старалась не думать о болезни родителей и говорила себе: «Все будет хорошо! Я уверена в этом! Уверена».

Она свернула с проселочной дороги и вошла в город. Отсюда начинался длинный старый проспект, проходящий через площадь и ратушу и ведущий прямо к зданию школы. Мелисса новыми глазами посмотрела на маленькие двухэтажные дома, стоящие по обеим сторонам дороги. Кто-то же здесь жил триста лет назад! Кто-то же покинул город! Но почему? Куда делись все жители? О, вот чего ей не хватает для рассказа! Точно! Вот он явный пробел! Именно это ей и нужно будет выяснить, чтобы ее рассказ стал цельным и правдивым! Конечно, официальная история Файнд-Тауна никогда не даст ей ответа на этот вопрос.

Чем дальше Мелисса шла, тем сильнее разыгрывалось ее воображение! Она видела, как злобный монах ведет за собой людей, измученных долгим переходом. Возможно, они шли именно по этой улице, усталые и обезумевшие, блаженно улыбались и смотрели на пустующие дома, примеряясь, какой бы выбрать себе.

В памяти всплыло лицо монаха Альтера. Даже если захочешь, то никогда его не забудешь, благодаря портретам, во множестве развешанным по школе. Вот его маленькие карие глаза, тонкая бородка вокруг властных, туго сжатых губ и длинные прямые черные волосы, тронутые сединой – таким его изображают на портретах! И он смотрит на тебя отовсюду! За много лет она привыкла постоянно видеть его, и он стал неизменным атрибутом школьной жизни, таким же, как, скажем, старая парта. Мелисса попыталась вспомнить, какое он произвел на нее впечатление, когда она увидела его в первый раз! Но тщетно! В памяти ничего не отложилось.

Тем временем на улицах стали показываться первые прохожие, они медленно и неспешно шли по своим делам. Мелисса заметила, что иные кидают на нее весьма странные и многозначительные взгляды. А те, которых она знает лично, опускают глаза и явно не изъявляют желания здороваться с ней. Мелиссе нисколько это не задело, наоборот, ей стало легче. Не нужно фальшиво улыбаться, останавливаться, рассказывать,

как провела лето, словом, втягиваться в жизнь этого нелюбимого города.

Она пересекла площадь и, свернув за резиденцию мэра, пошла по тропинке, проходящей сквозь парк. Ох уж этот мэр Рэвел! Как он мог так поступить с Вернандом?! Старый напыщенный индюк! Она представила себе, что в этом большом доме томится Беатрис и вспоминает свое счастливое прошлое. Хотя, она сама виновата во всем! Могла бы дать отпор этим негодяям, настоять на своем и уехать с Вернандом, например, в Бриф-Кост. Ну, ее, эту Беатрис! Жалкая душонка!

Мелисса нахмурилась: все теперь ей казалось фальшивым, сотканным из кусочков гнилой ткани, которую чуть дерни – сразу порвется. Интересно, а мадам Грегория хранит какую-нибудь тайну? Мелиссе стало смешно. Таинственная мадам Грегория! Что же скрывает она? Может быть, она раньше была мужчиной? Не зря у нее такой грубый голос! Мелисса засмеялась собственным мыслям.

Вот уже из-за деревьев показались длинные шпиль школы, а сквозь зеленую листву маячила красная кирпичная кладка. Мелисса глянула на часы: до начала общего сбора еще четверть часа. Но она уже слышала невообразимый галдеж на школьном дворе, и ей сейчас совсем не хотелось вливаться в эту шумную толпу.

Потому она решила остаться в парке, и, свернув с тропинки, прошла к уединенной деревянной беседке, расположившейся под раскидистой кроной дуба. Мелисса уверенно вошла внутрь и застыла от удивления. Она увидела молодую девушку, которая читала книгу. Мелисса хотела было развернуться и броситься наутек, но девушка, подняв голову, вздрогнула, однако быстро пришла в себя и, приветливо улыбаясь, произнесла:

- Доброе утро, девочка! Проходи! Проходи! Не стесняйся!

Мелисса вздохнула: да теперь уже не убежишь никуда – неприлично все-таки. Интересно, кто она такая? Раньше, кажется, я ее не встречала.

Мелисса села напротив и сконфуженно замолчала. А девушка, между тем, убрала книгу в сумку и протянула Мелиссе тонкую ладонь:

- Будем знакомы, я Мирта!

Мелисса, стараясь скрыть волнение, пожала ей руку и уверенно ответила:

- Очень рада! Мелисса!

Глаза девушки радостно загорелись, и она улыбнулась еще шире:

- Какое у тебя чудесное имя!

- У вас тоже, - улыбнулась в ответ девочка и пристально взглядела в Мирту.

Да, она явно не отсюда и располагает к себе сразу же. У нее длинные, густые каштановые волосы, большие, глубокие зеленые глаза, открытое лицо с чуть высоким лбом и бледной-бледной кожей.

- Спасибо тебе, Мелисса, - приятно и звонко рассмеялась Мирта и открыто глянула на девочку.

Мелисса несколько не смутилась и, сразу отбросив смущение, решила задать вопрос:

- А я вас тут раньше не видела, Мирта, вы же не из Файнд-Тауна?

- О нет, - ответила Мирта. - Я из Бриф-Коста.

- Из Бриф-Коста! - радостно воскликнула Мелисса. - А у меня там тетя живет, и я только вчера вернулась оттуда.

- Да? – протянула Мирта. - Какое интересное совпадение! Как приятно встретить человека, который бывал в твоём любимом городе!

- А мне знаете как приятно! – возбужденно продолжала Мелисса. - А где вы там живёте? Тетя - в квартале Силвер!

- О, обожаю эту часть города! Но я живу в другом месте. Может, знаешь ту узенькую улочку, которая ведет от площади вглубь города, туда, где лавка мастера по серебру?

- Конечно, знаю! Мы с подружкой Сарой частенько там гуляли! А чем вы в Бриф-Косте занимаетесь?

- Я художница.

- О, художница, - мечтательно протянула Мелисса. - Как здорово! А вы знакомы с поэтом Виктором? Он мой хороший друг.

Мирта снова рассмеялась:

- Кто же в Бриф-Косте не знает Виктора? Честно говоря, я много слышала о нем, и, конечно же, встречала на улице, и даже читала его стихи, но лично мне не довелось познакомиться с ним, - Мирта печально развела руками.

- Как жалко! Он бы вам понравился очень, - и тут Мелисса задумалась, немного помолчала и осторожно спросила: - Мирта, а что вы делаете тут, у нас? Неужели для художницы в здешних краях есть нечто интересное?

- Да, в Файнд-Тауне, конечно не на что смотреть, - она покачала головой и добавила: - Я ваша новая учительница по литературе и рисованию. Ты, наверное, слышала, что мадам Этери не сможет теперь преподавать.

Мелисса была поражена! Вот как! И она сразу ощутила небывалый восторг. Теперь у них будет хотя бы одна молодая и интересная учительница!

- Как здорово! - девочка даже подскочила с лавки. - Но, - она сконфуженно замолчала.

- Но, если вы художница, как вы будете вести литературу?

- Наверное, так же, как и мадам Этери вела и то и другое, а между тем не была знатоком ни в рисунке, ни в литературе, - улыбаясь ответила Мирта. - А я раньше преподавала литературу, потому, как только в Бриф-Кост пришел запрос на нового учителя, я сразу же предложила свою кандидатуру. Ты, наверное, знаешь, что настоящим творчеством денег не заработаешь, а преподавать всегда интересно.

- Нуда, - Мелисса вспомнила Виктора и его работу в порту. - Вы правы, Мирта.

Неожиданно их беседу нарушил пронзительный удар гонга. Мелисса и Мирта вздрогнули: громкий, призывный клич прозвучал диссонансом в этой тихой, уединенной атмосфере.

- Что-то мы совсем забыли о времени! - схватила за голову Мирта. - Пойдем скорее, - она поднялась и взяла Мелиссу за руку. - Боевой клич к сбору на школьном дворе, - улыбнулась она.

Мелисса радостно пошла вслед за Миртой. Они вышли из парка и очутились в нескольких метрах от школьной ограды. Новая учительница потрепала Мелиссу по голове и сказала:

- Девочка моя, я побегу в другую сторону. Знаешь, - Мирта улыбнулась. - Ты мне очень понравилась. Честно говоря, у вас тут и пообщаться-то не с кем. Я уже почти три месяца здесь, и только вот с тобой удалось душевно поговорить.

- Спасибо вам, Мирта! - обрадовалась Мелисса и даже немного покраснела.

И ей вдруг захотелось рассказать девушке о своем горе. Но Мирта уже растворилась в толпе школяров. Мелисса тяжело вздохнула и пошла искать своих одноклассниц, которые, должно быть, уже выстроились в стройный отряд и ждут нисхождения мадам Грегори.

Глава 5

Еще издаലെка она узнала своих одноклассниц. Они стояли, образуя круг, и о чем-то оживленно болтали. Конечно же, все внимание было приковано к Каролине, которая размахивая руками, вещала громким противным голосом. Мелисса нахмурилась. Она

вспомнила летние сны, где Каролина предстала в образе ужасного чудовища. Да уж, не столь далеки кошмары от реальности! Чем ближе она подходила к одноклассникам, тем сильнее ей хотелось развернуться и пойти обратно домой.

Она уже подошла совсем близко и заметила, что толстая Клара увидела ее. Мелисса напрягла зрение, Клара сделала испуганные глаза, что-то прошептала и жестами показала девочкам в ее сторону. Все сразу замолкли. Мелисса ухмыльнулась. Кажется, начинается то, о чем ее предупреждал Вернанд. Эх, сюда бы Сару, она быстро бы их взгрела, как жаль, что Мелисса не такая дикарка и совсем не умеет драться.

- Здравствуйте, девочки, - нарочито вежливо сказала Мелисса.

В ответ она не услышала ровным счетом ничего. Они упорно делали вид, что не замечают ее. И только одна Каролина смотрела на нее со злобным торжеством в глазах. Повисло напряжение. Казалось, что девочки не знали, что им делать и куда девать взгляды, точно сговорившись, они уткнули их в землю.

Мелисса хмыкнула и нагло подошла ближе. Девочки все, как одна, резко отступили от нее на несколько шагов, а Каролина осталась стоять на месте и сверлила Мелиссу едким взглядом. Невольно в памяти всплыл тот кошмар, который снился ей в Бриф-Косте: Каролина и остальные одноклассницы толкали ее вниз по темным лестницам подземелья. Кажется, сон отчасти был вещим. Но Мелисса не растерялась и с вызовом спросила:

- Вы что, языки проглотили?

Те упорно хранили молчание, а Каролина сделала несколько шагов вперед и почти вплотную подошла к Мелиссе. Она продолжала сверлить ее взглядом. Несколько секунд они стояли в полной тишине.

- Явилась - не запыхалась, - наконец произнесла Каролина.

- Явилась, а что? Тебя что-то не устраивает? - в тон ей ответила Мелисса.

- Да, не устраивает! - топнула ногой противная девочка. - Таким как ты, тут не место.

Кровь ударила Мелиссе в голову, ей захотелось отвесить Каролине пощечину, но она сдержалась и с достоинством ответила:

- Молчи, выскочка!

Каролина вздрогнула. За ее спиной раздалось удивленное оханье девочек.

- Что ты сказала? - злобно прошипела она, ее и без того маленькие глазки сузились, превратившись в две пышущие злобой амбразуры.

- Что слышала! - повысила голос Мелисса. - То, что ты племянница уважаемого мэра, не дает тебе никакого права оскорблять других. Ты просто бездарное ничтожество, упоенно продолжала она. - И тебя все вылизывают с ног до головы только потому, что твои родители метут хвостом перед властью имущим!

Мелисса так громко говорила, что ребята из других классов услышали ее возбужденную речь. Вокруг их группки затих шум и гам, все с ужасом следили за происходящим. Каролина застыла с открытым ртом, не в состоянии вымолвить ни слова. Такое случилось в первый раз, чтобы кто-то высказал, вот так вот, ей всю правду в лицо. Она даже позеленела от злости.

- Мелисса! - раздался громкий, возмущенный, срывающийся на визг, голос мадам Грегори. - Мелисса! Быстро поднимись сюда!

Девочка увидела на ступеньках школы мадам Грегорию. Она стояла, как изваяние, ее морщинистое, сухое лицо выражало безграничное изумление и страх, смешанный с гневом.

Мелисса не двинулась с места. Все вокруг застыли, ожидая развязки столь неординарной и скандальной сцены.

- Ты, что оглохла? - уже кричала она. - Немедленно поднимайся сюда!

Раздался второй удар гонга, Мелисса вздрогнула и, гордо подняв голову, взошла по ступенькам.

Мадам Грегория уставилась на нее во все глаза, Мелиссе показалось, что она вот-вот ее ударит, но этого не произошло.

- Марш за мной! На общий сбор ты не пойдешь, - прошипела классная дама, грубо схватила ее за руку и потащила в школу.

Как только они вошли в темный длинный и мрачный коридор, на Мелиссу нахлынуло старое, до боли знакомое, но забытое за лето ощущение: в считанные секунды из светлого дня она попадает в крошечную тьму.

- Какой позор! Ужасный позор! Как теперь мне расхлебывать это? - причитала учительница. - Говорить такое о Каролине, о лучшей ученице в классе, упоминать имя мэра в таком недостойном контексте! Это же скандал! Ты спятила, что ли? Как твои родители, а?

Мелисса резко выдернула руку из лапы мадам Грегории и остановилась посередине пустого коридора.

- Не смейте так говорить о моих родителях! - гневно закричала она и непроизвольно сделала угрожающий шаг в сторону мадам Грегории. Та в изумлении отпрянула назад.

- Куда вы меня ведете? - вызывающе продолжила наступление Мелисса.

- К директору, - испуганным голосом ответила мадам Грегория и снова попыталась поймать руку девочки.

- Я пойду сама, - сквозь зубы процедила Мелисса и уверенно зашагала вперед.

Мадам Грегория бросилась следом за ней и снова продолжила:

- Ты хотя бы понимаешь, что ты сейчас натворила? А? Понимаешь?

- Я не собираюсь терпеть оскорбления от какой-то бездарной выскочки, - ядовито ответила девочка.

Мадам Грегория ахнула и схватилась за сердце.

- Ну хорошо же, - прошипела она. - Я вижу, с тобой разговаривать бессмысленно, пусть директор поставит тебе мозги на место.

Они еще долго шли извилистыми плохо освещенными коридорами. Мадам Грегория хранила злобное молчание. Краем глаза Мелисса увидела вход в подвал. На сотую долю секунды у нее разболелась голова. Перед глазами пронеслась картинка: человек в черном, то ли идет, то ли плывет по воздуху, вокруг раскидан мусор, обрывки бумаг и повсюду слышны ужасающие, раздирающие душу крики.

Мелисса тряхнула головой и отогнала страшное видение. Они, наконец, дошли до директорской. Мадам Грегория постучала, и, не дождавшись ответа, открыла дверь, втолкнув Мелиссу внутрь.

За большим дубовым столом сидела мадам Стефания и спокойно листала какие-то бумаги.

Она медленно подняла голову, поправила очки и внимательно поглядела на пришедших.

Мадам Грегория выпрямила спину и торжественно произнесла:

- Госпожа директор, доброе утро!

- Ммм, милочка, здравствуй, - ласково ответила она. Мадам Грегория вздрогнула, она терпеть не могла, когда ее называли милочкой, и, злобно поджав губы, выпатила грудь вперед. Мадам Стефания удивленно вскинула брови и тем же ласковым тоном спросила: - Что у вас стряслось?

- Скандал, госпожа директор! - она подтолкнула Мелиссу вперед. - Эта негодная девочка при всех на школьном дворе оклеветала Каролину и упомянула в недостойном кон-

тексте имя нашего мэра.

- О! – мадам Стефания всплеснула руками. - Быть такого не может! - тон ее голоса ничуть не переменялся. - Как же это произошло, милая девочка? Как тебя, кстати, зовут? – она снова поправила очки, и взглядела в Мелиссу. - А кажется, я припоминаю, ты же Милен!

- Мелисса, - коротко ответила преступница и посмотрела прямо в глаза директрисе. Про себя она усмехнулась, кажется, той не было никакого дела до ее преступления.

- Прости, прости, Мелисса! А я-то думала, что ты славная девочка, - продолжала директриса, и в этот момент мадам Григория хмыкнула. - Я думаю, ты мне сейчас сама все расскажешь! Твою классную даму мы ведь уже выслушали, теперь очередь за тобой, - она перевела взгляд на мадам Григорию: - Милочка, вы можете идти, уже настало время школьного сбора! Проведите же его, как следует! А я пока тут пожую Милену, ой, то есть Мелиссу.

Мадам Григория позеленела от злости, уж очень ей хотелось увидеть, как директриса поставит на место маленькую хамку, но спорить не было времени – ученицы ждали ее во дворе. Она поклонилась мадам Стефании и быстро вышла из кабинета, кинув осуждающий взгляд на девочку.

- Что же ты стоишь? Садись! – директриса указала Мелиссе на стул. Та сделала несколько неуверенных шагов и села.

- Ну же, девочка моя, - ласково приободрила ее мадам Стефания. - Расскажи мне, как все было на самом деле, - последние два слова она едва заметно выделила голосом. Хм, значит и она не особо-то верит в рассказы мадам Григории.

- Госпожа директор, - начала немного успокоенная Мелисса. – Вы, может быть, слышали о том, что мои родители серьезно больны, - она выдержала паузу.

Мадам Стефания участливо кивнула. В ее глазах отразились сожаление и боль.

- Я узнала об этом только вчера, - продолжила она. - И вот, я прихожу в школу, а девочки воротят от меня нос и даже не удосуживаются поздороваться со мной. И когда я просто спросила, что, собственно, происходит, вмешалась Каролина и заявила: «Ты больна, как и твои родители. Тебе здесь не место».

- Какая она нехорошая! – ахнула мадам Стефания.

- Я, конечно же, не сдержалась и ответила на оскорбление, сказав чистейшую правду! Девочки и учителя пресмыкаются перед ней только потому, что она племянница мэра. Скажите, разве я не права? И в чем моя вина? – в голосе Мелиссы появились слезливые нотки, еще немного и она бы разревелась.

- Ах, милочка, - мадам Стефания растеряно всплеснула руками. - Каролина, правда, слишком заносчива. Тебе не стоит обращать на нее внимания. А теперь, давай пить чай, - и она мило улынулась.

- Чай? – Мелисса удивленно уставилась на нее.

- Ты не любишь чай? – испуганно спросила мадам Стефания. - Тогда я могу налить кофе.

- Нет, нет, спасибо, все в порядке, - затараторила Мелисса, продолжая во все глаза глядеть на мадам Стефанию. И это распекание от директора? Ха!

- Все равно сбор затянется на четверть часа! Что же тебе, бедняжке, в это время делать? Не сидеть же в пустом классе? Лучше здесь, со мной, попить чаю с булочками, - и она вышла в смежную с кабинетом комнату, которая служила ей кухней.

Глава 6

Мелисса покинула кабинет мадам Стефании в прекрасном расположении духа. За ко-

роткое время, проведенное с ней, она выслушала несколько историй о розах, росших в директорском саду, узнала всю правду о гортензиях разных сортов и о магнолиях, несущих в себе все пламя страсти земли.

Вот так директор! – думала Мелисса. Как хорошо, что она на ее стороне! Коридоры были запружены учениками, которые спешили в классы. Пока Мелисса дошла до своей аудитории, она поймала дюжину изумленных взглядов, направленных на нее и услышала обрывки фраз, явно относящихся к ее персоне. «Ты знаешь, что сегодня утром она говорила на школьном дворе?!», «Как ей в голову пришло такое...», «Вот смотри, смотри, это она идет! Из кабинета мадам Стефании. Представляешь, как ее там взгрели!».

Да, да, взгрели, не то слово! Горячий чай и сдобное печенье, тающее во рту, самое хорошее наказание! Вот же ослы! – думала Мелисса. Когда она открыла дверь класса, все уже сидели на своих местах, а мадам Грегория стояла у доски. Девочки замерли и старались не смотреть на Мелиссу, а Каролина смерила ее злобно-торжествующим взглядом, который сразу же потух, как только она увидела ее довольное лицо. Да, дорогая Каролина, я не получила никакой выволочки, так что можешь не ехидничать!

Мелисса пошла было к своей парте, но увидела, что та занята толстушкой Кларой. Девочка застыла в недоумении, а Каролина издала противный смехок.

- Да, Мелисса, ты теперь сидишь на последней парте. Одна! – последовало холодное пояснение мадам Грегории.

Мелисса могла бы и промолчать, но все же, не удержалась:

- Это еще почему?

Класс напрягся и ахнул. Мадам Грегория сжала кулаки и сквозь зубы процедила:

- Потому.

- Хорошо, – пожала плечами Мелисса. – Мадам Грегория, вы как всегда весьма обстоятельно объясняете сложные для понимания вещи.

- Уж, поверь мне, тебе это с рук не сойдет, – пробурчала Мадам Грегория и покраснела. Конечно же, она догадалась, что мадам Стефания не наказала Мелиссу.

Девочка прошла на последнюю парту и демонстративно отвернулась к окну. Классная дама начала свою излюбленную занудную лекцию о том, как приятно снова возвращаться в школу, и о том, каким важным будет для них этот год – ведь им самим придется сочинить гимны для Дня Обретения. Мелисса, насмотревшись в окно, стала блуждать взглядом по классу и вздрогнула: над доской висел портрет монаха Альтера. Его глазки-уточки блестели из-под капюшона, а улыбка источала приторно-сладкий яд! И вот сейчас, в эту самую минуту мадам Грегория поет ему дифирамбы! Этому мучителю и редкостному негодяю! А девочки заворожено слушают ее. Ах, если бы они знали правду! Мелиссе захотелось встать и рассказать им все! Но нет, нельзя! Тогда ей никто не даст слово на Дне Обретения, и весь город так и останется в неведении. Надо потерпеть. Она снова кинула взгляд на портрет, теперь ей казалось, что Альтер знает о ее намереньях, смотрит ей в глаза с жуткой ненавистью, и прямо сейчас сойдет с холста, и утащит ее в свой замок, где будет издеваться над ней – бить и пытаться.

Мелисса отогнала страшное видение и поймала на себе подозрительный взгляд мадам Грегории. Та, кажется, заметила, что Мелисса неотрывно смотрит на портрет. Старая ведьма! Долго она еще будет следить за мной?

- Мелисса, – прозвучал ее голос, теперь он был издевательски нежен. – Скажи-ка мне, написала ли ты черновик гимна ко Дню Обретения? Как я помню, у тебя открылись какие-то невероятные литературные таланты, оправдала ли ты их?

Мелисса встала и увидела, что Каролина повернулась вполоборота и напряженно следит за развитием событий. Мелисса усмехнулась и твердо ответила:

- Нет! Я ничего не написала!

Класс снова ахнул.

В глазах мадам Григории вспыхнули торжествующие, злые огоньки:

- Почему? Неужели твой талант - это мыльный пузырь?

Мелисса распрямилла плечи и спокойно ответила:

- Мадам Григория, я собираюсь написать самый лучший, самый прекрасный гимн ко Дню Обретения. Я вынашиваю эту идею в своей голове! Вы, конечно, не знаете, но иногда идея исчезает, если ее раньше времени изложить на бумаге.

Мадам Григория скрипнула зубами, а Каролина состроила презрительную мину.

- Конечно, мне неизвестно, - процедила классная дама. - Это же ты у нас талант. Садись!

- скомандовала она. - И, чтобы к 12 октября у меня на столе лежал черновой вариант.

- Так точно, мадам Григория, - Мелисса во весь рот улыбнулась и села на свое место.

Напишу-ка я фальшивый черновик гимна, и тем самым усыплю малейшие подозрения старой девы, а на Дне Обретения прочитаю текст, обнажающий правду!

Она уже прикинула, о чем будет писать. В ее рассказе будет раскрыта истинная сущность монаха Альтера, здесь же появится история Грея и Бренды, Вернанда и Беатрис. Остается только узнать, почему жители Файнд-Тауна покинули город! Как-то придется это выяснить. Да, надо будет еще тщательно продумать свое выступление на Дне Обретения! Ведь ее могут стащить со сцены! А этого нельзя допустить! Нужно предъявить им доказательства. У нее остались бумаги, добытые в школе Силвер и дневник Брендды. Хорошо, что она спрятала их вчера в своей комнате, в укромном местечке. Неплохо бы разузнать еще что-нибудь, и тогда она одержит победу! Да, это будет самый главный рассказ в ее жизни, написав и озвучив который, она навсегда покинет этот унылый город!

Мелисса настолько погрузилась в эти мысли, что не заметила, как быстро пролетело время. Прозвенел звонок, и она мгновенно выскочила из класса. Да, теперь, ей придется постоянно воевать с мадам Григорией и Каролиной. Они не оставят ее в покое. Ну, ничего! Справимся!

Представляю себе, как расстроится Вернанд, когда узнает о ее сегодняшних злоключениях. Может быть, он подскажет, как ей вести себя дальше? Она вышла за школьные ворота и облегченно вздохнула.

Девочка свернула на тропинку, ведущую в парк, и услышала позади себя чьи-то легкие шаги, она обернулась и увидела Мирту. Лицо девушки было встревоженным и немного испуганным.

- Мелисса, - тихо сказала она. - Пойдем в беседку. Мне нужно поговорить с тобой.

Глава 7

Каролина вышла из школы и отправилась домой. Злость душила ее с новой силой. Почему мадам Стефания спустила с рук этой мерзкой Мелиссе такой выпад против нее? Как она вообще смела, эта Мелисса, такое сказать о ней, о Каролине? Ничтожество! Да сама она ничтожество, как и ее безумные родители. Нет! Этого она просто так не оставит! Она расскажет все матери, а та пусть повлияет на дядю, уж он-то вызовет мерзавку к себе и укажет, где ее место! Или пусть лучше закроет в больнице вместе с ее ненаглядными мамочкой и папочкой.

На самом деле, злость Каролины легко объяснялась и другими причинами. Как только город взволновался известием о том, что родители Мелиссы сошли с ума, Каролина восторжествовала. Надо сказать, она давно недолюбливала Мелиссу. Во-первых за то,

что та никогда не признавала ее авторитета, а во-вторых за то, что девочки из класса питали к ней какое-то плохо скрываемое уважение, но не понятно за что и почему. Все это совершенно не нравилось Каролине, но открыто выступить против Мелиссы она не могла, у нее не было никаких поводов для этого. Она понимала, что ей будет очень сложно настроить одноклассниц против нее. И тут такое известие! Мать с отцом сразу сказали ей: «Каролина, по возможности не общайся с Мелиссой! Ее родители больны, кто знает, может та же участь ожидает и их дочь! Потому остерегайся ее!». Этих слов для Каролины было достаточно, чтобы восторжествовать! Ей даже не придется никого настраивать против Мелиссы, она была уверена, что родители остальных одноклассниц сказали своим чадам те же самые слова! С каким нетерпением Каролина ждала первого сентября, чтобы наконец, указать Мелиссе на ее место, чтобы насладиться ее слезами, ее обидой, ее падением и потерей авторитета! Но не тут-то было! Мало того, что она прилюдно оскорбила ее, так еще и не понесла за то никакого наказания. Кажется, ей вообще все равно, будут общаться с ней одноклассницы или нет.

Каролина раздумывала, как бы отомстить ей. Все-таки жаловаться на нее родителям – дело пустое. Те вряд ли будут беспокоить дядю Рэвела по таким пустякам. Нет, здесь, надо придумать что-нибудь более изощренное. Но что?!

Каролина решила проанализировать ситуацию, в которую попала Мелисса. Ее родители теперь изгой, и она сама изгой. Но ей, Мелиссе, это безразлично. И все-таки странно, как могут два человека одновременно сойти с ума? Может, здесь сокрыта какая-нибудь постыдная тайна? Может, на самом деле все обстоит иначе? Уж кто-кто, а ее родители точно знают правду! Они же доверенные лица мэра! И именно они первые узнали новость о болезни родителей Мелиссы, и узнали они ее, именно от дяди Рэвела! Каролина потеряла руки. Какая же она все-таки догадливая! Итак, она всеми правдами и неправдами дознается до истины и расскажет ее всем, и уж тогда – держись, Мелисса. Скорее всего, она и сама-то не знает, что произошло на самом деле. Тогда это будет для нее двойным ударом!

Каролина дошла до дома и тихо открыла калитку. Она прошла через маленький куцей садик, в котором не росло ничего, кроме аккуратно подстриженной газонной травы, и остановилась у порога. Она прислушалась к звукам, доносящимся из дома. Слышно было только, как кухарка гремит посудой. Каролина медленно приоткрыла дверь и шмыгнула в коридор, тише мыши она проскользнула к столовой, где обычно проводили время родители, и застыла.

- Дарен, сколько времени? - услышала она голос матери.

- Около часа, дорогая, - последовал ответ. - Скоро обед.

- Да я не о том, идиот! - раздраженно фыркнула Франческа. - Каролина вот-вот должна вернуться.

- А, - протянул Дарен.

- Что а? Ты забыл что ли, через нашу дочь мы должны узнать об этой девчонке!

- Помню-помню, - лстиво пропищал Дарен.

Каролина возликовала! Какая удача! Значит здесь, действительно, что-то не чисто!

- Нам сегодня к Ревелу идти вечером, надеюсь, это ты хоть помнишь? – не унималась Франческа.

- Конечно, дорогая! Я, пожалуй, схожу на кухню, узнаю у Виты, что там с обедом.

Каролина отпрыгнула от двери, и сделала несколько шагов назад, делая вид, будто только что зашла.

- Доченька, - радостно завопил Дарен, столкнувшись в коридоре с Каролиной. - Наконец-то ты пришла. А мы с мамой ждали тебя. Иди скорее к ней, расскажи, как про-

шел твой первый день в любимой школе!

Каролина улыбнулась во весь рот, обнажив ряд кривых зубов, и прошествовала в комнату.

Франческа возлежала на оттоманке и курила тонкие сигареты, увидев дочь, она тоже радостно взвизгнула.

- Каролина, ну наконец-то! Как твой первый день?! Расскажи мне все-все!

Да, - подумала Каролина, - раньше они не проявляли столь бурного интереса к первому дню занятий. Как неумело они хитрят. Тут Каролина впервые посмотрела новым взглядом на своих родителей, и они показались ей глупыми и несуразными. И как только дядя держит их на такой ответственной работе? Но она тут же ужаснулась своим мыслям и отогнала их прочь.

- Ой, мамочка, здравствуй, - протянула она и скривила физиономию. - Сегодня было такое! Ты представить себе не можешь, что учудила эта гадкая, противная Мелисса.

Казалось, Франческа только того и ждала.

- Ах, что же?

- Она обозвала меня выскочкой и сказала, что со мной общаются только из-за того, что я племянница мэра! - возмущенно заявила девочка.

- О, Боже мой, - Франческа прикрыла рот рукой. - Вот нахалка! А почему же она так сказала? Просто так, ни с того, ни с сего?

- Нет, нет, - Каролина замахала руками. - Она подошла к нам и поздоровалась. Девочки, конечно, ничего ей не ответили. Тогда она спросила, почему мы молчим, ну, а я решила внести ясность, и сказала ей, что таким, как она, тут не место.

Каролина заметила, что в глазах матери проявляется чувство глубочайшего удовлетворения. Она затаилась, выпустила кольцо дыма и как бы между делом, спросила:

- То есть никто из девочек не общался сегодня с ней?!

- Нет, но мама, - Каролина удивленно посмотрела на нее. - Тебе, что все равно? Она же оскорбила меня при всех!

- Ах, Каролина, скажи мадам Грегории, я думаю, та устроит ей взбучку, - Франческа внимательно вглядывалась в дочь.

- Так уже устроила! И потащила к мадам Стефании, но та, как обычно, видимо, напоила ее чаем и отпустила на все четыре стороны, - гневно закончила свой рассказ Каролина.

- Ну, я думаю, с нее достаточно и того, что вы не общаетесь с ней. К тому же мадам Грегория теперь не даст ей проходу, она же так любит тебя и не потерпит оскорблений, дитя мое, - лицо Франчески приобрело еще более удовлетворенный вид, и Каролина поняла, что мать узнала то, что хотела.

- Мама, - Каролине в голову пришла хитроумная идея. - А можно я сегодня с вами пойду к дяде? Я так давно его не видела, а еще мне очень хочется пообщаться с тетей Бетти.

Франческа на несколько секунд задумалась, пальцы ее тревожно забегали по краю оттоманки - это все не укрылось от наблюдательного взгляда Каролины.

- Ну пожалуйста, - начала конючить девочка.

- Ладно, ладно, дитя мое, - отмахнулась мать. - Ты пойдешь с нами, только учти, мы идем по делу! Так что не надейся, что мы будем развлекать тебя разговорами!

- Я и не надеюсь, мамуля, - лицо Каролины приняло самое кроткое выражение. А про себя она подумала: «Не очень-то мне и нужна ваша болтовня».

Глава 8

- Вся школа только об этом и говорит, - произнесла Мирта, когда они расположились

в беседе.

- Да, я знаю, - отмахнулась Мелисса и с интересом посмотрела на девушку. Для чего она привела ее сюда?

- Как ты себя чувствуешь? – во взгляде Мирты отразилось неподдельное волнение.

- Так себе, - устало ответила она, и усмехнулась. - Вы, конечно, знаете, что случилось с моими родителями?

- Знаю, - вздохнула Мирта, немного помолчала и добавила: - Когда я приехала сюда, все только об этом и судачили. Мне, если честно, очень неприятно было это слушать. Я никак не могла понять, почему они так взъелись на тебя. Наоборот же, надо помочь ребенку, попавшему в беду!

Ребенку...Мелисса улыбнулась про себя. Да, конечно, она еще ребенок.

- Они сами все сумасшедшие, - эхом отозвалась Мелисса.

- Это уж точно. Я, конечно, предполагала, но чтобы так! – она удивленно развела руками.

- Говорят, мадам Стефания серьезно не отнеслась к тому, что произошло?

- Угу, - подтвердила Мелисса. - Она только напоила меня чаем.

- Все же есть на свете справедливость, - облегченно выдохнула девушка, и взгляд ее стал решительным и серьезным. - Вот что, Мелисса, послушай меня внимательно, если тебе понадобится помощь, ты всегда можешь обратиться ко мне. Как жалко, что меня не было рядом, когда Каролина начала говорить тебе гадости, я бы быстро ее приструнила.

- Спасибо, Мирта! – Мелисса густо покраснела, ей стало неловко и в то же время приятно от того, что новая учительница заботится о ней. - Наоборот, это хорошо, что вас не было рядом, иначе мадам Грегория и другие учителя поедом бы вам съели. Зачем вам такие проблемы? Вы же только-только приехали к нам.

- Что ты такое говоришь? – в глубоких зеленых глазах Мирты вспыхнули гневные огоньки. - Неужели ты думаешь, что из-за работы я буду пренебрегать справедливостью? Нет, Мелисса, это не в моем характере, - она немного помолчала. - Знаешь, когда летом начались все эти кривотолки вокруг тебя, я уже тогда решила, что не дам в обиду несчастного ребенка.

Мелисса улыбнулась. Мирта нравилась ей все больше и больше. Она внимательно взглянула на нее и еще раз поразились ее сияющей красоте. Вся ее фигура, тонкие черты лица источали какую-то волшебную мягкую силу. Может быть, в дальнейшем, она поможет ей разобраться в том, что произошло с родителями?

- Мирта, - осторожно спросила Мелисса. - Раз вы в курсе всех здешних событий, как вы думаете, чем заболели мои родители?

Мирта вздрогнула, тревожно огляделась по сторонам, немного наклонилась к девочке и шепотом ответила:

- Мне кажется, они не заболели.

Мелисса сразу вспомнила слова Вернанда. Он говорил примерно тоже самое.

- А что же тогда? - сдавленным голосом спросила девочка.

- Я думаю, их заколдовали, - все так же шепотом отозвалась Мирта.

Мелисса отшатнулась от нее. На несколько секунд ей стало страшно. Вокруг стояла зловещая тишина. Перед ее глазами проплыли страшные видения: человек в черном плаще идет по пустому городу, ветер взметает мусор и обрывки бумаг.

- Но кто и зачем? – с трудом отогнав страшные картинки, спросила она.

- Вот это тебе и придется выяснить! – ответила Мирта и выпрямилась.

- Я выясню, - едва слышно сказала девочка и вдруг вспомнила, что дома ее ждет лесничий, и, наверное, уже волнуется. Она резко подскочила. - Ох, Мирта, мне надо спешить домой! Спасибо вам большое за поддержку! Спасибо!

Мелисса протянула ей руку. Мирта крепко пожала ее и сказала:

- До встречи. Я очень рада, что случай свел нас сегодня утром. Помни, теперь у тебя есть друг в моем лице.

Мелисса широко улыбнулась и медленно вышла из беседки. На самом деле, ей совсем не хотелось покидать Мирту, но Вернанд ждет и ей нельзя его расстраивать.

Дорогой ее не покидали мысли о том, что сказала ей Мирта. Заколдовали! Но кто?! Здесь, в Файнд-Тауне она не слышала ни об одной колдунье! Уж не дух ли монаха Альтера постарался?! Эх, была бы здесь Сара или тетя Моника! Как бы они ей помогли! С ними бы она чувствовала себя в большей безопасности! Все-таки зря она тогда не сказала тете всю правду! Тогда бы та поехала с ней и не отпустила ее одну! Все же, каким образом послать ей весточку?

Голова идет кругом! Что же все-таки тут происходит?! Свернув на проселочную дорогу, Мелисса уже издалека заметила Вернанда, он сидел на камне и пристально смотрел в сторону города. Когда он ее увидел, то резко вкочил и радостно замахал руками. Волнуется, - улыбнулась Мелисса. Какой же он все-таки хороший, и как здорово, что он не оставил ее одну.

- Что же ты так долго, Мелисса? – взволнованно спросил он, когда девочка подошла ближе.

- Ох, Вернанд, за этот день столько всего произошло! - ответила Мелисса.

- Надеюсь, ничего страшного? – он забеспокоился пуще прежнего.

- Нет, - отмахнулась Мелисса. - Все в порядке, - она рассмеялась. - Не волнуйся ты так, Вернанд, я тебе сейчас все расскажу.

- Да, да конечно расскажешь, только сначала поешь, как следует, а то ты голодная, наверное? Я такой вкусный обед приготовил! - и в доказательство своих слов он вытер руки о фартук Хильды.

Глава 9

- Таким вот образом разобралась со мной мадам Стефания! - закончила свой рассказ Мелисса.

Они сидели в гостиной, девочка заняла любимое кресло мамы, Вернанд сидел на диване, попыхивая своей старенькой трубкой, в камине потрескивали дрова, а за окном тихонько шумел ветер.

- Мда, - протянул Вернанд после некоторого молчания. - Я предвидел нечто подобное. Но, как хорошо, что у мадам Стефании есть голова на плечах.

- Это еще не все, - добавила Мелисса. - Я познакомилась с новой учительницей Миртой, и она отнеслась ко мне с глубоким участием.

Вернанда просиял и, растягивая слова, заметил:

- О, вот это отличная новость! Мирта – хорошая девушка, я уже свел с ней короткое знакомство. Она частенько гуляла в лесу. Как тебе она, понравилась?

- А то! Как такая может, не понравится! Сразу видно, что она добрая. Да еще и художница. Жалко, что она с Виктором не знакома, а то бы мы поговорили о нем! - с чувством ответила Мелисса.

- Ну, может еще познакомятся! – задумчиво сказал он и добавил: - И о чем же ты беседовала с Миртой?

- Так, о том - о сем, - Мелисса пожала плечами. - Да, кстати, она сказала, что родителей, скорее всего, заколдовали.

Вернанд вздрогнул и выпрямил спину, Мелисса заметила, что его рука, держащая

трубку, немного дернулась.

- Возможно, она и права, - ответил он уклончиво.

- Значит, и правда, права, - вздохнула Мелисса. - Но кто, Вернанд? Ответь мне! Я же вижу, ты знаешь правду.

Лицо лесничего исказилось гримасой отчаяния, он покачал головой и прошептал:

- Прости, девочка моя, я пока не могу сказать тебе правду. Еще рано! Слишком рано!

- Ну хорошо, - Мелисса опустила голову и вздохнула.

- Послушай, - Вернанд попытался улыбнуться. - У меня есть хорошая новость! Я послал в Бриф-Кост голубя с весточкой для твоей тети.

- Голубя? - Мелисса удивленно посмотрела на него.

- Да! Здесь мне опять помог Вергилиан, - ответил Вернанд. - Только вот, - он немного замялся. - Только вот, вряд ли Моника сможет скоро приехать. Сейчас в горах лютует страшный ветер. Но, думаю, как только все стихнет, она сразу же поедет сюда.

- Отличная новость! - обрадовалась она и погрузилась в глубокое раздумье.

Все не так уж и плохо! У нее есть Вернанд, появилась Мирта, скоро приедет тетя Моника, да еще и этот таинственный Вергилиан. Да, да, все будет в порядке. Она улыбнулась и сладко зевнула.

Глаза начали слипаться, ее потянуло в сон. Свернувшись калачиком, она задремала.

Вот, видит она мадам Грегорию, которая, схватив ее за волосы, тащит по темным коридорам школы. Вдруг из ниоткуда появляется сам монах Альтер. Он одет в черную рясу, лицо его тонет в глубине капюшона. Злобно хихикая и приветливо кивая мадам Грегории, он шепчет гадким мерзким голосом:

- Правильно, мадам, правильно! Сотрите эту мерзавку с лица земли!

Мадам Грегория восхищенно смотрит на него и что есть силы швыряет Мелиссу на холодный каменный пол. Теперь она слышит уже два злобных голоса, которые хохочут и потешаются над ней.

Еще секунда, и она оказывается в подземельях. Впереди идет мадам Стефания со свечой в руке, она поет какую-то веселую песенку и, как бы мимоходом, бросает Мелиссе обрывки фраз:

- Ну, будет тебе так переживать! Сейчас я покажу тебе нечто очень, очень интересное, когда ты это увидишь, то девочки вмиг перестанут обижать тебя. Да, да, Милена, ничего не бойся, не бойся!

Мелиссе становится страшно, она делает попытку убежать, но ноги становятся ватными и непослушными. Вдруг, неожиданно откуда-то из стены выходит Мирта, и мадам Стефания резко исчезает. От девушки исходит яркое, чуть голубоватое свечение. Ее присутствие в тот же миг вселяет в Мелиссу спокойствие и уверенность. Она уже не боится ничего! Стены подземелья постепенно начинают исчезать в красноватой дымке, и девочка вместе с Миртой оказываются на большом зеленом лугу. Где-то вдалеке слышен шум моря, а воздух пропитан солью и острым запахом водорослей.

Мирта держит Мелиссу за руку и ведет ее к высокому тонкому дереву, которое одиноко стоит посреди дуга. Из-за него медленно выплывает светящийся силуэт. Это несомненно мужчина. Мелисса чувствует во всем его облике что-то до боли знакомое и родное, она очень жалеет о том, что не может разглядеть его лица, и видит только длинные, черные кудри, ниспадающие на плечи. Мужчина весь облит светом, Мелисса заворожено смотрит на него и будто бы издали слышит голос Мирты:

- Мелисса, смотри, это Вергилиан!

Девочка застывает, исполненная трепета. Вергилиан говорит с нею, и его слова врываются в душу:

- Мелисса, ничего не бойся! Я с тобой! Я все время с тобой!

Ветер усиливается, листва вторит голосу Вергилиана, издавая шелестящие тихие звуки. Небо становится все светлее и светлее, Мелиссу наполняет ощущение небывалого счастья и покоя.

Неожиданно прекрасное видение исчезает, и девочка попадает в комнату с голыми стенами, из мебели в ней - один-единственный стул. Мелисса в недоумении садится на него и смотрит на дверь, которая в ту же секунду открывается, и внутрь заходит молодая, бледная девушка, одетая в длинное белое платье. Она поражает Мелиссу своей худобой, особенно впечатляют ее ладони - тонкие, хрупкие и нежные. Девушка становится около двери и печально смотрит на Мелиссу.

- Здравствуй, Мелисса, - тихо произносит она.

Ее голос кажется знакомым.

- Кто вы? - спрашивает девочка.

- Мы знакомы с тобой, Мелисса. Я - Бренда!

- Бренда! Неужели, это ты?!

- Да я! - она грустно улыбается. - Я позвала тебя сюда. Здесь, лишь только здесь мы можем поговорить с тобой!

- Что это за место?

- Один из миров на пересечении снов, - тихо отвечает девушка.

- Бренда, скажи мне, почему ты назвала мое имя? Тогда, в доме Грея? - неожиданно для самой себя спрашивает Мелисса.

- Я просто знала, что ты придешь! - прошелестела Бренда. - Но ты не поймешь меня, если я не расскажу тебе свою историю! - она замолчала и опустила взгляд.

Мелисса разом вспомнила ту несчастную и талантливую девушку, которая так наивно и искренне делилась своими мыслями с одним-единственным другом - дневником. И сердце ее сжалось. Бренда и сейчас, кажется, несчастна.

- Расскажи, расскажи мне, Бренда! Не молчи!

Бренда подняла бледное лицо. На глазах ее выступили призрачные, эфемерные слезы.

- У меня сейчас совсем немного времени. Здесь, на этом пересечении, мне не позволено долго находиться. Я расскажу тебе сегодня, Мелисса, немного. Но потом приду снова, - она вздохнула, и внимательно посмотрела куда-то на стену, будто там висели часы, по которым она наблюдала время, отмеренное ей. - Только после смерти начинаешь многое понимать. Очень многое. Ты читала мой дневник и помнишь тот страшный образ Грея. Да, я считала его таким! Но, Мелисса, в нем, в этом несчастном человеке, было не только зло, был в нем и свет! Я чувствовала это во время наших встреч до замужества и после, но я, я была настолько слаба и эгоистична, что не хотела раскрывать в нем его вторую, светлую сущность. Впереди меня тогда шли мой страх и мое предубеждение против него! Ты знаешь, Мелисса, почему я смогла убить его?! Потому, что он, проводя свой страшный ритуал, не смог задушить меня. Когда его руки сомкнулись на моей шее, когда вызванные им демоны стали выходить в мир, он увидел мои глаза, полные боли и отчаянья, и тогда он отскочил в сторону. Рухнул без сил в кресло и закричал не своим голосом: «Убей! Убей меня скорее!». Я схватила тот самый кинжал, который лежал рядом со мной на полу и вонзила в его грудь. А потом, вернувшись на прежнее место, увидела глаза демонов, и сердце мое разорвалось от страха. Я умерла, Мелисса, но моя душа не нашла покоя после смерти. Я застряла в пространстве, где нет ни тьмы, ни света, где есть только пустота. А знаешь, почему?! Моя душа связана с душой Грея, а он несчастный, находится в проклятом месте, где каждая секунда его бытия наполнена адскими муками. Его страдания дополняются осознанием того, какой ужасной была его жизнь.

Мелисса, только когда ты завершишь начатое, ты освободишь его и меня вместе с ним! – Что? Что я должна завершить, Бренда? Ответить мне! – вскричала Мелисса. – Хотя бы ты, милая Бренда, не томи меня загадками!

Но тело Бренды начало блекнуть, и она еле слышно прошептала последние слова: – Ты хочешь написать – ты на правильном пути, но это лишь часть его. В следующую нашу встречу я расскажу тебе о жизни Грея, я хочу, чтобы ты поняла его и изменила к нему свое отношение. Это очень важно. И еще я расскажу о своих бесконечных скитаниях. Прощай!

Глава 10

Каролина сидела в столовой, она улыбалась, кивала и делала вид, что с интересом слушает рассказы дяди Рэвела. На самом деле, девочка изнемогала от нетерпения, выжидая, когда закончится нудный ужин, и можно будет подслушать переговоры родителей и дяди. Обычно они поднимались наверх, к нему в кабинет, где на некоторое время заперлись.

Каролина глянула исподтишка на отца: тому, кажется, все равно, когда идти на деловую беседу. Он с жадностью налегал на блюда, словно дома его держали на хлебе и воде. А вот мать заметно нервничала и поглядывала на часы, видно, ей хотелось как можно скорее рассказать брату нечто непомерно важное. Каролина перевела взгляд на тетю Бетти, та сидела, прямая, как палка, элегантно и красиво одетая, и лицо ее выражало живой интерес и благодушие. Только вот, то всего лишь маска, которую она надевает при гостях. Каролина кидала на нее пристальные взгляды и подмечала: иногда тетя просто-напросто шалее от скуки. Как интересно! По-моему, я стала очень наблюдательной, раньше никогда не обращала внимания на окружающих, а вот теперь, благодаря этой Мелисске становлюсь настоящей ищейкой! Каролина даже покраснела, ее так и распирало от гордости. Ну когда же они закончат есть?! Сколько же можно!

Наконец, дядя Рэвел встал и, поклонившись тете Бетти, радушно заметил:

- Дорогая Беатрис! Спасибо тебе за прекрасный ужин! Ты – настоящая душа этого дома! Беатрис деланно улыбнулась и кивнула. В словах дяди Каролина почувствовала целую тонну очевидного лицемерия. Как же она раньше не замечала всего этого?!

- Ну что ты, Рэвел?! Ты тоже принимал участие в выборе блюд для ужина!

- Ах, Беатрис, ты чудесная жена и хозяйка! Не скромничай! – затараторила Франческа, а Дарен начал неуклюже поддакивать ей.

Каролина и тут подметила явную фальшь. И для чего они это делают? Что им до Беатрис! Не понимаю!

- Доченька, милая, посиди тут с тетей, а мы пойдем наверх, нам предстоит важный разговор, – продолжала ворковать Франческа.

- Конечно, мамуля, – улыбнулась Каролина и мельком глянула на тетю, она явно не испытывала радости от предстоящего общения с племянницей.

Интересно, что она обо мне думает на самом деле?! Такая мысль первый раз пришла ей в голову. Тетя всегда одинаково любезна со мной, а вдруг она меня терпеть не может и просто умело играет свою роль, как и все остальные?! Каролина поразилась такому умозаключению, но попыталась отогнать ненужные мысли. Да какая разница! Я же с ней не живу вовсе!

Родители и дядя неспешно поднялись наверх. Теперь перед Каролиной стояла задача, каким-то образом отделаться от тети и попасть на второй этаж.

- Скучно тебе, Каролина? – спросила тетя бесцветным голосом и посмотрела на нее откровенно, сясь придать взгляду радушие.

- Да что вы, тетя? Как можно! – она помолчала несколько секунд, а потом добавила: - Я тут вспомнила, что вы обещали мне книгу! Уже не помню названия, но что-то такое о море!

Тетя напрягла память, ее лицо через некоторое мгновение прояснилось.

- Ах, да, помню! Конечно же, сейчас я тебе принесу ее из библиотеки, подожди меня тут! Мне понадобится время, чтобы отыскать ее! - быстро проговорила она и исчезла в коридоре.

Вот она, удача! Каролина встала, и, подождав пару минут, бросилась на лестницу. Она уже продумала план. Рядом с кабинетом находились две комнаты, можно войти в одну из них и, приложив ухо к стене, подслушать разговор.

Каролина безо всяких препятствий поднялась на второй этаж и затаилась. Дверь в одну из комнат была закрыта, а вот вторая открыта настежь! Какая удача! Девочка бесшумно прошла туда, осторожно и тихо прокралась к стене. Ей повезло – она не задела в темноте ни одного предмета. Она прикинула ухом к бархатным обоям и стала вслушиваться.

- Да, да, пожалуй, это отлично, отлично, - услышала она голос дяди. - Я думаю, они одобряют такой расклад.

- Нужно ли еще нам что-то делать, братец? Или пока все идет, как по маслу? - прозвучал голос Франчески.

- Я думаю, пока все идет просто отлично. Они делают свое дело, мы - свое. Они сказали, чтобы мы не перегибали палку, иначе может быть хуже. Ты же знаешь, дорогая сестрица, - он немного помолчал, тяжело вздохнул и добавил: - У них своя мудреная стратегия, нам ее никогда не понять.

- Это точно, - чуть дрожащим голосом ответила Франческа, в нем Каролина уловила неприкрытый страх.

Интересно о чем это они? Вряд ли о Мелиссе? Ну, давайте же, говорите еще! Говорите, - про себя взмолилась она.

- Я думаю, мадам Грегория – отличное оружие в наших руках, - заключил Рэвел.

«Значит все-таки о ней, о Мелиссе!» – восторжествовала Каролина!

- Да, только вот девчонке теперь помогает Вернанд, этот лесничий, - вставила Франческа.

- Я думаю, это ненадолго, - хмыкнул Рэвел.

- О, - изумилась Франческа. - Братец, ты что-то от меня скрываешь?

Мэр рассмеялся и позвонил в колокольчик.

- Подожди сестрица, сейчас мы выпьем немного, и я расскажу тебе.

Страх сковал Каролину с головы до ног. Черт, служанка или чего хуже сама тетя могут застукать ее здесь. Она, недолго думая, выскочила на лестницу и нос к носу столкнулась с Беатрис, которая выбежала из другой, соседней к кабинету, комнаты. Обе застыли в немом недоумении. Но через несколько секунд Беатрис взяла себя в руки, ее взгляд стал решительным и строгим, она схватила племянницу за руку и потащила вниз. Грубо втолкнула ее в библиотеку, усадила в кресло, села напротив и продолжительно посмотрела на нее.

Каролина не знала, что и говорить! Забавно вышло: они застукали друг друга. Беатрис несколько раз постукала пальцами по столу, а потом многозначительно произнесла:

- Надеюсь, ты оставишь это в тайне, дорогая племянница?

Каролина вздрогнула, никогда раньше она не слышала в голосе тети таких властных

нот. Девочка продолжала молчать, лихорадочно соображая, как бы ей использовать ситуацию в свою пользу.

- Я не знаю, для чего подслушивала ты, - голос Беатрис стал еще более строгим. - Мне это неинтересно, но я думаю, твоей матери не очень понравится, если она узнает о твоих шпионских играх. Так что, - она щелкнула пальцами. - Предлагаю уговор: ты молчишь, и я молчу.

Каролина послушно кивнула и хотела было встать с кресла, но тетя жестом остановила ее.

- Я так и не услышала ответа! - с нажимом произнесла, она и глаза ее сверкнули недобрым огнем.

- Хорошо, тетя, - выдавила из себя Каролина. - Я буду молчать.

- Вот и славно, - выдохнула женщина. - Тебе все еще нужна та самая книга о море?

- Да, да, - пропищала она. - Было бы очень кстати.

Беатрис подошла к шкафу, достала толстую книгу и протянула ее Каролине.

- Тебе надо больше читать, девочка, - сухо сказала она.

Каролина вцепилась в книгу и пулей выскочила из библиотеки. В столовой она уселась за стол и залпом выпила стакан лимонада. Вот я попала-то! Но зато у меня есть хоть какие-то зацепки! Значит, на Мелиссу идет травля, целенаправленная травля! Осталось только выяснить почему, и мерзавка в моей власти! Каролина захлебывалась от восторга, представляя, как Мелисса будет стоять на коленях и слезно молить о том, чтобы она держала в тайне страшный секрет! Вот только, для чего подслушивает тетя? Видимо, дело тут действительно большой важности. Кто такие «они»? Те, загадочные «они», о которых говорили родители? Она улыбнулась своим мыслям! Как много всего интересного ей предстоит узнать!

Глава 11

- Вот теперь отлично, - Вернанд кинул оценивающий взгляд на Мелиссу: - Ну-ка отойди чуток назад.

Мелисса повиновалась и, улыбаясь, посмотрела на лесничего. Сегодня утром он занялся чисткой ее платья. Он нашел на нем пару грязных пятен и никак не хотел отпускать ее в таком виде.

Для верности он еще раз прошелся щеткой по зеленому рукаву и закивал.

- Отлично, отлично, - прокричал он. - Теперь можешь идти, девочка. Твоя мама не скажет тебе спасибо, если бы узнала, в каком виде ты ходишь в школу.

Мелисса почему-то вспомнила Сару и чуть было не рассмеялась. Та по дороге в школу умудрялась испачкать платье, руки, лицо, и ничего! А тут-то всего лишь парочка едва заметных пятен.

- Спасибо, Вернанд, ты такой добрый и хороший! - протянула Мелисса.

- Ну тебя, - он смущенно замахал руками. - Давай, иди, иди, а то опоздаешь! И не задерживайся! А то я буду волноваться!

Мелисса кивнула. Да, с Вернандом хорошо жить вместе, только вот тоскует она по родителям. Надо будет заглянуть к ним на днях. Мелисса вздохнула. Если бы не Вернанд, она бы уже давно расклеилась и лила слезы!

Мелиссе вспомнился странный сон о Бренде. Кажется, она действительно приходила к ней. Больше всего девочку поразила история о Грее! Неужели, в этом человеке было что-то хорошее?! Даже не верится! Но Бренда обещала прийти еще! Мелисса надеялась

на скорую встречу с девушкой. После того, как она прочла дневник, ее образ стал родным и близким, и Мелисса искренне радовалась тому, что Бренда продолжила с ней знакомство, хоть и таким странным способом. Раньше девочка поразились бы такому стечению обстоятельств, но сейчас она уже ничему не удивлялась. Ее решение написать рассказ подкрепилось теперь и словами Бренды! Как хорошо, значит она действительно на правильном пути!

Неспешной походкой она достигла школы, и, стараясь не думать ни о чем плохом, вошла в здание. Открыв дверь класса, девочка в ту же секунду почувствовала необычайное напряжение. Урок еще не начался, но одноклассницы уже сидели тихо и во все глаза смотрели на мадам Грегорию, которая со значительным видом застыла у доски.

- Мелисса, можешь не заходить в класс! Мы сейчас уходим на собрание, - важно сказала мадам Грегория и махнула рукой девочкам, чтобы те поднимались со своих мест.

Они разом встали, и по одному, стройным шагом стали выходить из кабинета. Мелисса отошла в сторону и заметила, что одноклассницы стараются не смотреть на нее и настойчиво опускают глаза. И только Каролина бросила в ее сторону ядовитый взгляд, в котором читалось не то скрытое торжество, не то неприкрытая ненависть.

Мадам Грегория возглавила шествие, и весь класс по парам, молча и торжественно пошел за ней. Мелисса плелась в самом конце, стараясь держаться, как можно дальше от унылой процессии. Интересно, а в честь чего собрание? Опять будут говорить о важности предстоящего Дня Обретения? Или устраивают какой-нибудь новый дурацкий праздник?

Когда они подошли к актовому залу, Мелисса увидела, что добрая половина учеников из других классов уже сидели на жестких, неудобных стульях. Мадам Грегория гордо вошла в помещение и повелительным жестом показала девочкам на свободные места. Те послушно выполнили немой приказ. Мелисса хотела было спрятаться за колонной, но мадам Грегория опередила ее и подозвала к себе:

- Нет, нет, тебе не сюда. Следуй за мной.

Немного удивленная Мелисса пошла вслед за классной дамой. Спокойно сидящие школьники с явным любопытством поглядывали на нее. Когда они дошли до первого ряда, который оказался совершенно пустым, мадам Грегория повелительно сказала:

- Садись!

Мелисса опустилась на стул. За ее спиной раздавались какие-то неясные шепотки, в которых она то и дело слышала свое имя. Мадам Грегория удовлетворенно окинула взглядом собравшихся, улыбнулась и взошла по широким мраморным ступеням на сцену. Она села за большим овальным столом и, поправив очки, громко произнесла:

- Мне кажется, можно начинать!

Услышав ее клич, на сцену начали подниматься остальные учителя. Когда они расселись, наступило непродолжительное молчание. Зал замер в ожидании. Мелисса отметила про себя, что Мирты среди председательствующих нет. Неожиданно тишину нарушил привычный голос мадам Грегории:

- Мелисса, я попрошу тебя встать и подняться к нам.

Девочка вздрогнула. Она не сразу поняла, к кому обращается классная дама и продолжала сидеть на месте.

- Мелисса, ты что не слышишь? – с нажимом повторила та, и взгляды почтенных учителей с укоризной впились в девочку.

Мелисса резко вскочила и недоуменно спросила:

- Мне нужно подняться к вам?

- Да! – отрезала мадам Грегория.

Мелисса растеряно пожала плечами и поднялась наверх. Она встала напротив классной дамы и замерла, ожидая дальнейших указаний.

- Встань чуть левее от стола, - снова последовало ледяное приказание. - Лицом к залу. Мелисса повиновалась. Десятки любопытных, жадных до зрелища глаз впились в нее. - Мы собрались здесь не просто так, - продолжала говорить мадам Грегория. - Мы собрались из-за тебя, Мелисса.

Классная дама выдержала паузу и кинула на девочку злобный, полный презрения взгляд. Мелисса продолжала молчать. Холодное оцепенение сковало ее с ног до головы. - Мы хотим обсудить твоё недостойное поведение! - с ядом в голосе прошипела мадам Грегория.

Последние слова прозвучали, как хлесткий звук пощечины. Мелисса покраснела, она была не в силах вымолвить ни слова и смотрела куда-то вдаль, словно пыталась пробить взглядом стену.

- Ты вчера без всякого повода оскорбила не только лучшую ученицу класса, но еще и меня, а заодно и нашего славного мэра, - мадам Грегория говорила уже стоя. - И ты должна понести заслуженное наказание. Верно? - она глянула на своих коллег.

- Да, да, да, - яростно затарахтели те.

- И опусти-ка голову, - вдруг сорвалась на крик мадам Грегория. - Что-то ты ее слишком высоко задрала.

Мелисса сжала кулаки, внутри все неистово хлопотало, и она повернувшись лицом к столу, с достоинством ответила:

- Ни за какие блага мира я не опущу голову, а уж тем более не буду слушать ваши напыщенные речи.

Зал ахнул, бурное возмущение волной пронеслось по нему. Учителя все, как один, начали кричать что-то угрожающее. Мадам Грегория стукнула кулаком по столу, призывая собравшихся к молчанию.

- Я так и знала, что ты продолжишь дерзить, неблагодарная девочка, - шипела мадам Грегория, брызгая слюной. - Сейчас ты у меня за все ответишь, - и она достала из-под стола пучок розг. - Хотя они давно отменены, но в данном случае можно сделать исключение.

Зал притих, а на лицах учителей появились довольные улыбки.

Вдруг откуда-то из-за колонны донесся громкий голос:

- Оставьте ее в покое! Немедленно!

Взгляды устремились туда. Мелисса увидела Мирту, которая быстрым и решительным шагом направлялась к сцене, лицо ее пылало, а глаза горели яростью.

Не обращая внимания на ропот неодобрения и многочисленные протесты, она легко вскочила на сцену, будто бы взлетела, мимоходом пожала Мелиссе руку и встала напротив мадам Грегории.

- Конечно, с вашей стороны, было очень благоразумно не звать новую учительницу на столь важное собрание, но, как видите, я все-таки пришла, - Мирта заговорила резким, уверенным голосом. - И я не позволю вам издеваться над несчастным ребенком.

- Да, кто вы такая, чтобы указывать нам! - с дрожью в голосе закричала мадам Грегория. - Мы уже несколько десятков лет преподаем здесь, а вы, новенькая, никому неизвестная шарлатанка!

Мирта сжала кулаки и угрожающе шагнула к ней, та от неожиданности плюхнулась на стул.

- Я попрошу вас не оскорблять меня! И не надо думать, что все в вашей власти, - с иронией произнесла Мирта, и, опершись о стол, наклонилась к мадам Грегории. Она по-

смотрела в ее маленькие, горящие от злобы глаза и громко добавила: - Вы, может быть, хотите попасть за решетку, используя давно запрещенные телесные наказания? Уж поверьте мне, я найду на вас управу. В Бриф-Косте у меня много знакомых!

Мадам Грегория подскочила, вцепилась в собственную прическу и завизжала, как ошпаренная кошка:

- Вон отсюда! Вон! Я все равно отстаю эту мерзавку.

- Что за шум, а драки нет? - неожиданно раздался спокойный, но громкий голос.

Мадам Грегория застыла в недоумении - опершись о стену, у самой двери стояла мадам Стефания, и, судя по ее виду, она наблюдала эту отвратительную сцену вот уже несколько минут. Совершенно спокойно, с легкой улыбкой на губах она прошла по залу и села в первый ряд.

- Ну-с, что у вас тут происходит? - все таким же любезным тоном осведомилась она, и с любопытством поглядела на Мелиссу и Мирту.

Мадам Грегория вытянулась, как солдат и с дрожью в голосе, немного запинаясь, ответила:

- Госпожа директор, мы хотели призвать к ответу уже известную вам ученицу, которая вчера так дерзко себя повела.

Мадам Стефания зевнула, чуть приспустила очки и, бросив мимолетный взгляд на мадам Грегорию, спросила:

- А что это у вас в руках, милочка?

Классная дама только сейчас поняла, что пучок розог до сих пор крепко зажат в ее ладони.

- Ммм, - заблелая она. - Это для того, чтобы исправить непослушную ученицу.

Тут мадам Стефания так громко хлопнула в ладоши, что все вздрогнули.

- Может, я чего-то не понимаю, милая моя, - в ее тоне послышались стальные нотки. - Но, кажется, телесные наказания давно запрещены.

- Да, я знаю, - начала оправдываться классная дама. - Но негодная девчонка достойна их! Кроме того, наверное, вы не знаете, но в ее доме сейчас живет этот отщепенец, изгнанный из города лесничий Вернанд!

При упоминании имени Вернанда, Мелисса вздрогнула и хотела было накинуться с кулаками на мадам Грегорию, но Мирта вовремя схватила ее руку и крепко сжала.

- И что с того? Какое вам дело до того, с кем живет Милена! - с нажимом ответила мадам Стефания и встала. - Мне кажется, вы в грош не ставите мое мнение. А, между прочим, я директор! - ее глаза вспыхнули. - По-моему, я вчера уже разговаривала с девочкой! И, вообще, кто дал вам право устраивать собрания без моего ведома?

Мадам Грегория покраснела, как свежесваренный рак, и тупо уставилась в пол. Остальные учителя упорно делали вид, что не имеют никакого отношения ко всему происходящему. Они или рассеяно смотрели по сторонам, или бездумно калякали в своих блокнотиках.

- Вы молчите? - также грозно продолжала директор. - А между прочим, пока вы заседаете, не проводятся уроки, - она немного помолчала, а потом добавила: - Стыдитесь, милочка! Самоуправство - дурная вещь! Если в следующий раз произойдет нечто подобное, вы у меня в три счета вылетите из школы! Слышите?

- Да, - выдавила из себя мадам Грегорию. Ее лицо было уже не красным, а пунцовым.

- А теперь, расходимся, дамочки! - весело пропела мадам Стефания, - А вы, милая моя, сейчас же извинитесь перед Миленой.

Классная дама нервно дернулась, подняла недоуменное лицо и прохрипела:

- Я? Извиниться перед ней?

- Да, да, милочка! – приободрила ее улыбкой директриса. - Ну, вперед же!
- Казалось, что еще немного и мадам Грегорию разорвет от злости! Но, приказ есть приказ, и она, слегка повернувшись к Мелиссе, прошипела:
- Прошу прощения!
- Bravo, bravo, - мадам Стефания захлопала в ладоши. - А теперь, скорее, на занятия!

Глава 12

После позорной сцены, разыгравшейся в актовом зале, мадам Грегория сухо и холодно вела урок. Она говорила сквозь зубы и с величайшим трудом выдавливала из себя слова, а ее левый глаз нервно дергался. Она старалась не смотреть на Мелиссу и упорно делала вид, что девочки не существуют вовсе. Все остальные ученицы сидели тихо, как мыши, боясь сделать лишнее движение – не дай бог навлекут на себя гнев классной дамы!

Одна Каролина беспокойно ерзала на стуле и поглядывала на Мелиссу. Ей не давала покоя мысль о том, что Мелисса не понесла наказания и не была отстегана. Какое же она испытала разочарование, когда эта молодая девица Мирта помешала свершиться справедливому акту возмездия! Каролина сама готова была выбежать на сцену и как следует отхлестать Мелиссу. Но все же надеялась, что Мирта не сможет помешать благим намерениям мадам Грегории. Но когда появилась мадам Стефания, Каролина поняла - все пропало. Что же такое? – негодовала она. Ну почему этой мерзавке все сходит с рук! И мадам Стефания неспроста вступилась за нее! Наверное, здесь тоже кроется какая-то тайна! В чем ее особенность, если даже сам мэр говорит о ней на важном совещании? Как же узнать хотя бы что-то? Каролина задумалась и вспомнила о том, что на каждого ученика в школе заводится личное дело. Хранятся эти бумаги в кабинете мадам Стефании. Вот бы проникнуть туда! Быть может, там она сможет найти ответ? Каролина обрадовалась. Да, да, да! Надо незаметно прошмыгнуть в кабинет мадам Стефании и найти дело Мелиссы!

Так, после полудня мадам Стефания обычно отправляется к себе в сад, а ключ от кабинета оставляет в учительской. Надо будет всего лишь пробраться туда и стянуть ключ! Лицо Каролины просветлело! Да, сегодня она именно так и сделает! Обрадованная этой мыслью, она облегченно вздохнула и перестала глазеть на Мелиссу.

Последняя уже успела прийти в себя после произошедшего. Она тихо посмеивалась над неудавшейся попыткой экзекуции и замечала, что Каролина вот-вот лопнет от злости и беспрестанно пылливо смотрит на нее. Вот же глупая девица! Интересно, что сейчас происходит у нее в голове? Такое ощущение, что она готовит план мести. Ну и черт с ней! Ее глупость еще сыграет с ней злую шутку.

Последующие три урока: математики, химии и физики прошли для Мелиссы как нельзя лучше. Почтенные учителя, казалось, были крайне смущены тем, что приняли участие в предприятии, которое пришлось не по вкусу директору, и, потому, не трогали Мелиссу и не делали ей никаких замечаний. Воспользовавшись ситуацией, девочка смотрела в окно, а не на доску и продумывала план рассказа.

После занятий она пребывала в благодушном настроении, и, не обращая внимания на заинтересованные взгляды, которые бросали в ее сторону ученики других классов, направилась в беседку. (Во время одной из перемен к ней подошла Мирта и попросила дожидаться ее там).

Мелисса пришла на место встречи, и, ожидая появления молодой учительницы, достала пакет с обедом, который ей заботливо вручил Вернанд. Она жевала бутерброд с

ветчиной и беззаботно болтала ногами. Ласковое сентябрьское солнце проникало сквозь густую листву под купол беседки и освещало деревянные балки золотистым ярким светом.

Мелисса быстро уничтожила весь свой провиант, и едва успела стряхнуть крошки с платья, как в беседку зашла Мирта.

- Ну привет, Мелисса, - весело произнесла она. - Как твое настроение? Как прошли уроки?

- Да все хорошо, Мирта! – отозвалась Мелисса. - Спасибо, что встали на мою сторону сегодня утром!

- Уж поверь мне, я бы ни за что на свете не позволила этой старой жабе отхлестать тебя!

- презрительно скривила губы Мирта, - Возможно, ей крупно повезло, что мадам Стефания вовремя вмешалась.

- Да уж! Я видела ее лицо, когда вы сказали, что найдете на нее управу! Ей такое первый раз в жизни пришлось услышать. Ах, Мирта, несмотря ни на что, мое настроение просто прекрасное, - выдохнула Мелисса. - Посмотрите, какая чудесная погода! Так и хочется бросить все и прогуляться по лесу! Собрать кленовых листочков, желудей, каштанов!

- А давай так и сделаем, Мелисса, а? Пойдем в лес прямо сейчас! – предложила Мирта.

- О! Я с удовольствием! – Мелисса в возбуждении вскочила. - Только вот надо зайти домой сказать Вернанду, что мы идем гулять. Может быть, и он к нам присоединится?

- Отлично, - кивнула головой девушка. - Ну что, тогда в путь?

Глава 13

После того, как закончились уроки, Каролина вышла на школьный двор вместе с остальными ученицами. Несколько минут они стояли на ступеньках, обсуждали утренний инцидент, ругали Мирту и Мелиссу, награждая их самыми неслестными эпитетами, и уже было собрались идти домой, как вдруг Каролина притворно ахнула и сделала недовольное лицо.

- Что такое, Каролина? - робко поинтересовалась у нее толстушка Клара.

- Вот незадача, - Каролина скривилась. - Я, кажется, забыла свою тетрадь по химии в классе! Придется возвращаться!

- Ой, вот как! - расстроилась Клара. - Ну, ничего, ты сбегай обратно, а мы тебя тут подждем. Правда, девочки?

Те единодушно закивали, выражая тем самую искреннюю верность и преданность Каролине.

- Ой нет, не надо меня ждать, - отмахнулась Каролина. - Я еще хочу зайти в уборную. Не знаю, как долго я там пробуду, - и она разразилась громким смехом, подчеркивая тем самым искрометность своей шутки.

Девочки, не долго думая, рассмеялись следом за ней, пожелали ей удачи в уборной и отправились восвояси.

Каролина вздохнула с облегчением - глупые курицы ничего не заподозрили! Да куда им! Они настолько тупы, что не могут отличить черное от белого. Девочка воровато сгляделась по сторонам и вернулась обратно в школу. По коридору еще бродили ученики, занятые собственными делами, но они не обратили на нее внимания. Она прошмыгнула к узкой, темной лестнице, которая вела в учительскую.

Учительской пользовались редко, но, тем не менее, в ней стоял небольшой столик и пара кожаных, неудобных диванов. Преподаватели никогда не собирались там - помещение школы было настолько обширным, что у каждого имелся свой личный кабинет.

Потому эту комнату использовали только как место для хранения ключей.

Каролина поднялась по лестнице и постучала. Тишина! Значит, никого нет! Она резко толкнула дверь и ввалилась внутрь. Подошла к шкафчику, в котором хранились ключи, и ее взгляд наткнулся на большой ключ с биркой, сделанной из плотной розовой бумаги. На ней было подписано «Директорская». Каролина быстрым движением сняла ключ с крючка, запихнула в карман и поспешно вышла из кабинета. Она спустилась, огляделась, увидела, что коридор пуст и облегченно вздохнула.

Беспечной неспешной походкой она пошла в сторону директорской. Она была уверена, что мадам Стефания уже ушла в сад заниматься розами и раньше чем через час не явится обратно. Да и никто из учителей не будет соваться туда. Все знают, что мадам Стефания проводит это время на свежем воздухе.

Каролина благополучно добралась до кабинета директора, вставила ключ в замочную скважину и, толкнув дверь, с быстротой молнии влетела внутрь. Сердце стучало, руки предательски дрожали, она даже прикусила губу, чтобы не вскрикнуть от страха. Несколько секунд ей понадобилось для того, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок. Она оглядела кабинет и заприметила узкий шкафчик в углу у окна. Должно быть, именно здесь хранятся личные дела. Она подошла к нему и, собравшись духом, открыла. Да! Она не ошиблась.

Каролина нашла толстую папку с номером своего класса и открыла ее. В ней находилось бумаги, скрепленные друг с другом. Она поспешно перелистывала их, пока не наткнулась на закладку с надписью «Мелисса». Холодный пот прошиб ее с ног до головы, она сглотнула слюну и отдышалась. Что делать? Прочитать здесь или забрать с собой? Нет, уж лучше забрать, вдруг мадам Стефания вернется! Что тогда будет?! Скандал! Ужасный скандал! Громче того, который разразился вокруг имени Мелиссы! Кроме того, ее нервное возбуждение достигло пика, и она уже не могла находиться здесь, у нее даже голова закружилась от страха. Каролина осторожно открепила дело Мелиссы от остальных, сунула бумаги запазуху, закрыла ящик и с величайшей осторожностью подошла к двери, прислушалась - в коридоре стояла тишина. Она осторожно вышла, не забыв запереть замок на три оборота.

И снова удача улыбнулась ей! По пути она никого не встретила и, промывгнув в учительскую, повесила ключ на прежнее место. Каролина вздохнула с облегчением только тогда, когда очутилась в коридоре. Все! Теперь она в безопасности! Девочка горела нетерпением поскорее узнать, что же там такое в личном деле Мелиссы?! Домой идти с опасной добычей не стоит! Потому она решила запереться в одной из кабинок уборной и спокойно все прочитать.

Обрадованная этой мыслью, Каролина ускорила шаг и, добравшись до места назначения, прислушалась - здесь все тихо, никого нет. Она прошла в первую попавшуюся кабинку и уселась на возвышении.

Руками, трясущимися от возбуждения, она достала бумаги и окинула беглым взглядом первую страницу. Ничего интересного - лишь сухие факты: когда родилась, кто родители, и все в том же духе. В волнении она открыла следующую страницу и впиалась взглядом в текст - и тут ничего! Только данные за несколько лет об общей успеваемости по предметам! Ну, может на последней, третьей, она что-нибудь узнает?! Но и тут ее постигло разочарование, она прочитала о том, к каким предметам у Мелиссы выявлена склонность!

Каролина злобно потрясла листами! Стоило из-за такой ерунды подвергать себя опасности! Она готова была взорваться от досады и уже приготовилась встать со своего «трона», как вдруг открылась дверь, и она увидела удивленное лицо мадам Грегори!

- Ой, - испуганно вскрикнула та. - Каролина!

Черт возьми - пронеслось в голове у девочки, кажется, я забыла закрыться на щеколду! И тут же вторая, шальная мысль молнией сверкнула в ее сознании, - мадам Грегория сейчас увидит то, что она читала! Инстинктивно Каролина попыталась спрятать пожелтевшие листы в карман, но было поздно: обескураженный взгляд классной дамы стал подозрительным, а потом внимательным. Блуждающим взором она обвела всю фигуру Каролины, и вот ее глаза наткнулись на ярко-красную закладку с надписью «Мелисса».

На несколько секунд воцарилось молчание, и наконец старая дама произнесла задышающим голосом:

- Где ты это взяла?

Каролина молчала. По ее взгляду, устремленному в пол, мадам Грегория все поняла.

- Ты проникла в кабинет директора? Ты копалась в личных делах? Так? – с нажимом продолжала она.

Каролина не произнесла ни слова. Мадам Грегория шумно вздохнула и сказала:

- Каролина, будь добра объясниться. И не здесь, а в моем кабинете. Пойдем!

Девочка послушно встала, предусмотрительно сунула запазуху бумаги и уныло поплелась следом за учительницей, которая шагала решительной походкой, гордо воздев голову. Что же теперь будет? Очередной скандал, но только теперь связанный с ее именем! С именем лучшей ученицы в классе, да что в классе, в школе! Какой позор! Каролина густо покраснела. Ох, ну и влетит же ей от родителей! Да и мадам Стефания вряд ли обрадуется такой выходке. С такими невеселыми мыслями она зашла в кабинет классной дамы.

До этого Каролине не приходилось бывать здесь, и, несмотря на произошедший казус, она с интересом осмотрела комнату. Обстановка тут была донельзя чопорной. На громоздком дубовом столе, грубом и неказистом, лежали учебники и бумаги, педантично разложенные высокими стопками. Стены украшали портреты монаха Альтера и представителей первой власти города.

Мадам Грегория усадила Каролину в кресло и елейным голосом спросила:

- Девочка моя, зачем тебе понадобилось дело этой мерзавки?

Ласковый тон классной дамы приободрил Каролину, она подняла голову и посмотрела ей в лицо. Нет, мадам Грегория совершенно не злится на нее, напротив, она, кажется, даже довольна! Каролина лихорадочно соображала, что же ей ответить? Говорить правду совсем не хотелось, а уж тем более рассказывать ей о своих подозрениях, и потому она ляпнула первое, что пришло в голову:

- Вы знаете, мадам, после того, что эта негодная девочка наговорила мне вчера, я места себе не нахожу! И захотела разузнать что-нибудь о ней - она смущенно опустила голову. – И потому я решилась на такой дерзкий поступок, несомненно заслуживающий наказания.

- Ох, бедная ты моя, - мягко ответила классная дама. - Вот до чего довела тебя выходка этой паршивки! Ну, ничего, ничего страшного! Об этом никто не узнает, поверь мне!

- О, спасибо! - вспыхнула Каролина и ласково посмотрела на собеседницу, а сама подумала: «Вот старая дура!».

- Но, - мадам Грегория вскинула брови. - Раз ты так хочешь узнать что-нибудь о ней, я расскажу тебе. Согласна?

Ее приторно-сладкий голос мягко проник в сознание Каролины, и она интуитивно поняла: за этим заманчивым предложением кроется что-то еще, и потому осторожно спросила:

- Неужели вы будете так добры ко мне?

- Конечно, моя дорогая, - она развела руками, - Но при одном условии! - она выдержала небольшую паузу. - Если ты начнешь наблюдать за ней и будешь сообщать мне что-нибудь интересненькое. Ты согласна, девочка моя?!

Каролина пристально взглядела в нее. А она хитрая бестия, эта старая карга, но не хитрее ее, Каролины! И она, Каролина, обведет ее вокруг пальца! Ха! Сообщать! Еще чего! Акт возмездия должна будет совершить именно она, а не эта старая развалина! Так подумала Каролина, а вслух сказала совсем другое:

- О, конечно! Я сочту за честь докладывать вам все, что узнаю об этой мерзавке!

Мадам Грегория облегченно вздохнула и торжественно вымолвила:

- Ну, тогда, дорогая Каролина, я расскажу тебе кое-что!

Она встала, кинула взгляд на портрет монаха Альтера и, будто бы заручившись его поддержкой, начала говорить:

- Ты знаешь, дорогая моя, какие страдания пришлось претерпеть нашим предкам, чтобы получить этот город в свое распоряжение. Ты знаешь, дорогая моя, какую самоотверженности проявил достопочтенный монах Альтер, чтобы привести наших предков сюда. Он - наше спасение! - лицо мадам Грегории в этот момент просияло изнутри, она поклонилась портрету и продолжила: - монах Альтер привел нас сюда и мудрым своим решением допустил самых умных, самых добропорядочных людей управлять городом. Им мы тоже обязаны нашим спасением! Их власть передается по наследству! И тебе несказанно повезло, что ты родственница нашего нынешнего мэра, а значит, освещена, озарена огнем любви небесной!

Мадам Грегория воздела руки к потолку. Никогда прежде Каролина не видела ее такой. Да похоже, старая клыча - самый настоящий фанатик! Девочке захотелось расхохотаться, но она сдержалась и придала своему лицу благоговейное выражение.

Мадам Грегория снова поклонилась портрету монаха Альтера и продолжила:

- Монах Альтер рассказал избранным о страшной опасности, которая таится для нас в будущем и велел им передавать это тайное знание по наследству! - лицо женщины искалзи гнев, с трудом справляясь с ним, она ожесточенно продолжила говорить: - Монах Альтер предупредил избранных о том, что через 300 лет должна появиться некая девочка, которая отважится покуситься на самое святое, что у нас есть! Отважится запятнать честь города и подорвать все его священные устои!

Мадам Грегория замолчала, и, отдышавшись, вымолвила:

- И эта мерзавка будет обладать каким-то творческим даром, он проявится у нее в 13 лет! И совершенно случайно она спустится в подземелья школы! И как ты думаешь, сбьлось ли пророчество монаха Альтера, сбьлось ли?

Ее голос почти сорвался на крик, глаза выражали полнейшее безумие, еще немного и она упадет в истеричный обморок. Каролина даже испугалась, но мысль ее продолжала работать, и, сопоставляя в уме все факты, она ахнула:

- Это Мелисса!

- Да, да, - вскричала мадам Грегория и запустила крючковатые пальцы в высокую прическу с такой силой, словно собралась рвать на себе волосы. - Именно она! Она мне всегда! Всегда не нравилась! Уж слишком она отличалась от остальных! Мысль о пророчестве никогда не покидала меня! Никогда! Всю свою жизнь я боялась, что увижу, как сбывается пророчество! Я надеялась, что кошмар обойдет меня стороной, что черные дни настанут, когда меня уже не будет на свете, и я не увижу страшного позора! И вдруг Этери сообщает мне об успехах Мелиссы в литературе! Я насторожилась, но отогнала страшные мысли, но в последний день учебы, я застаю Меллиссy, выходящий из подзе-

мельс с мадам Стефанией! Все один к одному! И тогда я решила, что пора действовать: я доложила об этом нашему уважаемому директору, и что же? Она и ухом не повела! Ей все равно! Ей плевать на честь города! Тогда я сразу пошла к моему дяде, он не на шутку разволновался и дал мне указание держать мерзавку под надзором! Вот так-то! В том, что в ней проявился дар, виноваты мы все! Ты же знаешь, Каролина, в нашем городе никогда не было этих ужасных людей, которых называют творцами! Творцы! Какая гадость! Нет творца иного, кроме монаха Альтера! Он сотворил надежду, он дал нам город, чтобы мы могли спокойно жить в нем! Вот, истинное творение! А те, кто смеет называть себя творцами?! Кто они?! Балагуры, которые сбивают людей с пути, лишают их вечных мирских благ, отбирают у них высшее достоинство – спокойствие души! Потому-то мы, учителя, стараемся задушить творческие ростки в маленьком человеке! Но Мелисса, Мелисса, как сорная трава, пробилась на землях наших угодий! Но ничего, ничего, мы справимся с ней!

Она закончила свой длинный монолог и устремила невидящий взгляд на Каролину. Девочка сразу поняла, что ее собеседница погрузилась в транс и потому решила смолчать и подождать, когда та окончательно выговорится.

- А знаешь, знаешь, что три столетия назад попросил у горстки избранных монах Альтер? Мы, его паства, его верные соратники, во что бы то ни стало, должны остановить преступницу! Откуда я все это знаю? Моему предку посчастливилось стать одним из тех, кому Альтер доверил этот страшный секрет! В нашей семье тайна пророчества передавалась из поколения в поколение! И мы, мы жили этим! И мы, мы дали клятву: всеми силами предотвратить беду! – она резко замолчала и всхлинула.

Мадам Григория закрыла лицо руками и в полнейшем изнеможении упала в кресло. Потом отняла руки от лица и, пристально посмотрев на Каролину, прошипела:

- Я надеюсь, от тебя никто не узнает об этой тайне, иначе у нас появится другой кандидат на разрушение устоев.

Каролина вздрогнула. Это прозвучало, как угроза. Да, мадам Григория явно одержима, однако, как ловко она скрывает свое безумие! Голова девочки кружилась от избытка информации. Вот оно что оказывается! Вот оно что! Но почему-то ей кажется, что мадам Григория преувеличивает свою причастность к секретам монаха Альтера! Тут скрывается нечто большое, о чем классная дама знать не знает, но она, Каролина, обязательно докопается до правды.

- Я буду молчать, мадам, и я помогу вам остановить плутовку, - заверила ее Каролина и поспешно встала. - А теперь, пожалуй, я пойду, - она встала с неудобного кресла и быстро попятилась к выходу.

- Погоди, - глаза учительницы блеснули недобрый огоньком. - Отдай мне ее дело, я положу его обратно.

- О, конечно, конечно, - Каролина выложила потрепанные бумаги на стол и опрометью выскочила из кабинета.

Ну и дела!

Глава 14

Дорогой Мирта и Мелисса говорили о Бриф-Косте: вспоминали его старинные улицы, укромные уголки и свои излюбленные места. Когда речь зашла о Фэктори, Мирта нахмурилась. Мелисса захотела выяснить, что думает она об этом квартале. Быть может, Мирта знает что-нибудь о Грее и Бренде?

- Я слышала, что на окраине Фэктори есть дом с привидениями. Мой друг Билли рас-

сказывал о нем, - закинула удочку Мелисса.

Мирта бросила на нее странный испытующий взгляд и протянула:

- Да, говорят, в этом доме обитает настоящее зло.

- Да, говорят, - вздрогнула Мелисса и вспомнила старую лестницу, залитую лунным светом, по которой они убегали от темных тварей.

Мирта внимательно посмотрела на нее и хмыкнула:

- У тебя сейчас было такое лицо, как будто ты сама там побывала!

- О, нет, что вы, - Мелисса покраснела. - Я бы никогда не решилась!

- Ну конечно, - с иронией в голосе ответила Мирта. Мелисса насторожилась. К чему это она ведет?

- А вы знаете, что тот самый Грей родом из Файнд-Тауна? - Мелисса решила скорее перевести тему, но сразу же поняла, что сказала лишнее и замолкла.

- Да? - Мирта удивленно вскинула брови. - Первый раз слышу. Говорили, он откуда-то издалека, но Файнд-Таун не упоминали. Кто тебе рассказал об этом?

- Ну, Билли и рассказал, - неуверенно соврала Мелисса.

- Какой умный мальчик, - усмехнулась Мирта.

Тем временем они подошли к калитке, и Мелисса облегченно вздохнула.

- О, вот мы и дома! Тут я и живу! - весело пробормотала она. - Пойдемте же внутрь! Вернанд ждался меня! Как же он обрадуется, когда вас увидит!

Она бодро поднялась по ступенькам, но как только открыла дверь, поняла - что-то произошло! На полу в беспорядке валялась обувь: кто-то сбросил ее с полка. Она бросила испуганный взгляд на Мирту. Лицо девушки приняло ожесточенное выражение.

- Погоди, Мелисса, - она отстранила ее и прошла вперед. - Подожди меня здесь, - последовала властная команда.

Мирта решительно двинулась дальше, вглубь дома. Мелисса, несмотря на ее просьбу, кинулась за ней. Они вошли в гостиную, и девочка испуганно ахнула: повсюду были раскиданы бумаги и книги, кресла перевернуты, диваны отодвинуты, осколки разбитой посуды усыпали ковер, а картины сорваны со стен и безжалостно брошены на пол.

- Вернанд! - закричала Мелисса. - Вернанд, где ты?

Ответа не последовало. В спешке они обошли все комнаты и везде заставали одну и ту же картину: беспорядка и разрухи. Так, словно по дому прошелся ураган.

В комнате Мелиссы они остановились. Девочка приложила руку ко лбу и тихо произнесла:

- Что с ним случилось? Кто устроил погром?

Мирта ответила упавшим голосом:

- Мелисса, внизу на кухне явные следы борьбы. Мне кажется, твоего друга похитили. И они явно что-то искали.

На глаза Мелиссы навернулись слезы. Господи, только бы он остался жив! Ее преданный, бесценный дорогой друг! Она с болью вспомнила, как сегодня утром он старательно чистил ее платье и так забавно смотрелся в цветном мамином фартуке. Вот теперь и его нет рядом! Мелисса присела на краешек кровати и, не сдержавшись, горько заплакала. Что теперь будет? Что? Рыдания ее делались все громче и громче. Мирта пыталась ее утешить и с нежностью гладила по голове. Через некоторое время девочка пришла в себя, и до ее сознания долетела фраза Мирты: «Они явно что-то искали». Вспышкой в ее мозгу пронеслось: дневник Бренды и бумаги, обличающие монаха Альтера! Хорошо, что она догадалась спрятать их в спинку своей кровати! Мелисса вскочила, ловким движением открыла свой тайник и с облегчением вздохнула: бумаги на месте. Она схватила их и тревожным движением положила в портфель.

В ответ на удивленный взгляд Мирты, она пояснила:

- Видимо, эти бумаги, они искали.

- Мелисса, я не хочу лезть в твои тайны, это не мое дело. Но пока твой друг не найдется, тебе придется переехать ко мне, оставаться здесь - слишком опасно, - тихим голосом сказала Мирта.

Мелисса кивнула:

- Спасибо огромное, Мирта. Если бы не вы, я не знаю, что бы я делала, - она улынулась сквозь слезы. - Пошла бы топиться, наверное.

- Но, но, - глаза Мирты гневно блеснули. - Еще чего вздумала! А как же твои родители? А как же Вернанд? Ты им всем нужна, Мелисса! И чтобы я больше от тебя не слышала подобных разговоров, даже в шутку.

Мелисса опустила голову:

- Простите меня, Мирта. Но кто? Скажите мне, кто мог похитить его? Неужели это все из-за меня?

Мирта нахмурилась и твердым голосом сказала:

- Мелисса, нам здесь находится небезопасно, пойдем ко мне домой и там спокойно поговорим.

- Хорошо, - удрученно ответила Мелисса.

Глава 15

Когда Каролина прибежала домой, то с трудом могла скрыть радостное возбуждение. До обеда оставалось добрых полчаса, и она незаметно проскользнула в свою комнату. Меньше всего ей сейчас хотелось отвечать на расспросы матери о школе. Она швырнула портфель в угол и, завалившись на кровать, уставилась в потолок и предалась размышлениям. Итак, Мелисса оказалась той, о ком говорилось в пророчестве. Очень интересно! Но это явно не все! Не стал бы так сильно волноваться мэр из-за девчонки, которая каким-то непонятным образом угрожает чести города! Честь города? Что за понятие-то такое? Бред! Да и что она может сделать? Что? Это даже смешно! Значит, мадам Грегория знает только часть тайны! Тут явно замешано что-то еще! До сих пор непонятно, почему свихнулись родители Мелиссы, и кто такие те загадочные «они», о которых давеча говорили на тайном совещании у мэра! Да, она должна все узнать! Тут явно кроется что-то постыдное! Некое знание, с помощью которого она уничтожит Мелиссу! Она станет следить за ней, и чтобы еще больше втереться в доверие к глупой фанатичке мадам Грегории будет сообщать ей что-нибудь поверхностное и незначительное из жизни опальной одноклассницы.

Да! Вот так жизнь началась! Одно сплошное приключение! Каролина присвистнула от восторга. Взглянув на часы, она вспомнила: Клара вечером собирает у себя девочек, чтобы поиграть в настольные игры. Каролина всегда была охоча до таких сборищ, там она чувствовала себя полновластной королевой, ей нравилось как девочки подобострастно общаются с ней, слушаются ее во всем, да еще и намеренно подыгрывают, чтобы только ей, Каролине, было приятно. Но нет, сегодня она туда не пойдет! Все эти детские игры уже не для нее! Она выросла из них! Лучше спокойно посидеть дома и обдумать все как следует, тем более, может выпасть возможность подслушать что-нибудь еще!

Она бросила взгляд на часы и вздрогнула: пора спешить на обед. Каролина наспех переоделась и сошла вниз. За столом сидели мать и отец. У последнего жадно блеснули глаза, он все время поглядывал на дверь, ждал, когда же появится служанка и накроет

на стол. Каролина ласково поздоровалась с родителями.

- Что, доченька, как дела в школе? – лстиво произнесла Франческа.

- О, мама, ты не представляешь себе, какой скандал сегодня произошел! – Каролина специально ни слова не сказала о Мелиссе и заметила, что лицо матери оживилось. Видно, она с нетерпением ждет «отчета».

- Какой же?! – Франческа состроила удивленную мину.

- Снова Мелисса! – выпалила Каролина.

- Ах! – мать неподдельно обрадовалась. – Ну и что же на сей раз?

Каролина хотела было начать описывать в ярких красках утреннюю историю, как вдруг дверь открылась и вошла служанка. Франческа повелительным жестом остановила дочь, и когда все было готово к трапезе, внимательно посмотрела на нее, ожидая продолжения рассказа.

Каролина окинула белым взглядом стол и поняла, что ей совсем не хочется есть, и впервые, задумалась, а зачем тут столько еды? И жареная баранина с овощами, и наваристый томатный суп, и тушеные кальмары, и прозрачный студень, и рассыпчатая картошка, украшенная кольцами лука, и поджаренный хлеб, и мелко нарезанная копченая селедка! А ведь так каждый раз! Она посмотрела на отца: тот быстрыми ловкими движениями накладывал в тарелку все, что было на столе. Его лицо выражало безграничное довольство. Франческа же, как и подобает настоящей леди, медленно, с чувством собственного достоинства остановилась на одном блюде, но ее жадные глаза скользили по всем кушаньям.

- Ну, доченька, что же ты молчишь? – осведомилась Франческа, проглотив кусочек селедки.

Каролина вышла из оцепенения и начала вещать. Франческа притворно ахала, прикрывала рот рукой, качала головой, а потом спросила:

- Получается, мадам Стефания снова заступилась за эту взбалмошную девицу?

- Угу, – ответила Каролина и отхлебнула апельсинового сока.

- Ох, конечно надо было ее высечь, – назидательно заключила Франческа и принялась за еду.

После обеда Каролина поднялась к себе наверх, и не зная чем занять себя, прошла по комнате. Ее возбуждение до сих пор не прошло. Она кинула взгляд на стол и увидела ту самую книгу, которую дала ей тетя Бетти. Каролина не любила читать, но сейчас захотелось немного отвлечься, и она, улегшись на кровати, взяла в руки книгу. Надо сказать, что чтение затянуло ее, и три часа пролетели незаметно. Она оторвалась от книги только тогда, когда услышала настойчивый звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Она на цыпочках вышла из комнаты и стала прислушиваться к тому, что происходило внизу. Служанка открыла дверь, и пролепетала:

- Ах, мэр Рэвел! Проходите же в гостиную! Я доложу о вас!

Мэр! Сам пожаловал! Видано ли такое! Без предупреждения! Значит, что-то случилось! Каролина чуть было не закричала от восторга. Они сейчас, конечно же, пойдут в курительную комнату, где обычно собираются после ужина. Каролина выждала, пока снизу перестанут доноситься удивленные возгласы, и, спустившись вниз, пробралась в смежную с курительной комнату.

Поначалу они молчали и только двигали кресла, потом, наконец расселись. Как ей повезло! Сейчас она услышит все от начала до конца.

- Итак, – прозвучал голос дяди. – С лесничим все улажено в лучшем виде.

- О, я и не сомневалась, дорогой мой братец! – Франческа радостно засмеялась.

- Полно тебе, сестрица, – оборвал ее Рэвел. – Я не для того пришел, чтобы слушать твои

восторженные речи. Ко мне приходила мадам Грегория.

- О! Я догадываюсь для чего! – хвастливо ответила Франческа, - Жаловалась на директрису?

- Хм, сестрица, - Рэвел явно улыбался. - Я гляжу, ты тоже времени зря не теряешь.

- Моя Каролина – отличный доносчик, - самодовольно ответила Франческа.

Доносчик? Фу! Ну и слово! Вот значит, какого она обо мне мнения! - возмутилась Каролина! Моя Каролина! Как будто я собака какая-то!

- Я ничуть не сомневался, сестрица. Мадам Грегория всерьез обеспокоена тем, что Стефания вставляет ей палки в колеса. И она просит сместить ее с поста директора, - выдохнул мэр.

- Что? – в один голос воскликнули Дарен и Франческа.

- Да, да, именно так, - подтвердил мэр. - Честно говоря, я не знаю, что делать. Вы же понимаете, что беспокоить их по таким вопросам опасно. Ведь это исключительно наша забота.

- Это точно, - в голосе Франчески послышался страх. – Честно скажу, Стефания никогда мне не нравилась! Не наш она человек! Ты, конечно, можешь сместить ее, но это будет нарушение. Ты же помнишь, в течение года до следующего Дня Обретения запрещено менять любой устоявшийся порядок вещей.

- В том-то и дело, - горько усмехнулся Рэвел. – Не хотелось бы пострадать из-за такой мелочи. Никогда не знаешь, что от них ожидать. Я за этим и пришел к тебе, сестрица, чтобы посоветоваться.

- Знаешь, может быть это даже и лучше, что директриса мешает Грегории! Дай той волю, и девочка совсем перестанет ходить в школу, а ее надо держать под надзором. И где мы можем следить за ней особенно внимательно? Только в школе, - развела руками Франческа.

- Вот-вот, - кивнул Рэвел. - В конце концов, все, что мы делаем и так весьма ощутимо отражается на ней. Думаю, если продолжать в том же духе, то мы скоро получим желаемый результат.

- Не то слово, дорогой братец, - Франческа рассмеялась. - Так что, не переживай. А теперь пойдем-ка в столовую, я все-таки накормлю тебя.

- С удовольствием! – ответил Рэвел.

Снова задвигали стульями. Каролина дождалась, пока они пройдут в гостиную, и поднялась к себе наверх. Сегодня на редкость удачный день!

Глава 16

- Вот мое жилище, - Мирта показала рукой на деревянный домик, который прятался в тени высоких деревьев. - Тут всего-то три комнаты, две внизу и одна наверху, в мансарде.

Дом находился на тихой улице в достаточном отдалении от других. Они прошли по дорожке из насыпного гравия, Мирта открыла дверь и впустила Мелиссу внутрь. Она попала в небольшую, уютную, хорошо освещенную комнату. В глаза бросался большой, добротный камин, массивный обеденный стол и торшер с желтым абажуром. У стены стояло старое пианино.

Мирта перехватила взгляд Мелиссы и пояснила:

- Я иногда играю на нем, хоть оно и вконец расстроено. Давай-ка, - она подтолкнула девочку к креслу. - Садись, приходи в себя, а я заварю чай.

Мелисса, уставшая и измученная, рухнула в мягкое кресло. Она еще не оправилась от

того, что произошло. Вернанд, бедный Вернанд! Из-за нее он теперь страдает. Хорошо хоть похитители не смогли найти ее бумаги. Они искали именно их. Кто за всем этим стоит? Рэвел и его приспешники? Скорее всего! Они, видимо, продолжают исполнять древние заветы проклятого монаха Альтера! Неприятная дрожь пробежала по телу, и, чтобы отвлечься от дурных мыслей, Мелисса стала разглядывать окружающую ее обстановку.

На стенах висели чудесные акварели теплых тонов. На них были изображены величественные горы и бескрайнее море. Мелисса узнала виды в окрестностях Бриф-Коста. Сколько раз они с Сарой бродили там! В душу Мелиссы прокрались трогательные воспоминания об этих милых берегах, и сердце защемило от легкой грусти. Тем временем из кухни вышла Мирта с подносом в руках. Она поставила на столе чашки, сахарницу и большой белый пузатый чайник.

- Сейчас ты, Мелисса, отведаешь успокоительного чаю! Я сама составляла рецепт. Чудесный аромат! - и в доказательство своих слов, она налила в чашку горячий напиток. По комнате разнесся приятный пряный запах.

- Спасибо, Мирта! - Мелисса жадно пила и чувствовала, что нервы ее постепенно приходят в порядок. Они некоторое время молчали, а потом Мелисса вздохнула и тихо сказала: - Простите меня, Мирта, я вам столько проблем доставляю!

- Не надо просить прощения, Мелисса, - девушка пристально посмотрела на нее. - То, что сейчас происходит, проблемами пока назвать сложно!

- Что вы имеете в виду? - насторожилась Мелисса и нетвердой рукой поставила чашку на стол.

- Я думаю, теперь мы можем поговорить начистоту! Давай, так сделаем: я буду говорить, а ты не будешь меня перебивать. Хорошо? - строго посмотрела на нее Мирта.

- Угу, - устало кивнула Мелисса. Подобный поворот беседы нравился ей все меньше и меньше.

- В последний день учебы ты спускалась в подземелье. Мелисса, не перебивай меня, пожалуйста! В лесу на тебя напали страшные существа. Но ты была спасена. В Бриф-Косте ты ходила в дом Стоуна Грея, познакомилась с духом Бренды, его жены. Потом снова нападение и снова спасение! Все это время за тобой следил Джарис Лестор, который погиб в архивах школы Силвер, погиб от рук твоего защитника. Он не хотел, чтобы ты нашла бумаги, связанные с разоблачением монаха Альтера, - девушка закончила и без тени улыбки добавила: - Это все, или я что-то упустила?

- Откуда..., откуда, вы все знаете? - испуганно выдавила из себя Мелисса.

- Так, давай договоримся, что отныне мы будем с тобой на «ты», хорошо? - наконец, улыбнулась Мирта.

- Угу, - только что и смогла ответить она.

- Ничему не удивляйся! Я знаю все это от Вергилиана!

- Вы с ним знакомы? - вытаращила глаза Мелисса.

- Вот уже несколько лет, - спокойно ответила Мирта.

- Ничего себе! - присвистнула девочка и непонимающе уставилась на нее.

- Милая Мелисса, - усмехнулась Мирта. - Ты думаешь, болезнь мадам Этери и поиски новой учительницы - это простое совпадение?

- Вы..Ты...

- Пей, Мелисса, - Мирта налила ей еще чаю. - Ты уже знаешь кое-что из истории города! Но, поверь, мне - то лишь вершина айсберга.

- Ох, - девочка схватилась за голову и отчаянно замахала руками. - Только не сейчас! Только не сейчас! Я не выдержу еще одной страшной истории!

- Не бойся, - рассмеялась Мирта, и глаза ее потеплели. - Сейчас я тебе ничего рассказывать не буду! Пока нельзя!
- Ох, - Мелисса облегченно вздохнула, и вымученно улыбнулась. - Хотя, я готова выслушать что-нибудь еще, но более безобидное!
- Я как раз собиралась кое-что пояснить! В тех бумагах, которые ты нашла в архивах школы Силвер, говорилось о том, что некоторые жители Олд-Тауна не пошли следом за Альтером. Помнишь?!
- Да.
- Но там ничего не сказано о других, которые покривили душой, присягнув на верность Альтеру, и последовали за ним! А знаешь для чего? Чтобы тихо и незаметно следить за ним и когда-нибудь предотвратить страшное преступление, которое замыслил он, и которое не знает понятия времени! То были предки твоего отца, Мелисса.
- Ничего себе! – ахнула Мелисса, - Ах, вот оно что! Вот почему родители не хотели покидать город!
- Да! Да, Мелисса! – возбужденно подтвердила Мирта. - Но не только из-за этого! Еще они знали о пророчестве!
- Пророчестве? – эхом повторила Мелисса.
- Да, - Мирта встала и в волнении прошла по комнате. - Монах Альтер предрек, что через 300 лет на свет появится девочка, которая, возможно, подорвет власть и установившийся порядок в городе. Она будет обладать каким-то творческим даром и в 13 лет спустится в школьные подземелья. И этой девочкой оказалась ты, Мелисса!
- Я?
- Да, да, именно ты! О пророчестве знают только избранные, и мадам Грегория в их числе. Последняя пламенно верит в святость Альтера и не знает даже того, о чем знаешь ты! Именно представителей ее рода он сделал отчаянными слепыми фанатиками, внушив им причастность к великой тайне и наделив их иллюзией исключительности их миссии. Якобы только представители их рода смогут помешать пророчеству воплотиться в жизнь!
- Слова Мирты поразили Мелиссу. Господи, и это только вершина айсберга?! Что же может быть еще?!
- Так значит, - начала она рассуждать вслух: - Так значит, мои родители все знали и потому так тесно общались с Вернандом, которому в свое время открыл глаза Вергилиан?! Вот откуда вся цепочка тянется! Мирта, а ты как в эту историю попала? Откуда ты знаешь Вергилиана? И почему он именно тебя отправил помогать мне?! Да вообще, что он за существо, и почему он участвует во всем этом?
- Когда-нибудь я расскажу тебе, - в глазах девушки появилась затаенная боль, и она сцепила ладони в замок. - Отчасти моя история связана с тобой. Отчасти, - она замолчала, а потом с трудом выдавила из себя: - Тяжело говорить. Тяжело.
- Мелисса уже пожалела, что задала ей этот вопрос. Мирта в мгновение ока осунулась, руки ее задрожали, а глаза наполнились слезами, она будто попала в другое измерение - настолько отсутствующим стало выражение ее лица.
- Мирта, Мирта, - Мелисса тихонько потрясла ее за плечо, - Мирта, очнись!
- А? Что? – девушка вышла из оцепенения, потерянно посмотрела на собеседницу, а потом, как ни в чем не бывало, спросила: - Ты что-то сказала?
- А каким образом Грей связан с Альтером? – выпалила Мелисса для того, чтобы скорее перевести тему.
- Грей? – эхом повторила Мирта и резко тряхнула головой, возвращаясь в реальность.
- Он его прямой потомок. Был послан в Бриф-Кост, чтобы завладеть городом.

- А Брендю он выбрал не случайно?

- Да, ему нужен был глубокий человек. Желательно, творческий. А то, что она родом из Олд-Тауна, порадовало его приятным совпадением, - пояснила Мирта.

- Ммм, - протянула Мелисса. Но не решилась расспрашивать дальше.

- Вот такие дела, Мелисса! Теперь наша с тобой задача: решать проблемы по мере их поступления! Когда они будут наносить атаку, мы должны отвечать им тем же! Вергилиан уже неделю не выходил на связь! Но ничего, мы с тобой и так неплохо справляемся! Но нам нельзя поддаваться на провокации с их стороны. Их цель на данный момент – всеми возможными способами вывести тебя из игры!

- Что значит, вывести из игры? – осторожно поинтересовалась Мелисса.

Глаза Мирты вспыхнули:

- Вспомни, что ты сегодня сказала, когда поняла, что Вернанда похитили?!

Мелисса напрягла память, и в ее сознании всплыла в сердцах брошенная фраза: «Если бы вас не было рядом, я бы утопилась». Мелисса вздрогнула. Ах, вот оно что! Расширившимися от ужаса глазами, она посмотрела на девушку, та прочла ее мысли:

- Да, да, именно этого они и добиваются!

- Не добьются! Я первая нанесу им удар! Кажется, я уже давно поняла, что мне надо делать! Еще и без всяких там пророчеств! Я хочу прочитать им рассказ на Дне Обретения, в котором будет описана истинная правда. Как ты думаешь, именно этим я должна подорвать устои города? О, теперь я понимаю, понимаю, почему мадам Грегория уделяла такое внимание моему скромному таланту! И не зря, я думаю!

- Начинать писать свой рассказ, Мелисса! В любом случае у нас очень мало времени. Как говорит Вергилиан, исход борьбы будет ясен именно в День Обретения. Ты же интуитивно, еще ничего не зная, нашла выход. Молодец, девочка, - Мирта ласково потрепала ее по голове.

- Ох, Мирта, скорей бы уже приехала тетя Моника! Я так устала от всего, - вздохнула Мелисса.

- Не бойся, мы справимся! У меня появились кое-какие идеи! Но об этом потом! Все потом! Все потом! – Мирта задумчиво посмотрела в окно и замолчала.

Глава 17

На следующее утро Мелисса вышла из дома раньше обычного. Они договорились ходить в школу по отдельности. Естественно, когда-нибудь их неприятели узнают о том, что девочка нашла приют у Мирты, но чем позже это произойдет - тем лучше. Мелисса была немного взволнована. Что на сей раз ее ожидает в школе? После вчерашних событий она уже была готова ко всему. В голове один за другим возникали бесконечные вопросы. Каким образом ее враги подчиняют себе тех страшных существ, с которыми она уже не раз сталкивалась? И как им удалось свести с ума ее родителей? Видимо, здесь замешана магия. Но ни мэр Рэвел, ни мадам Грегория не похожи на колдунов, скорее - на идиотов!

Занятая такими мыслями Мелисса добралась до школы и, не обращая внимания на взгляды, устремленные на нее, вошла внутрь. В коридоре она наткнулась на Каролину и компанию. До ее слуха долетел отрывок их разговора.

- Каролина, мы тебя вчера так ждали, почему ты не пришла? - заискивающим тоном спрашивала Клара.

- Ох, Клара, совсем времени не было. Я зачиталась книгой, которую мне дала тетя Бетти!

- отвечала Каролина, явно довольная тем, что теперь может прихвастнуть своей эрудированностью.

- О! А что за книга? – послышался восхищенный вопрос Клары.

Мелисса, проходя мимо, не смогла удержаться от колкости:

- Ба! Каролина, что я слышу? Ты научилась читать?

Каролина, которая стояла к ней спиной, подпрыгнула от неожиданности и резко обернулась. Она устремила на нее колющий хитрый взгляд, смешанный с удивлением и интересом.

- Какие люди! – хихикнула Каролина. - Что же ты без охраны? Где твой лесной друг? Позови-ка его! А то мадам Грегория сейчас выскочит из-за угла с пучком розг и высечет тебя!

Мелисса вспыхнула. Неужели эта проныра знает об исчезновении Вернанда?! Сердце пронзила боль.

- Я, в отличие от тебя, не бегаю жаловаться друзьям по любому ничтожному поводу, - Мелисса с большим трудом сделала вид, что слова Каролины ничуть не задели ее. - Хотя, кому тебе жаловаться? У тебя и друзей-то нет!

Каролина, явно уязвленная, хотела было ответить очередной колкостью, но прикусила язык - только сейчас до нее дошло, что она едва не выдала себя.

Так и не услышав от Каролины ответа, Мелисса удивленно пожала плечами и зашла в класс. Что это с ней? Неужели растерялась? Стареет, поди! - ухмыльнулась Мелисса.

Первый урок был у мадам Грегории. Теперь Мелисса смотрела на нее новыми глазами. После того, что она узнала, чувство страха перед строгой учительницей пропало. Мелисса поняла, что теперь она может вести себя так, как ей заблагорассудится. Только вот план рассказа никак нельзя будет набросать, не дай Бог, классная дама увидит. Сегодня Мадам Грегория еще более въедливо смотрела на Мелиссу и таким взглядом, будто та виновата во всех ее горестях. К Каролине же она была ласкова больше прежнего.

Кое-как Мелисса высидела нудный урок, во время которого мадам Грегория не преминула вызвать ее к доске и спросить домашнее задание. Мелисса довольно резко ответила, что не готова, и что к доске ни за какие коврижки не пойдет. Мадам Грегория несколько минут хмурилась, затем прочитала пару нотаций, посадила ее обратно, и с огромным удовольствием вывела жирную двойку в журнале.

- Я смотрю, Мелисса, ты так скоро вниз по наклонной покатишься, а? - встала она напоследок.

- Кто еще куда покатится, - буркнула в ответ Мелисса.

Класс замер в испуге. Мадам Грегория снова нахмурилась и бросила на Мелиссу подозрительный взгляд. «Что она имеет ввиду?» - мелькнула тревожная мысль в голове старой дамы, - «Неужели она узнала о пророчестве?». Она пристально посмотрела в лицо Каролины, но оно не выдавало ничего, кроме тупой скуки. Последней порядком надоели стычки Мелиссы с мадам Грегорией, в них она не находила уже той сладкой отрады, теперь она метила куда выше. «Нет» - решила мадам Грегория, - «Каролина тут ни при чем. Ладно, не буду волноваться по пустякам. Надо сохранять спокойствие».

Так, без особых потрясений прошло время до перемены. Следующим уроком была литература, которую вела Мирта.

Она оказалась отличным преподавателем. Весь класс заворожено слушал ее. Даже Каролина, и та искренне заинтересовалась. Было видно, что она хотела прихвастнуть тем, что жена мэра дала ей почитать книгу, не входящую в школьную программу, но сдержалась. Все же Каролина чувствовала, что новой учительнице абсолютно все равно, чья она родственница.

После занятий Мелисса решила немного отдохнуть в беседке. Она уселась на скамейке, вытащила книгу и погрузилась в чтение. Через несколько минут позади нее слышались чьи-то тихие, осторожные шаги. Мелисса, вздрогнув, обернулась. Кто-то прятался в кустах. Она судорожно слотнула. Неужели очередное нападение? Среди бела дня? Мелисса захлопнула книгу и встала. Вдруг, что-то просвистело мимо ее уха и легонько ударило в висок. Она ахнула и взглянула вниз. На полу беседки лежала сложенная вчетверо бумажка, привязанная к маленькому камушку. Мелисса огляделась по сторонам и снова никого не увидела.

Дрожащими пальцами она подняла бумажку, развернула ее и впиалась глазами в текст, написанный ровным аккуратным почерком:

«Мелисса, я обладаю важными сведениями, которые могут тебя заинтересовать. Прошу тебя, приходи сегодня в шесть вечера в старый парк к заброшенному фонтану.

Надеюсь стать твоим другом.

Умоляю, уничтожь записку после прочтения».

Мелисса сунула бумагу в карман и поспешила к дому Мирты. Она никуда не пойдет, не посоветовавшись с ней, а вдруг это ловушка?

Глава 18

Пока Мелисса думала о том, кто же послал таинственную записку, на некоторое время оставим ее и перенесемся в Бриф-Кост, а именно к дому Сары. После отъезда подружки Сара долго не могла найти себе места. Всякий раз по осени ею овладевали самые грустные и мучительные чувства. Во-первых, она скучала по Мелиссе, а во-вторых, ей совсем не хотелось идти в школу, занятия в которой должны были начаться со дня на день.

В этот раз Сара находилась в похожем состоянии, только вот к нему примешивалась еще и неясная тревога. На следующий день после отъезда Мелиссы девочка слонялась без дела по двору, и в голову ей лезли странные мысли. Она вдруг начала вспоминать их страшные приключения. Поход в проклятый дом, найденный дневник Бренды, Джариса, который следил за ними, и конечно же рассказы Мелиссы о кошмарах и нападениях на нее в лесу. Что-то подсказывало ей: все эта история вовсе не закончилась, как они смело предположили.

Сара томила дурными предчувствиями и, чтобы отогнать их, попыталась подраться с кем-нибудь из мальчиков, но, к сожалению, никто не поддался на ее провокации. Тогда она грешным делом подумала, а не взгреть ли ей Билли? Но, все же благоразумно отказалась от подобной затеи.

До начала учебного года оставалось каких-то несколько дней, и Сара решила пойти в горы. Она ушла рано утром, весь день гуляла по диким тропинкам, подолгу сидела у моря, много плавала и, безумно уставшая, вернулась домой. Но это не принесло ей утешения.

Ее мысли постоянно возвращались к Мелиссе. Каким безумием было отпускать ее одну! Монике надо было поехать с ней! Но они так расслабились за три месяца, что совершенно забыли об осторожности. Конечно, она могла бы пойти к тете и поделиться с ней своими страхами, но боялась ее праведного гнева.

Теперь уже Сара с радостью ожидала занятий в школе, быть может, они смогут отвлечь ее? Но, увы, прошло уже два учебных дня, а тревога Сары все возрастала и возрастала, и тогда она решила, наконец, рассказать Монике всю правду. Да это надо было сделать с самого начала! Какими же они были самонадеянными!

И вот, после занятий, Сара ворвалась в дом, швырнула портфель в коридоре и вылетела на улицу. К ее немалому удивлению, она увидела тетку Моника собственной персоной, которая решительной походкой направлялась к ее порогу.

- Тетя Моника! - радостно вскрикнула Сара и кинулась к ней навстречу.

- Солнце мое! - весело ответила Моника. - Уф...Какая жарница стоит! Пока дошла до тебя, все употела!

Она остановилась, чтобы передохнуть, потом тряхнула головой и выпалила:

- Это засада какая-то! Ну ты представь! Утром сижу я, чаек попиваю, и вдруг откуда ни возмись голубь перед моим окном появился и машет крыльями, каклошадь, - она изобразила эту сцену, широко размахивая руками, очевидно совсем забыв о том, что пегасы существуют только в книгах. - И бац! В мое окно влетел! На стол сел, падла такая, ланки разжал, бумажку оставил и, поминай как звали!

- О! - протянула Сара. - И что же в бумажке-то было?

- А вот, что, котик мой драгоценный, там было: «Моника, прошу вас немедленно выехать в Файнд-Таун, у Мелиссы большие проблемы. Вернанд». Ей-Богу, так и было написано! Сара перевела дыхание. Ее худшие подозрения подтвердились.

- Ох, тетя Моника, - уныло прожужжала она и покраснела. - Я вам должна кое-что рассказать.

Тетя Моника хитро прищурила правый глаз.

- Без слов, солнце мое, без слов! - отчеканила она. - Ну я так и знала! Так и знала! Нервы вы мне еще летом-то взлохматили! Чую, что сейчас будет продолжение!

Сара опустила голову и пробубнила:

- Ну, вы извините! Мы просто не хотели вас волновать!

- Ну, цирк! Дивно просто! Дивно! - тетя Моника всплеснула руками. - Надо бы тебе уши-то оборвать! И тебе, и звезде моей, Мелиссе! Но пожалею тебя, солнце мое! Давай уже! Говори, как есть! Все выкладывай! Обвели тетку вокруг пальца, а теперь ходят, как в воду опущенные! За-са-да!

Сара вздохнула:

- Тут жарко так на солнце, а рассказ длинный, пойдемте ко мне во двор, там тень хоть от деревьев падает.

- Ну, пошли, коли не шутишь.

Сара с самым горестным видом вошла во двор, а тетя Моника торжественно прошествовала за ней, не переставая возмущаться.

Моника уселась на длинное бревно, служившее скамейкой, а Сара, чтобы оттянуть время предполагаемой казни, несмотря на все протесты, забежала в дом за холодным лимонадом.

Когда она вернулась, то рассказала тете все, что знала.

- Улет! - произнесла Моника и застыла, как изваяние. Пальцы ее разжались, и стакан с шумом упал на землю.

Сара подняла стакан, прошлась туда-сюда, ожидая, что Моника придет в себя, но поняв, что ее оцепенение продлится еще очень долго, тяжело вздохнула и спросила:

- Что все это значит, а?

Тетя Моника тупо уставилась на нее и пробормотала:

- Чертовщина какая-то, чертовщина! Надо скорее лететь туда, на всех парусах! - потом глянула на Сару исподлобья и прошипела: - Вы брехали обе! Брехали! Заразы! Я бы ни за что не отпустила Мелиссу одну, в этот проклятый Файнд-Таун, чтоб его! Надо лететь туда! Лететь!

- Я с вами, - мужественно сказала Сара.

- Со мной она! Со мной! Ишь ты, что придумала! А школа? А родители? А? – громко спросила тетя.

- Подождут! – гордо заявила Сара. - В конце концов, я тоже несу за это ответственность.

- Может оно и так, - задумчиво произнесла тетя. - Но в горах между Бриф-Костом и Файнд-Тауном бушует жуткий ураган, и нам пока туда дорога заказана!

- Вот, черт побери! – Сара громко выругалась, и, несмотря на присутствие тети Моника, смачно плюнула.

Моника глянула на нее значительно, потом махнула рукой и заключила:

- Нам без дела сидеть, конечно, нельзя, солнце мое. Нужно выяснить, что в Файнд-Тауне творится! Кажется, я знаю, как это сделать. Налейка-ка мне еще этого душевного лимонаду!

Девочка бросилась в дом, ей не терпелось узнать, что задумала Моника. Она быстрым движением наполнила стакан, расплескав изрядное количество напитка по полу, и вылетела обратно во двор. Тетя Моника сидела прямая, как палка, и глаза ее горели тем странным огнем, который появлялся в них, когда они ходили «топить шляпок».

Моника в один присест осушила стакан и не преминула заметить:

- Дивно!

- Ну, Моника, ну, пожалуйста, ну скажите уже, что вы там придумали! - взмолилась Сара. Тетя окинула ее хитрым взглядом и ласково произнесла:

- Ты присядь, присядь, котик мой драгоценный. Что ты встала, как статую?

Сара плюхнулась на бревно и угрюмо уставилась на Моника. Та будто бы намеренно заставляла ее мучиться от нетерпения.

- В начале лета я навещала Глорию! Чувала еще тогда неладное! Но ее не было дома, скажи, что к сентябрю вернется! Пойду к ней! Пусть магию свою применит и все мне расскажет!

- Фи, - Сара не сдержалась и скривила физиономию. - Да все это бабушкины сказки! Что может узнать эта ваша нечесаная Глория?!

- Ха! – вскрикнула тетя. - Ты на свою прическу-то посмотри, солнце мое, - и тетя подняла взлохмаченные, спутавшиеся от морской соли локоны Сары. - Она колдунья первой величины.

Сара надулась. Идея тети Моника показалась ей донельзя глупой и взбалмошной, но другого выхода нет!

- Моника, - ласково протянула Сара. - Можно я тоже пойду с вами?

Моника недоверчиво посмотрела на нее:

- А как же школа?

- Завтра-то выходной! – просияла Сара.

- Ладно, - Моника сделала вид, что с великим трудом принимает ее просьбу, хотя на самом деле она была рада спутнице. - Тогда, чтобы завтра в восемь утра была, как птык, в конце улицы, у самых пустырей. Пойдем туда тропой через скалы! Поняла?

- Да! – Сара вскочила и выпрямилась, как солдат.

Моника усмехнулась и тоже поднялась:

- Ну ладно, душа моя, пойду до хаты, надо о многом подумать!

Как только тетя Моника вышла за ворота, то сразу же погрузилась в мысли о Мелиссе. Значит, интуиция не подвела ее, она чувствовала, что девочки чего-то не договаривают! И, конечно же, ее должно было насторожить еще одно странное обстоятельство: за все лето от Хильды не пришло ни одного письма.

Тетя Моника корила себя за беспечность. Хорошо хоть сейчас Сара все ей рассказала. Теперь подозрения, которые мучили ее, как только Хильда вышла за Артура, обрели чет-

кую форму.

А уж когда у них родилась Мелисса, ее подозрения усилились вдвое! Мало того, что Артур стал слишком серьезным, так еще и Хильда уподобилась ему. А чего стоит это странное нежелание покидать замшелый Файнд-Таун?! Да! То, чего тетя Моника всю жизнь опасалась, наконец всплыло наружу. Надо будет завтра же после похода к Глории навестить Виктора, он даст гдельный совет! Размышляя таким образом, тетя Моника пошла к дому, сердце ее билось в предвкушении битвы за Мелиссу.

Глава 19

Сара загодя пришла на место встречи. Она бросила взгляд на бурлящее море. Кажется, будет шторм. Погода соответствовала ее настроению.

Она беспокойно спала, ей постоянно снилась Мелисса, которая протягивала к ней руки и говорила: «Сара, спаси меня! Спаси!».

Сара вспоминала об этих видениях и хмурилась: как же это страшно - ничего не знать о человеке, который попал в беду! Эх, очутиться бы сейчас в Файнд-Тауне и отметить ту самую Каролину! Как жаль, что в прошлый свой приезд, она этого не сделала. Почему-то именно сейчас все воспоминания о городе, который ей хотелось одним махом уничтожить, свелись именно к Каролине. Хотя она прекрасно понимала: вряд ли последняя имеет хотя бы отдаленное отношение к горестям Мелиссы.

- Доброе утро, солнце мое, - услышала она бодрый голос. - Что, нелегко в такую рань вставать, а?

Тетя Моника была свежа, весела и, как всегда, беспечна, только вот глубокая тень залегла в уголках ее глаз. Казалось, она тоже провела беспокойную ночь. Но унывать - не в правилах тети. Они зашагали по узкой дорожке, петляющей между скал. С моря дул тревожный ветер, небо затянуло темными тучами, и Моника, проникшись мрачной атмосферой, помалкивала, лишь изредка вставляя замечания:

- Солнце мое! Глянь, орел какой летит! Ишь, ты! Крылья-то распушил.

Каждый раз Сара отрывалась от своих невеселых мыслей и бурчала в ответ нечто невразумительное. Так незаметно, погруженные в свои раздумья, прошли они около трех часов, и Моника предложила сделать привал в небольшом ущелье, надежно укрытом от пронизывающего до костей ветра.

- Сейчас подкрепимся с тобой, как следует, и настроение у нас сразу взлетит! - Моника вытаскивала на свет божий разнообразный провиант, - Я вот морских гадилов изжарила. Дивно! Колбасятины прихватила! Закатим пир горой.

Сара наконец заулыбалась и с удовольствием отведала всего понемногу. Не очень-то ей хотелось продолжать путь с набитым брюхом.

- Чудно! - заключила тетя, расправившись с завтраком. - Уже полпути мы с тобой проделали! То-то же Глория обрадуется, когда меня увидит. И как ты могла назвать ее обורванкой? - возмутилась тетя.

- Ну, похожа же, - зевнула Сара. Она считала, что Глория - всего лишь простая женщина, которая ушла ото всех, и спокойно живет себе на вершине скалы в хижине, собирает травы и жарит, как говорит тетя Моника, морских гадилов.

Через несколько минут они снова двинулись в путь. Солнце уже начало припекать, но ветер делал свое дело, и жара совсем не мучила их. Так шли они, пока не увидели маленькую хижину, затерянную высоко в скалах.

- Только бы она дома была! Только бы! - запримечала Моника.

- Будет дома, куда денется! Если что, станем ждать ее тут до победного, - прерывала

Сара.

- Ха! До победного! Я-то человек свободный, могу хоть и на месяц тут остаться. А вот твоя мама что скажет? А? Солнце мое, ты о ней подумай!

- Тю, - Сара скривила физиономию. - Что мама? Во-первых, я уже большая, а во-вторых, она знает, что я ушла с вами.

Тетя Моника кинула на нее подозрительный взгляд и сказала:

- Ладно-ладно, потом поговорим. Не время нам с тобой пререкаться!

Глава 20

Осторожно пробираясь по узкой отвесной тропинке, они обе молили судьбу о том, чтобы Глория была дома. Моника шла впереди, а Сара тащилась сзади, не переставая восхищаться ее прытью и сноровкой. Опасные участки, казалось, не существовали для Моника, и она не обращала внимания на то, что камни под ее ногами постоянно осыпаются.

Наконец, они достигли широкого уступа и увидели хижину, которая прикрывала вход в глубокую пещеру.

- Вот мы и в ее владениях, - прошептала Моника, а потом громко крикнула: - Хей, Глория, подружка! Ты дома ли?

Ответа не последовало, и они решительно направились к хижине, и, о радость! На пороге показалась Глория!

На ней было надето какое-то странное платье из грубой холщовой ткани, на шее висело бесконечное множество разноцветных бус, ниточек с медальонами, маленькими пузырьками и ракушками. Запястья рук были украшены браслетами. А длинные всклокоченные волосы, походили на мочало и делали Глорию похожей на дикобраза.

Когда она увидела гостей, то сразу же расплылась в радушной улыбке:

- Вот так дела! Моника! Давненько тебя не было! А это, что за шельма?

Сара густо покраснела. Шельма?! Ну и ладно: я ее оборванкой обозвала, она меня – шельмой.

- Солнце мое! – радостно закричала Моника. - Я к тебе по делу! По очень важному делу! А это Сара, лучшая подружка моей племянки!

- Ствоей племянницей я знакома! – Глория прищурилась и покачала головой. – Сдается мне, ты как раз из-за нее-то и пришла! Так ведь?

- Ох! Какая ты проницательная, подружка! – всплеснула руками Моника, - Так и есть!

- Ну, давай, выкладывай.

Моника не заставила себя ждать и начала свой сбивчивый рассказ. Сара постоянно поправляла ее и всячески пыталась показать Глории, что она сыграла не последнюю роль во всем происходящем.

- Теперь картина мне ясна, - изрекла Глория, когда они закончили. – Мы уже давным-давно обходим Файнд-Таун стороной. Нечистый этот город! Теперь-то все ясно! Все!

- Ну, ты можешь пояснить-то! Что все это значит?! – насторожилась Моника.

- Дело серьезное, дорогая моя! Мы, колдуньи, остерегаемся так называемых проклятых мест. А про Файнд-Таун давно ползут нехорошие слухи, и твои слова подтвердили их. Я попытаюсь разузнать, что там происходит с девочкой. Пойдем за мной! – ее лицо приняло сосредоточенное выражение.

Сара и Моника недоуменно переглянулись и вошли следом за Глорией в пещеру. Она провела их вглубь, в небольшое помещение, в котором находился один-единственный маленький столик, а на полу в беспорядке валялись подушки, набитые соломой.

- Садитесь, - торжественно объявила Глория и вышла. Через несколько секунд она вернулась, неся в руках предмет, завернутый в черную материю.

С величайшей осторожностью она развернула свое сокровище, и Сара увидела хрустальный шар.

Теперь на лице Глории не осталось ни тени беспечности, оно было хмурым и сосредоточенным. Она поставила шар в центр стола и сделала глубокий вдох.

- Готовы? – серьезно спросила она, ее голос тревожным эхом разнесся по пещере.

Сара и Моника с трудом выдавили из себя:

- Да.

Глория закрыла глаза, сделала несколько круговых движений над поверхностью шара, и Сара с удивлением заметила, что внутри него начал появляться странный фиолетовый туман. Он быстро заполнил весь объем шара.

Глория зашептала на непонятном языке, тон ее голоса был строгим, но вместе с тем просящим. Воцарилось молчание. И вдруг она заговорила, глаза же ее по-прежнему были закрыты:

- Дом девочки пуст. Птицы и крысы нашли себе приют в нем. В углах паутина. Страшно. Тревожно. Сумрачно. Родители. Родители. Родители. Они в другом доме, где много комнат, и все комнаты пусты. Они заперты в одной из них. Они обречены на вечное молчание. Они не хотят выходить. Они хотят быть там. Их охраняет толстый мужчина. Он никого к ним не пускает. Они не хотят выходить. У них нет желаний, разума и воли. На них наложена сильная магия. Ах ты, - Глория, вдруг зашипела. - Очень сильная магия. Не разобрать источника. Не разобрать источника, - закричала она и утихла. - Девочка в другом доме. В маленьком доме у друга. У светлого друга. У девушки, пришедшей с юга. Да. Да. Именно так.

Неожиданно она замолчала. Повисла тревожная тишина. Сара и Моника уставились на нее во все глаза.

- Тьма! - вдруг заорала во весь голос Глория и открыла глаза.

Сара и Моника в ужасе отшатнулись. Это были нечеловеческие глаза, они, казалось, расширились втрое, а то и вчетверо, и из них сочилась безумная, первородная жестокость.

- Тьма! – зловеще рассмеялась Глория. - Тьма идет за ней, за чертовой девчонкой. И она ее поглотит, поглотит! Тысячи тех, кто был убит и погребен, они восстанут, объятые тьмой и уничтожат всех. Все тщетно! Тщетно! Он силен! Силен! Они сильны! Тьма! Тлен! Щупальца мрака! Она не справится! Нет! Нет! Им нас не победить! Никогда! Никогда! Да будет кровь! Да будет смерть!

Вдруг колдунья схватила себя за горло, ее пальцы с силой сжали собственную шею, она начала хрипеть и раскачиваться в разные стороны. Казалось, еще несколько секунд, и Глория сама себя задушит. Пока Моника сидела, открыв рот, Сара прыгнула в угол комнаты, схватила первый попавшийся котел с водой и вылила Глории на голову. Та тут же разжала руки, обмякла всем телом и опустилась на подушки.

- Божечки вы мои! – закричала Моника. - Что происходит-то! Что происходит! Сара, растирай ей виски. А я побегу, поищу отвар какой-нибудь.

Сара кинулась к бездыханному телу колдуньи и принялась выполнять приказание. Господи! Вот так история! Сердце ее бешено билось. Она никак не могла прийти в себя и с трудом соображала, что вообще происходит.

- Очнитесь же, очнитесь, - молила Сара, и, о чудо, колдунья шевельнулась и издала короткий хрип!

Тем временем, прибежала Моника, держа в руках склянку с темно-зеленой жидкостью.

Она открыла Глории рот и влила туда содержимое. Через минуту лицо колдуньи порозовело, и она открыла глаза. Сперва она глядела на них непонимающим взглядом, потом поморщилась от боли и, держась за голову, медленно начала подниматься. Выпрямившись, она с трудом выдохнула:

- Что произошло?

Моника радостно вскрикнула и рассказала ей все.

- Плохи дела, Моника, впервые тьма использовала меня, как проводника своего голоса. Ух! – Глория прикусила губу и добавила: - Пойдем на улицу. Не могу тут находиться.

Сара была счастлива оказаться на свежем воздухе. После потрясения, испытанного в затхлой сырой пещере, ей казалось, что теперь она заново родилась.

- Итак, - подвела итог Глория, - С девочкой, слава небесам, все в порядке! А вот в Файнд-Тауне свирепствует жуткое зло, которое хочет добраться до твоей племянки, Моника! Я еще по дороге в Бриф-Кост почувала неладное! Хотела тебе рассказать, но срочные дела заставили меня покинуть город!

- Елки-палки-моталки, - выдохнула тетя, и сделала глоток вина из маленькой фляги, которую она благоразумно захватила с собой, - Надо нам туда лететь! Бежать! Нестись! Но в горах ураган!

- Хм, - усмехнулась Глория, - Ураган-то, думаю, неспроста.

- Как? – вытаращила глаза Сара, - И это все из-за Мелиссы?

- Да, - кивнула колдунья, - Думаю, что из-за нее. Зло, видимо, хочет, чтобы до Файнд-Тауна нельзя было добраться. Дай-ка мне хлебнуть из твоей фляги, подружка! Голова трещит!

- Пей! Пей, душа моя! Бедная! Ты чуть было жизни из-за нас не лишилась! – жалостливо проговорила Моника, - А что это за зло-то такое? А?

- Меня не так просто убить! – рассмеялась Глория, - Я стреляный воробей. А зло-то древнее, очень древнее! Сама скоро все узнаешь, Моника! Тебе надо спешить туда, а об урагане мы позаботимся!

- Как позаботитесь? – Моника едва не поперхнулась вином.

- А так и позаботимся! Сегодня же созову всех своих окрестных подруг, - она выделила голосом последнее слово, – и они уже завтра будут здесь. Проведем всеми силами несколько ритуалов. Надо и нам дать отпор тому злу, которое, видимо, хочет и до нас добраться.

- Спасибо тебе, Глория, - прошептала Моника, - Вовек не забуду, подружка.

- Да что ты! – Глория описала рукой круг в воздухе, - Хватит нам уже сидеть у себя по норам, надо бы что-нибудь этакое вытворить, - она громко рассмеялась и потеряла руки.

- Моника, - глаза Сары сверкнули. - Что бы вы ни говорили, а я пойду с вами!

- Но-Но! Деточка! – возразила тетя. - Там зло и тьма, и школа еще у тебя!

- Что одно и то же, - пробубнила Сара и настойчиво добавила: - Нет, я пойду!

Глория хитро посмотрела на нее и обстоятельно заключила:

- Моника, эта шельма не из простых! Гляди, как ловко она меня с того света выгатила. Возьми ее, думаю, она тебе пригодится.

Сара благодарно взглянула на нее и бросила намеренно обиженный взгляд на Моника.
- Хорошо, хорошо, солнце мое, - недовольно пробурчала тетя. - Если и спасать Мелиссу с семейством, то всем миром!

- Так точно, - весело произнесла Глория и широко зевнула.

Мирта, нахмурившись, отложила записку и крепко задумалась. Время уже перевалило за три, и сквозь открытые окна в комнату заползали черные тени деревьев. Золотистые лучи подкрашивали акварели, висевшие на стенах, и казалось, что виды на них вот-вот расширятся, оживут и заполнят все окружающее пространство.

Мелисса глядела на нее во все глаза и ждала вердикта. Наконец, она не выдержала и прошла в кухню. Пусть Мирта все обдумает, а она пока сварит кофе. Мелисса успела освоиться здесь в этой небольшой комнатушке. Уже знала, где что лежит, и даже умудрилась в тревожном ожидании подруги приготовить нехитрый обед - жаркое с овощами.

Когда кофе был готов, девочка аккуратно налила его в две белые фарфоровые чашки и, поставив на поднос, вернулась в комнату. Мирта очнулась от забытья и тревожно улыбнулась Мелиссе.

- Спасибо тебе! - она взяла чашку и сделала глоток. - Пожалуй, действительно приводит мысли в порядок. Я вот что думаю: встреча назначена в уединенном месте - идеальный вариант для ловушки, - она развела руками. - Но в то же время - прекрасно подходит для того, кто не хочет быть замеченным другими! Кстати, Мелисса, я ни разу не была в этом старом парке, что он из себя представляет?

- О, Мирта, это такое безлюдное место на окраине города, в противоположном конце от моего дома, - пояснила Мелисса. - Он сам по себе небольшой, но страшно заросший! Я там сама была всего пару раз. Впечатление он производит несколько жутковатое. Скорее всего, те, кто жил здесь раньше, любили его, а нашим горожанам он не по вкусу пришелся. Там, знаешь, везде старые, полуистлевшие от времени скульптуры, они так тревожно и неожиданно из кустов появляются. Там есть и воин с мечом, и женщина в плаще, держащая на руках ребенка, и какой-то монах! Словом, много там скульптур. И все они: кто сидит, кто стоит! Есть даже ребенок, который ползет по земле, а есть такая! - Мелисса развела руками. - Такая! Ух! Мужчина, сидящий на скамейке с книгой в руках! Все это весьма жутковато выглядит! Бррррр! А старый фонтан, тот самый, у которого предлагают встретиться, он недалеко от главных ворот находится. Хотя воротами-то их уже сложно назвать! Две огромные покосившиеся решетки, непонятно как держащиеся на больших белых столбах. Словом, в этом парке днем с огнем ни одного прохожего не сыщешь!

- Так, так, - Мирта почесала голову. - Я думаю, нам с тобой надо рискнуть и сходить на назначенную встречу. А вообще, - в ее голосе послышалось удивление. - Первый раз слышу о таком скульптурном украшении парков! Интересно было бы посмотреть!

- Да уж, - Мелисса поежилась. - Скажу тебе, Мирта, ничего интересного! Очень угнетает.

- Ладно, разберемся, - Мирта потрепала ее по волосам. - Ну, где твой знаменитый обед, давай скорее, поедим и отправимся в путь.

Мелисса пошла за обедом, который еще не успел остыть. Они быстро расправились с ним и начали собираться в дорогу, Мирта давала ей указания:

- Мы пойдем раздельно: ты впереди, я немного сзади. Иди медленно, чтобы я тебя видела. Когда дойдем до парка, сократим расстояние, я буду прятаться поблизости, чтобы видеть и слышать все. На всякий случай возьму вот это, - и Мирта достала из ящика комода маленький кинжал, втиснутый в черный кожаный чехол.

- О, - глаза Мелиссы блеснули, и она сразу вспомнила забавное лицо Сары, когда та вытаскивала нож Билли. Да, Мирта с оружием в руках выглядела куда более убедительно, нежели ее подруга, - А ты умеешь им пользоваться?

- А то, - подмигнула Мирта. - Я столько всего умею, о чем ты даже не догадываешься, Мелисса.

- Верю, верю, - рассмеялась в ответ Мелисса, она уже поняла, что за нежным обликом Мирты скрывается человек, которому многое довелось пережить и испытать.

Они собрались и двинулись в путь. Мелисса выбрала самую длинную дорогу, которая проходила окраинами города. Чем меньше они встретят по дороге прохожих, тем лучше. Девочка старалась идти как можно медленнее, хотя волнение подгоняло ее. Мирта шла на достаточном расстоянии от нее, но Мелисса все равно ощущала ее присутствие, словно та была совсем рядом. На секунду девочке показалось, что ее с ней связывает тонкая огненная нить, которую невозможно разорвать.

Через полчаса они уже вышли на пустынную улицу и оказались среди небольшого, поросшего пожелтевшей травой пустыре. Через него пролегла заброшенная широкая дорога и упиралась прямо в ворота парка.

Мелисса остановилась, обернулась и увидела Мирту, которая шла по обочине дороги. Она едва заметно кивнула Мелиссе, и та поняла, что теперь можно входить.

Девочка сделала несколько шагов вперед и сразу же оцепенела. Из-за кустов выглядывал темный человек с мечом, выражение его лица было суровым и отчужденным, он стоял, опершись на оружие, и будто раздумывал. Тьфу ты! Что за парк? Она тут уже в третий раз и все время вздрагивает, когда видит этого немощного стража. Мелисса с опаской пошла дальше.

Раз - из-за поворота выплыла женщина с младенцем на руках. Ее лицо с отбитым носом выглядело блаженно-бездумным, а в темных глазницах застыл первобытный страх. Младенец же в ее руках свернулся клубочком, словно хотел спрятаться от чего-то. Господи, да когда же это дорога закончится?! Скорей бы добраться до фонтана! С этими скульптурами, созданными чьей-то больной фантазией, я сама скоро с ума сойду и без всяких враждебных влияний.

Не успела она подумать об этом, как из-под земли вырос мужчина, вздымающих руки к небесам. Его растопыренные ладони зловеще выделялись на фоне ярко-красного закатного неба. Мелисса чертыхнулась про себя и вышла на большую площадь, посреди которой белел старый полуразвалившийся фонтан. Тут фигур было гораздо больше, на первый взгляд около 10-12, и все они были странно рассредоточены. Черт возьми! Прямо, город мертвых! Около фонтана чернела скамейка, и Мелисса бросилась туда, ожидая, что Мирта притаится поблизости.

Мелисса села и с бьющимся сердцем стала ждать - ее часы показывали ровно шесть. Позади раздалась еле слышимая шорохи, она вздрогнула и увидела женщину, одетую во все черное, на голове ее красовалась маленькая шляпа, а лицо прикрывала вуаль. Ее с легкостью можно было принять за ожившую местную скульптуру. Мелисса напряглась. Женщина быстрой тревожной походкой направлялась к ней.

Глава 22

Девочка вжалась в спинку скамейки. Чем ближе подходила к ней незнакомка, тем быстрее билось ее сердце. И вот она уже рядом, всего в нескольких шагах, и вот до нее доносится ее голос, который кажется девочке знакомым:

- Добрый вечер, Мелисса! Я очень рада, что ты смогла прийти!

Женщина приподнимает вуаль, и Мелисса издает удивленный возглас: перед ней стоит Беатрис - жена мэра Рэвела!

- Здравствуйте, - пролепетала Мелисса. Беатрис села рядом.

- Наверное, ты не ожидала увидеть меня здесь? – спросила женщина, и ее бледно-голубые глаза странно сверкнули.

Пораженная Мелисса с жадностью разглядывала ее. Ту, про которую с такой болью несколько дней назад рассказывал Вернанд. Последний раз Мелисса видела ее в прошлом году на каком-то празднике. Тогда она выглядела гораздо лучше. Сейчас красивое лицо несколько осунулось, а под глазами появились темные круги.

- Мелисса, у нас очень мало времени! Если мой муж узнает, где я была, и с кем я встречалась, то все пропало! – скороговоркой произнесла Беатрис.

- Ваш муж, – прошептала Мелисса, – редкостный негодяй.

Женщина вздрогнула и умоляющими глазами посмотрела на нее:

- Мне трудно говорить об этом, но ты права! Я узнала, кто он есть на самом деле, совсем недавно. Но я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать его. Я пришла поговорить о Вернанде!

- Вы знаете, где он? – вскричала она.

Беатрис покачала головой:

- Нет! Не знаю, но достоверно мне известно только одно – Рэвел похитил его. Я давно слежу за ним, а два дня назад подслушала их разговор с Франческой, они говорили о том, что надо бы устранить его. Меня это поразило! – она задыхалась от волнения. - Я, на свой страх и риск, на следующий день пошла к твоему дому, чтобы предупредить его об опасности. Но, увы, было уже поздно! Мелисса, ты должна разыскать Вернанда! Честно говоря, я пока не понимаю, почему против тебя ведется такая травля, но я узнаю об этом! – последние слова она произнесла уже уверенно, ее глаза загорелись гневом.

- Разыскать? – едва дыша, переспросила Мелисса. - Но где?

Беатрис поджала губы:

- Я знаю только одно место, куда он мог поместить его. Я уверена, что он там и жив. Я слышала из их разговора, что он нужен им для каких-то целей.

- Уф, – выдохнула Мелисса. - И что это за место?

- Школьные подземелья!

Мелиссу перекосило. Подземелья! Только не это!

- Возьми, Мелисса, – Беатрис сунула ей в руку тяжелую связку ключей. - Здесь ключи от всех дверей в подземелье. У мужа есть запасные. Какое-то время он не заметит их отсутствия. Но чем раньше ты вернешь их, тем – лучше!

Ключи жгли руку девочки, она поспешно сунула их в карман платья.

- Но, – она запнулась. - Но почему я должна вам верить? Логично предположить, что муж подослал вас, чтобы вы заманили меня в ловушку.

Беатрис печально улыбнулась:

- Ты должна знать, что Вернанд, когда-то был моим близким другом, и сейчас, именно сейчас, когда я понимаю, что предала его, я готова сделать все, что угодно, лишь бы вызволить его из беды!

Ее слова прозвучали, как горькая и искренняя исповедь, казалось еще немного, и она заплачет!

- Хорошо, Беатрис, я верю вам. Спасибо, – ответила Мелисса, и легонько коснулась ее руки. - Как мне вернуть вам ключи?

- Ты знаешь лавку мороженщика? Вот уже много лет я хожу туда и каждый день покупаю для Рэвела порцию свежего мороженого. Я бываю там в промежутке от трех двадцати до трех тридцати! Когда ты вызволишь Вернанда, на следующий же день – приходи в лавку!

- Хорошо, Беатрис! Я так и сделаю!

Женщина крепко пожала ее руку, быстро встала, опустила вуаль на лицо и поспешила обратно. Неожиданно, она обернулась и прошептала:

- Опасайся Каролину, эта пронируливая девчонка шпионит за своими родителями, и, как я понимаю, ей удалось много чего узнать.

Мелисса ошолбенела. Ах, вот откуда Каролина узнала о том, что Вернанд больше не живет с ней!

Она поспешно встала и пошла обратно к воротам, обогнула старый фонтан, и остановилась, поджидая Мирту. Через несколько минут та появилась.

- Я все слышала! – прошептала она. - Знаешь, мне кажется, ей можно верить! Тем более, Рзвел никогда бы не решился впутывать жену в свои дела. Не тот он человек.

Они двинулись прочь. Мелисса крепко вцепилась в руку Мирты, в темноте очертания скульптур пугали ее сильнее, чем прежде.

- Господи, страсти какие, Мирта! Да кто же сделал эти статуи?! – вскрикнула она.

- Хм, - Мирта издала неопределенный звук. - Уж поверь мне, они не рукотворные!

- Как это? - не поняла Мелисса.

- Кажется, раньше они были людьми! – холодно отрезала девушка.

- Что? - изумлению Мелиссы не было предела.

- Да, да, ты еще многого не знаешь об этом городе, - один в один повторила она слова Вернанда.

Глава 23

Уже стемнело, и Каролина, голодная, исцарапанная, в грязной запыленной одежде подходила к дому. Она безумно устала, но душа ее ликовала. Как много нового она сегодня узнала! Ох, как много! Ей казалось, что она держит в руках бесценный дар, который откроет ей чудесный и богатый мир!

Она отперла дверь ключом, надеясь незаметно прошмыгнуть в свою комнату. Но не тут-то было! У порога она столкнулась с матерью.

- Так! - послышался командный голос. - Где это ты ходила?

Тьфу ты, черт! - Выругалась про себя Каролина, и, натянув на лицо маску искренней беззаботности, мило улыбнулась и пролепетала:

- Я играла с девочками!

- С какими? - в тон ей, слащаво-приторно спросила Франческа и посмотрела на нее мутными глазами.

- С Кларой и Джессикой, - не мигая, соврала Каролина.

- Хм, - мать поиграла ключами, зажатыми в ладони. - Ты врешь мне, дочка! – ее голос стал грубым, - Клара и Джессика давным-давно дома! Где ты была?! – она почти сорвалась на крик.

Каролина вжалась в стенку и решила молчать.

- Ты что, оглохла? - продолжала мать. - Почему ты вся в пыли и грязная, как оборванец? А? Отвечай!

- Я была в старом парке, - наобум ляпнула Каролина.

- Что? – глаза матери округлились. - Ты что рехнулась? Что ты там делала?

- Разглядывала замечательные статуи, - прошептала девочка.

Франческа побагровела от злости, Каролина подумала, что она сейчас запустит в нее ту самую связку ключей, с которой минуту назад так небрежно поигрывала.

- Ты что idiotка? Дура! Ты что не знаешь, что парк давным-давно закрыт для посещения, и ни один здравомыслящий человек никогда не сунется туда?! – орала она, как без-

умная.

- Но мама, - слабо пыталась возражать Каролина. Прежде она никогда не видела мать в таком безудержном гневе, впервые в жизни ей стало действительно страшно.

- Никаких но! - отрезала Франческа, продолжая смотреть испепеляющим взглядом, - Если в следующий раз повторится нечто подобное, то я расскажу отцу, и мы отправим тебя отсюда куда-нибудь подальше, где никто не будет относиться к тебе, как к племяннице мэра!

Каролина вздрогнула. Слова матери задели ее за живое. Она вдруг вспомнила о том, что говорила ей Мелисса. Неужели к ней так хорошо относятся только из-за того, что она племянница мэра? Неужели она сама по себе ничего не значит? Ей стало обидно и даже захотелось плакать. Она припомнила вчерашнюю фразу: «Моя Каролина – отличный доносчик».

- Что ты уставилась на меня?! – уже спокойнее сказала мать. - Марш в свою комнату! Приведи себя в порядок! На кого ты похожа?! И чтоб до ужина не показывалась здесь! Ясно?

- Да, мама, - ответила Каролина, с трудом проглатывая комок, подступивший к горлу.

Она бросилась вверх по лестнице, залетела к себе в комнату и захлопнула дверь! Уф! Да что это с мамашей такое происходит в последнее время?! Она будто с цепи сорвалась! Неужели это все из-за пророчества?

Каролина выдохнула, досчитала до десяти и пришла в себя. Очень хотелось есть, но до ужина оставался еще час, конечно, она может перехватить что-нибудь на кухне, но мать запретила ей спускаться вниз. Лучше не нарываться лишний раз. Каролина скинула с себя грязную одежду, переоделась в домашнее, и, потеряв руки, улыбнулась. Никакая взбучка не умерит ее радости! Что она сегодня узнала?! Ах! Просто прелесть! Она целый день следила за Мелиссой и выяснила, что та теперь живет у новой учительницы Мирты. Посмотрим, как это понравится мадам Грегории! Но это еще цветочки! Главный козырь кроется совсем в другом.

В старом парке Мелисса встретилась с некоей дамой в черном. Каролина выследила ее: таинственная незнакомка, хитро плутая по улицам города, пришла, куда бы вы думали? В резиденцию мэра! Та, с кем встречалась Мелисса в старом парке, оказалась тетей Беатрис! Вот зачем она подслушивала! Она на стороне Мелиссы! Ах! Ну и заплашет же у нее теперь тетушка! Нет, пока ей нет смысла подходить к тете с «важным разговором», должен представиться какой-нибудь подходящий случай. А пока Каролине приятно было думать, что честь и жизнь жены мэра города находится в ее руках!

Глава 24

Беатрис, не подозревая о кознях Каролины, быстрым шагом шла по направлению к дому. Случайные прохожие подобострастно кланялись ей, что вызывало в ее душе чувство сильного протеста.

Наконец-то, она сделала хотя бы что-то хорошее! Беатрис, как и Каролина, не стала звонить, а открыла замок своим ключом. Точно также, как и племянница, она хотела пройти в свою комнату незамеченной, но в коридоре столкнулась с Рэвелом.

Муж оглядел ее с головы до пят и поинтересовался:

- Где это ты была, Беатрис?

Та тяжело вздохнула, и прижала руку ко лбу с чувством неизбывной тоски.

- Дорогой, - с надрывом сказала она. - Я была на кладбище. Навещала родителей.

- Что-то ты допоздна там засиделась! - он бросил на нее подозрительный взгляд.

- Ах, милый, я так долго говорила с ними, - тихо произнесла женщина и устремила глаза ввысь.

Рэвел цыкнул, поднял брови вверх, покрутил головой и пробубнил себе под нос:

- Кажется, у тебя проблемы с головой, дорогая женушка.

Беатрис сделала вид, что не расслышала его слов и, грустно улыбаясь, прошла мимо него в свою комнату.

- Пока ты ходила, я сделал распоряжения насчет ужина, - кинул он ей вслед нарочито бесцветным голосом. Он хотел, чтобы она поняла, каково это отлучаться без предупреждения, да еще и вынуждать его, такую большую величину, давать распоряжения прислуге насчет меню ужина.

Когда Беатрис зашла в свою комнату, то осмотрительно закрыла ее на замок. Она села в кресло, и маска радушия сразу же слетела с ее лица. Оно стало взволнованным и грустным. Беатрис хотела верить, что у Мелиссы получится найти Вернанда.

С некоторых пор, в жизни этой женщины стали происходить значительные перемены. После того как она предала свою любовь и вышла замуж за Рэвела, она первое время тосковала и никак не могла привыкнуть к нему, как к мужу. То и дело она вспоминала Вернанда, но к своему счастью, ни разу не встречала его в городе. Потом, через некоторое время она узнала, что он изгнан и ушел в лес. Она почувствовала легкий укол совести, но быстро заглушила его повседневными заботами, в которые стала постепенно вливаться.

В жизни жены будущего мэра всегда полно проблем. Нужно распоряжаться насчет завтраков, обедов, ужинов. Сопровождать мужа на разные официальные встречи, быть послушной и хорошей женой. Появляться два раза в неделю в городской ратуше, делая вид, что принимаешь участие в управлении городом. Когда же Рэвел, наконец, занял пост мэра, Беатрис показала, что она полюбила его. Та среда, в которой они вращалась, постоянно превозносила ее супруга, каждый божий день она слышала о том, какой Рэвел исключительный и замечательный, и сама в итоге в это поверила. Кроме того, важность Дня Обретения в ее сознании теперь разрослась до исключительных размеров. Об этом всегда много говорили. И она стала восхищаться тем, как Рэвел проводит этот замечательный праздник, как гордо и непреклонно следует он традициям, как любят его горожане, и какую значительную ответственность он несет перед лицом давно умершего, но святого человека – монаха Альтера.

Но как это обычно бывает, как только Беатрис полюбила своего мужа, он начал остывать к ней. Чем больше возвышался он в глазах общества, тем меньше стал обращать на жену внимания. Ее покорило то, что в свои помощники он взял не ее, а хабалку-сестру Франческу. Кроме того, муж никогда не рассказывал ей о своей работе, что тоже вызывало в душе Беатрис чувство жгучей обиды. Но она продолжала, несмотря ни на что, жить для него. Она следила за тем, чтобы к столу подавали только его любимые блюда, чтобы запас обожаемого им виски никогда не кончался, чтобы одежда его всегда была постирана и выглажена. Она сама лично ходила каждый день в лавку мороженщика за апельсиновым мороженым, которое он ел каждый день после обеда. Словом, она пыталась тихо и незаметно во всем угодить ему. В таком однообразном сне она провела много лет, пока случай не пробудил ее. В начале лета, она почувствовала в Рэвеле большую перемену. Как никогда прежде, он был чем-то угнетен и взволнован. Она ощутила угрозу, витающую в воздухе, едва уловимый, но сильный дух перемен. Вся ее душа тогда устремилась к дорогому Рэвелу, она хотела утешить его, уверить, что будет помогать ему во всем. Но в злополучный день, когда он накричал на нее так сильно, и

с ужасающим бессердечием оттолкнул от себя, что-то внутри нее сломалось.

Она тогда заперлась у себя в комнате и долго рыдала. И тогда треснула тонкая грань между ней и миром. Она поняла, как долго и беспробудно спала и в какой лжи жила. Беатрис безумно испугалась! Как могла она втянуться в подобное? В кого она превратилась? Почему сбился с пути? Тогда она начала копаться в прошлом и искать причину. С ужасающей ясностью к ней пришло осознание того, что много лет назад она смалодушничала и предала свою любовь, того человека, с которым провела все свое детство и юность! Как она могла так поступить? Как? Неужели она была настолько слепа? Неудержимым потоком в ее сердце хлынули воспоминания о Вернанде, об их совместных играх, прогулках, разговорах! О том, как она, движимая любовью, отвергла предложение руки и сердца, сделанное ей будущим мэром! Да, именно тогда она была сама собой – бесстрашной и готовой на любые подвиги ради своей любви! И стыдно вспомнить, что было потом! Почему она стала, вдруг, такой безвольной и поддалась на уговоры родителей?! Она отвернулась от своей любви только ради того, чтобы их дело процветало, только ради того, чтобы их семью не осуждали в этом дрянном городке!

Да, она предала саму себя! Прошлого уже не исправить, но ведь можно изменить настоящее! И тем же летом она начала подслушивать разговоры мужа и пришла в неопишемый ужас! Они говорили о том, как бы им довести до самоубийства маленькую беззащитную дочь лекарей, говорили о каком-то пророчестве и монахе Альтере! И в ее сознании рухнула еще одна крепость! До нее дошло, что все жители города живут в темной и беспросветной лжи, что он, ее муж, бессовестно обманывает их, и что на самом деле история обретения города далека от официальной версии. Ей стало страшно вдвойне. Уже тогда она решила тайно помогать несчастной Мелиссе. Но как? Она не знала! И вот на днях она узнала о том, что он, Вернанд, тот, чей образ преследовал ее все время, помогает этой девочке. Гордость за него наполнила ее измученное сердце! Но когда она услышала из уст мужа, что лесничего нужно непременно убрать с дороги, то очень сильно испугалась.

На следующий день она бросилась к дому Мелиссы, чтобы предупредить давнего друга об опасности, но было уже поздно! И Беатрис решила во что бы то ни стало спасти его, и назначила встречу Мелиссе.

Она немного успокоилась, когда передала девочки ключи. Быть может, у нее получится освободить Вернанда!

Глава 25

Огонь, пылавший в камине, согревал комнату. Вечера пошли холодные. Мелисса сидела в кресле, укутавшись в плед, и наблюдала, как ярко-красное пламя беспечно танцует на сухих поленьях.

Пока Мирта хозяйничала на кухне, Мелисса вспоминала неожиданную встречу с Беатрис. Совсем недавно Вернанд говорил о ней, и вот теперь она сама, как ожившая героиня полувистлевшего предания появилась на ее пути. Наверное, Беатрис мучает совесть, и, возможно, в ней проснулись прежние чувства к старому другу.

Эх, если бы Вернанд знал, что Беатрис так сильно переживает за него, то ему в его заточении, стало бы гораздо легче. То-то же он обрадуется, когда Мелисса расскажет, каким образом она заполучила ключи от той темницы, в которую он сейчас заключен! Она представила себе, как он лежит один на холодном каменном полу, как вокруг него бегают голодные крысы, как просит он о помощи! «Милый Вернанд! Услышь! Молю тебя, услышь мой зов! Я приду за тобой. Приду! Ничего не бойся» - повторяла она про

себя.

- Ужин готов, - голос Мирты вывел ее из оцепенения. - Сегодня у нас жареная картошка и вареное мясо.

Мелисса слабо улыбнулась и выпрямилась в кресле:

- Ох, Мирта, спасибо тебе огромное. Я бы с удовольствием помогла тебе, но так вымоталась за сегодня, что сил нет никаких.

- Я еще не так стара, чтобы мне требовалась помощь, - рассмеялась Мирта и поставила перед ней тарелку. - Давай ешь и про чай не забывай!

- Угу, - ответила Мелисса и принялась за еду.

Мирта села напротив и, сделав большой глоток ароматного чаю, задумчиво проговорила:

- Я уверена, что Беатрис пришла с искренним желанием помочь. Это не ловушка. Такая женщина, как она, не умеет лгать и обманывать. Я ощутила в ней громадное душевное тепло! Видимо, Рэвел употребил какую-то хитрость, чтобы сделать ее своей женой!

- Так и есть! - утвердительно кивнула головой Мелисса. - Сначала Беатрис была обречена с Вернандом, но отец Рэвела расстроил их союз.

- Ах вот оно что! - Мирта презрительно скривила губы. - Я так и думала. Здесь, в этом городе ничего просто так не случается.

- Это точно, - задумчиво ответила Мелисса, и нахмурила брови. - Мирта, а когда мы пойдем в подземелья?

- Чем быстрее мы это сделаем, тем лучше! Времени у нас в обрез! Это странное затишье меня пугает! Завтра ночью нам придется спуститься туда!

- Ох, - девочка схватилась за голову. - Не думала я, что снова окажусь там, в этом проклятом месте!

- Ну, знаешь ли, - Мирта усмехнулась. - Тут каждое место проклятое! Взять хотя бы тот парк, где мы сегодня были!

- Да? - удивленно воскликнула Мелисса.

- Да! - передразнила ее Мирта, - Неужели! - она как-то странно рассмеялась. - Неужели, ты не поняла, что те скульптуры когда-то были людьми. Это же очевидно!

- Что? - Мелисса не верила своим ушам. - Ты шутишь!

- Никак нет, дорогая моя! Уж я-то знаю толк во всей этой чертовщине! Произошло нечто и люди, спокойно гуляющие в парке, превратились в то, что ты сегодня видела.

- Расскажи мне, как это случилось?! - взволнованно поспросила Мелисса.

Мирта вздохнула, и покачала головой:

- Давай лучше не будем сейчас говорить об этом! Придет время, и ты все узнаешь! - она поднялась, и стала складывать грязную посуду на поднос, давая понять, что разговор окончен.

И снова эта фраза: «Придет время, и ты все узнаешь!». Как же мне надоели все эти тайны! Мелисса потянулась, сладко зевнула и стала погружаться в дрему.

Неожиданно, пространство вокруг нее начало преобразаться, послышался вой ветра и странный скрип, и она обнаружила себя в маленькой комнате без окон. Бренда! А я уже совсем забыла о ней! Легкий укол совести кольнул ее душу. И действительно, через некоторое время перед ее глазами предстала Бренда, такая же бледная, худая и прозрачная.

- Здравствуй, Мелисса! - прошелестела она и слабо улыбнулась.

- Бренда, прости, я совсем забыла о тебе! - воскликнула девочка. - Столько всего произошло за это время!

- Я знаю, знаю! Можешь ничего не рассказывать! Я же перемещаюсь по тем мирам, куда

мне дозволено заходить, и вижу все! Именно так я и узнала о том, что ты придешь в дом Грея.

- Если ты знаешь все, Бренда, то скажи, пожалуйста, как закончится все эта история?! Скажи! Мне страшно!

- Мелисса, - девушка покачал головой. - Доподлинно ничего неизвестно. Есть некие схемы, по которой развиваются события, но менять их мы можем сами, своей волей. Обстоятельства, которые привели тебя ко мне, подкреплялись твоей волей и волей других людей. Потому все и случилось. Но если хотя бы одно звено выпало из этой цепочки, все могло бы сложиться по-другому. Понимаешь?!

- Не совсем!

- Когда-нибудь ты поймешь. Но сейчас Мелисса мне нужно рассказать тебе многое о своей жизни. Именно ты способна освободить меня. Пожалуйста, внеси в свой рассказ мою историю от начала до конца. Прошу тебя!

- Хорошо, хорошо, дорогая Бренда! Я так и собиралась сделать!

- Спасибо тебе, Мелисса. Тогда слушай и запоминай все, каждую мелочь! Когда я умерла, то долгое время пребывала на земле. Я видела все, что происходило в усадьбе. Видела, как закапывают наши тела, видела, как в испуге люди бегут прочь, видела, как страшная весть передается из уст в уста. Сказать тебе честно, тогда еще во мне было много человеческого. Я продолжала проклинать Грея, хотя он уже был далеко, но все равно искренне ненавидела его. И еще я очень хотела посмотреть на свою мать! На того человека, который своей собственной рукой подписал мне смертельный приговор. Что с ней теперь?! Как восприняла она мою гибель?! Как она отнеслась к тем страшным слухам, что наводнили город?! Честь ее, за которую она так держалась, попорчена, очернена! То, о чем она мечтала, опьяненная корыстью, привело к катастрофе. Я хотела знать, раскаивается ли она, проливает ли слезы по мне? Или же ей абсолютно все равно!

Я оказалась около нашего дома. Дверь была открыта нараспашку. В гостиной сидела мать. Вокруг нее не было никого! Ни одной ее знатной подруги! Все они отказались от общения с ней! Никто даже не пришел высказать соболезнования. Лицо матери было пустым, отрешенным и холодным. Она сидела в кресле, уставившись в стену. Вдруг, она будто бы почувствовала мое присутствие, и невидящим взглядом посмотрела туда, где стояла я.

Ничего нельзя было прочитать в ее взгляде. Ровным счетом ничего! Ах, мама, мама, что ты натворила?! Что ты натворила?! Вспомни, как я сопротивлялась, как я плакала, как не хотела выходить замуж! Ты, ты своими собственными руками погубила меня.

Лицо ее дернулось. Руки задрожали, она встала и нетвердой походкой подошла к буфету. Достала бутылку вина и, откупорив ее, стала пить из горлышка. Потом с неистовой силой швырнула на пол. Раздался звон разбитого стекла. Красная жидкость растеклась по полу. Она упала на пол прямо на осколки и принялась рыдать, повторяя одно и то же: - Я! Я убила свою дочь! Я! Я убила свою дочь!

Знаешь, Мелисса, мне совсем не было жаль ее. Я испытывала лишь горькое сожаление от того, что эта женщина никогда уже не сможет искупить свой грех. Я собралась уходить, но потом решила, подошла к ней и положила ладонь на ее спутавшиеся волосы. Она вдруг перестала рыдать и подняла на меня мокрое лицо.

- Мама, прощай! - сказала я.

Она вскочила, обвела комнату взглядом и зашептала:

- Доченька! Доченька! Прости меня! Прости!

Я вздохнула и с тяжелым сердцем покинула родной дом. О ее дальнейшей судьбе я уже не справлялась. И как ни странно, ни разу не встречала ее в моих унылых прогулках по

другим мирам.

Да, Мелисса, многие из тех, кто не нашел покоя, слоняется без дела туда-сюда. Так и я! Поначалу я исходила весь Бриф-Кост, но дальше него по земле мне ходить запрещалось. А потом, потом я узнала, как можно перемещаться в другие пространства. Как-то раз я попала в одно ужасное место, то был пещерный город. Бесконечная дорога вилась между залами, поросшими сталактитами, оттуда раздавались страшные, душераздирающие крики. И, вот, пролетая мимо одного из них, я услышала голос Грея! Остановилась, прислушалась. Он называл мое имя! Он звал меня! В его голосе теперь не было прежней холодности, он был наполнен искренним раскаянием и теплом.

- Я здесь, - ответила я ему.

Он сразу замолк.

- Я здесь, - еще раз повторила я и вгляделась в густой туман, преграждающий мне путь в зал.

- Бренда! – вскричал он. - Ты пришла! Какдолго я ждал! Какдолго! Прости! Прости меня за все! Но я не мог иначе! Не мог! Не уходи, молю! Выслушай мою историю! Прошу тебя!

И он рассказал мне, что с самого раннего детства был посвящен в ужасные тайны, на которых строится жизнь в Файнд-Тауне. Мальчику внушали, что именно он должен повсеместно упрочить влияние монаха Альтера. Будучи подростком, он уже знал, что через несколько лет отправится с особой миссией в Бриф-Кост. Для этого его учили быть холодным, расчетливым, порочным, прививали ему безудержную алчность и любовь к власти. Его посвящали в тайны интриг и учили, как лучше расправляться с врагами.

Грей впитывал в себя нехитрую науку, как губка. Но никто не знал, что в его душе зрело и другое чувство: протеста! Он рано обнаружил в себе склонности к живописи, и время от времени писал картины. Но любое проявление творческой воли виделось его учителям постыдным ненужным пороком. Потому те ростки, которые всходили в его душе, безжалостно уничтожались. Именно тогда, он принял решение, что будет скрывать от своих наставников тягу к живописи. Так в нем родилась вторая сущность, которую он старательно прятал от окружающих. С каждым годом чахлые ростки ее зрели в его душе, но не было никакой возможности ускорить их рост.

Наставники притягивали внимание юноши к черной магии. Он полюбил ее. В ней его привлекала доступная власть, неограниченная свобода действий и то темное, страшное, которым, как ему казалось, он мог управлять. Грей со свойственным ему жаром полностью отдавал себя магии, воплощая в ней умолкнувшие творческие порывы.

И вот настало время, когда он, окончательно возмужав, отправился в Бриф-Кост. Ты знаешь, Мелисса, что было дальше. Именно там он дал волю своей порочной натуре. Но одновременно с этим, свободный от вечного соглядатайства, Грей начал рисовать. Увы, теперь его картины не воплощали тех замыслов, которые он лелеял в своей душе. Все, что выходило из-под его кисти, было бледным и безжизненным. Ты, может быть, помнишь тот пейзаж, на котором изображена площадь Файнд-Тауна? Она хорошо выполнена, но души в ней почти нет! Грей понимал это! Понимал и страдал! Страдал от того, что во имя своей миссии он пожертвовал тем бесценным даром, которым его наградила природа. Но к тому времени фабрика начала приносить свои первые черные плоды, и он окончательно решил забыть о живописи. Он смеялся над самим собой, вспоминал слова своих наставников и прославлял их! Да, да, они были правы! Творчество – ничтожно! Его нужно губить, душить в себе, как вредную сорную траву!

Так жил он, пока не узнал, что близится заветный час и, что для исполнения того важ-

ного ритуала, ради которого он прибыл в Бриф-Кост, ему нужно найти подходящую жену. Он долго присматривался ко всем городским невестам, пока не отыскал меня. Да, я была то, что нужно! Идеальная жертва для его дьявольских замыслов. Но неосознанно я пробудила в нем его вторую, спящую сущность. С каким благоговением он смотрел на мои работы, и его охватывало то чувство жалости ко мне, то – восхищение, то – дикая ненависть! Когда же мы стали жить в его усадьбе, он в тайне надеялся, что я смогу пробудить в нем лучшие чувства. А я, как ты помнишь, боялась его и даже не хотела вникать в суть его характера. Но во время кровавого ритуала, в нем, в этом человеке, насквозь пропитанного злом, вспыхнула совсем другая искра. Ты знаешь, что он велел мне убить его, и демоны не смогли проникнуть в город, хотя остались жить в доме и на улицах квартала Фэктори.

И теперь его душа помещена в страшное место, где каждую секунду он испытывает неимоверные страдания, и все его преступления с четкой, ослепительной ясностью проплывают перед его глазами. Он, он хочет все исправить, но тщетно! И от того, раскаяние его становится глубже и ранит все больнее и больнее. Он объяснил мне, почему я не могу уйти туда, где моя душа успокоилась бы и перешла в другое состояние! Оказывается, мы с ним связаны крепкой нитью, и, пока он томится в этом ужасном месте, я буду бесконечно плутать по иным мирам и пространствам. Только когда ты, Мелисса, положишь конец этой истории, только тогда он освободится. Благодаря тому, что в последний момент он отказался от своего дьявольского замысла, его душа может перейти в иной, лучший мир!

С тех самых пор, Мелисса, я часто прихожу к нему. Настолько часто, насколько мне позволяют. Мы беседуем с ним о многом, о том, о чем никогда не говорили, когда были вместе. Теперь, я, действительно, считаю его своим мужем, близким мне по духу, тем человеком, с кем бы я хотела связать свою жизнь!

Бренда закончила и замолчала, посмотрела на невидимые часы на стене и вскрикнула:

- Пора! Я еще приду к тебе!

И в мгновение ока исчезла.

Глава 26

Каролина встала с утра раньше обычного. После скандала, который закатила ей мать, она решила впредь действовать осторожнее. Пока родители видели десятый сон, она написала коротенькую записку: «Мама, я пойду сегодня пораньше в школу. Хочу позаниматься в библиотеке», и оставила ее на столе в гостиной.

Она бесшумно выскользнула из дому и направилась в школу. Каролина слышала, что мадам Грегория всегда приходит за два часа до начала уроков. Старая дама никогда не изменяла своим привычкам и, запершись в своем кабинете, составляла план урока. Хотя за долгие годы ее службы в школе тот самый план никогда не менялся.

Холодный утренний воздух бодрил Каролину, и настроение ее с каждым новым шагом поднималось. Прежде ей не доводилось гулять в такое время.

На улицах не было людей, и она удивленно озиралась по сторонам. Оказывается, наш Файнд-Таун может быть совсем другим – одиноким, покинутым и немного таинственным! Просто удивительно, что я не знала этого прежде!

Каролина решила сократить путь и пройти темным закоулком, образованным из стен старых домов. Она свернула с центральной аллеи и нырнула в темноту. В ноздри ей

ударил едкий запах нечистот. Фу! Какая гадость, никогда не думала, что в нашем чистом городе может быть подобное место! Она даже немного испугалась, но взяла себя в руки и сделала несколько неуверенных шагов, задрала голову и увидела сверху серое небо, сиротливо глядящее на нее сквозь узкую щелочку. Уф! Ну и местечко! Она зажала нос и пошла, невольно вздрагивая – мимо несколько раз пробежали напуганные крысы. Наконец, впереди она увидела просвет и зашагала значительно быстрее. Но, испугавшись, остановилась. Кажется, она здесь не одна! В двух метрах от нее словно из ниоткуда выплыл темный нечеткий силуэт. Каролина пристально всмотрелась туда, и поняла, что это не человек! Она задрожала и прижалась спиной к грязной вонючей стене, а странное существо между тем начало приближаться к ней! Существо не имело тела! Оно состояло из темной материи. Каролина хотела закричать, но язык, казалось, прилип к гортани. Вдруг чудовище, издавая громкое шипение, подлетело к ней совсем близко, и в его невнятной яростном сопении она различила имя: «Мелисса».

- Нет, - выдавила из себя Каролина, - Нет. Нет. Нет. Я не Мелисса!

Существо обдало девочку ужасным запахом и словно окинуло ее взглядом. Хотя у него не было ни головы, ни глаз, но Каролина ощутила на себе пристальный, пронизывающий насквозь потусторонний взор. Все, это конец! - пронеслось в ее голове. Еще секунда, и она лишится сознания. Но тут произошло нечто странное: чудовище в одно мгновение развернулось и унеслось прочь.

Каролина стояла ни жива, ни мертва. Лоб горел, руки дрожали, на глаза навернулись слезы, и, не медля ни секунды, она бросилась вперед, спотыкаясь о мусор. Когда она вылетела на улицу, то сразу нырнула в кусты и упала ничком на землю. О, что же это было? Сердце ее билось утешенно. Меня чуть не сцапал какой-то монстр, приняв за Мелиссу! О Боже мой! Какой-то внутренний голос говорил ей, что пора оставить это дело, оно становится слишком опасным. Но она подняла голову, с трудом встала на ноги, и, держась за ветку дерева, громко сказала, глядя в небо:

- Нет! Я бесстрашная! Я докопаюсь до истины! И накажу Мелиссу! Я столько уже пертерпела из-за нее! Поздно отступать даже перед лицом неземной твари!

Неземной твари! Впервые в жизни она сталкивалась с чем-то подобным! Ей даже кошмары никогда не снились! А тут – такое! Уф!

Через несколько минут она немного отошла от первого шока, и оглядев себя – ахнула. Ее красивое розовое платье с тонкими манжетами было заляпано грязью и неприятно пахло, а черные лакированные туфли - в следах от помоев.

Она прикусила губу и взглянула на часы: надо непременно попасть в школу до начала занятий и успеть поговорить с глазу на глаз с мадам Прегорией. Но нельзя же появляться там в таком виде?! Что же делать?! Внезапно ее осенила прекрасная мысль. В школьном саду есть родник, там можно будет привести себя в порядок! Каролина, не теряя времени даром, побежала туда, по дороге заметив, что город еще окончательно не проснулся. Почти на всех окнах ставни были наглухо закрыты.

Пока вы спите в своих теплых кроватях, ленивые и сонные, я, бесстрашная Каролина, встречаюсь с нечистью в темных подворотнях и выхожу победителем из этой битвы! Она улыбнулась самой себе и даже покраснела от гордости. Ха! Да на самом деле, я насколько не испугалась! Знали бы вы, сонные тетери, об этом. Ох, рассказать бы девочкам, то-то у них глаза на лоб полезут! Но нет, не время! Лучше позже насладиться полным триумфом.

Каролина добралась до родника, утолила жажду и принялась оттирать платье. Но все тщетно! Кое-где отчетливо проступали жирные пятна, а своеобразный запах, исходящий от ее одежды, так и не выветрился. Ладно уж - она махнула рукой! Никто не почувст

и ничего не заметит. Пойду так! А раньше-то, она бы из своей комнаты не вышла в таком виде!

Глава 27

Каролина зашла в здание школы, ее шаги громким эхом отдавались в пустых коридорах. Не все фонари еще зажглись, и стены тонули в полумраке. Здесь на меня уж точно никто не нападет, потому не стоит бояться, - думала Каролина и уверенно направлялась к кабинету мадам Грегории.

А вот и он, - дверь была немного приоткрыта, и Каролина непроизвольно поморщилась, - место, где обитала классная дама, почему-то напоминала ей берлогу недовольного зверя.

Она несколько раз постучала и услышала тяжелые шаркающие шаги. Ползет, старая ведьма! - подумала девочка, и суровое удивленное лицо классной дамы показалось в дверном проеме.

- Каролина, ты? - она подняла правую бровь, что означало крайнюю степень недоумения.

- Да, я, - лебезила Каролина. - Я намеренно пришла пораньше, чтобы сообщить вам кое-что важное!

- Да, да, - женщина обрадовалась и, коварно улыбнувшись, потеряла руки. - Проходи же скорее.

Каролина смущенно опустила голову и юркнула в полутемный кабинет. Шторы на окнах были опущены, а на столе лежала замусоленная книжница, в которой почтенная дама делала заметки. Да, на план урока это явно не похоже!

Мадам Грегория, казалось, ожидала подобных предположений и потому с быстротой молнии спрятала книжницу в ящик стола и, бегло глянув на портрет монаха Альтера, перевела взгляд на Каролину.

- Что же ты узнала, деточка? - с напускной ласковостью спросила она и шмыгнула носом.

Черт! Неужели от меня до сих пор дурно пахнет?! И тут Каролина заметила, что мадам Грегория смотрит на нее с плохо скрываемым подозрением. Ну да ладно!

- Мадам, представляете, я вчера решила проследить за Мелиссой, - начала Каролина, стараясь говорить легко и небрежно. - Вы же попросили меня об этом, - она сделала упор на этих словах. - И вы не представляете себе, что я выяснила!

Каролина выдержала театральную паузу. Глаза мадам Грегории горели алчным огнем, она наклонилась над столом, поглощая подопечную взглядом и продолжая шмыгать носом.

- Она теперь живет не дома! - торжественно произнесла Каролина. - А у новой учительницы Мирты!

- Что? - глаза ее округлились. - Ты уверена?

- Уверена, мадам Грегория! Я до самого заката следила за ней! - подтвердила Каролина.

Мадам Грегория вытащила из кармана платок и приложила к носу, ее лицо выражало глубокую задумчивость, она беззвучно пошевелила губами, а потом процедила:

- Я так и знала, что этой выскочке нельзя доверять. Она мне сразу не понравилась, как только я ее увидела, но ничего, - она с силой стукнула кулаком по столу. - Они обе у меня за это ответят! Этой Мирте крупно повезло, если она только из добрых побуждений помогает мерзавке. А если она ее сообщница, то я лично расправлюсь с ней, я обещаю тебе, обещаю! - последние слова она адресовала портрету монаха Альтера.

Каролине стало немного не по себе и она решила, что пора retirоваться. Кроме того, тот жест, которым мадам Грегория прикрывала себе нос, уж очень насторожил ее.

Каролина осторожно поднялась со стула и направилась к выходу. Мадам Грегория, казалось, совершенно не замечала ее действий.

Внезапно она бросила на нее острый взгляд и с неприкрытой лестью в голосе произнесла:

- Спасибо тебе, девочка! Только никому ни слова, хорошо?

Каролина боязливо кивнула, глаза мадам Грегории выдавали саму себя, они явно говорили: «Я тебе голову оторву, если ты, хотя бы одной живой душой проболтаешься». И, когда Каролина почти достигла двери, она услышала фразу, которая заставила ее вздрогнуть:

- Каролина, не откроешь ли окошко, а то как-то душно в комнате стало!

Глава 28

Мелисса пришла в школу раньше обычного и в пустом классе обнаружила Каролину, которая уже сидела за партой и задумчиво смотрела в окно. Поразительно! Каролина над чем-то задумалась! Вот так дела! Мелисса застыла на пороге, изумленно глядя на нее.

Каролина очнулась и бросила взгляд на дверной проем. Когда она увидела Мелиссу, то вздрогнула, а потом лицо ее приобрело странное выражение, - удивления, смешанного с испугом.

Мелисса гордо подняла голову и вошла в класс, пусть Каролина не думает, что она ее боится! Между тем Каролина продолжала пристально смотреть на нее, так, словно хотела прочитать ее мысли. Когда Мелисса проходила мимо ее парты, то ощутила острый, неприятный запах, исходящий от одежды девочки. Вот так дела! Где это она лазила? Краем глаза Мелисса заметила несколько пятен на ее дорогом красивом платье. Ужасно хотелось сказать ей какую-нибудь колкость, но она сдержалась. Не стоит опускаться до ее уровня.

Мелисса, упорно делая вид, что не замечает присутствия одноклассницы. Она достала учебник и тетрадку, и решила прочесть хотя бы несколько параграфов, чтобы отвлечься от всевозможных мыслей, которые крутились в ее голове. Рассказ Бренды до сих пор звучал в ее ушах, и она вновь и вновь вспоминала ее, и переживала вместе с ней те ужасные минуты.

А Каролина, как зачарованная, продолжала смотреть на нее, совершенно не стесняясь. Мелисса, наконец, не выдержала и брякнула:

- Чего тебе?

Каролина вздрогнула, очнулась и скривила недовольную физиономию:

- А ничего! Что уже, посмотреть нельзя?!

- Я тебе не экспонат в музее, - парировала Мелисса, потом не удержалась и со смешком добавила: - Ты бы лучше сходила - помылась! От тебя несет так, будто ты в помойке ночевала.

Каролина покраснела до корней волос и, стиснув зубы, выдавила из себя:

- Не твоё дело!

Мелисса пожала плечами и решила, что благоразумнее будет ничего не отвечать. Каролина же сидела в напряженном ожидании, видимо, ей все таки хотелось продолжить столь увлекательную беседу. Но, так и не дождавшись ответа, спросила не своим, ломающимся от волнения голосом:

- Как дела-то?

Мелисса удивленно подняла глаза от учебника и воззрилась на девочку. Интересовалась она явно искренне!

- Да все в порядке, - бросила Мелисса. - Ничего нового.

- Хм, - неопределенно пробурчала Каролина, и, видимо, осознав свою ошибку, уставилась в окно.

Они обе замолчали, но напряжение, повисшее в воздухе, усилилось в несколько раз. Вдруг Мелисса вспомнила слова Беатрис! Как она могла их забыть?! Та же сказала: будь осторожна с Каролиной – она шпионит! Вот почему Каролина так странно себя ведет! Скорее всего, она что-то разнюхала! Что-то связанное с преданием, монахом Альтером и прочей чертовщиной, происходящей здесь. Любопытно, а что конкретно она узнала?

Теперь уже Мелисса с интересом смотрела на Каролину. Да, та действительно сильно переменилась. Прежде ее лицо не выражало ничего кроме самодовольства, спеси и непроходимой душевной лени, но теперь в нем появились какие-то новые тревожные черты. Каролина вся целиком погрузилась в размышления, и в ее глазах блуждали задумчивые огоньки. Да и выглядит она неважно: волосы всклокочены, веки вспухли от явного недосыпа, и в довершение - грязное вонючее платье!

Каролина перехватила ее заинтересованный взгляд, и резко встав со стула, спросила:

- А ты что, действительно ничего не боишься? – зрачки ее глаз странно расширились.

- Кого мне бояться? Тебя что ли? – нахмурилась Мелисса.

- А хотя бы и меня, - в голосе Каролины проскользнула ирония.

- Фи! – Мелисса брезгливо поморщилась, - Еще чего не хватало! – немного подумала и добавила: - Я иду своей дорогой, и никто мне не помешает, в том числе и ты!

Последние слова она произнесла громко, воспламеняемая изнутри отчаянным жаром. Каролина будто бы уменьшилась в размерах, вся ссутулилась, глаза ее отчаянно забегали по классу в поисках невидимой защиты. Но тщетно! Она никак не могла найти подходящих слов, чтобы достойно ответить. Тогда остатки прежней гордости взыграли в ней, она распрямила плечи и, грозно глядя на Мелиссу, произнесла:

- Это мы еще посмотрим!

- Вот-вот, посмотрим! – холодно отчеканила Мелисса. - А теперь, будь добра, оставь меня в покое! Мне надо дочитать параграф!

Каролина молча села на свое место и принялась грызть ногти. Ей хотелось осадить Мелиссу, но после волнений, испытанных утром, она все еще чувствовала себя неважно. Та жуткая черная тварь, которая дышала ей в лицо, никак не выходила из головы. А эта бестия искала Мелиссу! И вот она, сидит себе тут спокойно, готовится к уроку и ведь знает же, знает, что на нее объявлена охота! Каролина не могла понять странного спокойствия Мелиссы. Ну ничего, мадам Григория найдет применение полученным утром сведениям, и эта особенная, бесстрашная выскочка будет рыдать в голос, когда ее разлучат с Миртой, и она останется совсем одна! Каролина злобно ухмыльнулась.

Тем временем в классе стали появляться остальные девочки. Они удивленно поглядывали на Каролину и Мелиссу и недоумевали: почему они не ругаются, а спокойно сидят, занятые своими делами?

Чем ближе они подходили к Каролине, тем больше росло их удивление! На ней грязное платье! От нее плохо пахнет! Девочки смущенно здоровались с ней и, понимая, что сейчас лучше не соваться с расспросами, тихо рассаживались по местам. Каролина же стоически молчала, не выходила к доске, не заводила громкие беседы и не привлекала к себе внимания. В классе стояла странная напряженная тишина, все до единого, смиренно уткнувшись в учебники, ожидали прихода мадам Григории. Но ко всеобщему

удивлению пришла не она, а Мирта, которая пояснила, что классная дама отлучилась по каким-то спешным делам, и первым уроком будет рисование.

Каролина довольно улыбнулась, кажется, мадам Грегория начала действовать! От Мелиссы не укрылась эта противная усмешка, и она, незаметно переглянувшись с Миртой, внутреннее приготовилась к новым неприятным сюрпризам.

Но второй урок с мадам Грегорией прошел весьма гладко. Старая дама была непроницаемо холодна, не смотрела на Мелиссу, и даже ни разу не вызывала ее к доске. За весь день ничего так и не произошло, и Мелисса отправилась домой к Мирте. Нужно набросать план рассказа, а затем подготовиться к вечерней вылазке!

Глава 29

После уроков Мирта сидела в отведенном ей кабинете и делала вид, что проверяет тетради. На самом же деле ее мысли были заняты совсем другим. Она прекрасно понимала, что время не ждет и нужно как можно скорее бежать из Файнд-Тауна. Но она опасалась совершать столь отчаянный шаг, не посоветовавшись с Вергилианом. А он, как на зло, давно не выходил на связь. Погруженная в такие размышления, она не заметила, как быстро протекло время. Взглянув на часы, Мирта ахнула и засобиравшись домой.

Она поспешно встала, поправила перед зеркалом воротничок платья, как вдруг раздался громкий настойчивый стук в дверь. Мирта вздрогнула и напряглась. Она весь день ожидала подвоха! Собрав волю в кулак, она беспечно произнесла:

- Да, да, войдите!

На пороге возникла мадам Грегория собственной персоной, и судя по всему, она пришла не для того, чтобы поблагодарить Мирту за то, что та подменила ее с утра. В глазах классной дамы читалось торжество, которое она даже не старалась скрыть. Она окинула беглым взглядом кабинет девушки и вымолвила:

- Добрый день, милочка! Вы, кажется, уже собираетесь домой?

Мирта навестила уши: мадам Грегория, сама того не замечая, переняла у директора особую манеру говорить.

- Добрый день! - с улыбкой ответила Мирта. - Да, уже собираюсь.

Старая дама покачала головой, ее холодные голубые глаза сузились, и, стараясь сохранять сдержанный тон, она продолжила:

- Вам придется немного задержаться. У нас ожидается небольшое совещание.

- О! - Мирта сделала вид, что удивлена, - Надеюсь, не столь масштабное, как в прошлый раз?

Мадам Грегория нервно дернула верхней губой и как можно более любезно ответила:

- Нет, милочка, не столь масштабное. Всего-то четыре человека, включая вас!

- Ну что ж, я готова, - пожала плечами Мирта. - Пойдемте же!

- Следуйте за мной, - сквозь зубы процедила мадам Грегория, самообладание стремительно покидало ее.

Дорогой Мирта гадала: для чего же ее вызвали? Пока на ум приходило только одно объяснение: Грегория узнала, что Мелисса живет у нее дома. Она улыбнулась своим мыслям - интересно, какое преступное деяние сейчас будут вменять ей? О, совсем скоро она попадет в рассадник змей, - коварных, ядовитых и изворотливых. Мирта смотрела в седой затылок мадам Грегории, и пыталась проникнуть в ее мысли. Чем живет этот человек? Откуда в ней столько фанатизма? Она увидела, что разум старой дамы полностью поглощен черной слизкой материей. Мирта схватилась за голову и приложила руку к груди - ей стало тошно! Нет, эта женщина уже не человек - ее воля полностью

подчинена давно умершему монаху Альтеру!

Они подошли к кабинету мадам Григории, и та с вымученной улыбкой, похожей на звериный оскал, открыла перед ней дверь, учтиво пропуская внутрь. Мирта вздрогнула. Здесь в этом склепе было так тоскливо. Она взглянула на стену и увидела портрет Альтера. Его жестокие насмешливые глаза, казалось, прожигали тебя насквозь.

«Ну здравствуй!» - сказала она про себя, - «Ничтожный человечешка! Ты скоро заплатишь за все свои злодеяния!». Она всмотрелась в портрет и поняла, насколько сильно он отличается от всех остальных его изображений, развешанных по школе. Этот более живой, более наполненный энергией, и, видимо, нарисован не просто так, и не просто так он принадлежит именно мадам Григории.

Последняя заметила заинтересованный взгляд Мирты, и, прищурившись, с осторожностью спросила:

- Вам нравится?

- Да, - Мирта восхищенно всплеснула руками. - Портрет просто великолепен! Надо сказать, он резко отличается от всех остальных! Где же вы достали его?!

Мадам Григория вся зарделась и с гордостью пояснила:

- Он был подарен моим предкам! Семейная реликвия. Передается из поколения в поколение. Теперь я его счастливая обладательница.

«Так я и думала», - произнесла про себя Мирта, а вслух заметила:

- Вы просто счастливица! Но где же остальные участники нашего заседания?

Классная дама ожидала, что Мирта произнесет витиеватую оду этому прекрасному портрету и потому, насупившись, небрежно бросила:

- Скоро они придут, уж поверьте. А пока я хочу потолковать с вами наедине, дорогая, - и она опустилась в кресло, давая Мирте знак, что она тоже может сесть. - До меня, то есть, до нас дошли сведения, что Мелисса, та девочка, которая поставлена на особый контроль, в настоящий момент проживает у вас! - она подчеркнула последние слова, и ее холодный взгляд жадно впился в глаза собеседницы.

Мирта удивленно подняла брови и развела руками:

- Что же тут дурного, мадам? Родители девочки больны, ее друг куда-то пропал! Не может же она одна жить в таком большом доме?!

- Ах, вот оно что, дорогуша! - Григория продолжала наступление. - А вы знаете, почему девочка взята на особый контроль?

- Конечно, знаю! - просто ответила Мирта и выдержала паузу.

Григория вздрогнула и насторожилась.

- И почему же? - спросила она с придыханием.

- Потому, что ее родители сошли с ума! А все вы тут считаете, что это заразно, и что Мелисса тоже может заболеть и заразить всех остальных. Разве нет? - хлопая глазами, ответила Мирта.

Григория облегченно вздохнула и кивнула:

- Да, да, именно так!

- Но, раз так, можете не волноваться! Я не боюсь заразиться, и не верю, что сумасшествие передается как вирусу!

Мадам Григория сжала губы с такой силой, что они слились в одну сплошную тонкую линию. Она вдруг встала и, опершись руками о стол, склонилась над девушкой.

- Милочка, - почти кричала она, - Вы, кажется, не понимаете насколько это опасно!

- Кажется, я действительно чего-то не понимаю, - спокойно подтвердила Мирта.

- Есть еще одна причина, по которой эта девочка должна быть изолирована от общества! - выдавила из себя классная дама и тяжело вздохнула.

- Господи! - Мирта удивленно развела руками. - Да какая же?! Может, вы расскажите мне, и тогда я перестану ей помогать?!

Мадам Григория устало опустилась в кресло, рассеянным взглядом обвела комнату, потом схватила чернильницу и стала нервно двигать ее по столу.

- Я не могу вам ничего рассказать - это не моя тайна, - отрезала она. - Но, надеюсь, вы поймете важность момента. О том, что Мелисса живет с вами, я сообщила не только директору школы, но и самому мэру, и он не на шутку разволновался. Думаю, последнее убедит вас в том, что это дело крайней важности!

Мирта покачала головой:

- Извините, мадам, но вы пока голословны! А я хочу узнать истинную причину!

- Голословна? - мадам Григория вскипела. - Может, вы еще скажете, что я вру?

- Может, - отстраненно произнесла Мирта и посмотрела на нее в упор. - И не пытайтесь меня переубедить.

Классная дама вспыхнула, сдержала поток оскорблений, рвущийся с ее уст, отложила чернильницу в сторону и спокойно произнесла:

- Раз уж мы с вами не смогли решить эту проблему, то вынесем ее на суд общественности, - она прислушалась к звукам, доносящимся из коридора, и радостно добавила: - А вот, собственно, и сама общественность, - она поднялась, подавая Мирте знак, чтобы и та поступила точно так же.

Девушка последовала ее примеру. Дверь распахнулась и неспешной походкой в комнату вошла мадам Стефания, как всегда улыбающаяся и витающая где-то в своих мыслях, а следом за ней - мэр Рэвел. Мирте не понравилось выражение его лица: под напускной любезностью скрывалось что-то злое и трусливое.

- Добрый день, милочки. Можете садиться, - обратилась к ним обеим мадам Стефания.

- Опять у нас тут передряги. И опять из-за Милены, - она хихикнула. - Просто смешно, что она не дает вам покоя, мадам Григория.

Глаза классной дамы наполнились злостью, ей явно хотелось швырнуть тяжелую чернильницу прямо в директора, но она сдержалась и, делая вид, что не расслышала слов Стефании, обратилась к мэру:

- Уважаемый мэр Рэвел, позвольте вам представить учительницу литературы и рисования - Мирту.

Девушка смело протянула ему руку, он сладко улыбнулся и ответил слабым пожатием на ее приветствие.

- Очень рад, очень рад, - еле слышно произнес он. - Отрадно видеть, что в нашу тихую школу идут работать такие молоденькие учительницы.

- Поверьте, мне тоже приятно здесь работать, - Мирта очаровательно улыбнулась.

Мадам Стефания смотрела на них и умилялась, а вот Григория нахмурилась - поведение Мирты в присутствии его сиятельства было фамильярным и беспардонным! Между тем, она снова взяла бразды правления в свои руки и, стараясь говорить уверенно, продолжила:

- Мы здесь собрались из-за Мелиссы! Нам стало известно, что она проживает у вас!

- Да, именно так, - спокойно ответила Мирта.

Мэр провел рукой по волосам, нагло оглядел девушку с ног до головы и тем же сладким голосом спросил:

- Мирта, разрешите узнать, почему вы приютили девочку у себя? Вы же наверняка слышали, что по поводу нее существует особое указание.

- Конечно, я слышала об этом, - она на секунду задумалась. - Но, понимаете, я очень люблю детей и не могу смотреть, как им приходится расплачиваться за ошибки роди-

телей. Она же не виновата в том, что они больны! Несчастный ребенок! Разве же можно бросать ее на произвол судьбы?! В Бриф-Косте вы такого не увидите ни в одной школе! - Как долго она живет у вас? И как она попала к вам? – мэр испытующе посмотрел на нее.

- Дело было, кажется, дня два назад! Да, да! По-моему так! Я пошла прогуляться в лес, а дорога проходит мимо дома Мелиссы. Я увидела, что она плачет, сидя на крыльце. Остановилась, спросила в чем дело, она ответила, что ее друг исчез и ей страшно жить дома одной. Я позвала ее к себе! Понимаете, я не могла пройти мимо горя бедняжки!

- Это чудесно, - коротко встала Стефания. Григория и Рэвел посмотрели на нее, как на сумасшедшую и переглянулись.

- Знаете, - мэр заворочался в неудобном кресле, - Это чудесно, конечно, не могу не согласиться с госпожой Стефанией! Но, поймите меня правильно, есть очень веская причина, по которой Мелисса должна быть изолирована от общества.

- Я не понимаю вас, - глаза Мирты зажглись. - Мадам Григория тоже говорила мне об этом! Я не понимаю, что может сделать плохого одна маленькая девочка? И почему с ней следует так жестоко поступать?

- Вот-вот, - встала мадам Стефания. - Дорогая моя, я бы с удовольствием открыла вам эту тайну за семью печатями, но боюсь, мне оторвут голову, - она подмигнула раскрасневшейся мадам Григории, в глазах которой отразился безотчетный ужас. - Тайна, да?! – она коротко рассмеялась, - Вымысел и бабушкины сказки! Смешно! Как можно в такое поверить?!

- Замолчите, мадам Стефания! – вдруг гаркнул Рэвел так громко, что все присутствующие вздрогнули, - Мирта, - продолжал он не своим голосом. – Я, именем мэра Файнд-Тауна приказываю вам сегодня же выставить девчонку на улицу, иначе мне придется вас уволить!

В глазах мадам Григории появилась детская непосредственная радость, она восхищенно взглянула на мэра, потом перевела взгляд на портрет Альтера и едва заметно кивнула ему.

Мирта резко встала:

- Я не выполняю вашего приказа, пока вы не объясните мне истинной причины происходящего! - громко сказала она и посмотрела в черные глазки Рэвела. - А уволить меня вы не сможете! Не забывайте про договор с префектурой Бриф-Коста. Я там человек не последний. Вам, как я понимаю, не захочется платить неустойку, а уж, поверьте мне, цена ее будет значительной! Да кстати, насколько я знаю, некоторые товары вы выписываете из Бриф-Коста? Так ведь?! Но мне известно доподлинно, что префектура не любит, когда отвергают их учителей!

Повисло молчание. Вдруг Рэвел насторожился, странно повернул голову, словно прислушивался к неведомому голосу, лицо его исказила гримаса страха, а руки нервно задрожали. Он округлил глаза, тряхнул головой и, стараясь подавить нотки гнева в голосе, смотря куда-то в сторону, ответил:

- Мирта, простите меня за неподобающий тон. Пусть все остается на своих местах, - он резко встал и, не прощаясь, вышел вон.

Когда за ним захлопнулась дверь, мадам Стефания покачала головой и ласково обратилась к окаменевшей мадам Григории:

- Милочка, что с Вами?

- Почему? Почему? – прерывистым голосом шептала она. - Почему он так поступил? Это же нелепо. Нелепо.

Она обхватила голову руками и, вытащив из кармана носовой платок, вытерла вспо-

тевший лоб.

- Пожалуй, нам пора удалиться, - обратилась мадам Стефания к Мирте. - Пойдемте, пойдемте, милочка, надо оставить нашу дорожку одну.

Они, стараясь не шуметь, вышли из кабинета. Казалось, мадам Григория даже не заметила, что осталась одна.

- Ох, несчастная женщина, - вздохнула мадам Стефания и ее глаза участливо остановились на Мирте. - Она совсем не понимает того, что творит. Совсем! Идите с миром, милочка! До завтра! Передавайте Милене от меня привет!

Мирта облегченно вздохнула и заторопилась к выходу, лицо ее было напряженным и сосредоточенным. Она не могла понять, почему мэр так резко переменял свое решение? Прокручивая в голове состоявшийся разговор, она догадалась, что он услышал голос, который приказал ему оставить ее в покое. Кажется, она знает, кому принадлежал этот голос. Ее передернуло: боже мой, он был так близко, а она даже не ощутила дыхания тьмы! Как ловко он умеет маскироваться! Но больше беспокоило другое: понял ли он, кто она такая? Ведь с помощью мэра он прощупывал именно ее!

Глава 30

Мелисса, склонившись над столом, неотрывно смотрела на исписанный лист бумаги. Вот уже целый час она безрезультатно билась над планом рассказа. Все шло не так, как надо! Она никак не могла прийти к общему знаменателю, и канва задуманного текста разваливалась на не связанные друг с другом отрывки.

Ей определенно не хватает очень важных сведений. Когда она узнает все до конца, тогда план рассказа обретет четкую форму. Мелисса отложила карандаш в сторону и предалась мечтам. Она представила себе, какое впечатление произведет ее история (если она все-таки напишет ее) на жителей города! Но вдруг они не поверят ей на слово? В таком случае она предъявит им доказательства: протоколы, обличающие Альтера и дневник Бренды. Бесценные документы всегда при ней. После того, как ее дом был разгромлен, она спрятала бумаги в портфель и ни на минуту не расставалась с ними.

Занятая такими мыслями, Мелисса совершенно потеряла счет времени, и когда взглянула на часы, то ахнула, - уже перевалило за три! Почему Мирта задерживается?! Она вдруг вспомнила ехидный взгляд Каролины, по сердцу пробежал холодок. Все-таки странно, почему мадам Григория не смогла провести положенный утренний урок?!

Мелисса поднялась и принялась ходить из угла в угол, нервно кусая губы и прислушиваясь к звукам, доносящимся со двора. Наконец, она услышала знакомые легкие шаги и подскочила от радости. Она кинулась к дверям и вылетела в сад. Навстречу ей шла Мирта, по ее мрачному лицу Мелисса поняла: что-то произошло!

Девушка легонько пожала ее руку, молча вошла в дом и устало упала в кресло. Мелисса безропотно стояла рядом, мучимая дурными предчувствиями.

- Они узнали, что ты живешь у меня, - пояснила Мирта.

- И что? - в горле пересохло от волнения.

- Хм, - Мирта улыбнулась. - Я перехитрила их. Мадам Григорию и Рэвела!

- Рэвела? - Мелисса вытаращила глаза. - Он сам с тобой разговаривал?

- Ага, - Мирта взмахнула рукой. - Явилась собственной персоной и давай меня допрашивать, что да как! Я то, конечно, наврала с три короба. Он вроде бы поверил, но зна-

ешь, - она замолчала и нахмурила брови. - Они вызывали меня не просто так. Они хотели понять, связана ли я с Вергилианом и какое вообще имею к тебе отношение. - И что же? Они что-нибудь заподозрили? Неужели они знают про Вергилиана? – удивленно спросила Мелисса.

- Конечно, они про него знают, - Мирта усмехнулась. - Вроде бы они пока ничего не заподозрили. Это хорошо, Мелисса, иначе бы нам с тобой пришлось второе тяжелее!

- Уф, - выдохнула Мелисса. - Ну и дела!

- Да, да, дела, - кивнула Мирта. - Ладно, не будем сейчас думать об этом! Нам нужно готовиться к другому! Устроим им настоящий праздник! Как твой рассказ, кстати?

- Да вот, план пыталась набросать, - Мелисса немного покраснела. - Только вот было бы неплохо узнать, куда делись прежние жители города!

- О, - протянула Мирта и недобро усмехнулась. - Дорогая моя Мелисса, я думаю, ты скоро узнаешь об этом!

- Хотелось бы, - без энтузиазма ответила она, все эти «скоро» ей уже порядком надоели.

- Ладно тебе киснуть, - Мирта небрежно махнула рукой. - Давай лучше выпьем кофе и решим, как нам лучше всего пробраться в подземелье. Медлить нельзя, уже завтра нам нужно бежать отсюда, - она, нехотя, стала подниматься с кресла. - И принеси, пожалуйста, из мастерской мою большую холщовую сумку.

Из мастерской! Мелисса рассеяно застыла посреди комнаты. Она ни разу не была наверху, в мансарде, которую Мирта приспособила под мастерскую. Время от времени ее раздрало любопытство. Уж очень ей хотелось посмотреть на картины старшей подруги. Но она не решалась заговорить с ней об этом.

- Ну чего ты, Мелисса, застыла? – рассмеялась Мирта.

- Просто я там не была, и как-то боязно идти в твоё святилище, - слегка покраснев, ответила Мелисса.

- Да ладно! Будет тебе! Беги скорей! – Мирта уже встала и направилась в кухню. - А я пока сварю кофе и пару бутербродов сделаю.

- Угу, - кивнула Мелисса и стала подниматься вверх по узкой деревянной лесенке.

Уже на подступах к двери, девочка почувствовала запах красок и лака, наконец-то она побывает в мастерской художника!

Она вошла внутрь. Небольшая комната, по форме напоминавшая нос корабля, была залита ярким солнечным светом. В середине стоял мольберт, накрытый тряпкой, а в углу, на низкой табуретке - большая железная коробка, перепачканная краской. Видимо в ней девушка хранит краски и кисти.

Вот было бы здорово иметь такую мастерскую в Бриф-Ксоте! Ходить туда всей честной компанией: пить чай, читать вслух, словом, коротать душевные вечера при свете маленькой лампы! Мелисса подавила вздох сожаления. Мечты - мечтами, а в реальность надо таки возвращаться! Она огляделась по сторонам и в углу обнаружила ту самую сумку, о которой говорила Мирта.

Мелисса взяла ее и почувствовала дурманящий запах разных трав и вспомнила маму - у нее есть похожая сумка, доверху набитая растениями. Девочка глубоко вдохнула и представила, что Хильда где-то рядом. Так стояла она около минуты, потом очнулась от забытья и уже собралась уходить, но взгляд ее упал на мольберт, накрытый тряпкой. А что бы на ее месте сделала Сара? О, та уж точно не упустила бы момента и сорвала покров тайны! Ладно, - Мелисса махнула рукой, гляну одним глазком! Думаю, ничего страшного не произойдет.

Она осторожно подошла к холсту, и, сорвав покрывало, отошла на шаг назад. На картине был изображен мужчина в полупрофиль. Он сидел на скамейке, его длинные

темно-каштановые волосы подсвечивались в контражуре, упрямый тяжелый подбородок он опустил на согнутую руку и смотрел вдаль. Его глаза небесно-голубого цвета, тихо сияли изнутри божественным светом, и озаряли пространство вокруг него.

Мелиссе он показался знакомым, и она сразу же поняла, кто он! Это Вергилиан! Она вспомнила свой сон, в котором видела его, пусть и не совсем четко, но достаточно, чтобы запомнить те восторженные ощущения, которые вызывал его облик! Она смотрела на него во все глаза и не могла не заметить, что туман за спиной Вергилиана явно образует какую-то форму. Она выглядела пристальной и поняла, что сквозь туман проступают контуры крыльев. Вот оно как! Скорей бы уже с ним познакомиться!

Но время не ждет! Она повесила покрывало на место и спустилась вниз. Мирта хитро взглянула на нее, но ничего не спросила, а лишь протянула руку за сумкой:

- Вот отлично, Мелисса!

- А для чего она тебе? – поинтересовалась девочка и облегченно вздохнула, радуясь тому, что Мирта не стала ни о чем расспрашивать.

- Зелье сварить! – зевнула Мирта и пододвинула Мелиссе чашку кофе. - Давай-ка выпей!

- Зальице? Зачем? – никак не могла понять Мелисса.

- Все очень просто! Подумай сама, в каком состоянии будет Вернанд, если мы все-таки отыщем его?! Я очень сомневаюсь в том, что он сможет самостоятельно передвигаться. Скорее всего, он будет неподвижен. А мы, даже если захотим, никак не сумеем дотащить его до дома. Зелье же приведет его в сознание, и он сам сможет добраться сюда. Правда, долго будет отсыпаться. Но это уже неважно!

- Как ты ловко все придумала! – восхитилась она.

- То ли еще будет! - Мирта встала и, захватив сумку, отправилась на кухню.

Как только девушка вышла, Мелиссе охватило легкое беспокойство. Кажется, им скоро придется удирать из Файнд-Тауна! Дышать тут становился все труднее и труднее. Того и гляди, грянет взрыв. Мелисса вышла в сад и прислушалась. Стояла тишина. Непроницаемая, насыщенная, густая. Так бывает только перед бурей. Она дошла до калитки и не решилась открыть ее. Казалось, грязный поток, пульсирующий в венах города, хлынет сюда, в эту спокойную, уютную бухту.

Глава 31

Каролина не находила себе места. Она сновала туда-сюда по парку, и то и дело поглядывала на островерхие шпильки школы. Ей хотелось заглянуть на огонек к мадам Грегори и разузнать, как прошло разоблачение Мирты, но она не испытывала ни малейшего желания второй раз за день заходить в ее кабинет.

Каролину глодало изнутри. Она никак не могла понять причину своего смятения и беспокойства. Перед ее глазами вставали то черная тварь, напавшая на нее утром, то холодное, непроницаемое лицо Мелиссы, то очаровательная улыбка Мирты, то прожигающий взгляд монаха Альтера. Пальцы дрожали, губы нервно вздрагивали, а ноги ни на секунду не давали присесть. Конечно, мать снова накричит на нее за то, что она сразу не пришла домой, но теперь ей все равно. Разум Каролины искал что-то, какую-то неуловимую зацепку. Ей мерещилось, что она вот-вот докопается до истины, вспомнит нечто важное, нечто несомненно и непомерно важное. Но что? И с чем это связано?! Она не знала.

Неожиданно в памяти всплыло искаженное гневом лицо матери и ее истошный крик: «Ты что?! С ума сошла?! Я тебе тысячу раз говорила не заходить в старый парк! Он давно

закрыт для посещений». Но почему? Почему нельзя?! Что там может быть опасного?! Там только старые статуи и все! И ничего больше!

Каролина, обессиленная, рухнула на скамейку. Солнце стоял высоко в зените. Уже наступила осень, но оно все равно продолжало жечь упрямо и неумолимо.

Сколько еще этих недоговорок?! Сколько?! Кем были прежние жители города? И куда они делись?! Им никогда не давали ответа на этот вопрос! Да и, в конце концов, что мы знаем о монахе Альтере? Ничего! Только то, что он святой благодетель! И все! А День Обретения?! Почему на праздник нужно являться всем?! И зачем постоянно из года в год выполнять непонятные ритуалы?! Как ей только раньше не приходили в голову все эти вопросы?!

Каролине показалось, что мир вокруг изменился. Зеленая листва вдруг стала черной, голубое небо – кроваво-красным, а воздух приобрел темный оттенок. Но это длилось ровно секунду. Каролина мотнула головой и подскочила. Кто может ответить ей на эти вопросы? Теперь она была уверена, что родители и мэр Рэвел знают все! Но ей они никогда не расскажут. А расспрашивать их – глупо и опасно. Но есть еще один человек, который знает все, и этот человек – Мелисса, а она-то точно будет держать рот на замке.

Каролина вспомнила, как вела себя Мелисса во время уроков. Она всегда сидела задумчивая, постоянно погруженная в себя. На перемене выходила из класса и всегда брала с собой портфель. Так, так, так! Раньше она этого никогда не делала! Портфель! Каролина вздрогнула, перед глазами промелькнула картинка: Мелисса бережно и с явной опаской кладет портфель под парту и все время поглядывает на него!

Девочка рассмеялась, окрыленная догадкой! Вот где ключ к разгадке! В портфеле Мелиссы! Каролина немного успокоилась. Завтра же она завладеет заветным портфелем! Любими способами она доберется до него! Чего бы ей это ни стоило! Она упивалась своим триумфом, и возбужденная и веселая, помчалась домой. Как-никак, а платье надо постирать, чтобы мать ничего не заметила.

Глава 32

Глубокая ночь опустилась на Файнд-Таун, фонари уже погасли, и стало темно – хоть глаз выколи. Мирта и Мелисса осторожно шли к школе, спотыкаясь на каждом шагу о камни. Они молчали. И немудрено, им обоим было страшно, особенно Мелиссе. Она понимала: нужно собрать все мужество, чтобы заставить себя спуститься туда. От одной мысли о затхлых лабиринтах ей хотелось кричать. Она даже подумать не могла, что ей будет суждено снова побывать там.

Поднялся сильный ветер, и Мелисса заметила, что Мирта беспокойно глянула на небо. Тоненькая складка появилась на ее лбу и исчезла. Они уже добрались до школьного парка, и Мирта остановилась, тревожно вслушиваясь в тишину ночи.

- Мелисса, послушай меня внимательно, - начала она, слегка нахмурив брови. - Не задавай мне вопросов. Просто стой рядом и молчи. Я возьму тебя за руку, и мы пойдем в школу. Старайся не отвлекать меня и, по возможности, не говори ни слова. И ни чему не удивляйся.

- Хорошо, - скороговоркой ответила Мелисса. - А как мы войдем внутрь? Ты знаешь, где находится черный ход?

- Мы войдем через главную дверь! – выпалила Мирта и сделала строгое лицо. - Все! Не отвлекай меня! Отойди на шаг назад.

Удивленная Мелисса выполнила ее приказание и уставилась на девушку. Та закрыла

глаза и начала медленно поднимать руки. Ее тонкая хрупкая фигура словно набирала неземную мощь и становилась легкой и невесомой. Мелиссе подумалось, что у Мирты вот-вот появятся крылья, она взлетит в небо, оставив ее одну, на этой страшной и чужой земле. Но ничего подобного не случилось - Мирта открыла глаза, и ее сосредоточенный взгляд наполнился неведомой силой, но вместе с тем стал отстраненным и чужим. Казалось, рядом с девочкой стоял совсем другой человек.

Мелисса прищурилась и невольно ахнула: от Мирты исходило едва заметное голубое свечение. Она взяла ее за руку и почувствовала сильную энергию – физически ощутимые потоки которой вливались в ее ладонь.

Они быстро подошли к школе. На Мелиссу нашло странное спокойствие, сердце стало биться медленней. Они попали в другое измерение, где здешний воздух стал чужим, а тела при движении, рассекая его, оставляли следы.

Они поднялись по ступенькам, и Мирта, достав связку ключей, быстро открыла старый замок. Они вошли в темное помещение, и свет, исходящий от девушки, усилился настолько, что они могли видеть путь. Реальность для Мелиссы изменилась: стены то сужались, то раздвигались, пол под ногами дрожал, а сами шаги ее стали вязкими и замедленными. Она ощущала ни с чем не сравнимое блаженство, словно сейчас она - героиня приключенческой книги, которую спокойно перелистывает, сидя в любимом кресле.

Она так и не поняла, как они оказались у двери, ведущей в подземелье. Как только они переступили порог, Мелисса вернулась в реальность, которая обрушилась на нее сильным, пронизывающим до костей дождем. Шершавые, покрытые паутиной стены дохнули ледяным холодом; щербатые старые ступени напугали скользкостью; мрак, тягучий и осязаемый, ворвался в душу. От Мирты все еще исходило свечение, но уже не такое яркое. Мелисса почувствовала, что сквозь ладонь девушки проходят спазмы и ей захотелось крикнуть во весь голос. Темнота, простирающаяся впереди, пугала своей неизвестностью. Мелисса была уверена, что из недр ее вот-вот высочит жуткое чудовище и с невероятной яростью расправится с ними. От страха у нее начала дергаться щека и тянуло броситься обратно. Невероятным усилием воли она преодолела позывы к бегству и покорно последовала за Миртой.

Они спустились в ту самую галерею, в которой Мелисса была в последний день учебы. Голову, как и тогда, пронзила сильная боль. Они подошли к самой первой двери, и Мирта, глядя на нее отчаянным взглядом, сунула ей связку ключей в руку.

- Открывай, - прохрипела она не своим голосом.

Но каким ключом? Она хотела спросить об этом Мирту, но осеклась. Мышцы на лице девушки дергались и отражали страшную внутреннюю борьбу. Мелисса дрожащими пальцами вертела связку в руках, наугад выбрала самый длинный ключ и вставила его в замочную скважину. На удивление, он подошел! Приложив значительные усилия, она начала проворачивать его. Старый замок не хотел поддаваться, и тогда Мирта, отстранив ее руку, что есть силы, нажала на ключ. Замок со скрипом поддался. Из глубины дохнуло холодом и каким-то невероятным ужасом.

Мирта сильнее сжала руку Мелиссы, и они сделали шаг через порог. Девушка вытянула вперед две руки, и огромная зала осветилась бледно-голубым светом. Мелисса закричала, прикрыв рот ладонью: узкая, длинная комната была заполнена человеческими останками. Скелеты и кости в отвратительной вакханалии раскиданы повсюду.

Мирта рывком вытащила девочку обратно и быстро закрыла дверь. Мелисса не могла говорить. Они пошли дальше. Мирта остановилась около второй двери, выглядела в нее, и, махнув головой, пошла дальше, таща за собой почти теряющую сознание Ме-

лиссу. Так же они проскочили и следующую дверь, и до сознания девочки дошел шепот Мирты: «Тут то же самое! То же самое!».

Наконец, миновав еще несколько дверей, они остановились у последней - маленькой, неприметной, деревянной. Мирта застыла и дрожащими руками нащупала нужный ключ. Она с легкостью повернула его в замке и толкнула дверь. Они попали в каморку, сияние осветило ее настолько сильно, что стены в комнате стали белыми. В углу, на полу сидел Вернанд, голова его была опущена. Мирта, впервые за все это время, отпустила руку Мелиссы, и девочке вдруг захотелось плакать, - от пережитого потрясения и от того, в каком состоянии она увидела Вернанда.

Мирта достала из сумки маленькую бутылочку, и, подняв голову лесничего, влила ему в рот ее содержимое. Через несколько секунд его пустой взгляд стал осмысленным, он с трудом выдал из себя:

- Мирта.

Та ничего не ответила, взяла его за руку и рывком подняла на ноги. Он послушно встал. Мелисса сразу поняла: он сможет пойти сам.

- Убираемся отсюда. Да поскорее, - сквозь зубы прошептала Мирта, мускулы на ее лице снова задергались. Теперь ее сияние распространялось еще и на Вернанда.

Они выскочили из тесной каморки, в которой с трудом умещались вдвоем, и бросились вдоль галереи к выходу. Когда они пробежали мимо закрытых дверей, Мелисса вздрагивала от ужаса, вспоминая увиденную несколько минут назад картину: бесчисленное множество скелетов и черепов! Снова почудились ей душераздирающие крики, как и в тот раз! Тихим шелестом воспоминаний до нее долетел диалог с мадам Стефанией:

- А что за этими дверьми?

- Ничего. У нас нет ключей. Они хранятся у мэра!

О мадам Стефания, если бы вы знали, что находится там! Если бы вы знали, что ваши подопечные и ваши учителя уже который год живут на кладбище!

Тем временем, они благополучно выбрались на улицу. Память Мелиссы запечатлела немного: темные переулки, высокие деревья, тонувшие в напряженной тишине, частые шаги, гробовое молчание и напряженная, но державшая все слабее и слабее, ладонь Мирты.

Когда они оказались дома в светлой гостиной, свечение, исходившее от Мирты, погасло, и она, обессиленная и осунувшаяся, рухнула в кресло. Вернанд осмотрелся по сторонам, как загнанный зверь, осушил весь кувшин с водой и, не говоря ни слова, камнем упал на кровать.

Мелисса, сев напротив Мирты, с ужасом уставилась на нее. Что будет дальше, что?! Она закрыла лицо руками, но не смогла избавиться от наваждения: огромная зала, высокие стрельчатые своды и скелеты, скелеты, скелеты, наваленные друг на друга. Голова кружилась, хотелось уснуть и забыть обо всем и проснуться не в этом проклятом городе, а в комнате, дома у тети Моники.

- Мелисса, - услышала она твердый, но тихий голос Мирты.

Она подняла глаза и увидела, что девушка пришла в себя, ее изможденное лицо приобрело решительное и сосредоточенное выражение.

- Мелисса, - продолжила она, - нам завтра же нужно уходить из города. Оставаться здесь опасно. Я думаю, ближе к вечеру они уже все поймут. Утром, чтобы не вызывать подозрений, мы как обычно, придем в школу, днем заберем твоих родителей из клиники и попытаемся вырваться отсюда. Если у нас не получится, то мы пропали. Они нас уничтожат.

Мелисса вскочила с кресла и заходила по комнате, в ней всколыхнулось негодование.

- Мирта, - почти кричала она. - Мирта, объясни мне, в конце концов, кто такие эти они? Что вообще происходит? Чьи останки мы видели сегодня? И причем тут я? Скажи, Мирта, скажи! Иначе я скоро сойду с ума.

- Сядь, Мелисса, - устало ответила Мирта. - Сядь, пожалуйста, не мельтеши перед глазами! – она громко вдохнула воздух, немного помедлила и продолжила: - Сходи на кухню, сделай нам чаю, а я пока соберусь с мыслями, чтобы рассказать тебе все по порядку. Настал тот момент, когда ты должна узнать правду!

Мелисса тяжело вздохнула и отправилась на кухню. Она зажгла лампу и поставила чайник на огонь. Маленькое, тесное помещение осветилось уютным, теплым светом, а за окном стояла непроницаемая тьма. Ей показалось, что их небольшой мирок надежно огражден от злых вездесущих чар демонов, которые ухмыляются и хохочут, утопая в черной густоте ночи. Окажись она сейчас на улице, то непременно бы умерла от страха.

Она отвернулась от окна и стала смотреть на чайник: пар тоненькими струйками выходил из проржавевшего носика. Когда вода закипела, она налила две большие кружки и на подносе понесла в гостиную. Только бы Мирта не уснула! Но Мирта и не думала спать, она сидела в кресле, уставившись в стену. Она не сразу заметила Мелиссу, а когда заметила - вздрогнула.

Девочка поставила перед ней чашку, и Мирта, закрыв глаза, сделала большой глоток и улыбнулась:

- Ничто так не бодрит, как хороший крепкий чай. Нам до утра с тобой, Мелисса, засыпать никак нельзя. Мало ли что.

- Угу, - буркнула Мелисса и громко отхлебнула, а в это время Вернанд издал пронзительный вскрик. Они обе невольно улыбнулись, - С ним все в порядке будет, Мирта?

- Да! Они ничего с ним сделать не смогли, Вергилиан поставил на него хорошую защиту. Но ее действие совсем скоро могло закончиться.

- Бедный Вернанд! Ну, Мирта, рассказывай мне, наконец, уже все!

- Ну что ж, Мелисса, слушай внимательно и не перебивай меня. Говорить я буду долго, возможно, до самого рассвета!

Глава 33

- Эта история уходит своими корнями в глубокую древность. Некогда нашу землю населяли сильные, мощные существа, сейчас мы бы их называли - духами. Они были истинными хозяевами здешних мест. До сих пор всюду можно увидеть их следы. Присмотрись внимательнее к некоторым скалам или горным выступам, и ты увидишь идеальную форму, и, возможно, почувствуешь, что к ней прикасалась творящая рука мастера.

О том, как выглядели эти духи и чем они занимались, я сейчас говорить не буду. Но однажды произошло некое событие, после которого власть духов на земле стала стремительно слабеть. Волей-неволей им пришлось перемещаться в другие пространства, а иначе – в иные миры. Те, кто был сильнее, совершили переход достаточно легко и без особых потерь, а вот те, кто был слабее - не смог до конца завершить начатое. Они застряли между мирами. Стали существовать в двух пространствах: том, другом и здесь, на земле. Чаще всего они облюбовывали некогда созданные ими горы, скалы, или непроходимые лесные чащи. А когда появились люди, духи разделились в своем отношении к ним. Одни, сотканные из светлой материи, отнеслись к ним спокойно и без всякого желания вступать в контакты. Другие же, тяющие в себе злость и неудовлетворенность, сразу поняли, как можно действовать на людей. Попав на ту сторону они

уже не могли, а вот вернуться обратно на землю - представилось им возможным. Через людей. Они сразу вычислили их отрицательные стороны, которые можно эксплуатировать в своих целях и догадались, что человеческой энергией можно питаться и тем самым приближать себя к земле. А значит - воплотиться через какое-то время в идеальную материю, гораздо более мощную и влиятельную, нежели та, которой довольствуются люди.

Итак, эти неуспокоенные духи, раскиданные по земле, понемногу стали вступать в отношения с людьми. Но не со всеми, а только с теми, кто обладал властью. Обычно они предлагали такой расклад: вы приносите нам в жертву несколько человек, затем поклоняетесь нам, выполняя некоторые ритуалы, а мы обеспечиваем вам природное благоденствие. У духов все-таки остались способности управлять стихийными природными явлениями.

Требование о человеческих жертвах было абсолютно необходимо: как только власть имущие давали согласие и убивали своих соплеменников, черная энергия вырастала в несколько раз, и духи в тот же миг получали неограниченную власть над теми, кто заключал с ними договор.

Затем эта энергия постоянно повышалась за счет соблюдения ритуала поклонения. В разных местностях он отличался друг от друга, но в основных своих моментах всегда был схож. Таким образом, духи питаются энергией, вырабатываемой людьми, и когда она достигает нужной им концентрации, они переходят к особому этапу в своем существовании - воплощению! О, Мелисса, воплощение – страшная вещь! Духи обретают некое подобие тела и становятся полноправными хозяевами тех мест, в которые их так безрассудно пустили люди, движимые страстью к внешнему благополучию. Естественно, своих доноров они уничтожают, либо оставляют самых верных служить им в сношениях с другими городами.

Такому произволу со стороны духов всегда препятствовали существа из высшего мира. Вергилиан как раз оттуда! Он ангел, Мелисса! Он давно уже находится рядом, с самого твоего рождения. Вспомни свою зарисовку про ангела! Это он говорил с тобой!

Итак, Мелисса, я описала тебе общую картину, а сейчас перейду непосредственно к Файнд-Тауну. Когда-то здесь жили простые, трудолюбивые люди, которые занимались выращиванием овощей и фруктов, ремеслом и охотой. Они построили все те дома и дороги, которыми сейчас пользуется нынешнее население города.

Так жили они, пока не появились духи. Откуда они пришли – неизвестно. Скорее всего, это существа, которые прежде обитали в горах.

У духов есть, в некотором роде, вождь, то есть концентрация всего того зла, что они в себе несут. Он обладает способностью принимать достаточно условные материальные формы. Итак, вождь вступил в диалог с тогдашним мэром города и с его приближенными. Он предложил им стандартную схему: человеческие жертвы в обмен на процветание. Без всяких раздумий мэр и его люди ответили категоричным «нет». Такого поворота событий духи не ожидали, и, собрав все свои силы, поддались порыву неистовой злости, обрушив на город страшную магию. Те скульптуры в старом саду, вспомни их! Они некогда были живыми людьми, а духи превратили их в статуи всего за несколько секунд.

Это был первый удар! И злодеи, обладая неистощимым коварством, дали жителям одну спокойную ночь. Мэр собрал на площади людей, охваченных паникой, и попытался вывести их из города, но не тут-то было! Духи устроили настоящее светопреставление! Вызвали сильный дождь вперемежку с молниями, которые попадали в несчастных и сжигали их дотла. Тогда мэр принял другое решение: он повел людей в подземелья те-

перешней школы. Раньше там находилась усадьба самой влиятельной фамилии в городе. Именно там мэр надеялся спастись от разъяренных духов. Но и здесь они были обречены. Все они были умерщвлены в подземельях.

Так духи расправились с жителями города и поселились в здании школы. Да, да, Мелисса, именно там они концентрируются. От огромного количества умерших в этих стенах они до сих пор получают силу. Но на тот момент они исчерпали себя, в городе не осталось ни одной живой души, и они не смогли полноценно питаться. Так, медленно угасая, но не сгорая до конца, они просуществовали сто лет, пока на город не набрел монах Альтер.

Они сразу же почувствовали прибытие человека, как только его нога ступила на их землю. Пока Альтер шел по направлению к городской ратуше, они уже успели оценить его и нашли в нем много родственного. И вот монах, образованный неожиданной походкой, подошел к ратуше. Перед ним густой черной материей предстал вождь. Альтер ничуть не удивился и нисколько не испугался. Вождь рассказал ему о том, что случилось с прежними жителями, и предложил заключить договор: Альтер приводит сюда людей, а они обеспечивают ему возможность безграничной власти и процветание всему городу. Естественно, Альтер соглашается. Его мечты начинают сбываться! Мало того, что у него появится новая вотчина для злодеяний, так еще он получит неограниченную власть в темном мире. А он же всегда к этому стремился!

Как ты помнишь, его осудили за издевательства над подростками. Для чего он все это делал? Одержимый страстью к магии, Альтер хотел получить частички душ, чтобы соткать их вместе и заставить вечно служить ему. Завершившись его опыты удачей, он бы далеко продвинулся в своих изысканиях и открыл бы новые области тьмы. Почему его интересовали подростки 13 лет? А потому, что именно в этом возрасте душа человека находится в пограничном состоянии: выходит из детства и вступает в пору взросления. В подобном возрасте душа представляется для тьмы самым благодатным и сильным источником. Но оставим прошлые проделки Альтера и продолжим наш рассказ.

Итак, после разговора с вождем Альтер спешит обратно в Олд-Таун. Тем временем, духи призывают на помощь своих дальних сородичей, обитающих в окрестностях Олд-Тауна, обещая им могущество в будущем. Те вызывают сильнейший шторм. И когда Альтер достигает родного города, то сразу понимает: увести людей не составит труда! Олд-Таун обхвачен паникой.

Монах без особых усилий привел людей в пустой город. Посвятил избранных в тайну. Обладателями секретного знания стала правящая верхушка: Ее тщательно подобрал сам Альтер. И не зря должности передаются по наследству! Уже с самого детства будущих правителей города учат поклоняться тьме. Сам вождь иногда беседует с ними!

Все остальные же в городе знают столько, сколько им положено знать. Например, род мадам Грегории - хранитель святости имени монаха Альтера и тайнства пророчества. Его представителям только намекали на то, что они причислены к священной тайне! В них пестовали фанатизм. Такие люди незаменимы в критических ситуациях. Они будут действовать, не спрашивая и не вдаваясь в подробности, просто - во имя.

Но вернемся ко времени, когда все только начиналось. Духи приказали учредить школу в том месте, где случилась массовая расправа. Они прекрасно понимали, что здесь будут воспитываться целые поколения жителей Файнд-Тауна. Тут они могли каждый день питаться и заражать неокрепшие мозги своей тлетворной энергией. В школе, где повсюду висят портреты монаха Альтера и каждый день упоминается День Обретения, мало кто станет задумываться: а для чего вообще все это нужно? Что касается Дня Обретения, то для духов - это самый важный момент в году, именно тогда они получают лавину долю

новой энергии. И потому им очень важен общий восторженный настрой, безграничная вера и неукоснительное соблюдение всех элементов ритуала.

Вот так примерно все и выглядит, Мелисса. Но ты, наверное, до сих пор не можешь понять свою роль во всем этом. Я расскажу! Когда духи затеяли сделку с монахом Альтером, те, кто им противостоит, начертили там, в другом измерении свой вариант противостояния: через три столетия у кого-то из жителей Файнд-Тауна родится девочка, которая с помощью магии слова сможет победить их. Почему именно творческой силой наделили ее? Я объясню: когда ты творишь, то вносишь в наш мир энергию других измерений, способную преодолеть косность и зло, которыми пропитаны духи! Ведь одолеть духов земным оружием – нельзя! От того они так боятся любого проявления творческой воли. Заметь, неосознанно ты сама поняла, что надо написать рассказ, обличающий монаха Альтера. Тем самым ты воплотила бы пророчество в жизнь: донесла его содержание людям, вылила наружу мощную энергию – разбила бы оковы тьмы, сковывающие умы! Конечно, творчество, как и многие явления, противоречиво! Ведь оно может быть проводником и для тьмы! Но! Для них играть с огнем опасно! Проще сразу уничтожить источник, чем заставлять его работать на себя. С неуправляемым оружием лучше не связываться.

Но вернемся к нашему рассказу. Как только на другой стороне появилась схема противостояния, духи, как в мутном зеркале увидели ее слабые очертания. Им удалось узнать, что их врагом станет девочка, которой будет 13 лет, она будет обладать писательским даром и совершенно случайно спустится в их владения – темные подземелья школы. Конечно, они не преминули сообщить об этом Альтеру, чтобы тот дал жесткие указания наследникам своей власти.

Итак, Мелисса, я думаю, ты поняла, кто та девочка, о которой сказано в пророчестве. Вергилиан давно знал о тебе и потому тщательно следил за тобой. Именно он сразу после твоего рождения, сообщил Артуру и Хильде о том, что, возможно, ты та самая избранная! Конечно, твой отец ничуть не удивился такому повороту событий, он свято помнил, что его предки покинули разоренный Олд-Таун только для того, чтобы когда-нибудь дать отпор тому злу, которое Альтер посеял среди людей. Кстати, разговор Артура и Вергилиана состоялся в сторожке Вернанда! Последний пригласил туда твоего отца, чтобы устроить ему встречу с Вергилианом, ведь ему нельзя появляться в Файнд-Тауне – духи сразу же засекут его.

Теперь ты спросишь, наверное, почему духи сразу не избавились от тебя, как только поняли, что ты их враг? Это было бы слишком просто. У них особый способ получения силы. Им непременно нужно было довести тебя до самоубийства. Тогда бы произошел огромный перевес в их сторону, и на грядущем Дне Обретения они смогли бы сразу же осуществить то ужасное действие, именуемое воплощением. Если бы они просто убили тебя, то воплощение замедлилось бы еще на пару столетий, а ждать им уже не очень хочется.

Да, и кстати Мелисса, ты, наверное, хочешь узнать о Грее, Фэктори и всей той чертовщине, которая творилась с тобой в Бриф-Косте. Я объясню. Грея направили в Бриф-Кост с целью привести туда духов, чтобы они пустили корни и там. Частично ему это удалось с помощью создания фабрики.

Следующим его шагом должен был стать ритуал жертвоприношения, после проведения которого, ростки зла, посаженные в Фэктори, выросли бы с небывалой скоростью, и тьма поглотила бы весь город. Как ты помнишь, для проведения обряда он выбрал Бренду. И не случайно! Жертвой должен был стать именно творческий человек – его мощная энергия, отданная тьме, сделала бы тьму в несколько раз сильнее. Но как ты

знаешь, здесь им не удалось воплотить в жизнь свои намерения.

Если уж мы заговорили о Фэктори, то не могу не вспомнить о Джарисе Лесторе. Он потомок тех людей, кого Грей привел на Фэктори, чтобы они продолжали вести политику духов. Когда ты объявилась в Бриф-Косте, Джарису было дано указание следить за тобой. Думаю, то, что он хотел убить вас тогда в архивах школы, уже было его собственным желанием, за которое он точно заплатил бы головой.

Вот такие дела, Мелисса. Добавлю еще кое-что. Когда меня допрашивал Рэвел, я видела, что через него вождь пытался меня прошупать. Если бы он понял, кто я такая, то мне бы прямо там, в кабинете Грегории пришел конец. И когда духи поймут, что мы освободили Вернанда, они уже не смогут тянуть. Кстати, они не почувствовали нас там, только потому, что я воспользовалась защитой, то свечение, которое ты видела, закрывало нас от них. В любом случае они пока ничего не знают! Но скоро тайное станет явным. Главной их целью будет избавиться от тебя, и они поставят на карту столь вожаденный этап воплощения. Перед ними появится выбор: либо допустить, что ты устроишь что-нибудь на Дне Обретения, и это приведет к их гибели, либо они попросту подождут еще пару столетий и воплотятся. Духи выберут, естественно, второе, они привыкли выжидать.

Глава 34

Она закончила говорить и внимательно посмотрела на Мелиссу. Та сидела, притихнув, и рассеяно смотрела куда-то поверх ее головы. Наконец, она очнулась и с трудом выдала из себя:

- Ты тоже пришла из того мира, что и Вергилиан?

На лицо девушки набежала тень, она отвела глаза в сторону. Мелисса заметила, как дрогнули ее руки.

- Нет, - превозмогая волнение, ответила она. - Я здешняя, но меня многому научил Вергилиан. Моя история очень длинная, Мелисса, а до рассвета остался всего час. Нужно собрать вещи, обсудить детали побега с Вернандом. Это займет много времени. Если мы выберемся отсюда, я расскажу тебе все.

Мелисса кивнула в знак согласия. Голова невыносимо гудела - бессонная ночь и страшная правда делали свое дело. Вот, она все узнала, но ей не стало легче, наоборот - еще тяжелее. И все-таки любопытство взяло верх над гнетущей тоской, она не удержалась и спросила:

- Почему они не убили Вернанда? Зачем оставили его?

- Конечно, когда они узнали, что он опекает тебя, то сразу заподозрили неладное! Он стал нужен им, как приманка на Вергилиана. Духи хотели, чтобы он проявился в Фаунд-Тауне и показал себя. Они же не знают, кто именно пошел против них. И потому приняли решение убить двух зайцев сразу: лишить тебя поддержки и выйти на Вергилиана.

- А что с моими родителями? - в голове Мелиссы возникали все новые и новые вопросы.

- Я уже говорила, что они заколдовали их. Во-первых, для того, чтобы оставить тебя одну, а во-вторых, чтобы у тебя не возникло желания бежать из города. Ведь не оставишь ты тут несчастных родителей, которые, быть может, скоро придут в себя. Они очень, очень хитрые, Мелисса!

Девочка с трудом встала с кресла. Нет, такого количества информации ее голова явно не в состоянии переварить. Она начала собирать вещи, чтобы хоть как-то отвлечься. А Мирта, тем временем, стала будить Вернанда, который никак не мог проснуться, но

когда он, наконец, очнулся, то первым делом бросился на кухню. Он ничего не ел, пока находился в заточении.

Как ни пыталась Мелисса отвлечься от гнетущих мыслей, ей это никак не удавалось. В памяти всплывали сцены из недавнего прошлого, и она каждый раз повторяла про себя: «А вот теперь все понятно!».

Она вспомнила последний день весны, те странные пугающие образы, которые появлялись в ее душе. Пустые улицы города, мусор, подгоняемый ветром и темный силуэт, парящий над землей. И вечер того же дня, когда мать с отцом напряглись, узнав о том, что она спускалась в подземелье.

Все теперь становится на свои места. Эх, была бы здесь Сара! То-то бы она удивилась! Сара, Сара! Где же ты?! Увидимся ли мы с тобой снова или уже нет?! Выберусь ли я из этой проклятой, насыщенной миазмами дыры? Или мне суждено погибнуть здесь? Глаза закрывались от усталости, но она понимала: расслабляться нельзя, нужно взять себя в руки и вынести грядущий день.

Когда Мелисса собрала свою нехитрую поклажу, то вспомнила о Вернанде! Бедный старик! Сколько ему пришлось вытерпеть из-за нее! А она до сих пор так и не обняла его и не поблагодарила! Да, надо рассказать ему, что своим освобождением он обязан Беатрис! То-то же он обрадуется!

Но куда он пропал? В кухне его и след простыл!

- Мирта, а где же Вернанд? – удивленно спросила Мелисса.

- Он пошел мыться, – Мирта рассмеялась. – Ему стыдно, что он благоухает отнюдь не розами!

- Какой он славный!

- Чистюля! Сейчас вернется, и мы обсудим план действий.

- Хорошо!

Через несколько минут появился Вернанд. Он переоделся в чистую одежду. Мирта отыскала где-то мужской костюм, и лесничий теперь был похож на убоженного седи-нами почтенного джентльмена.

- Вернанд! – радостно закричала Мелисса и кинулась к нему.

- Девочка моя! Как я рад! – он крепко обнял ее. – Выглядишь ты прекрасно! Мирта заботилась о тебе, вижу!

- А тебе идет этот костюм! – она отстранилась от него. - Скажи, ты там сильно страдал?

- Нет, что ты! – отмахнулся он и искреннее улыбнулся. - Я вообще ничего не помню с того самого момента, как они ворвались в твой дом и оглушили меня. Сознание вернулось ко мне только тогда, когда я очнулся здесь.

- Слава Богу! – выдохнула Мелисса. - Кстати, я расскажу тебе кое-что. Думаю, это тебя обрадует!

- Что же? – Вернанд с живым интересом посмотрел на нее.

- Ключи от подземелий нам дала Беатрис! – торжественно произнесла Мелисса.

Вернанд застыл, как вкопанный, улыбка в один миг сошла с его лица, и он недоуменно уставился на девочку не в силах произнести хоть слово.

- Да, так и есть, - уже не так уверенно ответила Мелисса и, сомневаясь в правильности того, что делает, рассказала ему все, как было.

- Ничего себе! – Вернанд обрел дар речи и сел. - Беатрис! Она не забыла меня. Она беспокоилась обо мне. Она...Она пошла на такой риск ради меня. Что же с ней будет, если они все узнают?! – он с отчаянной мольбой посмотрел на Мелиссу.

Черт! Видимо, не стоило именно сейчас рассказывать об этом. Надо было позже. Но, что сделано, то сделано.

- Так, - в их диалог ворвался властный голос Мирты. - Друзья мои, хватит разводить сантименты, - Вернанд! – девушка строго взглянула на него, и он подскочил, как ужаленный. - Я уверена, что с Беатрис все будет в порядке! Сегодня я передам ей ключи. Никто ничего не заметит. Уж поверь мне! Нам сейчас нужно сосредоточиться на другом. В-первых, нужно найти лошадей и повозку. Во-вторых, нужно вызволить Артура и Хильду из проклятой больницы. Вы согласны со мной, надеюсь?!

- Да, да! – в один голос пристыжено забормотали Мелисса и Вернанд.

- Итак, я предлагаю следующий план, - уже мягче продолжила Мирта и улыбнулась про себя: - Вернанд пойдет искать повозку с лошадьми. Естественно, нам следует поработать над его внешностью, чтобы его никто не узнал. У меня есть накладная борода и шляпа с большими полями. Мы нарядим его, и он отправится на поиски. Пусть врет, что он заблудившийся в наших лесах житель Бриф-Коста. Мы же пойдем в школу, чтобы не вызвать никаких подозрений. После занятий ты, Мелисса, будешь ждать меня у клиники, а я пока передам ключи Беатрис. Потом мы на некоторое время обезвредим доктора Льюиса, кстати говоря, штатного врача Фэктори, и выведем на свет божий твоих родителей. Я напою их тем же зельем, что и Вернанда. Затем вернемся домой, дождемся темноты и, скажем, часов в восемь ты, Вернанд, заедешь за нами. Мы сядем в повозку и уедем отсюда. В темницу Рэвел заходит часов в девять вечера. А значит, до этого времени мы можем чувствовать себя в относительной безопасности. Что касается Льюиса, то я обезврежу его до самого утра. Всем все ясно?!

Глава 35

Мелисса неимоверным усилием воли заставляла себя бодрствовать. Нудный голос мадам Грегории действовал, как снотворное. И, чтобы не уснуть, Мелисса постоянно поднимала руку и пыталась привлечь к себе внимание классной дамы. Но та, казалось, не замечала ее прыти.

Старая ведьма, - думала Мелисса. - Глупая курица! Поклоняешься, черт знает кому! Какого же будет твое удивление, когда я разоблачу этого подлого, коварного убийцу! Тогда вся твоя жизнь покажется тебе до одури глупой и ничтожной! Да, да, да, мадам Грегория, презрение в вашем взгляде скоро сменится на отчаянье!

Хотя... Мелисса одернула себя. Что-то я распалилась. А вдруг мне уже не суждено будет вернуться сюда ко Дню Обретения? А вдруг нам сегодня не удастся сбежать? Или же после всего услышанного, мне не захочется писать об этом и бороться с коварными духами? Что за мысли!!! Ни в коем случае нельзя отступать! Нельзя! Мелисса стиснула зубы и тяжело вздохнула. Прозвенел длинный звонок, возвещающий о начале большой перемены.

- Вы свободны, девочки, - процедила мадам Грегория, и, бросив насмешливый взгляд на Мелиссу, добавила: - Что-то ты сегодня удивительно оживленная. Что же случилось? Наша новая учительница задала тебе настоящую трепку?

- Хм, - Мелисса улыбнулась во весь рот, ей очень хотелось добавить: «Кто кому еще трепку задаст». Но, пересилив себя, она смолчала, и, чтобы не рассмеяться, глядя на злобное лицо классной дамы, опустила голову вниз.

Девочки выбежали из класса, за ними последовала и мадам Грегория. Мелисса уже не могла сдерживаться, и, положив голову на парту, в ту же секунду задремала. Но она не заметила одного небольшого, но важного обстоятельства - Каролина никуда не ушла. Она сверлила Мелиссу испепеляющим взглядом, и когда та уснула, ее лицо озарилось небывалой радостью. Вот так удача! Каролина встала и на цыпочках подошла к двери,

осторожно закрыла ее и повернула ключ.

Потом подошла к парте Мелиссы и тихо вытащила портфель из-под ее ног. Открыла его и среди тетрадок и учебников увидела листы, которые явно отличались от всего остального. Она осторожно вытащила их и, сев за свою парту, погрузилась в чтение. Глаза Каролины сначала выражали удивление, затем недоумение, а потом и дикий ужас. Она читала о том, как шторм разрушил Олд-Таун, читала о том, какие злодеяния совершал достопочтенный монах Альтер, и о том, для каких преступных целей ему был нужен свой монастырь.

Пальцы ее дрожали, а мысли путались. Едва успев дочитать потрепанные временем листы, она сунула их обратно в портфель, и уже без былой осторожности пододвинула его обратно под парту Мелиссы.

Как так?! Им же говорят, что Альтер святой! А если, эти бумаги – подделка? Да, наверное, так и есть. Хотя, нет! Кому нужна подобная подделка и для чего?! И неужели можно так искусно подделать древние документы? Холодный пот прошиб ее с головы до ног. Монах Альтер святой, он наш спаситель – повторила она слышанные миллионы раз слова и невольно посмотрела на его портрет, висевший над доской. Она впиалась взглядом в его лицо, и впервые увидела в глазах Альтера раскаленную беспощадную злобу, прикрытую надменным и торжественным выражением.

Да разве такое может быть?! Значит – может! И ее родители все знают! Они замешаны во всем этом! Тут Мелисса начала что-то бубнить и, вздрогнув, резко подняла голову, как безумная огляделась по сторонам, и увидев Каролину, вздохнула с облегчением.

- Уф! Это ты! Никогда не думала, что твое присутствие может стать для меня такой радостью! – пробормотала Мелисса и громко зевнула.

Каролина ничего не ответила и продолжала смотреть на нее, широко открыв глаза. Мелисса удивленно пожала плечами и отвернулась к окну.

- Скажи, - выдавила из себя Каролина и нервно дернулась. - Что тут происходит?

- Где? – она удивленно уставилась на нее.

- Здесь, в городе, - с трудом произнесла Каролина.

Мелисса с подозрением посмотрела на одноклассницу. В памяти всплыли слова Беатрис: «Остерегайся Каролину. Она шпионит за тобой».

- Я не понимаю, о чем ты, - сухо отрезала Мелисса, продолжая изучать Каролину. Нет! С ней точно что-то не в порядке! Она очень сильно изменилась с тех пор, как начался учебный год. Как я раньше не замечала этого?! Она похожа на потерянную тень. Она что-то пронюхала? Или духи уже взяли ее к себе в услужение? Все может быть.

- Я видела черное, страшное существо в подворотне и оно шептало твое имя, - сама не зная, зачем, прошептала Каролина.

Мелисса похолодела, но, ни один мускул на ее лице не дрогнул.

- Не понимаю, о чем ты, - ответила она, взяла портфель, встала, давая понять, что разговор окончен и подошла к двери. Дернула ее и догадалась, что замок заперт, быстро открыла его и вышла в коридор. Ей очень хотелось узнать, зачем Каролина закрыла классную комнату, но продолжать диалог она не решилась. Это может быть опасным. Мелисса вышла на улицу. Находиться в школе и знать, что под тобой лежат сотни безвинно умерших людей, было не слишком-то приятно. До конца большой перемены она бездумно слонялась по парку, а когда вернулась в класс, то увидела, что Каролины нет на месте. Может, ушла плести очередную интригу?! От нее всего можно ожидать!

Оставшиеся уроки тянулись ужасно медленно. И когда они закончились, Мелисса как можно скорее вышла на улицу, мысленно попрощавшись с ненавистой школой. Надеюсь, я никогда сюда больше не вернусь. Никогда!

Она дошла до лечебницы и, спрятавшись в тени деревьев, стала поджидать Мирту. Через некоторое время Мелисса увидела ее.

- Ключи я отдала, - выдохнула она, схватила девочку за руку и потащила за собой, - Но все слишком спокойно, Мелисса, слишком! Меня это настораживает, - прошептала она и настойчиво постучала в дверь.

Послышались знакомые шаркающие шаги, и на пороге возник доктор Льюис. Он хотел было что-то сказать, но Мирта выставила вперед руку и чуть наклонила голову. Доктор сделал удивленное лицо и отступил вглубь. Затем его глаза потеряли всякое выражение и подернулись тонкой пленкой. Мирта, толкнув Мелиссу внутрь, прошмыгнула следом и быстро закрыла дверь.

Доктор Льюис же прошел в конец коридора, лег на пол, и его большое, грузное тело размякло.

- Так-то лучше, - хмыкнула Мирта, и они побежали к палате, где находились родители. Сердце Мелиссы отчаянно забилось, и та страшная тревога, которую она постоянно подавляла в себе, всплыла наружу. Сейчас она увидит их. Возможно, они снова будут вместе. Она схватила руку Мирты, когда они открывали дверь палаты, и закрыла глаза от страха.

- Мелисса, - громко сказала Мирта. - Открой глаза. Ничего страшного ты не увидишь! С ними все в порядке.

Мелисса послушно выполнила ее указание и вздох облегчения, смешанный с глубокой жалостью, вырвался из груди: родители, ничего не замечая, ходили туда-сюда вдоль стены.

- По крайней мере, они не истощены и внешне выглядят вполне себе прилично, - Мирта погладила ее по голове. - Не бойся, когда мы выберемся отсюда, Вергилиан снимет с них заклятие, и они станут прежними! Я уверена!

- Спасибо, Мирта! - Мелисса с трудом сдерживала слезы.

- Так, - Мирта нахмурилась. - Не время плакать, Мелисса, иди, встань в коридоре, и смотри, не зайдет ли кто на огонек к доктору Льюису. Давай! Давай! Иди!

Мелисса, едва волоча ноги, вышла в коридор и прислонилась к стене. Еще немного и с ней случится истерика. Боль за родителей огромной, необъятной волной всколыхнулась в ее сердце.

Через несколько минут Мирта вышла, следом за ней шли Артур с Хильдой. Их движения стали уверенными и четкими, но в глазах, как и прежде, не было никакого выражения. Мелисса прикусила губу и нахмурилась: нельзя, нельзя раскисать.

Почти бегом они покинули лечебницу и задворками пошли к дому Мирты. На их счастье, по пути им никто не встретился.

Глава 36

Стемнело. За окном послышался стук копыт. Мирта выплянула во двор и увидела Вернанду, который торжественно сидел на козлах.

- Пора, - прошептала она и подала знак Мелиссе, чтобы та подвела родителей к двери. Как только все четверо собрались выйти, дом тряхнуло, а лошади истерично заржали.

- Стоять! Стоять! - услышали они громкий окрик Вернанды.

- Только не это! - закричала Мирта и отпрыгнула от окна, увлекая за собой остальных.

В ту же секунду стекло с треском вылетело, и в комнату ворвался черный густой туман.

- Бежим! - скомандовала она и все четверо, преодолевая страшную стихийную силу, выскочили во двор.

Лошади вставали на дыбы, так и норовили понестись прочь. Но Вернанду каким-то чудом удавалось их удерживать.

- Быстрее!!! – воскликнул он. - Я долго не продержусь.

Сад напоминал картину, нарисованную безумным художником. На ветвях деревьев, переплетаясь в омерзительные клубки, висели шевелящиеся отростки, источающие грязно-красный свет. Они тянулись к беглецам, стараясь схватить их за руки. Но от Мирты снова исходило свечение, которое не позволяло щупальцам приблизиться.

Она зарывчала и, преодолевая явную боль, провела беглецов до повозки. Как только они вскочили внутрь, их сразу начало раскачивать в стороны.

- Гони, Вернанд, гони! – кричала Мирта.

- Не могу, лошади не слушают!

- Мы погибли, - прошептала Мелисса и прижалась к родителям, которые совершенно спокойно смотрели вперед. Счастливые!

Внезапно, они поехали и поехали очень быстро. Мирта сделала страшные глаза, вздохнула с облегчением, и, отодвинув брезент, покрывающий повозку, вымученно улыбнулась.

Мелисса не удержалась и сделала то же самое. Она увидела, что они окружены ярким ослепительным сиянием, которое ей уже несколько раз доводилось видеть! Вергилиан! Он снова пришел к ним на помощь! Но потом она разглядела то, что происходило за той оболочкой, которая охраняла их, и пришла в ужас.

Темное небо расчерчивал блеск молний, ярко-красные зигзаги обрушивались на их защиту без всякого перерыва, и те самые отвратительные щупальца налипали на яркое сияние, оставляя на нем влажные, скользкие следы. Раздавался страшный грохот, гомон, слышались истошные крики, от которых стыла кровь в жилах.

- Не смотри туда, Мелисса, - Мирта схватила ее за рукав. - Не смотри, дальше будет хуже! Надеюсь, у Вергилиана хватит сил. Нам нужно только выехать в поле, там они уже не смогут нас достать.

Мелисса прижалась к Мирте и с шумом втянула в себя воздух. Но тут же пожалела об этом. Он был насыщен отвратительными испарениями. Она скорчилась и зажала нос, но все равно продолжала чувствовать его.

- Ничего! Ничего! – слабым голосом произнесла Мирта. - Это не самое страшное! – ее лицо приобрело серый оттенок и сильно осунулось. Перехватив ошарашенный взгляд Мелиссы, она пояснила: - Я истратила все силы за несколько секунд, еще немного и я бы упала замертво.

Повозку шатало, и к ужасным крикам примешалось неистовое завывание, в котором можно было явственно разобрать слова: «Мелисса – ты мертвец! Твоя подлая шайка тоже скоро содохнет! Ты никуда не уйдешь от нас. Мы достанем тебя. Достанем!».

Мелисса задрожала: какой отвратительный голос - проникает в самую глубину души. Ей вдруг захотелось, чтобы колеса повозки прошли по ее голове. Только бы не слышать голоса! Только бы не слышать! Она подалась в сторону и собралась было прыгнуть, но Мирта с силой вцепилась в ее руку.

- Не смей! Не смей! Не смей! – она повторяла эти слова холодным властным голосом. Мелисса обмякла и прижалась к ее плечу.

Постепенно голоса, крики, гогот и шум начали стихать, а потом и вовсе исчезли. Мирта выглянула наружу, и лицо ее просияло.

- Мы спасены, - прошептала она. - Спасены! Мы уже в поле! Их здесь нет! Нет!

Так ехали они еще около двух часов. Все это время Мелисса сидела, ни жива - ни мертва. Она впала в какую-то глубокую спячку: все чувства, эмоции и ощущения оста-

вили ее, уступив место звенящей пустоте.

Наконец, они остановились. Мелисса, не спросив разрешения у Мирты, спрыгнула следом за ней. Холодный ночной воздух отрезвил ее, легкий ветерок освежил. Впереди темной грядой лежали горы, и все вокруг источало спокойствие. Вернанд еле стоящий на ногах подошел к ним и молча обнял обеих.

- Как ты все это выдержал? Ты же видел все! Видел! - прошептала Мелисса.

- Девочка моя, - он улыбнулся, и Мелисса вдруг заметила в нем перемену, словно лесничий скинул десяток лет. - Честно говоря, чудовища меня не слишком-то заботили. Я на них не отвлекался. Честно! Возможно, раньше я сошел бы с ума от страха, но не теперь! А знаешь почему? Все мои мысли заняты одним: Беатрис думает обо мне и помнит! Понимаешь?! Моя душа наполнилась живительной влагой, которая придает мне сил! - он говорил живо и искреннее, и глаза его играли юным огнем.

- О! - только и смогла произнести Мелисса. Кажется, Вернанд немного не в себе. Какая может быть Беатрис, когда тут такое происходит?!

Но ее внимание резко перескочило от Вернанда к неясному силуэту, который появился из темноты.

- Вергилиан, - тихо произнесла Мелисса и широко раскрыла глаза, непроизвольно протягивая ему руку.

- Да, Мелисса, это я, - он улыбнулся и пожал ее ладонь.

Наступила странная оглушительная тишина. Мягкий свет луны заливал их измученные лица. Долго так они стояли вчетвером посреди бескрайнего пространства и спокойно смотрели друга на друга. Казалось, что все слова будут сейчас лишними.

- Опасность позади, - наконец произнес Вергилиан, и голос его мягко прорезал лунную тишину. - Ложитесь спать прямо сейчас и ни о чем не беспокойтесь.

- Вергилиан, а ты, ты останешься с нами? - робко спросила Мелисса.

- Нет, - с трудом выговорил он. - Мне нужно туда! - и он указал на небо, - Но я скоро вернусь!

- Вергилиан, - Мирта внимательно посмотрела на него, в ее глазах появилось беспокойство, но она не подала виду: - Что нам делать дальше?

- Идите за перевал и разбейте там лагерь. К вам скоро присоединятся друзья из Бриф-Коста. А дальше - будет видно, - тихо ответил Вергилиан, и его немного качнуло в сторону. Мирта и Мелисса кинулись поддержать его, но он покачал головой, - Все в порядке. Я не упаду. Я сейчас уйду, а вы ложитесь. Прощайте! - он стал медленно исчезать, образуя в воздухе светящуюся воронку.

- Он потерял много сил, - задумчиво сказала Мирта, лицо ее исказилось от боли.

- Что же будет дальше? - боязливо спросила Мелисса.

- Дальше! - девушка тряхнула головой, отгоняя от себя ненужные мысли, задумчиво посмотрела в темную даль, и, порывшись в сумке, нашла пачку сигарет и закурила, - Дальше все зависит от тебя.

- От меня?

- Да! - Мирта сделала глубокую затяжку и закашляла, - Давно я не курила! Еще бы вина глоточек. Ну да ладно! Когда мы перейдем за перевал, то окажемся в полной безопасности. Если у тебя уже нет сил сражаться, то не стоит писать рассказ и совершенно незачем возвращаться в Файнд-Таун ко Дню Обретения. А вернуться туда, скажем, через год ты уже никак не сможешь! Их сила возрастет, и ты попросту не войдешь туда. Так что, решать тебе!

Мелисса ничего не ответила, а только вздохнула. Не написать она не сможет! Ей прямо сейчас хотелось схватиться за перо. Невозможно не выплеснуть то, что с ней творилось.

Оставлять в глубине души такой запутанный клубок переживаний, по меньшей мере, глупо. А если уж она напишет рассказ, то с ее стороны не воспользоваться этим оружием будет непростительной слабостью. Она оказалась замешана в эту историю, значит, надо довести дело до конца. Для чего тогда нужны были все эти бесконечные перипетии и страдания?

Мелисса посмотрела на отстраненное, задумчивое лицо Мирты. Что сейчас происходит в ее голове?

- Да, – вдруг протянула она, - Да.

- Что да? – удивилась Мелисса.

- Что? – Мирта взглянула на нее, и щелчком пальцев швырнула окурочку в сторону. – Не обращай внимания, я просто погрузилась в воспоминания, - и она странно ухмыльнулась.

Какие воспоминания? Может быть, это связано с той историей, которую она обещала мне рассказать? Как она вообще стала помогать Вергилиану? Мелисса с большим интересом уставилась на Мирту, та перехватила ее взгляд и, перестав ухмыляться, заметила:

- Завтра тебе расскажу все. Времени у нас на разговоры теперь будет много.

- Угу, - кивнула немного пристыженная Мелисса. Почему она такая любопытная? Может Мирте неприятны эти воспоминания?

Глава 37

Вергилиан стремительно пронесся сквозь сияющие пространства, с неимоверной скоростью перемещаясь из одного в другое, пока не оказался в длинной галерее старого замка. Как только он ощутил твердую поверхность под ногами, то устало выпрямился и бросил взгляд на длинное стрельчатое окно. За ним клубились смутные очертания темных облаков.

Он оперся о стену, сделал несколько шагов вперед и резко остановился, согнувшись от боли.

- Не может быть! Не может быть! – тихо прошептал он и попытался выпрямиться. Но тщетно. Острая невыносимая боль скрутила его с новой силой. Вергилиан медленно и обреченно стал сползать на пол. Внутренний голос говорил ему: «Это было твоё последнее путешествие на землю!».

- Нет! Нет! – он отчаянно хотел обмануть самого себя, но взгляд, ненароком брошенный на окно, говорил об обратном. Теперь за стеклом спустился черный туман, который медленно проникал внутрь сквозь щели в толстой раме. Вергилиан вздрогнул и снова попытался встать, но ему опять не удалось сделать это. Он, полностью обессилив, закрыл глаза. Что же теперь будет?! Как же она справится без меня?!

- Вергилиан! – вдруг услышал он тихий голос.

Он с трудом поднял голову, напряг зрение, которое с каждой секундой становилось все слабее, и увидел Бренду. Она стояла рядом, очертания ее тела то блекли, то становились видимыми, а за ее спиной набирал мощь черный туман, превращаясь в густую темную материю. Но она, казалось, ничего не замечала.

- Бренда, - едва выдавил он из себя. - Как ты сюда попала?!

- Я сама не знаю! – испуганно проговорила она. - Просто захотелось увидеть тебя. Тебе совсем, совсем плохо? – она попыталась протянуть к нему руки, но невидимое препятствие не дало ей сделать этого.

- Бренда, - Вергилиан тихо застонал от боли. - Бренда, кажется, все! Я не смогу дойти

до конца. Видишь, оно наползает. Теперь я останусь здесь, - и он тяжело задышал.

- Нет, нет, Вергилиан! Нет! Осталось совсем чуть-чуть! - она заговорила очень быстро, и в ее измученном взгляде появилась горечь.

- Нет, Бренда, смотри, - он с трудом поднял руку и показал на темную материю, которая подползала все ближе и ближе. - Смотри, сейчас она растворит меня. И я, я уже никогда не смогу вернуться на землю, - он перевел дыхание и добавил: - Я даже не смогу говорить с подопечными. Понимаешь?! Я потерял слишком много сил. Ты же знаешь, - он виновато улыбнулся, - нам нельзя так открыто проявляться. Но у меня не было другого выбора.

- Не оправдывайся передо мной, Вергилиан! - Бренда отчаянно посмотрела на него. - Я всегда знала, что помимо чувства долга в тебе сильна душа. Не уходи, умоляю тебя! Не уходи.

Она сжала кулаки и, преодолевая сильное сопротивление, наклонилась к нему и взяла за руку.

- Я попробую помочь тебе! Пойдем! Пойдем! - зашептала она, как одержимая.

Его глаза теперь с огромным трудом различали очертания ее призрачной фигуры, но внезапно вся она с ног до головы озарилась ярким, ослепительным светом, который отогнал черную материю на значительное расстояние.

- Что происходит, Бренда? - выговорил он и к своему величайшему удивлению смог встать на ноги. Девушка промолчала, и они медленно пошли вдоль галереи. Вергилиана шатало из стороны в сторону, но Бренда крепко держала его под руку. Темная материя постепенно рассеялась.

- Бренда, неужели ты, неужели ты... - он сделал глубокий вдох и заговорил с былой твердостью: - Неужели ты перешла в другое состояние?!

- Кажется так! - едва заметно улыбнулась она. - Возможно, меня наградили за мое долгое терпение и за ту кротость, которая всегда мешала мне жить на земле. Не знаю. По крайней мере, сейчас, мне уже все равно. Главное, чтобы ты остался.

Вергилиан крепко пожал ее руку, и галерея медленно начала исчезать, превращаясь в гигантский горный уступ, который плавно входил в белые перистые облака, полностью утопая в них.

Движения Вергилина обрели свободу и былую легкость, и он, сделав глубокий вдох, закрыл глаза и поднял голову. Так стоял он несколько минут, жадно вдыхая чистый горный воздух. Затем повернулся к своей спутнице, наконец-то он смог четко разглядеть ее.

- Бренда! - воскликнул он. - Ты только что спасла меня. Случилось чудо! И я вижу, вижу очертания твоих крыльев!

Девушка в замешательстве опустила голову и задрожала.

- Послушай, - продолжал он. - Послушай, ты же можешь сейчас пойти со мной!

Она подняла голову, и в глазах ее заискрилась радость. Она хотела было вскричать: «Да! Конечно! А как иначе?!», но взгляд ее потух, и она отрицательно покачала головой. - Нет. Я не могу. А как же Грей?! Он останется один! - тихо прошелестела она.

Вергилиан вздрогнул, но заставил себя улыбнуться:

- Бренда, у него есть шанс на спасение! Если мы выиграем битву за Файнд-Таун, то он освободится!

- Да, Вергилиан, милый, но, - она запнулась, - но я не знаю, куда он попадет потом, понимаешь?! Не знаю! Лучше я обрету свободу вместе с ним или же потеряю ее окончательно!

- Бренда, - прошептал Вергилиан и коснулся ее волос. - Ты всегда меня удивляла. Спа-

сibo тебе!

- До свидания, Вергилиан. Мы все равно увидимся с тобой! – она смахнула набегающие слезы, сделала несколько шагов назад, и очертания ее крыльев резко поблекли. Она исчезла.

Он еще долго смотрел в ту точку, где она только что стояла. Потом грустно улыбнулся, подошел к самому краю пропасти, расправил крылья и взлетел, рассекая гущу белых облаков. Они непременно встретятся и не раз.

Глава 38

Мирта проснулась, едва начало светать. Она вышла из палатки и посмотрела вокруг: горы, окутанные утренним туманом, резко выделялись на фоне серого неба. Поле, раскинувшееся до самой кромки леса, желтело пожухшей травой. Воздух был таким чистым и свежим, каким он бывает только ранним утром. Прозрачная его прохлада придавала ей сил, и она пошла по направлению к лесу.

Всю ночь ее изводили кошмары. Бледное лицо Вергилиана не давало покоя. Вчера она заметила в нем то, чего никогда не видела раньше: он был полностью обессилен. И ей стало страшно. Она тщетно пыталась заговорить с ним - ответа не было. Неужели, неужели он теперь никогда не сможет вернуться?! К горлу подступил комок, и Мирта чуть было не расплакалась. Где же он сейчас?! Где?! Она смотрела на небо, которое постепенно окрашивалось в бледно-розовые тона, и повторяла вслух отчаянное, одинокое «Где же ты?».

Как же она будет жить без него?! Как?! За столько лет, проведенных рядом с ним, она уже не мыслила себя вне его личности. Сейчас все ее цели отошли на задний план. Пусть Файнд-Таун горит в аду, пусть! Только бы он вернулся! Если бы она могла хотя бы чем-то помочь ему! Но нет! Ее энергия никогда не сможет достигнуть того мира, где обитает он. Как ничтожна, как бессильна она по сравнению с ним! Она вспомнила их встречи в Бриф-Косте. Как он учил ее всему, что она знает сейчас. В ее ушах до сих пор звучала брошенная им фраза: «Мирта, возможно, со временем ты станешь такой же, как я!». Возможно ли подобное?! Возможно ли?! Потянет ли она столь тяжелую ношу?! Она еще не знала. Мирта привыкла восхищаться Вергилианом, но когда представляла себя на его месте, ей становилось страшно.

Мирте часто хотелось его спросить: сколько лет назад он стал ангелом и какой была его жизнь на земле? Но она не решалась. Да скорее всего, он и сам уже не помнит ту, прошлую свою жизнь.

Она вошла в лес, золотистые лучи солнца прорезали дорожки между соснами. Она посчитала это хорошим знаком и, немного побродив, села на поваленное дерево. Ее мысли снова вернулись к Вергилиану. Он был не такой, как все. Она уже давно поняла это. Многие ангелы выполняют свою миссию сообразно тому, что им поручили. Она никогда не выйдет из тех схем, которые начертили им, никогда не затратят больше положенных сил, но только не он! Его душа начисто лишена оправданного расчета. И Мирта погрузилась в воспоминания. Она воскрешала в памяти все встречи с ним, начиная с самой первой. И постепенно, минута за минутой, тепло и свет наполняли ее. Она совсем потеряла счет времени и полностью погрузилась в тот мир, который открыл ей Вергилиан. И наконец, среди вороха бессвязных воспоминаний она услышала его истинный живой голос: «Мирта, не переживай. Я спасен. Скоро я приду к вам». Она вскрикнула от радости и вся просияла. Он спасен! Спасен! Какое счастье!

Девушка бросила благодарный взгляд на небо, и хотела было встать, и вернуться в лагерь, но, услышала шаги, одиноко звучащие неподалеку. Она напряглась и выгляделась в лесную чащу: между деревьев бродила Мелисса, рассеяно глядя по сторонам.

- Мелисса! - окликнула ее Мирта.

Девочка вздрогнула, подняла голову и радостно улыбнулась:

- Мирта! Вот ты где! Мы тебя потеряли, и я решила немного пройтись, проветриться! – она, не долго думая, пробралась сквозь кусты к поваленному дереву, - Что ты тут делаешь? – она встревожено посмотрела на нее.

- Прогуляться захотелось, - Мирта улыбнулась и обняла девочку за плечи. - Слишком много всего произошло, и сидеть на одном месте тяжело. Как родители? – задала она вопрос, чтобы скорее перевести тему. Сейчас ей совсем не хотелось говорить о том, что побудило ее уйти в лес.

- Они пришли в себя! – радостно ответила Мелисса. - Это чудо какое-то! Говорят, что ничего не помнят с того момента, как я уехала. В целом, они ничуть не изменились, такие же, как прежде.

- Вы говорили о том, что нам предстоит дальше? – Мирта в упор посмотрела на нее.

- Нет, - улыбка сползла с ее лица. – Пока не хочу думать об этом, - она нахмурилась. Одна мысль о том, что нужно будет вернуться в Файнд-Таун, приводила ее в неописуемый ужас.

- А надо думать, Мелисса, надо, - твердо сказала Мирта и сжала ее ладонь. - От тебя зависит, пойдём ли мы дальше или же оставим все, как есть.

- Я то не против, Мирта, совсем не против, - Мелисса возбужденно замахала руками. - Но, одна я не справлюсь, а подвергать опасности всех остальных не хочу. Родители и Вернанд едва выкарабкались. А Сара, Моника и Виктор, что они такого сделали, чтобы делить эту участь со мной?! А ты... ты – она запнулась, посмотрев в глаза Мирте. В них выпыхнул странный непримиримый огонь, который заставил ее замолчать.

- Насчет меня, Мелисса, ты можешь не беспокоиться, - отчеканила она и резко встала.

- У меня другого выбора нет и никогда не будет!

- Мирта, постой, - Мелисса схватила ее за подол платья и потянула назад. - Не волнуйся ты так! Прости, если я сказала что-то лишнее!

Девушка вздохнула, беспомощно опустила плечи и села обратно.

- Это ты меня прости за мою вспыльчивость, - она попыталась улыбнуться. - Ты же ничего не знаешь. Я обещала рассказать тебе, – ее взгляд стал суровым и жестким, а на лицо набежала тень, и снова Мелиссе показалось, что Мирты сейчас нет рядом, что она ушла куда-то. Куда-то далеко, в иные миры.

Глава 39

- Я родилась в маленьком городке, находится он достаточно далеко от здешних мест и затерян высоко в скалах. Настоящая глушь. К нам редко кто добирался. Но между тем, жизнь там всегда кипела достаточно бурная, и надо сказать, в основном из-за прекрасной погоды. Хотя для тех мест отличная погода – большая редкость. Жители нашего городка занимались фермерством, и у каждого был небольшой участок, где они выращивали все подряд.

Улицы образовывали своеобразный серпантин и вели наверх, к скалам. Внизу была площадь, где располагалась городская ратуша, школа и больница. Все бы ничего, но вот только был у нас один очень странный праздник. Назывался он День Сумрачный Скал. Как сейчас помню, отмечали его в середине сентября, пятнадцатого числа. И отмечали

таким образом: жителям было запрещено разговаривать, следовало хранить строгое молчание, несмотря ни на что. Нельзя было улыбаться, смеяться - только ходить с хмурым, мрачным видом, стиснув зубы. Да, да, Мелисса, именно так! Кроме того, никто не освобождался от своих текущих дел. Да и еще, как назло, в тот день всегда стояла ужасная погода. Небо покрывалось черными тучами, и без остановки лил дождь.

Вот теперь представь себе, во что превращался город пятнадцатого сентября! В день живых мертвецов. На улице – мрачно, тоскливо, а кругом ходят, уткнувшись в землю, темные, молчаливые тени. А в школе! То вообще была умора! Мы собирались, как обычно, в классе, и нам выдавали учебники, чтобы мы сидели и читали, не отрывая глаз. Стояла странная, давящая, гробовая тишина, а если, кто вздохнет или зевнет, сразу же, молча – вон из класса. Потому слышны были только шорохи страниц да ропот дождя за окном.

Существовало еще одно маленькое, но весьма важное обстоятельство: в тот день нельзя было приближаться к скалам. Существовала легенда, что один смельчак решил проверить, что же будет, если он пойдет туда? И проверил – его разорвало на части. И до сих пор призрак его бродит там, и так далее и все в том же духе.

Я бы, конечно, не особо переживала насчет странного праздника, все можно вытерпеть, если бы не одно небольшое недоразумение – в тот день я родилась! И вот вообще, круглый год ты наблюдаешь, как девочки отмечают свой день рождения: их утром поздравляют родители, дарят подарки, они, счастливые и веселые, идут в школу. Там их тоже чествуют: и одноклассницы, и учителя и даже директор! А потом вечером счастливицы устраивают дома настоящий праздник! Приходит много-много гостей, и все танцуют, поют, едят разные вкусности. Словом, самый радостный, сказочный и веселый день в году. А что у меня? Мой день рождения резко контрастировал со всеми остальными! Мне безумно хотелось, чтобы меня поздравляли, дарили подарки, чтобы все вокруг радовалось и пело, а тут – такое! Дождь, серость, слякоть, унылые лица, и безраздельное молчание.

Конечно, ты скажешь: можно было бы отметить потом, на следующий день, или, к примеру, через неделю! Но нет, Мелисса, нет! После Дня Сумрачных Скал еще целых семь дней нельзя было устраивать никаких торжеств. Никаких! Можно только разговаривать, но не веселиться. Мои родители очень строго придерживались этих правил. Вот теперь подумай: ну какой там может быть день рождения, когда всю неделю тебя окружают тени, и ты сам тенью становишься?

В тот год мне должно было исполниться 13 лет, и я очень сильно переживала, что опять все будет именно так, а не иначе. Я ужасно злилась. Меня начал раздражать этот День Сумрачных Скал и тупая покорность людей. Для чего все это нужно? Кто придумал эти глупые правила? С такими вопросами я сунулась сначала к родителям, но получила нагоняй. Мне сказали: «Не спрашивай, а – соблюдай. Таков закон. А против него никто не смеет идти! Еще раз услышим нечто подобное, будешь наказана».

Я тогда разозлилась еще больше и обратилась к нашей классной даме, звали ее мадам Агнесс. Она спокойно выслушала меня, взяла за руку, отвела в укромный уголок и тихо ответила:

«Мирта, я, конечно, понимаю, как тебе обидно! Ведь твой день рождения 15 сентября, и тебя никто не поздравляет. Но прошу тебя, умоляю, никогда не пытайся найти ответы на все эти вопросы. Поверь мне, это знание ничего хорошего не принесет ни тебе, ни твоей семье! И прошу, больше никогда не говори об этом вслух».

Конечно, нужно было поверить мудрой классной даме, но в душе, помимо моей воли, начал зарождаться настоящий протест! Нет уж! Или я докопаюсь до правды, или.... Или...

. Я долго думала, что же может быть этим «или», и меня вдруг осенило! Я поняла, что надо сделать! Каким образом можно выразить протест! Каким образом можно доказать им всем, что эти ритуалы – нелепый пережиток прошлого! Я совершу самое тяжчайшее преступление – пойду в День Сумрачных Скал к этим самым скалам. И не просто пойду, а еще захвачу с собой мольберт, бумагу, карандаши и нарисую их. О да! Оскверню святыню! А потом покажу рисунок всем и скажу: «Смотрите вы, трусливые идиоты! Я была там, и не только была, но и рисовала их!». Конечно, я предполагала, что меня могут очень серьезно наказать, но так решила ринуться в бой. Таков был мой подростковый протест. Кроме того, я давно уже увлеклась живописью и рисовала с натуры все подряд, но скалы – никогда. Заодно, подумала я, у меня будет новый, интересный рисунок.

Итак, когда я приняла подобное решение, то немного взбодрилась. Наступило лето. Я много гуляла, рисовала и развлекалась с подружками. Честно признаться, уже порядком подзабыла о своей вольнодумной идее. И, вот, однажды, мадам Агнесс пришла ко мне домой и сообщила, что ей пришло письмо из Н. Из большого торгового города, расположенного за скальной грядой. Прислала письмо подруга мадам Агнесс, преподавательница школы искусств. Она сообщала, что у них открывается дополнительный класс рисунка и живописи, и просила прислать на обучение какую-нибудь талантливую ученицу.

Классная дама, конечно же, сразу пришла к моим родителям. Я рисовала лучше всех в школе. Мать с отцом нахмурились, им совершенно не хотелось отпускать меня в другой город, да и к моему увлечению живописью они относились с едва сдерживаемым раздражением. Но мадам Агнесс настаивала: говорила, что подобное предложение – редкая удача, прекрасный шанс для меня и так далее. Родители поддались уговорам и, крепя сердце, согласились отпустить меня. Я была на седьмом небе от счастья! Мало того, что я буду жить в большом городе, где столько всего интересного, так еще буду обучаться в серьезном заведении. Но самое главное: там нет никаких глупых праздников, и я, наконец, отмечу свой день рождения! Пусть даже одна! Устрою себе пиршуку!

Словом, я была счастлива, и лето пролетело очень быстро. Я стала собираться в путь, мысленно прощаясь с надоевшей школой и опостылевшим городом! Вперед, к свободе! Но не тут-то было! За два дня до отъезда родители вдруг объявили, что я никуда не поеду. Ты представить себе не можешь, что со мной было! Как я плакала, рыдала, умоляла, требовала. Но они были непреклонны. Тогда я вспомнила о своей крамольной идее, о которой уже основательно подзабыла. Ну ладно, я вам еще отомщу, вы поймете, как были не правы, и будете проклинать себя до конца своих дней за содеянную несправедливость.

Итак, Мелисса, две недели я плохо спала, мало разговаривала и тщательно продумывала все нюансы отчаянного предприятия. Чем ближе подходил День Сумрачных Скал, тем тревожнее мне становилось. Но я отметала все страхи, считая это непозволительным проявлением слабости, трусости и тупой покорности здешним порядкам.

И вот настало 15 сентября: дождь лил, как из ведра, и небо заволокло чернильно-черными тучами. Я уже не испытывала страха, только – решимость. Взяла портфель, выкинула оттуда учебники, вместо них положила карандаши и бумагу, надела дождевик и вышла на улицу. Туда-сюда сновали мокрые, унылые тени, они шли, понутив головы. Я стала подниматься вверх по улицам, прекрасно понимая, что никто меня не заметит, а если и заметит, то не остановит. Итак, никем не узнанная, я добралась до конца города и вышла на площадку, покрытую кучей растительностью, здесь начинался подъем к скалам. А дальше – запретная территория. На секунду меня парализовал дикий, необузданный страх и захотелось бежать прочь, прочь отсюда. Дождь тяжелыми каплями бил по

капюшону и оглушал меня, но я преодолела все сомнения и сделала шаг вперед. Все – назад пути нет. Я нарушила запрет, совершила недозволенное. От города меня отделял один единственный шаг, но я сразу поняла – здесь уже все обстоит по-другому. Ветер усилился в несколько раз, а дождь пошел с удвоенной силой. С огромным трудом я пробиралась к скалам и слышала жуткие, леденящие душу завывания. Ветер, это всего лишь ветер, говорила я себе. Наконец, я добралась до нужного мне места, и, укрывшись за покрытым густым мхом выступом, облегченно вздохнула. Дождь сюда не попадал, и высокие, сумрачные скалы хорошо просматривались. Я достала бумагу и карандаши и, не смотря на скованность замерзших непослушных пальцев, начала рисовать. Сначала мне это давалось с огромным трудом, но потом я увлеклась и ничего уже не замечала. Передо мной были только скалы, бумага и карандаши. Сколько прошло времени, я не знаю, но рисунок мой оказался законченным. Тяжелые, мрачные скалы на нем дышали каким-то древним ужасом. Я аккуратно положила рисунок в портфель и отправилась обратно. Ощущала я себя опустошенной и усталой, но когда спустилась в город, то улыбнулась. Вот они все их запреты! Вот они рассказы! Бабушкины сказки! Со мной ровным счетом ничего не произошло! Я дошла до дома, прошла в свою комнату, кинула портфель в угол и рухнула на кровать.

Так проспала я до самого утра, и, надо признаться – меня мучили кошмары. Снилось, что я стою около скал, и вдруг из расщелин появляются страшные неведомые существа, которые кидаются на меня и начинают душить. А когда я проснулась, то поняла, что не в силах встать с кровати. Видимо, я слишком долго стояла под дождем и ветром и сильно простудилась. У меня был жар: голова гудела, и горло болело так сильно, что я с трудом могла говорить. Несколько дней я провалялась в лихорадке и мне постоянно мерещились те страшные твари, которых я видела в том сне. Они то звали к себе, то проклинали и говорили на каком-то не знакомом мне языке, но я понимала каждое их слово.

Когда я немного окрепла, то встала с кровати и несколько раз прошлась по дому, и даже вышла в сад. Погода наладилась. Я немного побродила между деревьями и, почувствовав невероятную слабость, вернулась в свою комнату. Мой взгляд упал на портфель, брошенный мною неделю назад в угол. Воспоминание о том дне нахлынуло на меня, и я, движимая какой-то непреодолимой силой, открыла портфель и достала свой рисунок. Он тут же выпал из моих рук. Я с трудом подавила крик. А знаешь почему? Из расщелин и трещин вылезали те самые страшные чудовища, которые преследовали меня во снах! Я точно помню, что ничего подобного не рисовала! Этого не может быть!

Я села на краешек кровати и заплакала. Только теперь до меня дошло: запреты – не шутки, и то, что я совершила, повлечет за собой какие-то ужасные последствия. Я испытала приступ панического страха. А если эти твари из моих снов попадут в реальность, если они начнут преследовать меня наяву?! А если они нападут на меня ночью? Пробрются в мою комнату и задушат! Надо было что-то делать и срочно! Я решила пойти за советом к мадам Агнесс, именно она, казалась мне самым душевным и понимающим человеком в городе. Я взяла портфель и отправилась в школу. Чувствовала я себя не очень хорошо, голова кружилась, руки дрожали, шла, пошатываясь, и то и дело останавливалась.

Занятия уже закончились, и я нашла мадам Агнесс в ее кабинете. Она искренне обрадовалась, увидев меня, но когда пригляделась внимательнее, то ахнула:

– Мирта! Что с тобой?! Ты же еще не поправилась! Ты все дрожишь и бледная, как полотно! Зачем же ты пришла?! Занятия-то уже кончились!

Я села напротив нее и дрожащим голосом стала рассказывать все с самого начала.

Мадам Агнесс хранила молчание, которое прерывалось глубокими вздохами. Когда я закончила и подняла на нее глаза, то увидела, что на ее лице написан глубокий испуг, смешанный с тревогой и жалостью.

Она встала и начала ходить туда-сюда по комнате. Я же, как узник, приговоренный к смертной казни, долго ждала ее ответа.

Наконец она заговорила, ее голос срывался и дрожал, хотя она и пыталась скрыть это. - Мирта, у меня были дурные предчувствия насчет тебя. Они появились тогда, когда ты стала задавать мне вопросы. Помнишь? Потому-то, когда пришло письмо из Н., я так настаивала, чтобы ты туда поехала. Ты просто-напросто не знаешь, что ты натворила. Твоя жизнь теперь под угрозой, и прошу тебя, никому, слышишь, никому, даже своим родителям не рассказывай об этом.

- А что, родители сильно накажут меня?

- Мирта, - мадам Агнесс схватила меня за руку, и посмотрела прямо в глаза, - Они даже смогут убить тебя за это!

- Что?! – закричала я.

- Да, да! Не удивляйся! Раз уж ты попала в эту передрагу, то имеешь право знать правду. Ту самую правду, которую взрослые берегут от детей до того момента, покуда им не исполнится двадцать лет!

- Что же это? – с трудом спросила я.

- Когда люди, бежавшие от войны, укрылись здесь и начали строить поселение, им постоянно мешала плохая погода. Многие умирали от холода и постоянных дождей. Поселение, конечно, разрасталось, но что ни месяц – то какая-нибудь напасть – то ветер сорвет крыши нескольких домов, то наводнение затопит их, то еще какое-нибудь стихийное бедствие обрушится. Но появились они, те самые существа, они вышли из скал и предложили поселенцам заключить договор. Люди приносят им в жертву десять человек, потом начинают поклоняться существам по установленным ими правилам, а они взамен создают прекрасную погоду. Недолго думая, жители согласились и принесли в жертву у скал десять человек, двое из которых совершенно не хотели умирать, но их все равно убили. Бездыханные тела они оставили у подножья скал, а когда пришли утром, то их там уже не было. Вот такая, Мирта, история. Те существа, они владельцы этих мест, их полноправные хозяева. Эта история ужасна, и потому ее рассказывают людям, только когда они достигают сознательного возраста. Расчет верен и прост – двадцать лет, прожитых в страхе и трепете перед Днем Сумрачных Скал, только укрепляют желание следовать правилам. Это муштра, Мирта, изящная и тонкая муштра. И ты не сможешь противостоять подобному, - она замолчала.

Меня передернуло! Я живу среди кровавой лжи! Мои родители знают об этом! Ужасно! И я поняла, что таинственные существа не простят непослушания и в скором времени расправятся со мной.

- И что же мне теперь делать? – задала я вопрос.

- Бежать, Мирта! Только бежать! Я помогу тебе. Я не сообщала еще своей подруге из Н., что ты не приедешь! Все же надеялась, что твои родители передумают. Я напишу ей записку, что придет обещанная ученица.

- Спасибо вам! Но как же я доберусь до Н.?

- Не беспокойся, Мирта, у моего кузена есть лошади и повозка. Он доставит тебя в целости и сохранности.

- А как же родители? Они же будут меня искать!

- Ох, Мирта, Мирта, - мадам Агнесс покачала головой. - Забудь теперь о своих родителях, их души насквозь пропитаны злом. Они и шагу не сделают отсюда, они же никогда не

выезжали, понимаешь?! Они боятся всего того, что не связано с существами.

- Хорошо! А можно задать вам последний вопрос?

Она кивнула.

- Скажите, а почему вы, узнав всю правду, не уехали отсюда?

- А почему ты думаешь, что я не уезжала? – она загадочно улыбнулась. - Я уезжала, но вернулась. И вернулась не просто так.

- А для чего?

- Мирта, моя девочка, - мадам Агнесс покачала головой, - Скажи мне: кто бы сейчас смог дать тебе дельный совет? Почему ты обратилась именно ко мне?

- А! – только и смогла вымолвить я, но потом опомнилась и добавила: - Значит, все не просто так?!

- Конечно, нет, - уклончиво ответила она. - Ты же знаешь, где я живу? Подходи к девяти вечера к моему дому. Мой кузен будет тебя дожидаться.

Я вспомнила, что дом мадам Агнесс находился неподалеку от выезда из города, что меня несказанно обрадовало. Мы распрощались, и добрая женщина намекнула, что возможно скоро, если все благополучно сложится, она присоединится ко мне в Н.

Я быстро собрала свои вещи и портфель с картиной тоже взяла. Как-то неосознанно это у меня вышло. Хотя логичнее было расстаться навсегда с подобным кошмаром.

В девять вечера я подошла к дому мадам Агнесс. На козлах сидел, как ты думаешь, кто?! Вергилиан! Да, да, это был он! Выяснилось, что с мадам Агнесс он уже давно был знаком, и она была выбрана им, чтобы когда-нибудь помочь тому, кто выступит против тамошних духов. Мы решили, что через год, когда наступит День Сумрачных Скал, я вернусь в город и обличу духов.

Но, увы, Мелисса, я не успела осуществить задуманное и никогда больше не видела мадам Агнесс. После нашего отъезда духи весьма удачно воплотились. Не знаю, что уж там произошло, но они полностью проявились и завладели городом. Конечно же, мадам Агнесс погибла вместе со всеми остальными. Теперь того города, где я жила уже нет; - там царствует смерть, и по улицам бродят те страшные существа. Они строят свой мир. И горе тому, кто случайно забредет в их края.

Я же, как того хотела мадам Агнесс, отправилась в школу искусств. Мне выделили комнату в большом доме. Днем я занималась, а вечером Вергилиан учил меня разным вещам и посвящал в тайное знание, а потом я стала помогать ему. Он давал мне разного рода мелкие поручения, но в основном, готовил к встрече с тобой.

Глава 40

Мелисса глубоко вздохнула. Город, в котором жила Мирта, погиб, и то же самое может произойти с Файнд-Тауном. Но в конце-то концов, какое ей, Мелиссе, дело до этого никчемного городишки, насквозь пропитанного злом?! Почему она должна вести своих близких на верную смерть только для того, чтобы спасти этих несчастных людей, которые сами позволяют себя обольщать? Она задумалась. Но если вспомнить все то, что рассказывала ей Мирта, то получается, что с помощью нее, Мелиссы, ведется борьба, и более могущественные силы хотят очистить землю от нечисти. Ведь рано или поздно, когда духи воплотятся, то станут очень могущественными, а значит, смогут поработить и другие города! А сколько еще существует таких мест, о которых она не знает, и где живет и процветает подобное зло?! Ей стало страшно! Да, она должна во что бы то ни стало сразиться с ними! Хотя бы ради Мирты. Она явно переживает из-за того, что ей не удалось спасти свой город и хочет восстановить равновесие, спасая Файнд-

Таун. И, если Мелисса откажется от дальнейших действий, то все труды Вергилиана, Мирты, Вернанда, да и ее родителей окажутся бессмысленными! А духи, духи восторжествуют! Кроме того, в Файнд-Тауне остались и хорошие люди, например, Беатрис! Уж Вернанд точно не переживет ее гибели! Мелиссе стало стыдно за свою нерешительность! Видимо, она просто устала от всего, что выпало на ее долю в последние дни.

Мелисса бросила взгляд на Мирту и увидела, что на ее лице отразилась скорбь и сильнейшее отчуждение. Как же сильно она винит себя!

- Мирта, - решила поддержать ее Мелисса. - Ты ни в чем не виновата. Ты сделала все, что могла.

- Возможно, - уклончиво ответила девушка. - Возможно и так. Вот только, знаешь, - она резко выпрямилась. - Я до сих пор не могу понять, почему катастрофа произошла сразу после моего отъезда? Быть может, я слишком рано нарушила запрет или же мой отчаянный побег заставил их действовать? Я не знаю, Мелисса, не знаю!

- Мирта, - Мелисса взяла ее за руку и крепко пожала. - А может быть, они просто испугались, что ты вернешься и нарушишь их спокойное существование, сотрешь их с лица земли? И они тогда, собрав все силы, уничтожили город. Что бы уж наверняка!

- Может и так, - тихо ответила она. - Но все равно, мне иногда кажется, что трагедия произошла из-за того, что я вмешалась в ход событий, пошла в тот ужасный день к сумрачным скалам. Возможно, в моем городе до сих пор жили бы люди.

- Ох, Мирта, какая ты странная! - Мелисса всплеснула руками. - Ты уже давно варишься в этом котле, знаешь то, чего не знаю я, но никак не можешь понять одного: рано или поздно они бы захватили город. Что случилось - то случилось. И ничего уже не исправить.

- Да понимаю я все это, Мелисса! - отчаянно сказала Мирта. - Разумом понимаю! Вот только душа никак не хочет принимать. Ну да ладно! Не будем больше об этом!

- Как скажешь, - кивнула головой Мелисса.

Некоторое время они сидели молча, а мысли Мелиссы все равно уносились к истории, рассказанной девушкой.

Она не выдержала и нарушила тишину:

- А какие у тебя были ощущения, когда ты приехала в Файнд-Таун? Он не напомнил твой город?

- Чем-то напомнил, конечно, - Мирта вздрогнула. - Первые два дня я вообще места себе не находила. Но потом пригляделась и поняла, что здешние духи сильно отличаются от тех, с которыми столкнулась я. Во-первых, они очень любят всякие внешние атрибуты: грандиозный ритуал в День Обретения, развешанные повсюду портреты Альтера, да и тайну свою они очень строго оберегают. Во-вторых, как мне кажется, они более продуманные, им нравится долгая игра, в которой можно просчитывать ходы. Заметь, они никого не убили, а ведь могли бы! Конечно, от тщательно распланированных ходов они получают, в конечном итоге, гораздо больше энергии, способствующей воплощению. А те существа, которые захватили мой город, они более дикие что ли, более строгие. Им не нужны помпезные ритуалы, они действуют просто и быстро, и игры для них ровным счетом ничего не значат. Даже не знаю, кто из них хуже, Мелисса! Видишь, - она недобро усмехнулась. - Я уже могу книгу про них написать, научную.

- Никогда не думала, что я столкнусь с чем-то подобным, - Мелисса задумалась, а потом добавила: - Да, как умело, они сражаются со своим главным врагом - творческой искрой в людях! Как искусно они влияют на старших! Вот, ты говорила, твоим родителям не нравилось, что у тебя есть способности! А сколько, сколько еще таких несчастных, которым приходится в одиночку противостоять непониманию и откровенной злобе!

- Да уж, а все от того, что иногда человек творческий имеет редкую способность, - создавать иные миры, то есть орудовать тем материалом, которого не хватает духам и который может пробить брешь в их защите! Вспомни школу! Там все построено именно на том, чтобы не давать человеку развиваться творчески: шаблоны, нормы, рамки и правила. Понимаешь!

Мирта говорила нечто подобное еще в ту ночь, когда рассказала ей всю правду. Но тогда голова Мелиссы шла кругом, и она не обратила особо внимания на ее слова. Теперь же они заставили ее задуматься. Если все так серьезно, то получается, что творчество – опасный дар, который налагает на тебя страшную ответственность. И, выбирая этот путь, ты вряд ли когда-нибудь сможешь свернуть с него. Но сама ли она, своей свободной волей, выбрала его?! Или это нечто огромное, древнее проявилось в ней? И она, Мелисса, является лишь проводником? Как же все сложно! Почему-то она вспомнила Сару,мышленную, искреннюю, живую, которой чуждо творческое начало. Чем они отличаются друг от друга? Да ничем собственно! Только тем, что Мелисса взвалила себе на плечи тяжелую ношу! В глубине души она позавидовала подруге. Ну почему, почему она не такая, как Сара?!

Мирта отвлекла девочку от тяжелых мыслей, напомнив о том, что им еще предстоит долгий путь, и надо бы возвращаться в лагерь.

Глава 41

Моника торопливо собирала вещи в дорогу, перебирая в уме дела, которые ей нужно сделать, чтобы завтра же отправится в путь. Так, вечером она хотела заглянуть к матери Сары и обговорить все подробности отъезда последней. Занятая подобными мыслями, она бросала вещи в большую дорожную сумку и, вдруг остановившись, хлопнула себя по лбу.

- Вот балда! Я же не поговорила с Виктором! Его надо взять с собой! Елки-палки-молчалки! – вскричала Моника и, оставив сумку раскрытой, бросила вниз, во двор. Только бы он никуда не ушел!

Она дошла до берега моря и облегченно вздохнула, увидев Виктора, который с большим интересом глядел на новое судно, стоящее на якоре. Вот он голубчик! Здесь!

- Виктор! Срочное дело! Срочное! – Моника без всякого предупреждения ворвалась в его неспешную созерцательность.

- Ох, - Виктор подскочил от удивления - Моника! Ты?!

- Да я, конечно! Кто ж еще!

Виктор, оправившись от первого шока, радостно улыбнулся ей. Он был рад тому, что она нашла его. Именно сегодня он собирался зайти к ней. За лето, проведенное вместе, он начал понимать, что ему не хватало долгих разговоров со старой подругой. Сейчас, когда он смотрел в ее большие зеленые глаза, в которых плясали маленькие бесенята, то поймал себя на мысли, что ее появление вызывает в нем искреннее волнение. Уж не влюбился ли я снова?! Нет, глупости!

- Ох, Виктор! – Моника возбужденно заговорила, размахивая руками и совсем не замечая того, что легкая краска залила его лицо. - Мне нужна твоя помощь! Позарез нужна!

- Что случилось? – Виктор нахмурил брови, и все романтические бредни разом вылетели из его головы.

- Ох, Виктор, такое случилось! Такое! Мелисса в Файнд-Тауне попала в беду, а с Артуром и Хильдой что-то сотворили, и они, как я поняла, с ума сошли! Точно не знаю! Но надо

срочно туда идти – спасать их, - на одном дыхании выпалила Моника.

- Что с ними сотворили? В какую беду попала Мелисса? - Виктор непонимающе смотрел на нее.

- А я что, знаю? Знала бы – сказала! – обиженно ответила Моника. - Но Сара, эта плутовка, проболталась мне, что Мелиссу здесь нечисть какая-то преследовала, и, оказывается, тот самый Джарис следил именно за ней! И еще они были в доме Грея, и с ними говорил дух его жены и предостерегал Мелиссу от всяких опасностей! А потом я получила весточку через голубя от лесничего, друга Артура и Хильды, где он просил меня приехать. А потом пошла к Глории, ты ее знаешь, наверное. Она в хрустальный шар посмотрела и увидела много-много тьмы. Так вот, я завтра утром с Сарой еду туда! Но нам нужен ты, Виктор! Мало ли что произойдет! Ты поедешь с нами?

Виктор стоял в полном недоумении, нескончаемый поток слов, нашпигованный большим количеством фактов, окончательно сбил его с толку. Он нахмурился и швырнул окурок на землю. Все подробности минувшего лета один за другим стали всплывать в его голове. Да, надо было верить своим предчувствиям! Надо было рассказать Монике о своих подозрениях! А он, он так легкомысленно поступил, решив встать на сторону девочек! Конечно, он еще тогда не поверил в те небывлицы, которые они сочинили для него! И вдруг он вспомнил Вергилиана и неожиданно услышал его голос, который четко и мягко пробудился в его душе: «Скоро Мелисса будет за перевалом. Идите к ней и ничего не бойтесь!».

Виктор вытер выступивший на лбу пот, снова закурил, и пальцы его задрожали. Он посмотрел внимательно на Моника и попытался успокоить ее:

- Моника! Ничего не бойся. Конечно, я поеду с вами. Все будет хорошо, я уверен! – и он крепко пожал ее руку.

- Уф! Ну спасибо! Спасибо! Викторчик! – она вцепилась в его ладонь и принялась отчаянно трясти ее.

- Ты уже нашла лошадь и повозку, Моника?

- Нет! – развела она руками. - Совсем из головы вылетело!

Виктор иронически улыбнулся. В этом вся Моника! Собралась в дальнюю дорогу, а главного – не сделала.

- Ну ничего! Я отыщу лошадей и к утру подъеду к твоему дому.

- Ох, спасибо, Викторчик! Какой ты славный! Ты прямо мое спасение! – и Моника восторженно посмотрела на него.

Виктор покраснел и отвел глаза. Наступило неловкое молчание, которое прервался Моника.

- Ну, дорогой Викторчик, тогда - бывай! Завтра жду тебя с рассветом! Провиантом я уже запаслась.

- Хорошо, Моника! – он немного запнулся, - Я рад, что ты доверяешь мне. Да я и сам хотел к тебе сегодня заглянуть!

- Правда?! Соскучился по мне?! – Моника просияла, и, не дожидаясь его ответа, громко погрохоталась: - До завтра, друг ты мой чудесный! – и пошла прочь вдоль набережной.

Интересно, а зачем он хотел зайти ко мне?! И почему так странно краснел во время разговора?! Моника осознала, что ей все это ужасно приятно! Неужели решил снова приволочнуться за мной, подлец такой? А? Ну я-то сейчас уже не поверю в его поэтические рассказы! Неожиданно путь ей перегородили двое мужчин, одетых в полицейскую форму. Моника хотела было обойти их, но они ей не позволили.

- Что тут происходит? – нахмурилась она.

Один из полицейских, мужчина в возрасте, приосанился и громким голосом спросил:

- Вы Моника, торговец зельями из квартала Силвер?

- Положим, да, я Моника из квартала Силвер! Но я никакой не торговец! Я варю зелья, - она гордо вскинула голову и бросила на него презрительный взгляд.

Второй полицейский, совсем еще молодой человек, посмотрел на нее с большим удивлением и плохо скрываемой радостью. Щенок! – пронеслось в голове Моника.

- Я инспектор Броуди, а это мой помощник Хетклиф, у нас есть официальный ордер на ваш арест! – строго продолжил он.

- Что? – взвизгнула Моника. - Да как вы смее?! За что это?!

Помощник Хетклиф подошел к ней вплотную, показал ордер, а Броуди ледяным голосом пояснил:

- Вы подозреваетесь в причастности к убийству Джариса Лестора, одного из служащих Фэктори.

Перед глазами Моника все поплыло. Вот так дела! Нет уж! Они не повесят на нее этот смердящий труп.

- Да как вы смее! - еще громче закричала она и взмахнула руками так, словно пыталась отогнать их, как назойливых мух.

- Все подробности вы услышите в участке. Надеюсь, вы будете благоразумны, и Хетклифу не придется надевать на вас наручники. Так ведь, уважаемая госпожа Моника?! – в его тоне слышалась насмешка.

- Делайте, что хотите, хоть дегтем вымазывайте и в перьях извальйте! Мне все равно! – Моника тряхнула головой и вытянула вперед руки: - Давай, парниша, надевай на меня свои стальные браслеты. Вперед! Что же ты стоишь, как истукан?! Веди по всему городу меня, Моника, как последнего убийцу, давай же, черни мое имя!

Хетклиф посмотрел на нее, как на сумасшедшую и кинул вопросительный взгляд на начальника.

- Не ломайте комедию, сударыня, - тот отрицательно покачал головой. - Не надо наручников. Думаю, Хетклиф, она сама дойдет.

Моника стиснула зубы и пошла вместе с полицейскими. Она на секунду обернулась, и увидел Виктора, который обескуражено и взволновано наблюдал за происходящим, а потом незаметно последовал за этой странной процессией.

Глава 42

Моника провели в маленькую тесную комнатку с обшарпанными стенами.

- Садитесь, госпожа Моника, - иронично произнес инспектор Броуди и указал ей на хлипкий колченогий стул.

- А он подо мной не развалится? – с ехидцей поинтересовалась Моника, которая уже пришла в себя и была готова к бою.

Броуди ничего не ответил, только нахмурился и швырнул на стол толстую папку.

Моника плюхнулась на стул и не удержалась от комментария:

- Надо же, не развалился!

Инспектор снова нахмурился, бросил на нее презрительный взгляд, очевидно говорящий: «Пошутишь ты у меня еще!». Потом достал из папки исписанный листок и мельком проглядел его.

- Вы были лично знакомы с Джарисом Лестором? – задал он вопрос и закурил вонючую папиросу.

- Не имела чести, господин инспектор! – ответила Моника нарочито серьезным тоном.

- А у меня есть другая информация, - поднял брови Броуди, и, откинувшись на стуле,

пристально посмотрел на нее: - Некие рабочие с Фэктори утверждают, что вы как-то раз выпроводили Джариса Лестора из их дома, да еще и угрожали ему! Как вы это объясните?!

- Ха! – Моника трянула головой. - Признаюсь, как-то раз я выгнала отъявленного негодяя из дома рабочих, помню, помню! И для красного словца бросила ему вслед пару образных, так сказать, выражений! И если тот тип и есть Джарис Лестор, то ничуть не удивлена, что его грохнули! – и она с размаху стукнула кулаком по столу.

- Да? – Броуди сделал удивленное лицо. - Почему вы так считаете?

- Потому что он был редкостным мерзавцем! – отрезала Моника. - Об этом знали все, кто так или иначе связан с Фэктори.

- Хм, - инспектор задумчиво покрутил сигарету между пальцами. - А вы ведь варите зелья и продаете их, так?

- А то! – Моника была несколько обескуражена столь нелогичным переходом в разговоре.

- А Джарис работал на Фэктори. Может быть, вам не хватало какого-то запрещенного вещества? А там, в цехах много всякой дряни варится! И вы каким-то образом убедили его продать вам вещество, назначили встречу около школы и убили его, чтобы не платить по счету?

- Ой, ты божечки мои, - Моника громко расхохоталась. - Какое вещество? Я в зельях только растения использую, а принеси домой гадость с Фэктори, все взлетит на воздух! Инспектор, вы хотя бы немного разбираетесь в том, как готовятся зелья? А? – она продолжала смеяться.

Броуди хранил ледяное молчание и только наблюдал за ней.

- Нет, ну вы подумайте сами, что вы несете! – не унималась Моника. – Ой, давно так не смеялась. Сейчас пузо лопнет!

- Успокойтесь! - неожиданно рявкнул он.

- Дайте, дайте мне вашу пахучую сигаретку, а то я не остановлюсь никогда, - сквозь смех проговорила она.

- Держите, - он небрежно сунул ей сигарету в руку и злобно уставился на нее.

Когда она закурила, то перестала смеяться, зато начала кашлять, приговаривая: «Ядреный табачок! Ядреный!».

Броуди встал и сквозь зубы процедил:

- Не устраивайте цирк, пожалуйста.

- Дорогой, инспектор, - Моника кашлянула в последний раз, но улыбка так и не сошла с ее лица, - Это вы цирк устраиваете! Цирк! Настоящий цирк! А я то что?! Я то что?!

- Я просто выдвигаю версии, - холодно возразил он.

- Страшно представить, что будет дальше! Давайте уже по делу, а?! Скажите мне лучше, на каком основании меня обвиняют? Доказательства есть? А? – Моника начала наступление.

- Уф, - инспектор вытер лоб и отошел в угол комнаты, налил стакан воды и с шумом выпил. - Так лучше, - пробормотал он, и, вернувшись обратно, продолжил: - Сторож из школы утверждает, что видел вас в ночь убийства во дворе.

- Опачки! – Моника хлопнула в ладоши, - Как интересно-то? Убийство произошло месяца три назад, а он только сейчас что ли вспомнил?!

- Я объясню, - инспектор кивнул головой, - Он мало что помнил о том дне. Фактически - ничего! Только сейчас к нему начала возвращаться память. И он уверен, что видел вас там той ночью.

Забавно - пронеслось в ее голове. Ну никак не мог он меня видеть! Мы вошли с черного

хода. а он в это время уже был обездвижен Джарисом. Так что, ерунда какая-то выходит. - Так может он сейчас скажет, что видел там гарпию? Ну знаете, чудовище такое с крыльями?! Вы, что начнете ее разыскивать по всему городу? – ядовито парировала она, - Подумайте сами, у него явно с головой беда случилась. Память потерял, память обрел – чехарда какая-то! Ну, а я?! Какая связь между мной и Джарисом этим проклятым! Ну, сами подумайте!

Моника говорила очень быстро и крайне эмоционально. Она размахивала руками, вертелась на стуле, - и у инспектора явно начинала болеть голова. Он сморщился и посмотрел на нее, как на жестокого палача.

- Так. Все! – он хлопнул в ладоши. - Замолчите уже, наконец! На сегодня мы закончили. Вам придется пройти в камеру!

- Что? – Моника громко закричала. - В камеру! Да вы с ума сошли!

- Я не имею права вас отпустить, пока не будут выяснены все обстоятельства дела. Две недели, если все удачно сложится, вы точно отсидите!

- Две недели?! Нет уж! – Моника вскочила со стула. - Лудки! Я должна выйти отсюда! Должна!

- Ничего не могу поделать, - он равнодушно пожал плечами. - Если заплатите залог, то можете быть свободны! Вас выпустят под домашний арест.

- Залог? – Моника оживилась, - Сколько?

Инспектор ядовито усмехнулся и назвал цену. Моника вытаращила глаза, открыла рот и плюхнулась обратно на стул. Таких денег у нее отродясь не бывало! Это же целое состояние!

- Ну что, пройдемте, - обрадованный ее неожиданной молчаливостью, он встал и пошел к двери, - Не беспокойтесь. В камере вы одна будете. Да и кормят у нас неплохо.

Моника ничего не ответила и, опустив голову, побрела следом за ним. Она погрузилась в тягостные размышления. Как бы выбраться отсюда? Как? Да поскорее.

Глава 43

Когда Моника проснулась на следующее утро, то не сразу поняла, где она, собственно, находится.

- Божечки мои! Где я? – громко закричала она и вскочила с узкой жесткой койки. - В камере! В камере!

Она ошалело обвела взглядом маленькое неприглядное помещение и хлопнула себя по лбу.

- Елки-палки-моталки! – снова вскрикнула она.

За прочной дверью слышались тяжелые шаги. Видимо, она привлекла своим криком тюремщика. Лязгнул сазов и на пороге возник вчерашний помощник инспектора щенок Хетклиф, он сделал недовольное лицо и пробурчал:

- Что вы так кричите?

- А ты бы как кричал, если бы проснулся в этой конуре, а? – Моника с ходу пошла в атаку.

- Успокойтесь! Я не за тем пришел, чтобы болтать с вами. Вас просит к себе инспектор Броуди. Собирайтесь на выход, - строго сказал он и зевнул.

- Еще и зевает, падла, - прошептала Моника.

- Что? – он подозрительно прищурился.

- Я говорю: уже лечу! – елевым голосом отвстила Моника и улыбнулась.

- А! – он снова зевнул.

Она поправила прическу и последовала за ним по узким коридорам участка. Сейчас этот хряк Броуди снова будет допрашивать ее и нести всякую чепуху. И где он только берет такие версии? Богатая у него фантазия, однако.

- Проходите, - полицейский открыл перед ней дверь кабинета.

Моника зашла и, не обращая внимания на приветствия заспанного Броуди, плюхнулась на тот же самый стул.

- Папироской не угостите своей знатной, а? - спросила она и, сама не зная зачем, подмигнула ему.

Он насутился и молча протянул ей портсигар.

- Благодарю, - Моника закурила и выпустила эффектное кольцо.

- Хм, - недовольно пробурчал инспектор. - За вас заплачен залог. Можете быть свободны.

- Что? - Моника снова поперхнулась едким дымом. - Что вы сказали?

- За вас заплачен залог. Можете идти, - отчеканил инспектор.

- Божечки мои! Вы шутите? Кто мог заплатить за меня такую баснословную сумму?! - вскричала она.

Лицо инспектора скривилось, словно кто-то невидимый с силой наступил ему на ногу. - Узнаете на выходе, Викторчик. Вас там ожидают. И помните, что выезжать из города в течение месяца вам запрещено.

- Так точно! - Моника вскочила и метнулась к двери. Ага, еще чего - запрещено! Она завтра же умчит отсюда!

Помощник Хетклиф проводил ее до выхода. Она выскочила на улицу ошалелая и радостная, и нос к носу столкнулась с Виктором.

- Викторчик, чудеса! Чудеса происходят! Кто-то заплатил за меня выкуп этим дикарям! А ты что тут делаешь? Пришел навестить одинокую узницу?! - она кинулась его обнимать.

Виктор беспокойно посмотрел на нее, оценивая ее состояние, потом рассмеялся и покачал головой:

- Моника! Моника! Меня всегда поражала твоя беззаботность!

- Ну ты представь, Викторчик! Мне сказали, что меня тут ожидает тот, кто заплатил выкуп, но я никого не вижу..., - она огляделась по сторонам, потом удивленно вцепилась в него взглядом, - Так.... Я что-то не понимаю! Это ты заплатил!

Виктор снова рассмеялся и кивнул.

- Но, - она замялась, - Вот чудеса-то! Откуда у тебя столько денег?! Ты что за ночь разгрузил все корабли, которые прибыли в порт?

- Нет, Моника, просто на днях мой достопочтенный отец ушел к праотцам. Я единственный его наследник. И теперь владею половиной города! - он как-то печально улыбнулся.

- Вот тебе на! - Моника открыла рот от удивления.

- Да, Моника, к сожалению, это именно так! - он пожал плечами и закурил. - Но ничего, я найду его деньгам достойное применение. Вот уже первые расходы и на благое дело!

- Но, - к ней, наконец, вернулся дар речи, - но почему ты вчера торчал в порту? И почему до сих пор живешь в своей халупе?

- Привычка, Моника, привычка, - Виктор равнодушно пожал плечами. - Собственно, эти деньги ничего не меняют! Только забот прибавилось: а куда бы их потратить?! - и он виновато улыбнулся.

- Ну, ты Виктор, сама скромность! - воскликнула Моника.

- Будет тебе, - он отмахнулся. - Пойдем, провожу тебя до дома, чтобы быть уверенным,

что сегодня тебя никто не сцапает!

- Ха! Пусть только попробуют!

Дорогой Моника не переставала возносить хвалы своему спасителю, но он старательно переводил тему на их общее дело: выяснял всякого рода мелкие подробности относительно поездки, которую они в виду случившихся событий решили перенести на завтрашнее утро.

Без всяких происшествий они дошли до дома Моника. Она, попрощавшись с Виктором, наскоро привела себя в порядок и отправилась к Сара.

Но едва она вышла из подъезда, как столкнулась с ней нос к носу.

- Тетя Моника! Черт побери! Где вы были!? – набросилась на нее девочка.

- Полегче, котик, на поворотах, полегче! – Моника приняла важный вид и торжественно произнесла: - Я всю ночь провела на нарах! В местном полицейском участке!

- Черт возьми! – Сара всплеснула руками. - Что вы натворили?! Подрались с отдыхаками? Но они же все разехались!

Моника густо покраснела: девочка напомнила ей о случае двухлетней давности. Некая дама в теле в пылу праведного гнева назвала Моника коровой, когда та случайно толкнула ее на пляже. Моника же в долгу не осталась: и понеслось!

- Нет! Нет! – быстро пробормотала она. - Меня хотели посадить за убийство Джариса!

- Джариса? Вот так дела, - протянула Сара. - Я думала, они уже забыли об этом.

- Как видишь, не забыли! На меня хотели всех собак повесить! Ха! Но им это не удалось! Виктор заплатил за меня залог, и меня выпустили!

- Виктор? Заплатил?! – Сара вытаращила глаза, - Вы ничего не путаете, тетя Моника? Вы, наверное, плохо спали!

- Ерничать еще будешь, котик! Задам я тебе! – Моника пригрозила ей кулаком. - Его папаша скопытился и оставил ему все состояние! Так-то!

- Погодите, - ахнула девочка. - Недавно же умер какой-то там граф Бронэм, жутко богатый человек. Он что, отец Виктора?

- Да именно он - его папаша! Такто! А я, признаться честно, ничего и не слышала о его смерти!

- Да вы что? Весь город только об этом и говорит!

- Мне что до всего города?! – Моника выпрямилась и заявила: - Я вне глупых пересудов.

- Уж так я и поверила, - хихикнула Сара.

- Ну котик, ну ехидна, - на сей раз тетя Моника добродушно рассмеялась. - Что мы тут стоим с тобой ерунду мелем, пойдем в дом. Я расскажу тебе все о завтрашней поездке.

- Отлично, - глаза Сары загорелись, - Я уже готова идти в бой!

- Ишь ты, боевая какая!

Глава 44

Ранним утром наши друзья отправились в путь. С моря, принимая к земле, тянулся густой туман, Моника рассеяно смотрела вдаль, а Сара пыталась уснуть, но волнение, охватившее ее, мешало ей благополучно отбыть в царство Морфея. Что сейчас происходит с Мелиссой? Все ли с ней в порядке? Какие новые испытания выпали на ее долю?! И почему же рядом нет ее, Сары?!

Но подобные размышления вскоре были безжалостно прерваны: где-то за поворотом послышались громкие голоса и раздался властный окрик: «Стойте!». Тон, которым произнесли приказание, показался Монике знакомым, она вздрогнула и застыла, прислушиваясь. Повозка остановилась.

- Сиди здесь! – шепнула Моника Саре, а сама проворно спрыгнула на землю.

Девочка, конечно же, и не думала подчиняться, вытащила знаменитый кинжал из сумки и бросилась следом за ней.

Дорогу им перегородила полицейская карета. В ней, держа оружие наготове, расположились четыре человека, а рядом с Виктором и Моникой, стоял, размахивая руками, разгневанный инспектор Броуди.

- По какому праву? Я спрашиваю вас! – орал он. - По какому праву вы покидаете город? Вам велено было оставаться! Несмотря на деньги, которые заплатил этот мужчина, мы тот час же арестуем вас и уже не выпустим до окончания следствия.

Моника вскипела. Здесь она уже чувствовала себя сильнее и свободнее, ей хотелось дать волю гневу и накинуться на Броуди с кулаками, но Виктор мягким движением остановил ее.

- Инспектор Броуди, - начал Виктор. - Я думаю, вы совершаете большую ошибку, за которую вам придется отвечать перед мэром города.

- Да? С чего бы это? - зорал он. - Да и вообще, кто вы такой? Вчера я не стал спрашивать, откуда у вас столько денег! Но сегодня, сегодня - спрошу!

- Что же, я скажу вам, - спокойно ответил тот. - Я граф Виктор Бронэм. К вашим услугам.

- Что? Граф? Бронэм?! Да не смешите меня! – он истерически рассмеялся, остальные полицейские противно захихикали.

- Как вы знаете, - все тем же спокойным тоном продолжил Виктор. - Две недели назад скончался граф Генри Бронэм, человек богатый и почитаемый, хороший друг нашего мэра. Он умер, и все его имущество перешло к его единственному сыну, то есть ко мне! Откуда по-вашему у работника порта вдруг взялась такая крутленькая сумма?

На лицо Броуди набежала тень сомнения, он пристально всмотрелся в Виктора, который недолго думая, порывшись в карманах брюк и достал, сложенную вчетверо, изрядно помятую бумагу.

- Пожалуйте, тут черным по белому написано, чей я сын, - он протянул листок инспектору, и тот недоуменно пробежал его глазами. Пока он читал, Виктор добавил: - Если вы не хотите проблем, которые несомненно начнутся у вас и вашего участка в целом, то дайте нам спокойно уехать.

Броуди трясущейся рукой протянул ему обратно бумагу, кинул на Виктора полный изумления взгляд и, с трудом поклонившись ему, ответил:

- Простите за доставленные неудобства, граф Бронэм. Я, право же, не знал.

- Что, съел? - неожиданно вставила тетя Моника, которая с искренней радостью наблюдала за происходящим.

Броуди метнул на нее полный ненависти взгляд и запрыгнул в карету. Через секунду они уехали.

- Ха! Ха! Ха! – Моника громко рассмеялась. - Викторчик, как ты его отделал! Это было прекрасно! Просто прекрасно! Шедеврально! Гений! Гений! – она захлопала в ладоши.

- Да, Виктор, не ожидала я от вас такого, - с важностью добавила Сара: - Я думала, вы только и можете, что стихи кропать!

- Ну, спасибо, - Виктор ухмыльнулся. - Ладно, девочки, залезайте обратно! Время не ждет!

- Слушаюсь, граф Бронэм! – снова рассмеялась Моника.

Виктор усмехнулся и залез на козлы.

- Как он его, а?! Нет, ну ты слышала! Как он его?! – повторяла довольная Моника, а Сара в глубине души была несколько разочарована: ее кинжал снова остался не у дел.

Дальше их путь продолжался без приключений. Незадолго до наступления сумерек

они остановились на ночлег.

- А я смотрю, Глория и ее подружки хорошо поработали, - заметила Моника. - Погода стоит просто отличная и никакого урагана! Только следы от него то тут - то там!

- Да, - подтвердила Сара. - Она основательно принялась за дело! Мы же еще увидим ее, тетя Моника?

- Ага, она обещала присоединиться к нам у перевала. Дальше им идти нельзя. Там уже чужая земля.

- Что значит чужая земля? – поинтересовалась Сара.

- А я почему знаю? – пожала плечами Моника. – Может, наш граф знает? Эй, Виктор, - она громко закричала ему: - Хватит тебе возиться с этой палаткой, лучше скажи нам, что такое чужая земля? Так Глория про Файд-Таун говорила!

Конечно же, Виктор не услышал и половины того, что попыталась донести до него Моника. И он, оторвавшись от работы, подошел к ним. Моника повторила свой вопрос, помешивая поварешкой в большом котле, откуда доносились аппетитные запахи.

- Мне кажется, - он присел рядом и уставился на огонь. - Там правят другие существа.

- Это что за звери такие? – спросила Моника.

- Я не очень хорошо умею объяснять такие вещи, - смущенно улыбнулся Виктор, - Я лучше прочитаю вам стих.

Тучи закрыли пустоту небес,
по округе псы завывали хором.
И вокруг деревни темный лес
заскрипел кладбищенским забором,
повинуясь ветру. И как будто устав
от неумной боли,
потянулись звуки с колокольной.
липкими конечностями спрута.

Колокол сначала пел негромко,
колокол сначала пел тоскливо,
он был слышен только на задворках

Но сейчас неистовым порывом,
разрывая тихую обитель,
заходясь в безумной круговерти,
колокол хрипел о скорой смерти,
колокол орал нам: «Уходите!».

Над ночной деревней прогремели
три последних яростных удара,
ошалело зашатались двери,
и в один момент вдруг тихо стало.
И препятствий в поле не встречая,
из лесу пополз густой туман.
Очень скоро стало слышно нам,
как у церкви что-то зарычало.

- Мммм, - Сара задумалась, и ей снова стало стыдно, что она когда-то смеялась над его стихами. Мелиссе точно бы он понравился, и она бы сейчас столько всего сказала. А она? Что она? Может только промычать нечто неопределенное. Она никогда не умела красиво выражаться.

- Чудесно, Викторчик! Чудесно! - восклицала Моника.

- Спасибо, девочки, - Виктор придвинулся поближе к огню. - Знаете, - его голос немного дрогнул, - Когда мы все так близко сошлись, я впервые за долгое время почувствовал, что меня, наконец, понимают. Я, дойдя до отчаянья, читал свои стихи только матросне в кабаках! Одни смеялись, другие жалели меня, считали, что я безумный, третьи норавли ползть в драку. Душа болела. Сильно болела. А когда появились вы все, мне стало так хорошо!

- Вот те на! - обижено засопела Моника. - Мы с тобой много лет знаем друг друга! Сколько раз я звала тебя в гости?! Сколько раз просила почитать стихи?! И что ты мне отвечал, а? Помнишь? Нет настроения, прости!

- Моника, - он улыбнулся, и лицо его стало кротким, как у ребенка, - Понимаешь, я настолько привык к насмешкам и безразличию, что считал твои приглашения лишь жалостью, которую ты испытываешь к конченому человеку.

- Еще лучше! - пронзительно вскрикнула Моника. - Да как ты мог?! Уж я-то никогда тебя не считала конченным человеком. Я всегда, всегда тебя так сильно..., - тут она запнулась, закрыла рот, покраснела и с трудом выдавила из себя: - уважала!

Сара ядовито хихикнула и буркнула едва слышно: «О, какие признания!», потом бросила любопытный взгляд на Виктора. Тот опустил голову, и Саре показалось, что он прячет довольную, смущенную улыбку. Вот оно что! Вот оно что! Между нашими голубками, кажись, есть чувство! Ей стало ужасно смешно! Более нелепой пары нельзя вообразить: серьезный и сумрачный Виктор и болтливая безбалмшная Моника. Ох, была бы тут Мелисса! Они бы сейчас отошли бы в сторонку и все обсудили! Тем временем затухнувшая беседа, кажется, погасла окончательно. Воцарилась тишина. Только слышно было, как ветер шумит в деревьях и протяжно стонет. Саре стало скучно, и она отчаянно зевнула.

- Котик мой, не зевай, рано еще! Вот сейчас поедем, как следует, и тогда можешь сладко зевать, завернувшись в одеяло! - смущенно нарушила молчание Моника.

- Давайте уже быстрее, - пробурчала Сара. - Жрать охота.

- Сара! Сара! Грубиянка! - она шутливо пожурела ее. - Не стыдно тебе так выражаться при графе?!

- И не таких родовитых видали, - рассмеялась Сара, и Виктор с легким сердцем присоединился к ней.

Глава 45

На подступах к перевалу они увидели палатку, дымок от костра и пятерых человек, которые ходили туда-сюда, явно, чем-то занятые.

Виктор улыбнулся - голос Вергилиана его не обманул. Внутреннее чутье давно подсказывало ему, что случайный знакомец не простой человек. Моника испустила удивленный вздох, а Сара не поверила своим глазам: среди этих людей она узнала Мелиссу и ее родителей.

С ней все в порядке! Она жива! И родители тоже! Сердце девочки забилося быстрее, и ей захотелось выпрыгнуть из повозки и бежать, бежать, бежать туда, к ней! Но она понимала, что лошади все равно доберутся быстрее. Она уже не слушала восклицаний

тети Моника, не слухала ее восторженного лепета, она вся превратилась в волнительное ожидание.

Вот люди, занятые своими делами, услышали стук копыт и тревожно замерли, а потом на их лицах появились улыбки.

Через несколько минут произошла долгожданная встреча. Нет смысла ее описывать. Объятия, слезы, смех, радостные возгласы и бесконечные перебивающие друг друга рассказы. Все события, произошедшие с нашими друзьями, перемешались в сбивчивых несвязных повествованиях.

Когда наконец первые восторги затихли, Сара отозвала Мелиссу в сторону и предложила ей прогуляться.

Девочки были отпущены под строгим наказом: не выходить из поля зрения, а то мало ли что! Они торжественно покаялись и медленно пошли вдоль поля.

- Хоть отдохну немного от этой кутерьмы, - проворчала Сара. - У меня голова чуть не лопнула! Столько криков, шуму! Одну только тетю Моника, одержимую радостной эйфорией, трудно выносить, а тут еще куча других людей!

- Да что ты, подружка, все ворчишь! - Мелисса рассмеялась и искреннее обрадовалась тому, что Сара ничуть не изменилась. Как же она скучала без ее едкого недовольства! - Это просто счастье! Счастье, что мы тут все встретились! - и она легонько толкнула ее в бок.

- Ах ты зараза, - Сара толкнула ее в ответ и, наконец, улыбнулась: - Как же я волновалась за тебя! Расскажи-ка мне лучше все по порядку! У меня все смешалось в голове: духи, кровь, Каролина, какие-то жены мэра, черные бестии! Черт знает что! Да и еще, - девочка нахмурилась и остановилась, - эта мадмуазель Мирта, училка то бишь...

- Никакая она не училка, - обиженно ответила Мелисса и тоже остановилась. - Она настоящая учительница, художница и помощница самого Вергилиана!

- Ой, ну простите-простите, - язвительно произнесла Сара, - Художница! И надо же, помощница самого Вергилиана! Фу-ты ну-ты!

- Так, Сара, - Мелисса перебила ее, сверкнув глазами, - говори быстрее, что ты хочешь узнать о Мирте, и не ерничай, прошу тебя.

- Ладно, ладно, - она отмахнулась и, нахмурившись, выдавила из себя: - Теперь Мирта твоя лучшая подружка?

Мелисса опешила, сначала не нашлась, что ответить, потом не смогла удержаться и громко рассмеялась.

- Ах, вот оно что! - она с трудом заговорила, давась от смеха, - Ах, вот оно что! Не ожидала! Не ожидала! Ты ревнуешь!

Сара упрямо бросила:

- Хватит юлить! Отвечай!

- Уф, - Мелисса отсмеялась и покачала головой: - Ну, ты, Сара, совсем с ума спятила! Моей лучшей подружкой всегда будешь ты! А Мирта мне, как старшая сестра, понимаешь?! Она из столькох передряг меня вытащила!

- Ах, так! - воскликнула Сара и глаза ее сверкнули. - Она вытащила! А я значит, только и делала, что втягивала тебя в передряги!

- Что ты несешь! - Мелисса удивленно подняла брови. - Большой глупости я от тебя не слышала. Мы с тобой столько всего пережили, и ты - моя лучшая подруга. Навсегда. Так то!

Сара бросила на нее недоверчивый взгляд, но потом размякла и, с трудом сдерживая радостную улыбку, важно заключила:

- Ну ладно, убедила ты меня, Мелисса! Попробую подружиться с твоей новоявленной

старшей сестрой! А теперь Расскажи мне все, как было! Да по порядку! И без всяких там охов и ахов!

- Тогда слушай! – бодро ответила Мелисса, и они уселись на поваленное бревно, которое утонуло в густой траве. Из лагеря сразу же послышались крики: «Девочки, вы где!». Они дали о себе знать, и Мелисса продолжила. Она рассказала Саре обо всем, что с ней происходило.

- Да, подружка, ну дела! – Сара громко вздохнула, выслушав ее до конца. – Теперь понятно, почему дух Брендэ тогда назвал тебя по имени, и почему он направил нас в архивы школы. И насчет Грея Стоуна все теперь ясно. Знаешь, когда ты читала дневник Брендэ, я ощущала сквозь строки, его раздвоенную душу. Ведь не зря же Брендэ согласилась выйти за него! Не только из-за матери! Видимо, его светлая сторона привлекла ее. Печально все это, Мелисса, печально! – она снова вздохнула, а потом спросила: - И что мы теперь будем делать? Пойдем обратно в Бриф-Кост?

Мелисса прикусила губу. Напоминания о том, что ей предстоит сделать, были мучительны.

- Нет, Сара, в Бриф-Кост я не вернусь. Мне надо написать рассказ об этой мракобесии и ко Дню Обретения вернуться в город.

- Что? – Сара недоуменно воззрилась на нее. - Ты шутишь? После всех ужасов, которые ты испытала, ты должна вернуться туда?

- Да, - твердо выговорила Мелисса, - Нужно завершить начатое, и не позволить этим существам завладеть городом.

- Но, - девочка осеклась и громко выругалась, - Но...А если ничего не получится. Ты же можешь себе представить, что они сделают, если поймут тебя?!

- У меня нет другого выбора, Сара! – покачала головой Мелисса. - Мирта и Вергилиан пойдут со мной. Я буду не одна.

- Мирта и Вергилиан! – Сара подскочила, - А я?! Меня ты в расчет не берешь? Я тоже с тобой пойду!

- Ну, ну, - Мелисса улыбнулась, - Не кипятись, Сара! Тебе не стоит идти! Это очень опасно!

- Ну, уж нет! Я пойду. И у тебя есть только один способ остановить меня – убить! – девочка гордо выпрямилась и прямо посмотрела на подругу.

- Хорошо, хорошо, сядь уже, - Мелисса потянула ее за рукав, и Сара плюхнулась рядом.

Наступило молчание. Над полем, раскинувшимся впереди, низко струился дымок от костра, и его запах нес с собой тонкую, прозрачную грусть. Красные и желтые листья на верхушках деревьев говорили о том, что уже через месяц начнутся дожди, а вместе с ними придет прохлада настоящей осени. Как быстро летит время! Мелисса вспомнила, что несколько раз, в далеком прошлом, она останавливалась здесь, у перевала, с родителями. Каким все казалось сказочным и беспечным! Не было ни духов, ни тьмы, ничего такого, - только опостылевшая школа. И каким нелепым видится ей сейчас то мрачное, жуткое здание, куда она каждый день брела, понурив голову. Даже удивительно, что там она училась, отвечала на уроках, общалась с одноклассниками. И это было частью ее жизни! Но теперь прошлое сметено сильным ураганным ветром! Вот оно, маленькое, ненужное, брошено за ненадобностью в самый дальний угол. Все изменилось, и если она выдержит выпавшее на ее долю испытание, то жизнь будет совсем другой. Долго они сидели так в полном молчании, пока звонкий голос Моники не заставил их вернуться в реальность - она звала их обедать.

- Пойдем, Мелисса, - Сара тихонько дотронулась до ее плеча.

- Пойдем, - вздохнула девочка и поднялась.

- Ты не грусти, - Сара пожала ее руку, - Осталось совсем немного, и мы разберемся с этой чертовой историей.
- А разберемся ли? – едва слышно спросила Мелисса.
Сара промолчала, и они неспешно двинулись обратно.
•А разберемся ли?• - этот вопрос тяжелым эхом повис над бескрайним полем.

Глава 46

Тем же вечером Мелисса объявила, что намерена вернуться в Файнд-Таун, ей никто не стал возражать, напротив – все до единого согласилось последовать за ней. Это вызвало в душе девочки двойственные ощущения: с одной стороны, она была счастлива, что в ее жизни есть такие преданные люди, готовые разделить с ней все беды и тяготы, но с другой стороны, она чувствовала ответственность за своих друзей. Вот, Вернанд, столько же он вынес из-за нее, да и здоровье его уже не то! А родители? Они тоже немало пострадали! И, наконец, Моника, Сара, Виктор! Какое они имеют отношение к этой мрачной истории? Уж они-то тут совсем ни при чем! Если что-то пойдет не так, то они все погибнут! Все это мучило и не давало покоя, но она понимала: друзья не оставят ее одну и все равно пойдут следом.

Небольшое облегчение принесло известие о том, что скоро здесь появится Глория со своими подругами, и, возможно, они как-то смогут помочь. Вообще, Мелисса слабо представляла себе, каким образом они войдут в город, минуя вездесущих духов. Как она проберется на эстраду и как заставит людей слушать ее? Тревога ее возрастала, и она ждала появления Вергилиана, от которого хотела получить разъяснения.

А пока жизнь в лагере протекала спокойно и размеренно. Мелисса, уединившись ото всех, дни напролет писала рассказ, расцвечивая его густыми и сочными красками, но придерживаясь только истинных фактов.

Это занятие настолько увлекало ее, что она иногда забывала о том, где находится. То она вдруг оказывалась в Олд-Тауне и воочию наблюдала преступления Альтера, то она становилась одним из жителей Файнд-Тауна, который умирает в старом парке, медленно превращаясь в страшную статую. Она пропускала весь ужас сквозь себя, и ей казалось, что душа ее выворачивается наизнанку и начинает сильно болеть.

Тогда она откладывала карандаш в сторону, слезала с бревна, на котором сидела, и ложилась на землю. Она смотрела в небо, все шире и шире раскрывая глаза, и просила у него защиты. Через какое-то мгновение мрачные мысли отпускали ее, и чья-то теплая и нежная ладонь легонько касалась ее волос. Она улыбалась, - то был незримый привет от Вергилиана.

Мелисса только теперь начинала осознавать ту ответственность, которую несет в себе данный ей талант. Она даже вообразить себе не могла, насколько это сложно, - писать, огускаясь на такую страшную глубину, вырывая из прошлого те события. Кроме того, она никак не могла понять: хорош ли ее рассказ, или – это пустышка, сущий вздор! А вдруг, она не обладает талантом? Подобными сомнениями она частенько изводила себя ночью, лежа между Сарой и Моникой, укутанная в несколько одеял. В такие минуты ей хотелось встать и пойти прогуляться по темному полю и насладиться дурманящим запахом отцветающих трав. Но встать - значит разбудить мирно спящих людей, и она, не двигаясь, смотрела на звезды, которые блеклыми пятнами просвечивались сквозь ткань палатки.

Она никому не говорила о своих мучениях и старалась казаться веселой и бодрой. Каждый вечер все собирались у костра и душевно беседовали. Мелиссе не хотелось на-

рушать эту благодатную атмосферу.

К ее радости, Сара быстро подружилась с Миртой. Пока Мелисса была занята рассказом, они уходили вместе в лес, где собирали растения. На секунду сердце девочки даже кольнула ревность, но она быстро разобралась с ней и посмеялась над своими глупыми чувствами.

Примечательными были и изменения в отношениях Виктора и Моника. Между ними так состоялся серьезный разговор. Дело было так: тетя и поэт отправились в лес набрать хвороста для костра. Обмениваясь шутками-прибаутками, они остановились около большого дуба и загляделись на его мощную, древнюю красоту.

- А помнишь, Моника, как мы с тобой прятались от грозы под огромным, раскидистым дубом?! Прятались и смеялись! До того нам было тогда хорошо! – вдруг сказал Виктор и лицо его озарилось искренней радостью.

- Помню, конечно, Викторчик! Времена тогда были, ох какие счастливые! – и она улыбнулась во весь рот.

- Да! Счастливые! – и он нахмурился. – Только вот я все испортил!

- Ой! Да будет тебе! Что сейчас-то все это вспоминать! Что было – то прошло!

- Моника, Моника, – Виктор опустил голову. – Каким же я был дураком! Я думал, что мне непременно надо уехать куда-нибудь надолго! Увидеть свет! И что в итоге? Я увидел лишь одну тьму!

- Ох, Викторчик, да будет тебе! – попыталась остановить его Моника, но Виктор был неумолим. Он поднял голову и не сводил с нее отчаянного взгляда.

- Нет, Моника, я, наконец, должен тебе все сказать! Все, что накопилось в моей душе за эти долгие годы. Я же так и не извинился перед тобой за разорванную помолвку. Мне было слишком стыдно! Слишком! Я чувствовал себя раздавленным и разбитым! А ты, ты еще выслушивала мои излияния, когда я тебе рассказывал о жестокости Ренаты. Сколько же тебе пришлось от меня вытерпеть?! Бог ты мой! Каким же я был идиотом! – он замолчал и тревожно обвел взглядом верхушки деревьев.

- Но, Виктор, – Моника задыхалась, и в ее голосе появились грубые ноты. – Зачем ты сейчас вспоминаешь все это? Зачем? – лицо ее стало серьезным, взгляд внимательным и сосредоточенным. Если бы кто-то другой сейчас увидел ее, то не узнал бы! Казалось, что сквозь веселую и легкомысленную женщину проступает совсем другая личность, запрятанная куда-то глубоко в самые недра души. – Я уже все забыла! Забыла о том страдании, которое ты причинил мне! Забыла о слезах, пролитых мною после твоего письма, где ты говорил о том, что между нами все кончено! Забыла о погребенном счастье своем! Забыла! Забыла! Забыла о той невыносимой боли, которую причинили мне твои рассказы о Ренате. Зачем ты сейчас вспоминаешь об этом? – ее голос готов был сорваться на крик, и комок, душащий комок подступал к горлу.

- Моника, Моника, послушай! – он сделал быстрое движение, чтобы обнять ее, но она выставила вперед руку и оттолкнула его жестким взглядом. – Послушай, – сказал он тихо и примирительно, – я не собирался заводить этот разговор, ей-богу, не собирался! Но теперь, когда мы стоим перед лицом смерти, когда нам всем угрожает гибель, я хотел донести до тебя то, что я чувствую!

- Перед лицом смерти? – взвизгнула Моника. – Викторчик, – произнесла она прежним своим голосом, – Ты думаешь, мы можем все умереть? Елки-палки-моталки! Улет!

Виктор удивленно посмотрел на нее и облегченно улыбнулся. Ну вот, он снова видит ее прежней.

- Моника, – он начал вкрадчиво говорить и взял ее за руку, она уже не возражала и продолжала озадаченно смотреть на него, – Конечно, мы можем умереть! Неужели, ты так

и не поняла, какая опасность нам всем грозит! Духи могут разорвать нас на части!

- Жуть какая! – вскричала Моника и, вырвав свою руку из ладони Виктора, схватилась за голову. - А я-то думала, мы в компании всяких ангелов крылатых в два счета нечисть на место поставим! Да еще и ведьмы Глории, возможно, пойдут с нами, если мы их убедим! Чего же бояться-то?!

- Духи слишком сильны, слишком, - взгляд Виктора потух, и он поморщился, будто вспомнил что-то неприятное. - Я это чувствую. То, что я видел в Фэктори, ту страшную, глетворную, разрушающую силу помножим в сотни раз и получится зло Файнд-Тауна! Нам предстоит серьезное, опасное и решительное сражение. Посмотри на Мирту, она смелая, отчаянная девушка, которая, как мне кажется, была во многих передрыгах и обладает магическими способностями, но и на нее иногда находит страх. Неужели ты не замечала, как иногда меняется ее лицо?! Какая глубокая тень ложится на него?! И какой дикий ужас появляется в ее взгляде, когда речь заходит о нашем походе на Файнд-Таун?

- Что-то я особо не обращала внимания, - она почесала затылок. - Я была так рада встречей с сестрицей и Мелиссой, что мне начало казаться – худшее позади. Но, Викторчик, зачем ты меня сейчас так сильно пугаешь? Для чего?

- Я совсем не хотел тебя пугать, - он виновато улыбнулся. - Просто собирался рассказать тебе о том, что творится в моей душе, на тот случай, если мы больше никогда не увидимся! Я понял совсем недавно, что моя привязанность к тебе основана не только на дружеских чувствах, – он уже не смущался, а прямо и открыто смотрел на нее.

- Хм! - Моника покачала головой, - Викторчик, ты хочешь, чтобы я сейчас тебе поверила? Хорошо же это получается, ты порезвился вволю, потом жил, как неприкаянный в Бриф-Косте, а теперь, спустя столько лет, выясняется, что ты снова меня любишь! Странно как-то!

- Конечно, Моника, это звучит странно! – он расправил плечи. - Но, какая разница, в конце-то концов! Ты сама сказала, что было – то прошло. К чему сейчас говорить об этом. Надо думать о настоящем. И потому, смею ли я когда-нибудь надеяться на взаимность? – голос и весь вид Виктора были уверены и тверды, как никогда. Моника удивленно воззрилась на него. Вот чудак!

- Викторчик, Викторчик, - она звонко рассмеялась, - Я скрывать не буду: мои чувства к тебе никуда не исчезли. Я уже настолько с ними свыклась, что не замечаю их вовсе. Но сейчас мне совсем не хочется думать о том, что ты подразумеваешь под словами: «надеяться на взаимность». Время все расставит по местам. Ой, до чего же вы чудной народ, поэты! – она немного помолчала и добавила: - Мне кажется, мы уже набрали достаточно хвороста.

Глава 47

В один из ветреных дней Мелисса пыталась дописать рассказ, но у нее ничего не получалось. Вот уже несколько часов она билась с финалом и никак не могла довести его до ума. Все, что она писала, казалось ей глупым, напыщенным и пафосным. Она нервно комкала листы и брала новые, но все тщетно. Она до крови искусила губы и едва сдерживала поток слез, который рвался наружу. Ей же нужно скорее закончить рассказ - до Дня Обретения осталось не так много времени. А что, если она не сможет?! А, что если из-под ее пера выйдет ничего не стоящая безделица? Противоречивые чувства раздирали ее. Скорей бы появился Вергилиан, вот он смог бы помочь ей!

Чувствуя крайнюю неудовлетворенность, Мелисса решила немного прогуляться. Как же все-таки это тяжело! Сейчас она понимала, что творчество несет в себе как небывалое счастье, так и бесконечные муки. Она снова позавидовала Саре, которая спокойно жила без всего этого. Позавидовала и сразу же устыдилась подобных мыслей. Она вспомнила те незабываемые минуты вдохновения, когда рука ее словно сама по себе заполняла пустые белые страницы, а душа летела куда-то ввысь на сильных, легких крыльях! Ох, почему же она теперь стала такой слабой? Почему пасует перед любой маломальской трудностью?! Нет, она должна дописать и допишет во что бы то ни стало! Сейчас она немного отдохнет и снова примется за дело. Может, стоит посоветоваться с Миртой?! Или с Виктором?! Нет, все же морочить им голову своими страхами было бы крайне эгоистично!

Мелисса не заметила того, что ушла на достаточное расстояние от лагеря и очутилась у подножия небольшого холма. Она поднялась на самую его вершину и стала обозревать окрестности. Здесь ветер дул сильнее, и девочка, закрыв глаза и раскинув руки в разные стороны, стала вбирать в себя его силу и неистовые порывы. Она отпускала свои сомнения и страхи, и ветер забирал их с собой, оставляя ей кристальную чистоту души, свободную от ненужных мыслей. Мелисса глубоко вдохнула воздух, он был таким чистым, прохладным и свежим, таким искренним и певучим, что ей вдруг стало весело. Она открыла глаза и увидела долину, залитую ярким солнечным светом. Все будет хорошо! Надо только верить! Сердце ее наполнилось любовью ко всему окружающему. Она прилегла на мягкую зеленую траву. По небу плыли белые рваные облака и манили ее к себе. Вергилиан, он же где-то там! Вот-вот она увидит его, одинокого, гордого, сияющего, расправляющего свои огромные крылья. Убаюканная мечтами, она стала погружаться в сладостную дремоту. Ей виделся старый замок, шпили которого тонули в вышине, вокруг него простирались зеленые зативные луга, и откуда-то издали доносился шум прибоя. Все здесь дышало спокойствием. Она остановилась на косогоре и стала вслушиваться в пленительные звуки моря. Неожиданно она увидела белый силуэт, появившейся из ниоткуда. Мелисса взгляделась внимательней и узнала Бренду. Подол ее длинного платья развевался на ветру, она источала жизненную силу, и совсем не походила на бледного призрака.

- Мелисса, здравствуй, - улыбаясь, сказала она окрепшим голосом, который теперь звучал ясно и твердо.

- Бренда! – радостно закричала девочка, - Ты так изменилась!

- Я знаю, - девушка встала напротив нее, в ее глазах уже не было прежней тоски. - Э то все, благодаря тебе, Мелисса!

- Благодаря мне?

- Да, - мягко ответила она и поправила рукой прядь густых черных волос, упавших ей на лицо. - Ты же дала мне жизнь в своем рассказе, и теперь у меня есть сила в одном из измерений.

- О! – только что и могла ответить озадаченная Мелисса.

- Не удивляйся, Мелисса! Те образы, которые мы вызываем к жизни творчеством, обретают силу в иных мирах и иногда даже влияют на ту реальность, в которой мы физически существуем.

- Даже так?! Так значит то, что я написала, все-таки имеет силу, и мне не стоит изводить себя?! – с сомнением в голосе спросила она.

- Ты же видишь результат! – она улыбнулась живо и искренне.

- Ох, Бренда! Твои слова придадут мне уверенности. Я уже окончательно затупалась в своей писанине!

- Все хорошо, Мелисса, ничего не бойся и пиши дальше. Ты дала мне силы, и теперь, когда вы войдете в город, у вас будет еще один помощник. Пусть незримо, но я буду с вами!

- Как прекрасно, Бренда! – Мелисса даже подскочила от радости. - Послушай, а как же Грей? Его я тоже описала там! Появилась ли жизнь в нем?!

- Нет, - она печально покачала головой, - Для того, чтобы освободить его, нужно написать тысячи и тысячи страниц, наполненных мощной энергией. К сожалению, Грею поможет только одно – падение Файнд-Тауна! Слишком много он причинил зла. Но не будем сейчас о грустном, Мелисса. Я не просто так позвала тебя сюда. У меня есть вести от Вергилиана.

- Вергилиана? Ты знакома с ним? – не переставала удивляться девочка.

- Конечно! Он давно помогает мне. Если бы ни он, я не знаю, чтобы со мной было. Он помог мне распутать лабиринты миров, помог даже в серой пустоте обрести веру, вдохнул в меня надежду. Благодаря ему, я смогла смириться со своим состоянием. Он сейчас пока не может присоединиться к вам, но скоро будет на земле. Вергилиан велел мне передать, чтобы ты была стойкой и продолжала писать, несмотря на все свои страхи и сомнения!

- Спасибо тебе, Бренда! Спасибо! – и девочка, недолго думая, обняла ее. Это объятие было живым и настоящим, а не призрачным и эфемерным. Девушка излучала тепло и свет. В голове Мелиссы промелькнула мысль: читая тогда, летом ее дневник, она бы ни за что не поверила, если бы ей сказали, что она будет обнимать ее, как живого, дышащего человека.

Глава 48

Тем временем, в лагере готовились к обеду. Все привыкли, что Мелисса подолгу засиживается в своем укромном месте, потому не решались отвлекать ее, и всегда терпеливо ждали, когда она вернется обратно.

Хильда и Вернад чистили картошку, в то время, как все остальные сутились около костра. Старый лесничий был очень задумчив и отрешен. Прежняя радость, которая охватила его в первые дни пребывания в лагере, исчезла. Хильда со свойственной ей проницательностью уже давно заметила, что друга одолевают какие-то тяжелые мысли. Сейчас, когда они остались наедине, она решила разгадать, что же такое с ним творится.

- Вернад, - прямо без обиняков начала она. - Скажи мне, что с тобой происходит? Ты сам не свой.

Лесничий вздрогнул и поднял на нее глаза. Морщины на его лице, казалось, стали еще глубже. Он тяжело вздохнул и с горечью произнес:

- Хильда, меня преследуют мысли о Беатрис!

- О Беатрис? – удивленно переспросила она.

- Да, - неуверенно продолжил он. - Именно о ней. Я порядком подзабыл ее, но, признаюсь, иногда рана, нанесенная ей, давала о себе знать, но очень редко. И вот, когда Беатрис, рискуя жизнью, помогла мне, все во мне всколыхнулось. Воспоминания, затаившиеся глубоко в душе, прорвались наружу. Как будто я попал в прошлое, в котором Беатрис снова стала моей близкой подругой! Теперь я боюсь за нее! Вдруг этот подлец Рэвел расправится с ней? Я просто места себе не нахожу! – он швырнул картофелину в мешок, - Понимаешь, Хильда? Каждое утро мне хочется сорваться в Файнд-Таун, чтобы увести ее из этого проклятого места! - гнев преобразил его лицо. Теперь оно показалось

Хильде молодым и полным жизни.

- Но, Вернанд, - она осторожно погладила его по руке. - Ты ведь понимаешь, что Беатрис действовала осторожно, и я уверена, Рэвел ни о чем не догадывается!

- Может он-то и не догадывается, - хмыкнул лесничий и нервно провел грязной рукой по лицу, оставив на щеке черный след. - Но они-то! Они-то могут понять!

- Зачем думать о плохом? - ласково и убедительно ответила Хильда, и в ее глазах зажегся теплый согревающий огонек. - Вернанд, подумай хорошенько! Как только ты выступишь в пределы Файнд-Тауна, духи тут же обнаружат тебя и сразу схватят!

- Я все понимаю, Хильда! - упавшим голосом произнес он. - Но я не могу сидеть, сложа руки! Не могу! Эти мысли просто убивают меня!

- Не отчаивайся, Вернанд, не надо! В конце концов, даже если они и пронюхают что-то, то избавляться от нее до Дня Обретения не будут! На церемонии должна присутствовать жена мэра. Это незыблемое условие, старый ритуал, а они не любят нарушать правила. Если что - спасешь ее после Дня Обретения, - улыбнулась Хильда.

- Хм, если мы сами еще выживем, - мрачно буркнул он.

- Ну, ну, Вернанд! Давненько я не видела тебя таким! Ты сейчас рассуждаешь, как полный эгоист, и совсем не думаешь о Беатрис! Ты должен радоваться тому, что она прозрела! После стольких лет, проведенных во лжи, она прозрела! Это удивительно! Значит, Беатрис заслужила спасение своей души! Если, не дай Бог, с ней что-нибудь случится, то она все равно будет спасена! А ты, я вижу, попросту хочешь выглядеть героем в ее глазах! Радуйся уже тому, что она выбралась из этой грязи!

- Да, - слабо улыбнулся он, - Милая Хильда, ты права! Я, видимо, просто старый, эгоистичный дурак!

- Не такой уж ты и старый, Вернанд!

- Но дурак, да? - и в его глазах появились лукавые огоньки. - Ты это хотела сказать?

- Будет тебе, - рассмеялась Хильда. - Я же не Моника, чтобы сыпать остроумиями! А вот и Мелисса наша идет! Бедная моя девочка! Она так изменилась за это время! - женщина вздохнула. - Стала такой серьезной и часто печалится, я же вижу.

- Сейчас она выглядит вполне довольной, - заметил он.

- Ох, Вернанд, Вернанд, - покачала головой Хильда, - Нелегкая ей выпала доля. Вот смотрю я на нее, и сердце на части разывается! Я, конечно, рада, что именно она избранная, но часто думаю: лучше бы моя дочь была такой же простой, как Сара.

- Ну, уж Сара-то не такая простая, - рассмеялся Вернанд. - Не голничься, Хильда, Мелисса справится. Она умная девочка. Да посмотри, сколько хороших людей ее окружает. Она не одна и это бесценно!

- Мне просто страшно, - глаза Хильды потемнели, - Страшно, что если мы проиграем, то они будут долго издеваться над ней, прежде чем отправить в небытие. Ты же знаешь, на что они способны, - и лицо женщины перекосилось от ужаса.

- Хильда, - твердо сказал Вернанд. - Не далее, как пять минут назад, ты сама уверяла меня, что надо думать только о хорошем. А теперь вот такие слова говоришь! Мы вместе уже многое преодолели, преодолеем и День Обретения, и ничто нам не помешает!

- Я смотрю, много вы тут начислили! - раздался властный окрик Моника, она оклнула их подозрительным взглядом. - Все беседуете! Поди, о вечном? Вот заразы! Котик бедный вернулся уже, есть хочет, а вы тут баклуши бьете! А ну-ка вперед! Вперед за дело! Сестрица, не отвлекайся!

Все трое рассмеялись. Что ни говори, а Моника может поднять настроение.

Между тем время шло, Мелисса дописала рассказ, а Вергилиан все не появлялся. Да и дни становились короче и холодней. Тревога охватила весь лагерь. И даже Моника и та поникла. Она все ждала Глорию с подругами, но и они не приходили.

Мирта чаще прежнего уходила одна в лес. Бывало, что и на целый день. Иногда она брала с собой бумагу и карандаши и возвращалась хмурая, молчаливая и сосредоточенная. Виктор и Вернанд часами посиживали у костра и наблюдали за тем, как одинокий белый дымок тоненькой струйкой уносился в небо.

Артур и Хильда спали сутки напролет. Возбуждение от встречи с Мелиссой уже прошло, и усталость, накопленная ими за время их продолжительной болезни, дала о себе знать.

Мелиссу же обуревали скверные предчувствия: ни от Вергилиана, ни от Беатрис вестей не было. Да и Мирта, хмурясь, как-то раз обронила, что давно уже не может с ним связаться. Что же делать, если он не придет?! Неужели им придется отправляться в путь без него?! Вот уж точно будет полный провал! Их схватят еще на подступах к городу. Она спросила у Мирты, справятся ли они без Вергилиана, но та лишь пожала плечами и отвернулась.

Сара всячески пыталась отвлечь Мелиссу от грустных мыслей. Но у нее не очень-то получалось. Тяжкое оцепенение, которое овладело всеми, передалось и ей. Все это время она совершенно не задумывалась о той опасности, которая им угрожает, скорее, воспринимала происходящее, как очередное приключение. Но сейчас страх поселился и в ее душе. Сара вспомнила весь ужас, который она испытала на пороге дома Грея. А она-то изначально ничего не боялась, наоборот, подбивала Мелиссу идти туда, и вот, как только столкнулась лицом к лицу с опасностью, сразу же захотела сбежать. Воспоминания эти сильно задевали самолюбие и гордость девочки, и она мысленно благодарила Мелиссу за то, что та ни разу не напомнила ей об этом. И, слава Богу, ничего не рассказала Билли. Как бы он тогда стал потешаться над ней! Страшно представить! Билли! Ах, Билли! Радостные воспоминания нахлынули на нее. Был бы он тут сейчас! Она бы тогда немного развлеклась: вызвала его бой или запугала бы страшными историями о Файнд-Тауне! Вот ведь невезуха – в сердцах думала Сара. Все вокруг ходят, как призраки, и ты сама такой же становишься. С тех пор, как Мелисса закончила свой рассказ, она стала совсем сумрачной, и никакой беседой ее не займешь! А вообще, Сара никак не могла взять в толк, каким это чудесным образом, с помощью рассказа Мелисса сможет справиться с нечистью?! Ей иногда казалось, что Мирта и хваленый Вергилиан просто-напросто блефуют! Ну как?! Как, скажите на милость, кусочки бумаги смогут победить злобных существ?! Она задавала этот вопрос всем подряд, но слышала в ответ нечто неудобоваримое о силе, энергии и воплощении. По словам той же Мирты, можно спастись от зла любым истинным творчеством! Как-то так она говорила! Что же получается, что она, Сара, вообще ни на что не годна?! Такие вопросы задавала она себе, но тут же отметала, не находя ответа, и в душе посмеивалась над Миртой. Ага, творчеством можно победить зло! Конечно, конечно! Что-то Мирта не победила его своей мазней! Вообще, странная эта Мирта! Вроде бы улыбается, шутит, такая веселая, открывая, а иной раз посмотришь на нее, и кровь в жилах стынет! Такой у нее бывает отрешенный, мрачный и серьезный вид, что, кажется, вот-вот превратится в волка, помчится в Файнд-Таун и икусает там всех! Ох, если бы год назад Мелисса сказала Саре, что они попадут в столь странную компанию, то она бы ни за что не поверила! Ну, вы только представьте себе, она, Сара, гроза всех мальчишек квартала Силвер, хватающая одни двойки, вечно

получающая нагоняй от матери, она попала в общество опального поэта, сумасшедшей художницы, уставшего от жизни лесничего, да еще и ангела, который вскоре присоединится к ним. Улет! – как бы сказала тетя Моника!

Естественно, подобные мысли приходили к Саре исключительно из чувства противоречия. Когда она беседовала с Миртой и слышала ее красивый, спокойный голос, она бы ни за что на свете, не стала называть ее картины мазней! Просто не совсем понимала она все эти разговоры, и как только оставалась одна, вышеописанные крамольные мысли снова и снова лезли ей в голову. Так было и в этот день. После того, как Мелисса выказала ей откровенное безразличие, (прослушав половину истории о том, как она подложила огромную кнопку на стол классной даме, а та, решив, что это проделки Билли, оттаскала его за волосы), Сара, уязвленная подобным равнодушием со стороны подруги, отправилась прогуляться. Она быстро шла и, размахивая палкой, в сердцах была по стебелькам пожухлой травы и сметала с лица земли осенние цветы, не забывая громко бубнить себе под нос: «Ох уж эти творцы, нагнали тут жути. А ты должна сидеть с кислой миной и внимать их мрачным рассуждениям! Даже посмеяться не могут! Ну что за люди!».

Неожиданно из-за поворота показался высокий мужчина. Сара так и замерла. Незнакомец был очень странно одет. Согласитесь, удивительно встретить посреди полей и лесов человека, наряженного в черный элегантный костюм. Сара внимательней вгляделась в него, и догадка ослепительной молнией блеснула в ее сознании: так это же Вергилиан! Вон ты какой, оказывается, голубчик! Хоть девочка и отрицала в себе всяческую поэтичность, но выражение лица Вергилиана поразило ее. Нет, не с нашей он планеты! Не с нашей! Саре даже показалось, что она видит тихое свечение, исходящее от его тела. Того и гляди, возьмет и улетит ввысь, расправив крылья. А, кстати, где же его крылья?! Но не успела она, как следует, поразмыслить над этим, как он уже стоял напротив нее и улыбался. Девочка смутилась, чего с ней, отродясь, не бывало.

- Добрый день, Сара, - вымолвил он, неспешно растягивая слова. Голос его был насквозь пропитан теплым летним бризом.

- Добрый день Вергилиан! Я гляжу, вы знаете, как меня зовут! – она подбоченилась и постаралась придать лицу дерзкое выражение.

- Знаю, Сара, знаю, - нараспев произнес он. - Вы меня уже, наверное, заждались?! – и взгляд его внимательных глаз остановился на ней. Она вздохнула и поняла, что рисовать перед ним глупо и бессмысленно. Он видит ее насквозь.

- Заждались, Вергилиан! А Мелисса особенно! Она прямо места себе не находит, - мягко ответила девочка и почувствовала, как былое спокойствие возвращается к ней. Да, не зря ее друзья так ждали его возвращения. И она, сама не зная, зачем спросила:

- А где же ваши крылья?

Вергилиан развел руками и с сожалением ответил:

- Увы, Сара, на земле, мы не можем их носить. Только там! – он показал пальцем на небо.

- А жаль, - разочарованно протянула она. - Хотелось бы посмотреть на них!

- Может быть, когда-нибудь ты сама станешь счастливым их обладателем, - спокойно ответил он.

Сара открыла рот от удивления, а Вергилиан неспешно пошел в сторону лагеря. Она поплелась следом за ним! Что он имел в виду?! Да не важно! Главное, что он, наконец-таки, пришел!

Действительно, его появление развеяло тягостную атмосферу. Вергилиан смог рассеять все тревоги и сомнения. Ему удалось поговорить с каждым наедине и вселить в души надежду и уверенность.

Мечта Мелиссы тоже сбылась, наконец, она поговорила с ним о том, что так сильно мучило ее и делало утрюмой и задумчивой.

- Вергилиан, я так боюсь за своих близких! Мне кажется, из-за меня они могут погибнуть! Ты же знаешь, что они идут за мной в Файнд-Таун? Может быть, стоит их остановить? - это было первое, что спросила она, когда они остались наедине.

- Мелисса, - он задумчиво посмотрел на небо, словно ища в нем ответа на вопрос, - Знаешь, твои друзья и родители, они - часть тебя. Они настоящие, созвучные тебе люди. И они не могут не разделить с тобой твою судьбу. Если бы Саре выпало подобное испытание, разве бы ты не пошла с ней? Конечно - пошла! А если бы оставила ее на попечение других людей, то потом места бы себе не находила. Ведь так?

- Да я бы никогда ее не оставила! - вскричала Мелисса.

- Вот видишь! Те, кто действительно близок тебе, тот разделит с тобой все: и радость, и горе. Он будет неотступно следовать за тобой, ибо является твоей неоспоримой частью. Когда люди говорят друг с другом на языке души, они уже неотделимы друг от друга. Их связывает тонкая, но крепкая нить. Куда - один, туда и другой, - тихо ответил Вергилиан и снова задумчиво посмотрел на небо. - Ты же знакома с Брендой? Ты знаешь, сколько страданий она претерпевает из-за Грея? - девочка утвердительно кивнула, а он продолжил: - Представь себе, вот уже целое столетие она прикована к нему и пребывает в одном из, скажем так, не слишком приятных для существования измерений. А недавно, недавно она совершила воистину благородное отречение! Она отреклась от того, что заслужила! А заслужила она крылья! Достаточно было одного ее желания, и она бы перенеслась в тот мир, где нет столько страданий, где есть высшая, прекрасная цель, и где благодать очень часто нисходит на тебя. Но! - он замолчал, и в его взгляде появилась едва уловимая печаль, - Но она выбрала другое. Она посчитала, что не может оставить Грея одного! Теперь ее свобода снова зависит от того, какая участь ждет его! - Ничего себе! - воскликнула Мелисса.

- Видишь, как поступают люди, которые связаны одной крепкой нитью. Ради спасения близкого им существа они готовы пожертвовать многим! Так же и твои друзья! И не мучай себя, Мелисса! Не мучай! Тебя окружает любовь, настоящая, бесценная, искренняя, и она, эта любовь - самое грозное оружие против тьмы, которая нас всех окружает, - он вздохнул и улыбнулся. - Ты поймешь это со временем!

- Я уже понимаю, - едва слышно ответила Мелисса, и образ Бренды встал перед ее глазами. Живой и сильный, как тогда, когда они встречались в последний раз и беседовали о ее рассказе. О рассказе! Мелисса встрепенулась и спросила: - Вергилиан, а что с моим рассказом? Скажи, он имеет силу? Ты же так и не прочитал его!

- Он имеет силу, и я давно уже его прочел, там, в другом измерении! - он легонько провел рукой по ее волосам. Мелисса облегченно вздохнула, на секунду ей показалось, что она попала в узкую галерею старого замка, стены которой заливают солнечный свет, попадающий внутрь через большое окно.

В скором времени Мелисса совсем упокоилась, потому что объявилась Глория и привела с собой десять колдуний.

- Вот мы и снова встретились, Мелисса, - Глория заговорщически подмигнула ей, когда они пошли вдвоем гулять по полю.

- Я вас ждала, - ответила Мелисса и пристально всмотрелась в колдунью. Что-то в ее внешности изменилось, и она никак не могла понять, что именно. Волосы! – наконец, догадалась она! Прическа Глории теперь напоминала иглы дикобраза: черные кудри сбились в невообразимые колтуны. Колдунья перехватила ее взгляд и, слегка покраснев, пояснила:

- Ох, Мелисса, пока мы тут боролись с ураганом, я совсем забыла о том, что нужно расчесывать волосы. Вот так беда! – она вздохнула. - Выберемся из Файнд-Тауна, и я остригу их к чертям!

- Выберемся из Файнд-Тауна? – Мелисса не поверила своим ушам, - Но тетя говорила, что вам нельзя там появляться! Неужели вы решили пойти с нами?

- А для чего, по-твоему, я привела своих подруг? – Глория усмехнулась, радуясь тому, что девочка пропустила мимо ушей ее откровенные признания по поводу новой прически. – Вергилиан, конечно, сможет выставить защиту и какое-то время духи не будут вас чувствовать, но вдруг понадобится его помощь в другом вопросе, а где он возьмет сил, если уже все потратит?! Да и, кроме того, не зря же я встретила тебя в начале лета. Мы расценили это как знак к действию!

- Спасибо! – прошептала она, заворочено глядя на закатное небо, - Я сейчас вспомнила нашу первую встречу, вы говорили мне, что когда-нибудь я пойму, какую силу несет в себе творческий дар. И знаете, прошло совсем немного времени, но я уже начинаю кое-что понимать!

- Хм, - Глория достала маленькую трубку и сосредоточенно задымила, - Я так говорила, да? – она хрипло рассмеялась и добавила: - Я люблю мудрствовать, моя дорогая девочка! А вон твоя Мирта идет, гляди! – она показала пальцем на маленькую фигурку, которая приближалась к ним. - Эта шельма - сильная колдунья! Не такая, как мы! Нет! К ее магии примешана небесная сила! Это многого стоит, многого! Тебе надо будет перенять ее опыт!

- Зачем? – Мелисса вскинула на Глорию изумленные глаза.

- Я только что выдала очередную мудрость, моя дорогая, - и она снова зашлась своим хрипатым смехом.

Тем временем Мирта нагнала их и позвала обратно в лагерь, чтобы, как можно скорее начать совет. В течение двух часов они обсуждали план похода на Файнд-Таун. Решено было, что Вергилиан, используя свои способности перемещаться по мирам, раздобудет те самые ритуальные белые одежды. Благо, одеяние имеет капюшон, что весьма удачно вписывалось в их намерения.

Облачившись в эти наряды и спрятав лица под глубокими капюшонами, они войдут в город. Колдуньи и Мирта будут использовать всю свою силу, чтобы духи не почувствовали их. Остальные будут следить за происходящим, чтобы в случае чего всеми силами помочь Мелиссе.

Когда было назначено время отъезда, в лагере началось какое-то лихорадочное веселье. Подружки Глории беспрестанно шутили и балагурили, рассказывая всякого рода истории, Моника, конечно, стремилась не отставать от них. Виктор, попивая ром, принесенный Глорией, без усталости рассказывал о своих приключениях в дальних странах. Сара тоже разошлась и в компании подруг Глории чувствовала себя, как рыба в воде. Она бесконечно травила байки, повествующие о ее шалостях и проказах, и то и дело задавала веселым дамам вопросы о магии и колдовстве. Они же настолько прониклись ее объяснением, что твердо решили взять Сару к себе на обучение.

Даже Мирта повеселела. Она по достоинству оценила ром и делилась с колдуньями своими познаниями в магии.

А что касается Вергилиана и Мелиссы, то они сидели в сторонке и с одобрительной улыбкой следили за происходящим.

Глава 5.1

В День Обретения, молчаливые путники достигли пределов Файнд-Тауна. Лошадей они оставили на подъезде к городу, а сами облачились в белые одежды. Утро выдалось прохладным, несмотря на яркое солнце. Мелисса дрожала и сжимала в руках свою тетрадь, исписанную неровным почерком. Друзья по очереди подошли к ней и крепко обняли.

Никто не произнес ни слова. Как только они вошли в город, то сразу же почувствовали незримое сопротивление: воздух словно выталкивал их.

Друзья надвинули капюшоны пониже и, разбившись по парам, неспешно пошли вдоль улиц. Через какое-то время они увидели других горожан, которые медленным и торжественным шагом направлялись к площади. Никто не обратил на них особого внимания.

Сердце Мелиссы отчаянно билось. Она ощущала себя вором, прокравшимся в чужой дом, призраком, украдкой заглянувшим на торжество живых. А между тем она шагала по улицам своего родного города и принимала участие в обряде, который был ей до боли знаком.

Она шла рядом с Миртой, кожей ощущая волнение, исходящее от нее, и была уверена, что пальцы ее, спрятанные под длинными рукавами, предательски дрожат. Сзади слышались уверенные плаги отца и матери. Они словно поддерживали дочь невидимыми руками. По правую сторону брели Виктор и Моника, краем глаза Мелисса заметила, что губы поэта медленно шевелятся. Быть может, он читает стихотворение, которое действует на него, как заклинание?

Слева двигались Сара и Вернанд, и Мелисса знала наверняка, что подруга со всей силы сжимает кинжал, спрятанный под белым одеянием. Остальные же были вне ее видимости.

Они достигли площади, куда стекались неспешные людские потоки. Все вокруг было белым-бело, как будто выпал первый зимний снег. Друзья пробрались в первый ряд и остановились. Вергилиан отделился от толпы и незаметно пошел в сторону эстрады, видимо, он дал какой-то тайный знак Мирте, и та подтолкнула девочку в том же направлении. Мелисса пошла следом за Вергилианом. Она оторвалась от товарищей и оказалась совсем одна среди чужих, хранящих молчание людей. Она одна посреди темного моря, которое в любой момент может заштормить и стереть ее с лица земли. Тетрадь, которую она сжимала в руке, нестерпимо обжигала ладонь.

Вергилиан стоял за эстрадой, поблизости никого не было, он подал ей знак: «Быстрее» и открыл дверцу, ведущую под сцену. Как только Мелисса вошла внутрь, он в тот же миг повернул за угол и спрятался под внешней лестницей, именно по ней с минуты на минуту должен пройти Рэвел. Их план предполагал следующее: когда на сцене появится мэр, Мелисса выберется вверх через внутренний люк. Туда же поспешит Вергилиан и толкнет Рэвела вниз, а девочка тем временем начнет читать. Как только она произнесет первое слово, Вергилиан начнет действовать. Он проявит свою силу, и она, слившись с той, что будет исходить от рассказа, даст не только мощь разрушения, но и защиту от изъярившихся духов.

Действовать нужно было очень быстро, ибо ведьмы не могли долго охранять их – в любой момент их магическая энергия могла иссякнуть, и тогда – все пропало!

Дверь за Мелиссой с грохотом закрылась, и она очутилась в полутемном маленьком

помещении, в конце которого увидела лесенку, ведущую вверх. Она сделала несколько шагов вперед и прислушалась. С улицы доносился топот ног – людей было много! Это Рэвел со своей свитой! – догадалась она. Сердце отчаянно заколотилось, а руки охватила дрожь.

Вдруг она услышала странные шорохи, чуть не вскрикнула, но сдержалась, – из темного угла вышла мадам Стефания. Мелисса обомлела. Она никогда не видела директрису такой! Ее лицо было хитрым, злым и кровожадным. Мелисса в ужасе прижалась к перилам лестницы.

- Так, так, кто тут у нас?! – прошипела мадам Стефания противным, режущим слух голосом. - Пропавшая опальная ученица Мелисса! Собственной персоной! Прекрасный улов для школы! Прекрасный!

- Мадам Стефания, - пролепетала девочка. - Что вы тут делаете?

- Ха-ха-ха, - она громко рассмеялась и сплюнула на пол. - То же, что и ты, моя дорогая. Я пришла расставить все точки над «и»! Значит ты такая смелая, да? Ты и твои смелые дружки-подельники! Решили вернуться сюда в День Обретения! Подумали, что ведьмами своими обманете нас! Меня! Не тут-то было, моя милая козочка. Жить тебе и твоим друзьям осталось еще пару минут! Как только Рэвел взойдет на сцену, я уничтожу тебя самым изысканным образом, и твой крылатый дружок уже ничем не поможет ни тебе, ни себе.

- Я ничего не понимаю! – просипела Мелисса.

- Не понимаешь? – она подняла руки вверх и затрясла головой. - Сейчас! Сейчас! Я покажу! – из тела мадам Стефании начали появляться черные щупальца. - Смотри! – ее голос лишился человеческого звучания, - Смотри, я – вождь! Именно так вы, тупые людишки, называете меня! Я – концентрация нас! Концентрация нас всех! Я выбрал прекрасное место, чтобы наблюдать за вашим жалким племенем с самого начала его взросления! Да, да я триста лет исполняю обязанности директора школы! Каждый раз, когда мое физическое тело собиралось умирать, я подседался к другому и полностью завладевал им! Понимаешь?! Понимаешь?! Мой план был идеален! Я помогал тебе, знаешь для чего?! Для того, чтобы видеть, как работают другие! Для того, чтобы видеть, кого оставить в живых после Дня Обретения. И я понял: Грегория станет мэром, а Рэвел вместе со своим семейством отправиться к праотцам!

Неожиданно, из руки мадам Стефании вылезло длинное щупальце и потянулось прямо к горлу Мелиссы. Девочка застыла, не в силах пошевелиться. Она закрыла глаза и мысленно попрощалась со всеми, кого любила. Внезапно послышался отчетливый звук падения. Она открыла глаза и увидела, что тело мадам Стефании распласталось на полу, а ее черные щупальца слепо шуршат по доскам. Мелисса подняла глаза чуть выше и ахнула. Она увидела Каролину, в руке ее был зажат тяжелый железный прут.

- Каролина, ты? – закричала Мелисса.

Лицо одноклассницы изменилось до неузнаваемости, ничего прежнего в нем не осталось. Сейчас в ее глазах отражался только дикий страх и никакого самодовольства.

- Я ударила ее по голове. Мелисса! Скорее делай то, что тебе нужно сделать. Освободи нас от них. Освободи!

Мелисса, не успев оправиться от удивления, как услышала над головой шаги Рэвела. Она поднялась на одну ступеньку и увидела, что Стефания уже встала на ноги, а черное щупальце молнией ударило по телу Каролины. Мелисса оцепенела от ужаса. В дверном проеме показался Вергилиан, который метнул в мадам Стефанию яркий луч света и заржал во весь голос:

- Скорее!!!

Девочка, спотыкаясь, поднялась наверх, и, подняв деревянный люк, выбралась на сцену. Белая толпа, благоговейно взиравшая на Рэвела, ахнула. Лицо мэра исказилось от злости, он грубо выкрикнул:

- Что тебе нужно?!

Мелисса застыла, как вкопанная. Толпа продолжала хранить удивленное молчание. Но тут появился Вергилиан и столкнул Рэвела вниз. Он упал на землю, попытался встать, но два человека, стоящих в первом ряду, скрутили его.

Девочка, не теряя ни секунды, начала читать. Вергилиан раскинул руки в разные стороны, и из его ладоней вырвалось ослепительное сияние.

Мелисса с трудом произносила слова, а сияние все росло и росло. Она уже не видела толпу перед собой. Откуда-то сзади стала напирать огромная черная туча, от которой несло гнилью. Туча металась, взвивалась, и, ударяясь о сияние, отскакивала назад. Голос Мелиссы окреп. С каждым новым словом она обретала уверенность, а сияние разрасталось все больше и больше. Мелисса чувствовала каждую свою фразу, вкладывала в нее все свое страдание, всю горечь и все отчаянье.

Отовсюду стали раздаваться крики, ужасные, душераздирающие. Пол под ее ногами затрясся с такой силой, что она чудом удержалась на ногах. Но она продолжала говорить и понимала, что остановиться уже не сможет. Черные сгустки материи начали отпочковываться от тучи и разрываться в воздухе, оставляя в нем рваные трещины. Вокруг свирепствовало разрушение, но она не замечала ничего.

С удивлением Мелисса обнаружила, что дошла до последней строчки, и как только прочла ее, то почувствовала, что теряет сознание и провалилась в глубокое забытие.

Едкий темный туман жег глаза, она попыталась сделать несколько шагов в этом непонятном пространстве, но не смогла. Где она?! Под ногами будто бы земля, но какая-то слишком мягкая, и ступни вязнуть в ней. Здесь так тихо: ни ветерка, ни шороха, а воздух отравлен горечью. Она закашлялась и начала задыхаться.

Неподалеку зажегся красный огонек. Зловещий и кровавый. Он приближался к ней. Сквозь него стал проступать силуэт мадам Стефании. Ее лицо, как и прежде, было искажено злобой.

- Ты думаешь, от меня так легко отделаться?! – прошипела она. - Я еще жива. Жива, как видишь! Твой крылатый дружок не смог добить меня. Куда ему до моей силы! Он сейчас сюда не сможет проникнуть. Бедняжка, растратил всего себя на сцене. Какая жалость!

Мелисса в ужасе попятилась.

- Ты боишься? Боишься! Я вижу! – в глазах чудовища зажглось торжество. - Я, надеюсь, ты сейчас умрешь от страха, - и темное щупальце снова потянулось к ее шее.

- Убирайся прочь! – раздался громкий крик, и за спиной мадам Стефании вспыхнуло яркое свечение. - У тебя уже не осталось никакой силы! И не пытайся запугать ее. Ты – ничтожно!

Мадам Стефания зашипела, скрючилась и растворилась во тьме, бросив на Мелиссу последний ненавидящий взгляд.

Мелисса почувствовала, что ее взяли за руку. То была теплая, любящая ладонь.

- Пойдем, скорее отсюда, - снова услышала она тот же голос и поняла, что он принадлежит Бренде. Девочка вздохнула с облегчением, и сердце ее перестало так быстро биться.

Мелисса понимала, что сейчас они перемещаются через какие-то пространства: перед глазами мелькали картинки, детали которых невозможно было разобрать, и, вот, они очутились на берегу моря.

Девочка с трудом узнала Бриф-Кост, он сейчас был несколько другим. Голова закру-

жились, и она едва не потеряла равновесие, но Бренда схватила ее под руку.
- Давай присядем, - она осторожно помогла ей сесть на большой камень, одиноко стоящий у самой воды.

- Что происходит, Бренда? – с трудом выдавила из себя Мелисса. - Я же была на сцене. Читала. Где я сейчас? И почему мадам Стефания жива?

- Ты потеряла сознание Мелисса, а то существо, которое осталось от вождя, призвало остатки своих сил и затащило тебя в одно из измерений. Но оно уже совсем не опасно. Видишь, я смогла изгнать его одним своим появлением. Больше эта тварь тебя не тронет, - Бренда стояла рядом, и ее темные волосы красиво развеивались по ветру.

- Не могу до сих пор поверить, что мадам Стефания – вождь. Какой кошмар, - испуганно прошептала Мелисса и уставилась на море. Волны набегали одна на другую, и соленый воздух кружил голову. – Бренда, а что ты тут делаешь? Почему ты не освободилась? Почему ты не с Греем? И почему Бриф-Кост такой странный?

- Мы попали с тобой, Мелисса в Бриф-Кост моего времени, - она улыбнулась открыто и искренне, и в этой улыбке читалась неподдельная радость. - Именно тогда была поставлена поворотная точка. Именно здесь я должна встретиться с освобожденным Греем. Все должно возвращаться на круги своя! А вот и Грей, посмотри!

Мелисса повернула голову в ту сторону, куда указывала Бренда и невольно вздрогнула. По берегу шел человек. Одежда его была изодрана в клочья, черные волосы - спутаны, но лицо, его лицо сияло жадной, дикой радостью. Казалось, он был опьянен свободой. Как трудно узнать в этих преображенных чертах того самодовольного Грея, таящего зло в темных глазах. Тот, чье изображение она видела на портрете, походил на этого лишь упрямыми волевым подбородком и небольшим прямым носом.

Грей увидел их и застыл на месте.

- Я свободен! - воскликнул он, и крик его донесся до них сквозь ветер.

Бренда тихонько пожала руку Мелиссы и, прошептав: «Спасибо», крепко поцеловала ее в лоб и пошла навстречу Грею. Через несколько секунд они оба исчезли в налетевшем на них облачке тумана. Мелисса облегченно вздохнула, закрыла глаза и крепко уснула под шепот и шорох волн.

Глава 52

Мелисса с большим трудом открыла глаза и обнаружила себя в кровати. Комната, где она лежала показалась ей знакомой. Это же комната Мирты в Файнд-Тауне! В Файнд-Тауне! Мелисса вскрикнула и подскочила. Голова раскалывалась на части. Стремительным вихрем на нее налетели воспоминания. Она попыталась встать с кровати, но упала обратно.

За дверью послышались быстрые шаги, и вошла Хильда с кружкой в руке.

- Мама! – закричала Мелисса и разрыдалась. Хильда кинулась к ней. Поставила чашку на столик возле кровати, а затем нежно обняла дочь.

- Девочка моя, успокойся! Все позади! – она гладила ее по волосам и вытирала слезы с лица. - Выпей, милая, выпей. Это быстро тебя поставит на ноги.

Мелисса послушно взяла чашку. С каждым глотком она ощущала, что железный обруч боли, сжимающий голову, постепенно становится слабее.

- Мама, мамочка, - Мелисса все еще всхлипывала. - Где все остальные? Все живы, скажи? Что произошло после того, как я потеряла сознание? Скажи, скажи! Мадам Стефания все равно преследовала меня, но Бренда спасла! Неужели я не смогла освободить

город?!

- Девочка моя! – Хильда прижала ее к груди. - Не волнуйся. Все хорошо. Все живы и здоровы. Ты за былась на целые сутки. Мы уже начали беспокоиться!

- Мамочка, ну расскажи мне, что же произошло после того, как я прочитала рассказ? Как он подействовал на собравшихся? – не унималась Мелисса.

- Ох, - Хильда вздохнула. - Раз ты так хочешь все узнать именно сейчас, то я расскажу тебе. Во время того, как ты читала, духи претерпевали страшную, мучительную агонию, и когда твой рассказ окончился, они умерли. Исчезли. Растворились. А люди! Люди! Ты бы видела, что они вытворяли! Поднялся страшный гвалт, шум, гам, никто ничего не понимал. Власть над умами была отобрана в считанные секунды. Одни орали, что их всю жизнь обманывали, другие кричали, что им и с духами было хорошо, третьи – рыдали и рвали на себе волосы! Кошмар какой-то творился. Но мы подняли тебя и отнесли сюда. Вот и вся история, Мелисса.

- А что сейчас происходит в городе? - Мелисса сразу же оживилась, и интерес разгорелся в ней с новой силой.

- Сейчас творится полнейший бедлам. Люди носятся по улицам, как сумасшедшие, за сегодняшним днем они уже раз десять собирались на площади, чтобы выбрать нового мэра. Рэвел, Дарен и Франческа сбежали в неизвестном направлении, - вздохнула Хильда.

- А Беатрис? А Каролина? Представляешь, мамочка, она спасла нас! Не знаю, что на нее нашло! Но благодаря ей, мы все спасены! Она ударила по голове мадам Стефанию! Ужас! Мадам Стефания – ведьма! – выпалила она на одном дыхании и заметила, что лицо матери напряглось.

- С Беатрис все в порядке, Мелисса, она осталась здесь, и уже успела помириться с нашим лесничим. Они оба поедут с нами в Бриф-Кост, как только ты поправишься.

- Как здорово! – воскликнула Мелисса. - Ну а Каролина, мама?! Ты ничего про нее не сказала.

Хильда прикусила губу и нервно стала теревить кусочек простыни.

- Мелисса, - осторожно начала она. - Каролина серьезно заболела.

- Как? – вскричала Мелисса, - Но с ней же все в порядке будет? Да? Она поправится? Чем она заболела? Скажи!

Хильда нежно взяла руку дочки в свою и вкрадчивым голосом произнесла:

- Мадам Стефания до прихода Вергилиана нанесла ей удар. И...- она не успела договорить, как Мелисса вскочила на ноги. В памяти вспыхнуло яркое видение: черное щупальце вцепилось в ногу Каролины.

- О господи! Где она? Я хочу ее видеть! – закричала Мелисса.

- Подожди, дочка, - мягко ответила Хильда. - К ней нельзя.

- Нет, - ее глаза загорелись. - Я хочу ее видеть.

- Ладно, - Хильда сдалась. - Я тебе отведу. Она здесь, на втором этаже.

Они вышли в пустую гостиную и поднялись по лестнице наверх.

- Где все? – хриплым голосом спросила Мелисса.

- Собирают вещи в нашем доме, грузят их в повозку. Мы же скоро уедем отсюда, - тихо ответила Хильда. - А Вергилиан там, с Каролиной.

Женщина толкнула дверь и пропустила дочь внутрь, полутемной комнаты. Кровать стояла около окна, и свет падал на бледное, изможденное, осунувшееся лицо Каролины. Взгляд девочки был устремлен вверх, она, не мигая, смотрела в потолок, лоб покрывала испарина.

Рядом сидел Вергилиан и держал ее слабую руку. Он обернулся, встал, покачал головой

и едва слышно произнес:

- Ничего уже не сделаешь. Я все испробовал. Мелисса, молодец, что пришла.

Она бросилась к изголовью кровати. Исхудавшие, посеревшие руки Каролины лежали вдоль одеяла. Мелисса, едва сдерживая слезы, осторожно дотронулась до нее. Девочка устало перевела на нее взгляд, и в нем появился слабый радостный огонек. Казалось, что он вот-вот утонет в черном, бездонном океане тьмы.

- Мелисса, - прохрипела Каролина с большим трудом. - Прости меня за все! – она с усилием произнесла эти слова и легонько сжала ее пальцы. Прикосновение было холодным, как лед.

- Каролина, милая, мне не за что тебя прощать! Ты спасла меня! Как только ты поправишься, мы вместе уедем отсюда, - слезы уже медленно стекали по ее лицу.

Каролина вымученно улыбнулась и, сделав глубокий хрипящий вдох, снова заговорила:

- Мелисса, я все узнала! Я прочитала те бумаги, которые лежали в твоём портфеле, потом подслушала разговоры родителей. Правда убила меня наповал. Я поняла, в каком страшном обмане мы живем. Поняла, как отравительны и лицемерны люди, меня окружающие, поняла, что только ты была настоящим, живым человеком и очень смелым к тому же, - она прервалась, сильный, грудной кашель заставил ее замолчать. - Я же постоянно следила за тобой. Мне стыдно. Прости, - она снова закашлялась, и лицо ее еще больше посерело. - И вот, вот я все узнала. Я, уже привыкшая вскрывать чужие тайны, поняла, что на День Обретения назначено нечто грандиозное. Я долго размышляла над тем, кто же самый главный? Кто он, предводитель древних демонов? Кто-то же должен быть! Тот, кто постоянно на виду. Нет, думала я, это не мадам Григория, точно! Она слишком откровенна в своем фанатизме. И не мои тупые родители, и не Рэвел. Вдруг меня осенило, - Мадам Стефания! Да, она! Почему она так рьяно защищала тебя? Почему она такая добрая и свободомыслящая вопреки всей школьной системе? Если она такая проницательная, то зачем ей быть директором в одержимой идеями школе?! И вот утром в День Обретения, я раньше всех улизнула из дому, спряталась в школьном саду, дождалась, когда Стефания выйдет из своей хижины, и последовала за ней. Я видела, как она зашла в помещение под сценой. Тогда я забралась на дерево и стала ждать. И не напрасно! Какая-то девочка зашла следом за Стефанией. Я поняла, что, возможно, это ты! Я быстро спустилась вниз, и хотела было сразу проникнуть под сцену, но мне помешали люди, которые прошли мимо. Но я ворвалась туда в самый подходящий момент, - она закашлялась снова. - Прости меня, Мелисса, прости.

- Ничего, ничего, милая Каролина, - она гладила ее по волосам, которые стали еще более тусклыми и безжизненными, и уже рыдала, не сдерживаясь. - Ты спасла меня! Спасла! Прости, что из-за меня ты так сильно заболела. Прости! Прости!

Каролина сжала ее руку и вытянулась на кровати, резко откинув голову.

Мелисса встала и заглянула в ее лицо, оно было недвижимым и спокойным.

- Каролина! – закричала потрясенная Мелисса.

Вергилий с силой обнял ее за плечи и прошептал:

- Мелисса, успокойся, эта девочка через несколько дней вновь родится на земле.

- Нет, - кричала Мелисса. - Она умерла из-за меня! Умерла. Из-за меня!

- Успокойся! Успокойся! – еще тише прошептал он и положил ладонь на ее голову. Мелисса погрузилась в странное оцепенение. Комната закружилась и поплыла, с ног до головы ее окутал мягкий обволакивающий туман, а потом она заснула глубоким сном.

Мелисса приходила в себя еще несколько дней. К ней заглядывали Сара, Моника и все остальные. Они подолгу беседовали, стараясь не вспоминать о недавнем прошлом, и делали вид, что ничего страшного не произошло. Когда девочка почувствовала в себе силы, то сразу же решила прогуляться по городу. Ей пока не разрешалось выходить, но с помощью Сары, которая всегда была готова нарушать запреты, она пробралась-таки на улицу.

Смерть Каролины глубокой тенью легла на ее душу. Она постоянно вспоминала эту девочку, которая отчаянно и смело сломала в себе все преграды и барьеры. Сара же всячески пыталась отвлечь подругу и не дать ей погрузиться в уныние. Едва они вышли на улицу, как Сара сразу же потащила ее на площадь.

- Ты сейчас снова в обморок упадешь, подруга моя, когда увидишь это!

- Что это? – удивилась Мелисса.

- А сейчас, сейчас, - приговаривала довольная Сара и потирала руки.

Они шли знакомыми улицами, и Мелисса с трудом узнавала их. Некоторые дома пугали заколоченными крест-накрест окнами: многие жители города, узнав правду, спешно уезжали. Всюду царило непривычное для Файнд-Тауна оживление. Женщины, мужчины, дети сновали туда-сюда: кто-то красил заборы в другой цвет, кто-то, нагруженный котомками, громко кричал о распродаже своего имущества, а кто-то праздно шатался по улицам, жадно поглядывая на брошенные дома.

- Кажется, я уже готова к обмороку, - заметила Мелисса.

- Нет, ну, ты погоди еще чуть-чуть! Ты просто должна это увидеть!

Они вышли на площадь, и Мелисса не поверила своим глазам! Все пространство от резиденции мэра до самой ратуши занимал огромный шатер. На нем большими буквами было выведено: «Цирк».

Сама же ратуша преобразилась до неузнаваемости: белые стены выкрасили розовой, желтой и зеленой краской, а около входа повесили деревянную табличку с надписью: «Трактир».

- Вот так дела? Откуда все это?

- Ха! – ответила Сара, подражая тете Монике. - Твои земляки решили удариться во все тяжкие. Гляди-ка, как ловко они используют свою свободу! А нового мэра-то так и не выбрали! Но ходят слухи, что им будет вон тот толстяк, видишь его?! Это он трактир открыл! Но это еще не все! Давай подождем немного!

- Ну, давай, - Мелисса равнодушно пожала плечами. Она подумала, что ее уже ничем не удивить. Но буквально через две минуты она поняла, насколько сильно ошибалась! Из дверей новоявленного трактира выплыла мадам Грегория! Она была одета в свое любимое серое платье, а ее гордую голову венчал все тот же пучок седых волос. Классная дама оглядела хищным взглядом площадь и во весь голос закричала:

- Дорогие мои земляки! Не проходите мимо! Заглядывайте к нам, в трактир! Небывалое событие для Файнд-Тауна! Трактир – возможность насладиться вкусными блюдами! Трактир – возможность выпить отличного вина и попробовать местного пива! Трактир – идеальное место для послеобеденного отдыха!

- Видала? – насмешливо спросила Сара.

- Ничего себе?! Как же так? Она же была такой закоренелой поборницей нравственности! А как же фанатичная преданность Альтеру? Куда все это делось?! – воскликнула Мелисса.

- Не знаю, Мелисс, - Сара сплюнула. - Гнилая душа у этой Грегории! Поговаривают, она

собирается замуж за этого толстяка, который открыл трактир! Видимо, хочет стать женой мэра!

- О Господи! – Мелисса схватилась за голову. – Только этого не хватало! Интересно, какое будущее ждет Файнд-Таун? Даже страшно себе представить.

- Уж не знаю, – Сара пожала плечами и громко зевнула. – По крайней мере, этих ваших демонов тут не будет. А Грегория наплодить их уже не сможет. Слишком стара! В таком возрасте у женщин дети уже не рождаются! – и она громко засмеялась, радуясь своей шутке.

Но Мелиссе было не до смеха: мадам Грегория заметила ее. В глазах почтенной дамы она прочитала прежнее неодобрение, смешанное с явным интересом.

- Оно идет сюда, – угрожающим тоном прошипела Сара.

Вот уж точно «оно», – подумала Мелисса и сделала вид, что не замечает приближающейся Грегории.

- Мелисса! Ты или это? – услышала она ее громкий, хриплый голос. Теперь в нем не было прежней властности, скорее – легкая насмешка.

- Ну я, – грубо ответила девочка и встретила с ней взглядом. Та и не подумала отвести глаз.

- Ты на меня обижаешься, девочка моя?! – наигранно всплеснула она руками. – Ну, будет тебе! Я же была одурманена сладкими речами, как все мы тут!

- Охотно верю, – бросила Мелисса и отвернулась. В ее памяти один за другим всплывали все неприятные случаи, связанные с Грегорией. Как забыть все это? Ее придирки во время уроков? Травлю с того самого дня, как она вернулась из Бриф-Коста? Неудавшуюся публичную порку?

- Ну-ну, будет тебе! Ты лучше заходи с подружкой к нам в трактир! Я налью тебе самого вкусного свежего сока и утощу мороженым! А? – мадам Грегория изогнула шею, пытаясь поймать взгляд девочки, а голос ее так и тек сладкой патокой.

- Нет уж, не надо нам, – вmeshалась Сара, и, схватив Мелиссу за рукав, потащила прочь с площади.

- Что это с ней стряслось? – Мелисса недоуменно посмотрела на Сару.

- Уж не знаю, что с ней стряслось, подружка! Но я бы не приняла от нее утешения, даже если бы была голодна, как волк! Так и вижу, как она нам в сокяду подмешивает. Безумная старуха! – отрезала Сара и брезгливо поморщилась.

- Да уж! Один фанатизм в ней сменился другим, но меня она по-прежнему ненавидит!

- Конечно! Ненависть к тебе несколько лет была смыслом ее жизни! Что уж тут! – с видом знатока изрекла Сара.

- Так, девочки, и что мы тут делаем, а? – послышался за их спинами голос Мирты. Обе подруги вздрогнули и медленно повернулись.

- Ээээ, – начала оправдываться Сара. – Ну, мы решили немного проветриться!

- Вижу! Вижу! – улыбнулась Мирта. Мелисса взглядела в ее лицо и заметила, что девушка очень сильно изменилась: печаль, которая снедала ее, кажется, исчезла, – насколько я помню, тебе, Мелисса, было запрещено выходить из дому! А тебе, Сара, – шастать одной!

- Ну, я ж не одна! – быстро проговорила она, – Я ж с Мелиссой.

- Ах ты зараза такая! – Мирта отвесила ей легкий щелбан.

Сара покорно склонила голову и торжественно продекламировала:

- От ваших рук я и смерть готова принять!

Все троим рассмеялись, но потом до Мелиссы дошел смысл слов Сары, они напомнили ей о Каролине. Она помрачнела, смех резко затих.

- Девочки, давайте-ка присядем что ли?! На эту новую чудесную скамью! – проворковала Мирта, пристально вглядываясь в Мелиссу.

Подруги повиновались, и Мирта, выдержав небольшую паузу, сказала:

- Послушай, ты не должна винить себя за смерть Каролины. Эта девочка сама выбрала свой путь! Нет, нет, не спорь со мной! И не перебивай, прошу тебя! – Мирта остановила горячечные возгласы Мелиссы, - Она поступила благородно. Я думаю, в глубине души она даже хотела умереть. А знаешь почему? Ее мир рухнул, и она сама приложила к этому руку. Ее родители, начисто забыв о ней, сбежали. Кроме того, ее мучили страшные утрусения совести за то, что она была такой скверной и издевалась над тобой. А теперь скажи мне, какая судьба ожидала бы ее, если бы она осталась жива? В Файнд-Тауне она бы точно не осталась. Предположим, она поехала бы с нами в Бриф-Кост! Но там она все равно ощущала бы себя бесконечно чужой. Она бы долго мучилась и возможно, уехала бы обратно туда, где ее с самого детства травили темным ядом. Что бы она нашла здесь, в этом городе, который когда-то так безумно любила? Ничего! Он стал бы другим! Чужим! И Каролина, в конце концов, сама бы свела счеты с жизнью.

- Откуда ты знаешь? - тихо спросила у нее Мелисса. - Мирта, почему ты считаешь себя такой мудрой, а? Скажи! И все время изрекаешь всякие пророчества! Неужели тебе в голову никогда не приходило, что и ты можешь ошибаться?!

Мирта усмехнулась и зевнула, откровенно давая понять, что слова Мелиссы ничуть не задели ее:

- В бреду она говорила о многом, Мелисса. Я была рядом, пыталась ее спасти. Я проникла в ее сознание, если что!

Мелиссе стало стыдно за столь резкий выпад. Зачем она так грубо говорила с тем человеком, который потратил столько сил на Каролину?!

- Прости меня, Мирта, пожалуйста! Я сгоряча ляпнула.

- Не прощай ее, эту глупую неотесанную провинциалку, - встряла Сара.

- Ах, девочки-девочки, как же с вами хорошо! - Мирта вытянула ноги и положила руки им на плечи. - Вот вернемся в Бриф-Кост и загуляем!

Через несколько дней наша честная компания выезжала из Файнд-Тауна, чтобы больше никогда туда не вернуться. Город пока еще оставался в анархии, но упорно ходили слухи, что тот самый новоявленный ресторатор вот-вот станет мэром. Впрочем, нашим друзьям уже было все равно.

На первом привале Мелисса прошла прогуляться по лесу. Она вспомнила, что совсем недавно здесь на нее напали темные твари. Смерть духов повлекла за собой и смерть всех подчиненных им существ. Мелисса села на бревно и стала глядеть в тот самый ручеек, в котором умывалась утром после нападения. Тогда же ей впервые предстал Вергилиан. Прошло-то всего четыре месяца, а кажется, что минуло несколько лет. Да, надо будет когда-нибудь написать об этом.

Неожиданно перед ней возник Вергилиан и молча сел рядом.

- Мелисса, я уже восстановился настолько, что могу вернуться обратно, - спокойно вымолвил он.

- А ты не мог вернуться? – недоуменно посмотрела на него Мелисса. Вот так дела!

- Да. Я даже стал опасаться, что мне придется навеки остаться на земле, - беспечно ответил он и сорвал желтеющую травинку.

- Как хорошо, что ты снова в порядке и скоро будешь дома, - натянуто улыбнулась Мелисса. На самом деле, ей совсем не хотелось расставаться с Вергилианом. Она ожидала, что он не покинет их до самого Бриф-Коста.

- Не грусти, Мелисса! – претворяться перед ним было бессмысленно, - Я думаю, мы еще

не раз соберемся вместе!

- Что ты имеешь ввиду? – удивленно воззрилась на него девочка.

- Ну, - он пожал плечами. - Я думаю, когда-нибудь Мирта захочет освободить родной город! До встречи, Мелисса, жду новых рассказов! – он внезапно исчез.

Она так и осталась сидеть, недоуменно глядя по сторонам. Он шутил сейчас или нет? Снова вступать в бой с духами?! Нет уж – дудки! Она улыбнулась и кинула камешек в ручей.

Эпилог

Вот такой вот финал, дамы и господа. Мелисса и ее родители поселились в том же доме, что и Моника. Сара обрела второе дыхание: теперь любимая подружка будет сидеть с ней за одной партой! То-то же они повеселятся! Представляю себе, как они будут учиться!

Виктор продал отцовское поместье и купил небольшой, но уютный домик около моря. И засел писать повесть, сюжет для которой он решил почерпнуть из своей насыщенной жизни. Кстати, поэт не оставляет мысли жениться на Монике, но та не спешит с ответом. Ей и так хорошо!

Вернанд же переехал к Виктору, в просторную мансарду, приобрел добротную лодку и стал заядлым моряком. Раскаявшаяся Беатрис живет неподалеку, она устроилась учительницей в школу квартала Силвер. Друзья частенько встречаются и вспоминают былые времена, мечтательно поглядывая на море.

Мирта квартирует все там же, продолжает писать картины, много читает и частенько навещает свою подопечную. Раз в неделю все наши друзья встречаются дома у Виктора, где проводят веселые вечера, которые затягиваются до самого утра.

Кстати, чуть не забыла упомянуть, что квартала Фэктори больше нет! Когда духи исчезли из Файнд-Тауна – исчезла и их власть над умами рабочих. Бедолаги устроили страшный бунт, разгромив полностью единственный источник своего заработка. Половину рабочих хотели посадить в тюрьму. Но вмешался Виктор. Он предложил мэру переселить всех обитателей Фэктори за город и дать им возможность стать фермерами. Префектура ответила согласием, принимая во внимание заслуги графа перед городом.

Сам проклятый квартал сровняли с землей. Засадили деревьями и кустарниками и вернули прежнее название – «Грин».

Сентябрь 2011 – Август 2013 от Р.Х.

В оформлении обложки использован рисунок Ольги Николаевой,
стихотворения в тексте — Владимира Пейсахова.
